Ссылка на материал: https://ficbook.net/readfic/6962130

Гарри Поттер и глина Эдема

Направленность: Джен
Автор: BrightOne (https://ficbook.net/authors/2095413)
Беты (редакторы): Leitur (https://ficbook.net/authors/139897)
Фэндом: Роулинг Джоан «Гарри Поттер», Гарри Поттер (кроссовер)
Пэйринг и персонажи: Гарри Поттер/Гермиона Грейнджер, Том Марволо Реддл, Альбус Дамблдор, Квиринус Квиррелл
Рейтинг: R
Размер: Макси, 310 страниц
Кол-во частей: 36
Статус: закончен
Метки: Приключения, Волшебники / Волшебницы, Криптоистория, Научное фэнтези, Големы, Фэнтези, Детектив, Вымышленные существа, Учебные заведения, Дружба, Пропущенная сцена, Элементы гета

Описание:
Магический контракт с Кубком Огня заключен, и жизнь Гарри отныне в страшной опасности. Альбус Дамблдор, не желая потерять последнее средство в грядущей битве с Волдемортом, решает принять радикальные меры с тем, чтобы устранить угрозу. Он еще не знает, что этот шаг бросит юного волшебника и его лучшую подругу в самый центр противостояния, истоки которого теряются в глубокой древности и связаны с самим появлением магии на Земле.

Посвящение:
Главным для меня людям в жизни - любимой жене и сыну.

Публикация на других ресурсах:
Разрешено в любом виде

Примечания автора:
Основную жанровую принадлежность можно определить как криптоисторический детектив.
Обложка: https://fanfics.me/images/fanart_o/2019/12/07/4494271575666313.jpg

Чего здесь нет?
- Родомагии и заигрываний с аристократией. Магия - одна на всех.
- Разумной магии. Магия - форма технологии.
- МС. Способности персонажей ими заслужены тяжелым трудом.
- Роялей в кустах. Логика сюжета - прежде всего.
- Стеба, цинизма и неуместного натурализма.

Что здесь есть?
- Тщательно спланированный сюжет.
- Бережное отношение к матчасти и канону.
- Тайны. Много тайн.
- Шифры и загадочные символы.
- Расследования.
- Новая школа магии.
- Новое направление в магических практиках - метрическая магия.
- Романтика и приключения.

Мини-приквел "Цветы для мертвых" - https://ficbook.net/readfic/9038911
Связанная работа "Путешествие на Восток" - https://ficbook.net/readfic/8240094

Первый сторонний драббл-приквел по мотивам "Глины Эдема" - https://ficbook.net/readfic/7829969

Оглавление

Пролог. 23 мая 1945 года

Министр магии Леонард Спенсер-Мун немного помедлил перед тем, как открыть дверь, ведущую в комнату для допросов. Штаб-квартира Второй британской армии в Люнебурге не производила впечатления надежного места для содержания столь важного пленника. Спартанская обстановка, грязный дощатый пол, будничные лица встреченных Леонардом военных — ничто из этого не говорило о том, что в их руках после всех этих лет оказался тот самый человек. Человек, за которым шла нескончаемая охота в среде маглов, но в еще большей степени — со стороны тех немногих волшебников, которые понимали, с кем и чем они имеют дело.

Удивительно, но на сей раз удача улыбнулась именно маглам. Зная о том, какое количество кошмарных преступлений пятнают душу пленника, Леонард с полным основанием опасался, что попросту не успеет добраться до него вовремя. Так бы, вероятно, и произошло, если бы на связь с ним не вышел сам Уинстон Черчилль, с волнением, столь нехарактерным для несгибаемого премьер-министра, сообщивший ему новость о поимке старого врага.

Войдя в кабинет, министр магии сразу понял, что его ждали: должно быть, старина Уинстон позаботился об этом заранее.

— Мистер Спенсер-Мун? — обратился к нему человек в военной форме, протянув руку. — Я капитан Томас Селвестер. Предварительный допрос мы уже завершили, поэтому пленный в вашем распоряжении. Когда вы закончите, доктор Уэллс выполнит осмотр, и мы переправим его в Лондон, где, боюсь, его долго не будут выпускать из виду. Сейчас — самое удобное для вас время.

Присутствовавший доктор кивнул и тоже протянул министру руку, однако от каких-либо комментариев воздержался. Он отошел в сторону и, раскрыв саквояж, стал рыться в нем с нарочито безразличным видом.

— Надеюсь, вы понимаете, джентльмены, что этот разговор абсолютно конфиденциален и не должен воспроизводиться где бы то ни было за пределами этой комнаты? — без обиняков спросил Леонард. — Это более, чем вопрос национальной безопасности. Это вопрос выживания человечества.

Когда собеседники заверили его в том, что имеют полное представление о том, что такое государственная тайна, министр расположился на стуле напротив пленника, который вызывающе смотрел ему в глаза, откинувшись на спинку и скрестив руки на груди. Нераскаявшийся. Военный преступник. Убийца миллионов. Он не заслуживает жизни, но тайна, которую он хранит, — много опасней всего, с чем им доводилось иметь дело до сих пор. И если кто-то сможет воспользоваться ей, погибнет куда больше невинных людей. Возможно, жизнь вообще перестанет существовать. Полностью проигнорировав преувеличенно дерзкое поведение пленного, Леонард приступил к допросу.

— Вы признаете, что вы — рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер?

— Признаю ли я? — скривился пленник. — Да я сам сказал об этом вашим людям еще позавчера, когда нас задержали. Вам следовало бы давать более четкие инструкции подчиненным. Они вначале не хотели мне верить, а потом не знали, что со мной делать.

— Вы понимаете, что ваша песенка спета, Генрих? — не отреагировав на колкость, спросил министр. — После всего, что вы натворили, вас не пощадят. Но, возможно, мы сможем облегчить вашу участь, если вы сообщите нам местонахождение… Вы знаете, о чем я говорю.

— Даже если знаю, я вам ничего не скажу, — усмехнулся Гиммлер. — Да, вы можете прикончить меня, обречь на страшную смерть. Но я готов пройти через нее, чтобы возродиться к вечной жизни. У нас осталось немало сторонников. Меня вернут, можете быть уверены.

Министр пристально посмотрел ему в глаза, но, не увидев в них ничего, кроме фанатичного упорства, пожал плечами и заявил:

— Я мог бы поуговаривать вас, поторговаться, но у меня слишком мало для этого времени, да и, честно говоря, нет никакого желания церемониться с такими, как вы. Капитан Селвестер, подержите его голову. Доктор Уэллс, попробуйте раскрыть ему рот.

— Сыворотка правды! — воскликнул рейхсфюрер. — Как же, наслышан. Я не буду глотать эту дрянь.

— Это не просьба, Генрих, — спокойно ответил Леонард, доставая из внутреннего кармана пиджака небольшой стеклянный флакон. — Ну-ка скажите «а-а-а»…

Гиммлер резко отдернул голову, вырвавшись из рук капитана, и капля сыворотки упала ему на одежду. Затем он перекривился, и с силой сжал челюсти. Что-то хрустнуло под его зубами, и он расслабился, одарив присутствующих торжествующей ухмылкой.

— Проклятье, он раскусил ампулу с цианидом, — с досадой произнес доктор, склонившись над пленником. — В последнее время такие часто попадаются. Нацисты умеют заметать следы.

— Сразу он не умрет, — невозмутимо отозвался министр. — Сыворотка действует быстрей цианида, так что минут пять-десять у нас есть. Держите его голову.

Холеное лицо рейхсфюрера исказилось паникой. Он взвизгнул и сделал яростную попытку освободиться, но на сей раз капитан Селвестер с такой силой обхватил его голову, что у Гиммлера получилось только жалкое трепыханье. Доктор Уэллс вогнал ложку между его челюстей и надавил ее до скрипа эмали. Леонард, не теряя времени, поднес флакон к губам издающего прерывистые хрипы пленника и отправил содержимое ему на язык. Одна, две, три капли. В норме этого достаточно, но в такой ситуации двойная доза не помешает, тем более, что первые симптомы отравления цианидом калия уже давали о себе знать.

— Доктор, у вас есть какой-нибудь антидот? — быстро спросил министр. — Надо замедлить действие яда. Жаль, что я не догадался взять с собой что-нибудь на этот случай.

— Я сделаю ему инъекцию глюкозы, это должно помочь, — отозвался доктор

Уэллс, вновь раскрывая саквояж. — Уж извините, господин рейхсфюрер, стерилизовать шприц некогда. Да и не очень хочется, по правде сказать.

— Что ж, Генрих, теперь я вынужден повторить свой вопрос, — вновь обратился к пленнику Леонард. — Наша разведка установила, что два года назад, 16 октября 1943 года была организована экспедиция Аненербе под руководством Эдмунда Кисса. Нам известно, что она увенчалась успехом, и что пункт назначения находился где-то в юго-восточной части Европы. Где именно? Что конкретно удалось найти?

— Албания, — прохрипел Гиммлер. Его конечности судорожно подергивались, свидетельствуя о надвигающейся второй стадии отравления цианидом. Идеолог германского нацизма был в паре минут от смерти, несмотря на сделанную ему инъекцию. — Леса Албании, к востоку от Тираны. Заброшенное древнеримское поселение…

— Что вы нашли там, Генрих?

— Что мы нашли там? — эхом отозвался рейхсфюрер. — Я не могу сказать. Не знаю. Но… Не властен ли горшечник над глиною?

Через минуту тщетных попыток добиться от него подробностей Генрих Гиммлер забился в конвульсиях и потерял сознание. Спустя еще пять минут доктор Уэллс диагностировал наступление смерти, и капитан Селвестер, вздохнув, сел за составление отчета. Нигде в этом отчете визит министра магии не упоминался.

Часть I. Железная башня

И все люди из праха, и Адам был создан из земли; но по всеведению Своему Господь положил различие между ними и назначил им разные пути: одних из них благословил и возвысил, других освятил и приблизил к Себе, а иных проклял и унизил и сдвинул с места их. Как глина у горшечника в руке его, и все судьбы ее в его произволе, так люди – в руке Сотворившего их, и Он воздает им по суду Своему.

(Сир 33:10-13)

Глава 1. Ритуал

Выходя из совятни, Гарри столкнулся с Дамблдором, по взгляду которого сразу понял, что директор явился сюда за ним. Этого следовало ожидать. После того, как непогрешимый Кубок Огня выкинул его имя, у них еще не было времени, чтобы поговорить наедине. Дамблдору пришлось урезонивать возмущенных директоров Шармбатона и Дурмстранга. Гарри же, пребывавший в обиде и недоумении от агрессивной реакции Рона на его невольное назначение чемпионом Хогвартса, больше ни о чем не мог думать.

Хорошо, что Гермиона посоветовала ему написать Сириусу. Изложив ситуацию на бумаге, Гарри почувствовал, как незримый груз на его плечах будто бы уменьшился вдвое. Сириус что-нибудь придумает. Они непременно все исправят, и Рон наконец поймет, какого дурака свалял, и тогда, может быть…

— Гарри! Так и думал, что найду тебя здесь, — директор Хогвартса улыбался, но взор его по-прежнему излучал тревогу, — у тебя найдется минутка?

— Ну конечно, директор, — отозвался Гарри. — Простите, что заставил себя искать. Мне следовало самому зайти к вам после того, что произошло. Просто…

— Нет-нет, все в порядке. У тебя сейчас хватает забот и без необходимости отчитываться перед руководством школы. Но я все же пришел попросить тебя кое о чем.

Гарри не ответил, только выжидательно взглянул директору в глаза, который отнюдь не спешил переходить к сути дела. Что ему могло потребоваться? Возможно, он хочет попросить о повышенной бдительности или же о сохранении тайны, или… Его размышления были прерваны неуверенным покашливанием Дамблдора: Гарри уже давно не видел его в таком смятении. Казалось, старый маг принимает одно из самых трудных решений в своей жизни.

— Видишь ли, Гарри, — наконец решился Дамблдор, — я всерьез опасаюсь за твою жизнь. Да, знаю, ты и раньше не был в безопасности, и это меня чрезвычайно расстраивает, поскольку школа находится в моем ведении, а я отвечаю за жизнь и безопасность своих учеников. Но сейчас ситуация принимает по-настоящему зловещий оборот, и если с тобой что-то случится… Словом, я не могу этого допустить.

Внутри Гарри все похолодело. Его хотят отчислить из школы! И все ради этой проклятой безопасности! Как будто у Дурслей ему будет лучше. Да у них он вообще рискует спятить и сделать какую-нибудь самоубийственную глупость безо всяких происков врагов. Он уже набрал в легкие воздуха, чтобы выдать пламенную речь о том, что он, конечно же, будет бдителен, осторожен и никуда не сунется без ведома директора, но в этот момент Дамблдор решил продолжить.

— Я намерен… принять меры, но для этого мне нужно твое непосредственное участие.

В голосе Дамблдора слышалось тщательно скрываемое напряжение, как будто он опасался сказать лишнего, но Гарри постарался убедить себя в том, что ему просто померещилось. Конечно, директор Хогвартса при всей своей прямоте

всегда имел как минимум один козырь в рукаве, которым не спешил делиться, но здесь? Чего он мог опасаться? Разглашения бережно хранимой тайны?

— Конечно, я сделаю все, что в моих силах, — неуверенно проговорил Гарри. Смятение директора передалось и ему.

— В таком случае, если тебе не трудно, зайди в мой кабинет ближе к вечеру. Один. Мне понадобится около двух часов твоего времени — Дамблдор натужно выдохнул, как будто только что подписал кому-то смертный приговор, и опустил голову. — Это действительно важно, мой мальчик.

— Конечно, профессор Дамблдор, — недоуменно пожал плечами Гарри, и Дамблдор, кратко кивнув, скрылся в переходе.

Гарри какое-то время в прострации смотрел ему вслед, пытаясь сообразить, в чем, собственно, может состоять это «непосредственное участие». Магический обряд, быть может? Но какой прок может быть с волшебника-недоучки в мероприятии, с которым не может управиться самостоятельно великий чародей? Изрядно дезорганизованный, он вошел в темный переход и двинулся вниз по лестнице.

В гостиной Гриффиндора было на удивление пусто, и Гарри опустился в кресло у камина, откинувшись на спинку. Все шло наперекосяк. Казалось бы, по мере того, как он становится старше, его возможности управлять своей жизнью должны расти. На деле он не только не приобрел способности влиять на свою судьбу, но расстался даже со слабой иллюзией контроля. Все, что с ним происходило в эти годы, казалось, срежиссировано безумным полубогом, тасующим людей и обстоятельства с тем, чтобы подсунуть Гарри очередную сцену и развлекаться, наблюдая за тем, как его подопечный движется по стеклянному коридору, не в силах сделать ни одного самостоятельного выбора. Но это он еще мог бы стерпеть, будь у него надежда на избавление. Увы, ближайшие перспективы таких надежд не внушали, и остатки его веры в правильность и разумность окружающего мира тонули в густом тумане, надвигающемся стеной из грядущего.

— Гарри! — вырвал его из мрачной задумчивости голос Гермионы, приближения которой он, погруженный в тягостные мысли, даже не заметил. — Ты не видел Рона?

— Смеешься? — ответил он. — Он в последнее время и близко не подходит. Вбил себе в голову…

— Так ты из-за этого такой мрачный? Брось, Гарри. Пройдет какое-то время, и дойдет даже до Рона.

— Да Рон тут ни при чем. Просто… Странно как-то все оборачивается в последнее время. Такое ощущение, что я — какая-то вещь, которую одни хотят сберечь, другие — уничтожить, но никто не интересуется тем, чего хочу я сам.

— Ну о чем ты говоришь? — укоризненно возразила она, положив руку ему на плечо. — Мы же никогда не пытались тебя использовать. Мы твои друзья! Рон, конечно, дубина, но и он никогда не стал бы воспринимать тебя, как… вещь.

Взгляд Гермионы лучился такой искренностью и заботой, что его хандра не

выдержала и дала трещину. Против воли он почувствовал, что оттаивает, и его губы расплылись в улыбке. Увидев же ответную улыбку подруги, он отвернулся, чтобы не показать ей, как заблестели его глаза от проступивших слез. Он попытался побыстрее сменить тему.

— Встретил только что директора. Просит зайти к нему сегодня вечером, да еще и непременно в одиночку. Говорит, что мне угрожает опасность, и он хочет принять какие-то меры, представляешь? — он постарался изобразить веселье, но получилось неубедительно.

Гермиону против ожидания это явно обеспокоило. Она нахмурилась, о чем-то задумавшись, а потом спросила:

— Это странно. Если он хочет защитить тебя, к чему требование быть одному?

— Я не знаю. Может, это не совсем законно. Ты сама помнишь, от некоторых видов магии Министерство не будет в восторге.

Она покачала головой.

— Что-то тут не то, Гарри. Не знаю, почему, но меня это беспокоит.

— Ты не доверяешь Дамблдору? Как-то это не похоже на тебя, Гермиона. — Он усмехнулся, но против воли и сам забеспокоился.

Что в самом деле заготовил для него директор? Гарри в последнюю очередь стал бы подозревать Дамблдора в том, что тот намерен причинить ему вред, если бы… Если бы не могло быть обстоятельств, когда иного выбора просто не было. Великий чародей за свою жизнь прошел через многое, и ему неоднократно доводилось терять друзей в страшной изнуряющей войне с Волдемортом и его сторонниками. Что, если его, Гарри, жизнь была способом спасти многих других? Сам он мысленно соглашался с правомерностью такого мотива, но легче ему от этого не становилось. Одно дело — сознательно отдать жизнь ради кого-то, и нечто совсем другое — играть роль беспомощной жертвы на алтаре.

— Я доверяю ему, Гарри, — ответила Гермиона. — Я просто волнуюсь за тебя, вот и все. Давай пойдем вместе?

— Но директор сказал…

— Я надену мантию-невидимку. — Увидев, что Гарри намеревается возразить, она поспешно дополнила: — Нет, Гарри, я не собираюсь ни во что вмешиваться, если только не случится чего-то действительно опасного. Честное слово, не буду. Я просто хочу быть спокойна и не думать потом, что с тобой случилось что-то ужасное, а ты из жалости к нам это скрываешь.

Взглянув ей в глаза, Гарри понял, что одним лишь беспокойством за него дело не ограничивается. Гермиона попросту была заинтригована и хотела знать, в какое новое приключение он вот-вот вляпается. Обреченно вздохнув, он ответил утвердительно, не удержавшись от короткой ироничной улыбки. Он далеко не был уверен, что такой могущественный волшебник, как Альбус Дамблдор, позволит себя провести настолько примитивным способом, но в любом случае не видел ничего дурного в задуманном предприятии. В худшем случае директор просто распознает обман и выставит Гермиону за дверь.

Дамблдор ожидал у двери своего кабинета, и, посмотрев ему в лицо, Гарри не на шутку обеспокоился. Директор, и без того весьма почтенного возраста, казалось, постарел еще лет на десять, и взгляд его выражал смесь тревоги и обреченности. Сейчас он казался не всесильным чародеем, а просто рассеянным немощным стариком. Загнанным. Сломленным.

— Директор, — неуверенно начал Гарри. — С вами все в порядке?

— Все хорошо, Гарри, — вымученно улыбнулся в ответ Дамблдор, и его улыбка погасла с последним сказанным словом. Присутствия Гермионы он так и не заметил. — Пожалуйста, иди за мной.

— Но куда…

— Это недалеко. Нам просто нужно спуститься в самый низ по лестнице.

Тревога Гарри усилилась, и машинально он осмотрелся, пытаясь уловить присутствие невидимой Гермионы. Что происходит вообще? Дамблдор порой любил напустить туману, но так он никогда себя не вел. По мере того, как они двигались в полумраке по лабиринту меняющих положение лестниц и появляющихся из ниоткуда переходов, воздух вокруг становился холоднее и гуще. Привычные звуки Хогвартса почти стихли: даже эхо от их шагов умирало, не успев родиться. От накатившего озноба конечности начинали ощутимо дрожать, и Гарри не был уверен, что один лишь холод тому причиной.

— Э… Директор?.. — нарушил молчание Гарри, когда они вышли на слабо освещенную каменную площадку, которая казалось подвешенной над черной бездной.

— Уже совсем близко, Гарри, — ответил Дамблдор. — Буквально один лестничный пролет.

Это оказалось правдой. Послышался скрежет трущихся друг о друга камней, и в темноте перед ним возникли очертания перил. Движущаяся лестница приблизилась и соединилась с площадкой, на которой они находились, заставив пол под ними задрожать. Они двинулись вниз по ступеням и вскоре оказались в темном и холодном помещении, где в окружавшем мраке угадывались очертания каких-то предметов. Дамблдор поднял руку и щелкнул пальцами. Пространство вокруг озарилось белым светом, исходившим от укрепленных на стенах волшебных факелов.

Оглядевшись, Гарри порядком впечатлился. Обширное круглое помещение было заставлено верстаками и шкафами, набитыми огромным количеством банок, колб и прочей лабораторной посудой, в которой Гарри не мог разглядеть ничего знакомого ему раньше. В нескольких круглых чашах было навалено нечто похожее на высохшие комья красноватой глины, чуть поодаль стояло глиняное изваяние в человеческий рост с весьма схематичной анатомией. Где они оказались? Что это? Место работы какого-то алхимика? Совсем рядом с Гарри шумно выдохнула незримая Гермиона, и он в панике оглянулся на директора: не услышал ли? Но Дамблдор смотрел перед собой отсутствующим взглядом, и, похоже, не придал бы особого значения даже появлению самого Волдеморта с

отрядом Пожирателей Смерти.

— Где мы, профессор Дамблдор? — с благоговением в голосе спросил Гарри.

— Это старая лаборатория профессора Квиринуса Квиррелла, — отозвался Дамблдор. — Сюда никто не заходил с тех пор, как… С тех самых пор.

На ближайшем к ним столе располагалось несколько горшков с напрочь высохшими цветами. Все горизонтальные поверхности покрывал заметный слой странной блестящей пыли, как будто кто-то усыпал лабораторию мелко раздробленными алмазами. В лицо неожиданно подул слабый ветерок с запахом листвы и древесины, откинув нижний край мантии-невидимки с щиколотки Гермионы. Гарри обернулся к ней, изобразив взглядом все, что думает об ее оплошности, и она поспешно запахнула мантию.

— Портал все еще работает, — заметил Дамблдор, шагнув по направлению к центру лаборатории, где располагался небольшой столик со стоявшей на его поверхности керамической чашей. — Пойдем, Гарри.

Когда они подошли ближе, Гарри увидел, что чаша не пуста: до половины она была заполнена бесцветной жидкостью, над которой клубился густой белый пар. Время от времени порыв ветра разгонял его, создавая на поверхности жидкости слабое волнение, но вскоре пар снова сгущался, как будто чаша стояла на медленном огне.

— Одновременно со мной опусти руку в эту чашу, — сказал Дамблдор и, заметив сомнение Гарри, добавил: — Не бойся. Жидкость не причинит тебе вреда. Это всего лишь портал.

Гарри поднял руку, бросив многозначительный взгляд туда, где, по его представлению, должна была находиться Гермиона, и опустил кончики пальцев в жидкость в тот же момент, как это сделал директор. Мир вокруг закружился. Факела на стенах слились в одну ослепительно-белую полосу, комок подкатил к горлу, а затем исполинская сила рванула их сквозь пространство, словно тропический ураган пушинку. Все было таким же, как при путешествии через портал на Чемпионат мира по квиддичу, но заметно тяжелей воспринималось.

Когда беспорядочное кружение прекратилось, Гарри осознал себя сидящим на пожухшей листве в окружении старых дубов, сквозь развесистые кроны которых сверху едва пробивалось вечернее небо. Рядом с собой он успел заметить мелькнувшую руку Гермионы, поправляющей съехавшую во время транспортировки мантию, и его беспокойство несколько улеглось. Меньше всего он хотел бы оставить лучшую подругу застрявшей во мрачных катакомбах Хогвартса. Дамблдор, который уже стоял поодаль, как будто никакого полета через портал не было, обернулся и проговорил:

— Мы почти на месте. Вон цель нашего путешествия. — Он показал на руины какого-то грязно-белого строения, видневшегося за стволами деревьев.

— Но… Где мы, директор? — спросил Гарри.

— Это Албания, Гарри, — ответил Дамблдор. — Храм Творения. Одно из наиболее охраняемых мест с неимоверной концентрацией волшебства, в окрестностях которого не раз происходило много интересного.

— Так это здесь Темный лорд встретился с профессором Квиреллом?
— догадался Гарри.

— Именно так, мой мальчик. Но Волдеморт не смог тогда постичь главный секрет этого места. А вот профессору это отчасти удалось. Пойдем к развалинам. Я покажу тебе это.

— И в чем же состоит секрет? — спросил Гарри, когда они подошли к обвалившемуся входу строения.

— Это место… — начал было Дамблдор, но закончить не успел.

В темном проходе появились очертания массивной человеческой фигуры, и утробный голос, лишенный всяких признаков эмоций, проговорил:

— Квид квэрис?

— Мистериум витэ! — отозвался Дамблдор.

— Квид эст финис? — настаивал голос.

— Глорификамус фигулюс! — твердо ответил Дамблдор.

— Вэни ин, — последовал ответ.

Фигура вышла из проема, и Гарри невольно отшатнулся. Несмотря на то, что солнце уже закатилось, и порядком потемневшее небо обеспечивало лишь слабое освещение, этого было достаточно, чтобы разглядеть стоявшее перед ними существо. Больше всего оно походило на глиняное изваяние, которое они видели в лаборатории Квиррелла. Человекообразная фигура без выраженных анатомических особенностей, со смазанными чертами лица, на котором лишь едва заметно угадывался выступ носа и глазные впадины, шагнула в сторону, освободив проход, и застыла без движения.

— Директор… Кто это? — спросил потрясенный Гарри.

Ничего подобного он не видел и, более того, о таких существах не упоминала ни одна из книг, которые ему доводилось листать в библиотеке Хогвартса. Возможно, Гермиона читала об этом, но она по понятным причинам хранила молчание, и до Гарри доносилось лишь ее участившееся дыхание совсем рядом с его левым ухом — похоже, что, увидев существо, она невольно придвинулась ближе.

— Это глиняный голем, — просто ответил Дамблдор. — Страж Храма. Могущественный и почти неуязвимый для большинства разрушительных воздействий. Ты узнаешь о нем подробней в свое время, если тебе будет интересно, но сейчас, Гарри, нам нужно идти дальше. У нас не так уж много времени. Само наше присутствие снижает защищенность этого места, и будь уверен, в мире хватает сил, жаждущих этим воспользоваться.

Проходя мимо голема, Гарри не на шутку обеспокоился: пропустит ли страж Гермиону? Если он сможет распознать ее и примет за лазутчика… Но голем остался недвижим, и сырая бугристая глина на его поверхности застыла в

состоянии безмятежного покоя. Видеть ожившие статуи и рыцарские доспехи Гарри уже доводилось, но здесь было что-то иное. Какая-то чуждая магия, много более древняя, чем то, с чем ему доводилось иметь дело раньше. Живое это существо или просто волшебный глиняный автомат, лишенный разума и воли? По поведению — скорее второе, и все же…

Додумать эту мысль Гарри не успел: пройдя через темный коридор, они очутились на краю обширного квадратного помещения, в центре которого возвышалось нечто похожее на алтарь. Потолок строения был полностью разрушен, и его фрагменты в беспорядке усыпали каменный пол. Растрескавшиеся стены густо покрывали побеги плюща. Время от времени порыв ветра шумел ветвями деревьев над головами, и тогда сверху планировал десант из сотен пожелтевших листьев, с шелестом падающих на древние камни и накопившийся за сотни лет перегной.

Они прошли дальше и очутились у подножия того, что Гарри принял за алтарь. Вблизи это сооружение представляло собой массивную мраморную плиту с отколовшимися краями и глубокой сквозной трещиной по центру. На плите ровным рядом лежали три неподвижных голема.

— Стой здесь, Гарри, — сказал Дамблдор. — Я сейчас отойду, но ты оставайся на месте, что бы ни случилось, понимаешь? Это важно.

— Хорошо, профессор, — кивнул Гарри. — Но что вы собираетесь делать?

— Тебе не о чем беспокоиться, Гарри. Я просто собираюсь исполнить один обряд. Это очень древняя магическая техника, и, боюсь, она нам дорого обойдется, но зато она позволит сохранить тебе жизнь, если… Словом, в самом худшем случае. Не стану кривить душой, за последние несколько сотен лет, насколько мне известно, этим способом воспользовались лишь однажды, и результаты в конечном итоге оказались не самыми приятными. Я не стал бы прибегать к этому, но твоя жизнь слишком важна для всех нас. Возможно, что ты наш единственный шанс на победу. Темный Лорд вернется, я уверен в этом, и без тебя мы, вероятно, обречены.

Дамблдор обошел алтарь и двинулся к дальней стене. До Гарри доносились незнакомые слова заклинаний, произносимые старым чародеем, и он в который раз за этот день ощутил плотный комок в горле. Конечно, директор обещал, что ему ничего не угрожает, и речь идет о том, чтобы сохранить ему жизнь… Но почему тогда боялся сам Дамблдор? Он ведь действительно боялся, и теперь это стало очевидным. Смятение, рассеянность, блуждающий взгляд: каких последствий мог страшиться сильнейший волшебник своей эпохи? Гарри не мог найти ни одного правдоподобного объяснения. Оставалось только подождать, пока время само не даст ответ на этот вопрос.

Слева послышался шорох, и Гарри машинально вытянул руку, которая наткнулась на ткань мантии-невидимки. Его прошиб холодный пот.

— Гермиона! — зашипел он как можно тише. — Что ты здесь делаешь?! А если на нас двоих обряд подействует неправильно? Отойди в сторону сейчас же!

— Гарри, но я же просто… — послышался в ответ торопливый шепот, чтобы оборваться на полуслове.

И тут он почувствовал. Где-то там, во мраке разрушенного Храма Творения великий чародей Альбус Дамблдор читал ритуальные формулы, повышая голос с каждой фразой, и воздух наполнялся потусторонним звоном, проникающим, казалось, до сердцевины костей. Грудь Гарри сдавило, словно стальным обручем, дыхание перехватило, а в глазах поплыли кровавые пятна. Он попытался вскрикнуть, но не смог издать ни звука.

— Спиритус аутэм карнэс! — нараспев читал Дамблдор, и каждое слово отзывалось вспышкой света в затуманенном взоре Гарри.

— Спиритус витэ ин люто! — загрохотало само пространство, и Гарри упал на колени. Рядом с ним послышался стук упавшего тела. Мантия-невидимка распахнулась, и он увидел Гермиону, которая без чувств лежала рядом с алтарем.

— Фиат витэ! — донесся до него голос Дамблдора, и мир прекратил существование.

Нет, он не утратил сознания: он полностью осознавал себя, мыслил и воспринимал свое существование, но и только. Он даже не мог бы назвать это тьмой, поскольку не видел ничего. Казалось, он забыл о самой способности зрения, как будто ее у него никогда и не было. Он ничего не слышал, даже тишины. И даже ход времени им воспринимался как нечто сугубо умозрительное и не имеющее к нему никакого отношения. Это было пространством чистой мысли, лишенной всей атрибутики физического мира, рафинированной до уровня голой логической структуры безо всяких оттенков чувственного восприятия. «Я умер?», — возникла мысль в том, что Гарри все еще воспринимал своей личностью. Мысль, которую он когда-то счел бы пугающей, не будила никаких чувств и не рождала никаких ассоциаций. «Я не знаю», — сформулировал он ответ спустя неопределенный период безвременья. «Я подожду», — родилась следующая мысль.

Однако долго ждать ему не пришлось. Поток ощущений рванулся в его тело, как морская вода, сокрушившая шаткую плотину, и казался ярче и острее, чем когда бы то ни было. Гарри вскочил на ноги и нос к носу столкнулся с Дамблдором, весь облик которого выражал отчаяние. Проследив за его взглядом, Гарри увидел, как вслед за ним с каменного пола поднимается Гермиона, держа в руке плащ-невидимку. Взглянув в лицо директору, она виновато опустила глаза, но промолчала.

— Мисс Грейнджер, — проговорил наконец директор, — вы даже не представляете, что вы только что сделали. Вы…

Альбус Дамблдор махнул рукой и умолк, опустив голову.

— Профессор, — произнес Гарри, — я знал об этом. Гермиона просто беспокоилась обо мне, поэтому мы решили, что она будет рядом.

Старый чародей обессиленно опустился на массивный кусок мрамора, некогда бывший частью храмового потолка. Он молчал, и это было хуже всего. Чувство вины — одно из самых неприятных состояний, которые Гарри доводилось переживать, и сейчас оно затопило его с головой. Что они с Гермионой только что натворили?

— Теперь у нас почти не осталось ресурсов в предстоящей схватке, — не поднимая голову, ответил Дамблдор на невысказанный вопрос Гарри. — И я не знаю, хватит ли нам…

— Хватит, если я найду способ возобновления запасов, — послышался уверенный голос со стороны входа.

Его обладателя в темноте разглядеть было почти невозможно, тем более, что перед глазами Гарри по-прежнему плавали цветные пятна, но голос… Гарри готов был поклясться, что где-то уже слышал его, и прищурился, пытаясь разглядеть новоприбывшего.

— Ты уже здесь, старый друг? — поднял голову Дамблдор. — Позаботься о них. А нам пора возвращаться в Хогвартс.

— Но директор, — начала было Гермиона, — неужели вы хотите нас тут…

— Простите меня, ребята, — повернулся к ним чародей, поднимая палочку.
— Для вас это будет лучше всего.

— Постойте! — испуганно воскликнул Гарри, отпрянув назад. Он наконец-то понял, чей голос слышал. Но было уже поздно.

— Обливиэйт! — произнес Дамблдор.

А потом была только клубящаяся мгла, неясный блуждающий свет и эхо голосов вокруг.

Глава 2. Пробуждение

Он ждал в безвременьи, и оно не кончалось. Он мог бы сказать, что это длилось долго, но совершенно не ощущал хода времени. Иногда без видимых причин его сознание или подсознание рождало мысли, и он переживал их, как будто со стороны. Одна из мыслей была вопросом «существую ли я?», и он не сразу вспомнил, что такое «я». Когда же все-таки вспомнил, то пришел к выводу, что он, должно быть, не существует, и его это ничуть не обеспокоило.

Потом пришла боль. Боль не была сильной, но выводила из равновесия: что-то острое упиралось ему в спину. Он удивился: значит у него есть спина? Потом удивился тому, что способен удивляться, и внезапно осознал, что нет, он все же существует и даже имеет имя. Его зовут Гарри, и он лежит на холодной и неровной каменной поверхности.

Гарри открыл глаза и сквозь разрушенный потолок Храма Творения увидел небо, по которому ветер гнал кучерявые облака, освещенные рассветным солнцем. Что с ним произошло? Он помнил, как стоял рядом с каменным алтарем вместе с Гермионой, когда их накрыло волной странной магии Дамблдора, и потом… Потом было безвременье, полное отсутствие чувств и мысли, возникающие из ниоткуда.

Он попытался встать, и все тело пронзила боль. С трудом Гарри повернулся на бок, и только тут осознал, что на нем нет ни клочка одежды. Альбус Дамблдор оставил его в Храме Творения. Одного. Голого. Все еще не осознав произошедшего, он поднял взгляд и увидел, что рядом с ним лежит что-то темное и массивное, очертаниями схожее с человеком. Гарри протянул руку, чтобы коснуться его пальцами, но тут же отдернул ее. Это был голем — один из виденных им на алтаре, и он, Гарри, лежал рядом с ним. Но где другие два? Быть может, магия Дамблдора пробудила их, и теперь они рыщут по Храму, готовые расправиться с непрошеными гостями? Директор сказал, что они почти неуязвимы, и значит сразить их будет много сложнее, чем тролля, которого запустил в Хогвартс профессор Квиррелл, одержимый Темным Лордом. Даже если бы у него при себе была палочка.

Сзади послышался шорох, и он рывком обернулся, едва не упав от боли, пронзившей все еще непослушное тело. Позади него с алтарной плиты пыталась подняться совершенно голая Гермиона, опираясь на дрожащие руки. Когда она взглянула на него, ее глаза расширились, и она отпрянула:

— Гарри! Почему ты… — И только тут она осознала, что с одеждой у нее дела обстоят ровно так же. Попытавшись прикрыться руками, что ей удалось лишь в небольшой степени, она завопила: — Отвернись сейчас же! Не смотри на меня!

Остолбеневший Гарри поспешно отвернулся, но громким шепотом отозвался:

— Гермиона, тихо! Они могут услышать!

— Кто может услышать? — она сползла с плиты и принялась обшаривать взглядом интерьер храма в надежде отыскать если не одежду, то хотя бы какую-то ее замену. — Что вообще произошло? Я помню, как профессор Дамблдор начал какой-то ритуал, а потом…

— Я помню то же, что и ты. — Гарри спрыгнул на пол, почувствовав, как острый осколок мрамора впился ему в левую стопу, и прихрамывая двинулся к груде нанесенных ветром веток в намерении соорудить себе что-нибудь способное прикрыть наготу.

Осторожно покосившись на Гермиону, он увидел, что она уже занята тем же самым, укрепляя на поясе свежую ветвь дуба при помощи длинных стеблей чего-то похожего на плющ. Его взгляд не остался незамеченным.

— Не смотри! — возмущенно воскликнула Гермиона, махнув в его сторону рукой. — Вот уж не думала, что ты из таких.

— Прости, — поспешно отворачиваясь, отозвался покрасневший Гарри. — Я нечаянно.

Когда он копался в груде ветвей, пытаясь найти хоть что-то сохранившее достаточное количество листьев, послышался звук шагов. Гарри прислушался. Кто-то быстрым и уверенным шагом двигался к ним от входа в Храм, и это определенно не был голем. Может быть, это профессор Дамблдор вернулся за ними? Может, тут произошла катастрофа, и он ходил за помощью? Гарри тихо окликнул Гермиону и застыл, не спуская глаз с темного прохода, по ступеням которого уже скользили первые солнечные лучи, проникшие сквозь пролом в верхней части противоположной стены. Им овладело смутное беспокойство, и оно не было связано с приближавшимся человеком. Что-то неправильное было в том, что он видел, но он никак не мог понять, в чем дело. Задумавшись об этом, он едва не пропустил момент, когда незнакомец показался в проходе.

— Уже очнулись? — послышался насмешливый голос, и его обладатель вышел на свет, прищурившись, когда лучи солнца скользнули по его лицу. — Я принес вам одежду. Едва успел: не думал, что она понадобится двоим.

Гарри остолбенел. Даже Гермиона, на несколько мгновений забыв о стыдливости, во все глаза смотрела на вошедшего, прежде, чем в панике метнулась за бесформенную мраморную глыбу, присыпанную пожелтевшими листьями. Не узнать этого человека было нельзя. Длинная черная мантия, кривая ухмылка, фиолетовый тюрбан на голове… Когда Гарри в последний раз видел профессора Квиринуса Квиррелла, тот со страшными ожогами умирал в подвале Хогвартса рядом с зеркалом Еиналеж, и шансов остаться в живых у него не было.

— В чем дело? Надеюсь, вы не подались в нудисты? — нарушил молчание Квиррелл, подходя ближе и разворачивая сверток, который держал в руках. — Ваша одежда, мисс Грейнджер. А это — ваша, мистер Поттер.

Глядя на Квиррелла, невозможно было сказать, что когда-то он был безвольной оболочкой Темного Лорда. Стоявший перед ними маг лучился силой и здоровьем, в его глазах не было и тени отчаяния загнанного зверя, которая порой мелькала во взгляде того, прежнего преподавателя Защиты от темных искусств. Казалось, он возродился и прожил жизнь заново, исправив все фатальные ошибки себя прежнего. Но как такое может быть?

— Вы же мертвы, — тихо сказал Гарри. — Я помню, как вы умирали!

— Не совсем так, — возразил профессор. — Но позвольте мне объяснить все

позже. Здесь не следует долго находиться.

— Нет уж, будьте добры объясниться сейчас, профессор! — воскликнула Гермиона, которая отчаянно пыталась натянуть мантию непривычного покроя, не показываясь при этом из-за своего импровизированного укрытия. — Тот-Кого-Нельзя-Называть…

— Лорд Волдеморт мертв, мисс Грейнджер, — перебил ее Квиррелл. — Однако я уверен, что рано или поздно он снова воплотится, и к этому моменту мы должны быть готовы. И, что важно, вы к этому должны быть готовы, в особенности Мальчик-Который-Выжил — если, конечно, он желает выжить и на этот раз.

— Профессор, что у вас на затылке под тюрбаном? — без обиняков спросил Гарри, проигнорировав колкость. Он уже полностью облачился, и теперь стоял перед Квиррелом, глядя ему в глаза.

На лице Квиррелла снова появилась кривая ухмылка, и он сделал шаг вперед, заставив друзей невольно отступить.

— А вы как думаете, мистер Поттер? — иронично спросил он. — Моя порядком поредевшая шевелюра, очевидно. Этот тюрбан достался мне в награду за то, что я…

— … Избавили от зомби какого-то африканского принца, — закончил за него Гарри. — Да, я помню. Вот только ни слову в этой истории не верю. Я видел, что скрывается у вас под тканью.

— В самом деле? — поднял бровь Квиррелл и принялся разматывать свой головной убор, беспечно мурлыкая под нос что-то из Вагнера.

Гарри замер, краем глаза отметив, что Гермиона уже полностью оделась и направляется к нему, не отрывая настороженного взгляда от профессора. Квиррелл стащил с головы последние полоски фиолетовой ткани, под которыми оказались аккуратно уложенные черные волосы. Затем профессор картинно развел руки и не спеша повернулся спиной. Волосы на затылке и впрямь начали редеть, но больше ничего экстраординарного там не наблюдалось: обычный затылок обычного человека.

— Теперь вы удовлетворены? — с неприкрытой насмешкой в голосе спросил профессор. — Если у вас больше нет ничего срочного, то прошу вас все же последовать за мной.

— Извините, профессор Квиррелл, но мы лучше подождем возвращения директора, — возразил Гарри. — Я не знаю, каким чудом вы смогли выжить, но после того, что я видел, у меня нет оснований доверять вам… Даже если сейчас вы не под контролем Темного Лорда.

Квиррелл тяжело вздохнул и посмотрел на Гарри с выражением бесконечного терпения на лице. Потом, не говоря ни слова и не обращая ни малейшего внимания на враждебные взгляды Гарри и Гермионы, принялся заново сооружать тюрбан на голове. Только сейчас Гарри обратил внимание, что ткань заметно отличалась от той, которую он запомнил: по краям фиолетовой полосы сверкали вплетения золотой нити, а на внутренней стороне мелькнула вышитая той же золотой нитью надпись, которую он разобрать не успел. Закончив,

Квиррелл поднял на них взгляд и будничным тоном сообщил:

— Дамблдор за вами не придет. Он вообще, полагаю, не придет сюда в обозримом будущем. И вы оба не вернетесь в Хогвартс — уж точно не раньше, чем от Волдеморта и его Пожирателей Смерти останутся одни воспоминания. Впрочем, даже тогда для этого не будет особого смысла. Я позабочусь о том, чтобы вам было, где жить и где учиться, я обеспечу вам достойный уровень безопасности, но и только. Вас ждет новая жизнь, и уверяю вас, у нее немало преимуществ перед прежней.

Гермиона, вспыхнув, выбежала вперед, вырвав руку у пытавшегося ее удержать Гарри.

— Да о чем вы говорите?! Мне не просто нужно вернуться в школу, у меня осталась семья, которая меня ждет! Я не знаю, что думал директор…

— Уж поверьте, директор все продумал. А вам, мисс Грейнджер, и вовсе не на что жаловаться: вы по собственной инициативе встряли в эту историю. Идите за мной, а по дороге я все объясню. — Квиррелл, не дожидаясь утвердительного ответа, развернулся и пошел к выходу. — Правда, вряд ли вы будете в восторге от этого объяснения.

Гарри, одарив Квиррелла мрачным взором, двинулся за ним. По дороге он взял за локоть Гермиону и взглядом попросил следовать за профессором. Гермиона, все еще вне себя от возмущения, снова вырвала у него руку и пошла впереди, стараясь поспеть за быстрым шагом Квиррелла. Гарри в недоумении от импульсивного поведения подруги только хмыкнул и поспешил следом. «И что это с ней? Неужто злится, что я ее на секунду голой увидел?» Покачав головой, он решил оставить всякие попытки анализа ее поведения, и переключился на более простой и насущный вопрос.

— Профессор Квиррелл, мы идем за вами, но я все еще жду объяснений. Как вы смогли выжить? Как смогли избавиться от Волдеморта? Почему Дамблдор бросил нас в этих руинах?

Квиррелл издал короткий смешок и замедлил шаг. Обернувшись, он мельком бросил взгляд на Гарри, и выражение его лица последнему понравилось куда меньше, чем сам факт появления старого врага. Встречаться с недоброжелателями Гарри было не впервой: семейство Дурслей сделало все, чтобы это стало для него нормой жизни. Но впервые человек, который, по идее, должен желать ему смерти, смотрел на него с выражением острого сострадания.

— Ну что ж, — наконец произнес профессор и снова замедлил шаг, позволив ребятам нагнать его, — начнем с того, что мне нетрудно было выжить, потому что я никогда и не был при смерти. И одержим Темным Лордом тоже не был. Мистер Поттер, мы с вами никогда раньше не встречались. Человек, которого вы помните под именем Квиринуса Квиррелла… Это был не я.

Нельзя сказать, что Гарри был чрезвычайно удивлен: чего-то подобного он и ожидал. Но одно дело — услышать такое объяснение от директора, которому он всецело доверял, и совсем другое — от вероятного врага, который уже не раз вводил его в заблуждение.

— Вы хотите сказать, что кто-то использовал оборотное зелье, чтобы выдать себя за вас? — недоверчиво спросил Гарри, припомнив свое собственное приключение с перевоплощением в Грегори Гойла.

Квиррелл лишь покачал головой и невесело улыбнулся. В животе у Гарри появилось нехорошее чувство, в горле встал комок. Почему-то возникла уверенность: что бы там ни готовился сказать профессор, пережить это будет нелегко, и Гарри не торопил Квиррелла с ответом. Они прошли сквозь дверной проем, рядом с которым все так же стоял без движения глиняный голем. В ярких лучах утреннего солнца он уже не казался настолько угрожающим, как прошлым вечером, но Гарри все равно постарался отодвинуться в сторону, проходя мимо.

— Мы не знаем доподлинно, кем и когда построен Храм Творения, — продолжил Квиррелл, — но в этом месте мы можем перевоплощать личность человека в голема. И не просто личность. Меняется структура голема, причем на самом глубинном уровне, и он становится копией этого человека, практически неотличимой от оригинала — за исключением ран, увечий и следов перенесенных болезней. Это своего рода способ обрести бессмертие… Если только не забывать, что речь идет о создании копии, а не о переселении душ. В этом, собственно, и состояло исходное назначение големов, насколько мы смогли выяснить. Конечно же, Темный Лорд искал это место, как и многие до него. Впервые за сотни лет Храм был обнаружен в ходе одной из экспедиций, организованных нацистами в период Второй мировой, однако воспользоваться им они не успели, да и не знали, как.

— Так преподавателем Защиты от темных искусств был голем с вашей личностью? Вы это имеете в виду? Но зачем?..

— Я всю сознательную жизнь потратил на изучение утраченного знания и был первым за долгий срок, кому удалось воплотиться в големе. Но мне помешали. Я не знал, что в момент проведения мною обряда дух Волдеморта тщетно пытался взять под контроль тело того же самого голема. Что получилось в результате, вы уже видели — моя искалеченная копия. Благо я успел предупредить Дамблдора, когда она вернулась в Хогвартс, будучи носителем личности Волдеморта. Надо отдать должное директору: он воспринял это на редкость спокойно и ничем не выдал, что знает тайну… Мне же с этого момента путь в Хогвартс был закрыт.

Гарри лишился дара речи. Слова профессора поразили и Гермиону, которая недоверчиво посмотрела на него попыталась возразить:

— Дамблдор знал об этом? Но почему же он допустил…

Квиррелл только отмахнулся.

— Чтобы Волдеморт утратил бдительность и выдал свои планы, а заодно и возможных союзников, конечно же. Старина Альбус — кто угодно, только не наивный простак, и крайне редко совершает стратегические ошибки. К несчастью, одну из них он все же совершил сейчас благодаря вам, мисс. Не думайте, что он жесток и склонен играть человеческими судьбами — это не доставляет ему удовольствия. Просто этот человек так и не вернулся с войны: все происходящее вокруг для него — часть боевых действий, каким бы мирным ни казалось время. Он планирует на много шагов вперед, и оттого его решения

могут порой показаться безжалостными.

— Ну хорошо, допустим, мы вам поверим, — неохотно проговорил Гарри, — но как со всем этим связан я? Зачем директор привел меня сюда и оставил… на ваше попечение?

Квиррелл остановился, посмотрел на Гарри и тяжело вздохнул. По выражению его лица Гарри мог бы предположить, что профессор Квиррелл собирается диагностировать у него четвертую стадию рака. Он уже хотел задать прямой вопрос, но сдавленное восклицание Гермионы заставило его обернуться. На лице подруги читались чистейший ужас и понимание.

— Я вижу, мисс Грейнджер уже осознала. Так и думал, что из вас двоих она умнее, — без особых церемоний заметил Квиррелл.

— Да что такое, черт возьми?! — взорвался Гарри. — Что вы имеете в виду?

Но он все понял еще до того, как Квиррелл сказал хоть слово. Да и как было не понять? Поведение Дамблдора в Хогвартсе, ритуал, оборвавший цепь его воспоминаний, пробуждение на каменном алтаре, где из трех големов остался только один…

— В нашем распоряжении было три неактивных голема, — ровным тоном начал профессор, — и одного из них Альбус Дамблдор решил сделать хранилищем вашей личности, мистер Поттер, на тот случай, если оригинал будет уничтожен Волдемортом. Вот только в ритуал вмешалась мисс Грейнджер, так что мы лишились двух големов, каждый из которых — величайшая ценность. Директор после проведения ритуала вернулся в Хогвартс с двумя учениками, которым стер память о визите в Храм, а мне поручил позаботиться о копиях. То есть о вас. Сожалею.

Гарри молчал. Он не мог найти слов, да и не пытался: чувство было такое, как будто его сбросили со скалы на камни. Можно привыкнуть к ударам судьбы, отбирающей у него одно за другим то, что он любил и считал самым дорогим в жизни. Он лишился родителей до того, как получил шанс узнать их. Он лишился нормального детства, проведя свои ранние годы в безумной семейке Дурслей. В прошлом году он был готов лишиться Хогвартса, а потом и самой жизни. Но на этот раз…

На этот раз он лишился самого себя, и это было хуже всего. Помнить все, ощущать себя прежним Гарри, но при этом с полной ясностью понимать, что его прошлая жизнь ему уже не принадлежит, это было даже не больно — подходящего слова в его лексиконе просто не находилось. В смятении он оглянулся на Гермиону и, увидев на ее лице отражение тех же чувств, вдруг понял, что ей-то хуже вдвойне. Она не была сиротой, а своих родителей лишилась только сейчас. Ей еще никогда не доводилось быть никем.

— Но, профессор, — выдавил он из себя внезапно севшим голосом, — это же… Этого не может быть… Это же я. Я помню все, и я…

Но он не верил тому, что говорил, и Квиррелл, судя по невеселой кривой ухмылке, прекрасно это видел.

— Мистер Поттер, на вас нет очков, но готов поклясться, со зрением у вас все в

порядке. А добравшись до любого зеркала, вы легко убедитесь, что ваш знаменитый шрам на лбу отсутствует. Я не пытаюсь ввести вас в заблуждение, и чем раньше вы прекратите заниматься самообманом, тем быстрее адаптируетесь к своей новой реальности.

Гарри опустил голову и выдохнул. Сказать было нечего: Квиррелл не лгал, и как ни странно, Гарри был благодарен ему за прямоту, пусть и сдобренную оттенком цинизма. Но дело не только в нем одном. Он повернулся к Гермионе и посмотрел ей в глаза, чтобы увидеть, как гаснет в них последняя надежда на то, что это какой-то идиотский розыгрыш, и он, Гарри, сможет дать всему вменяемое объяснение. Она помотала головой, всхлипнула и сделала шаг назад. Потом еще один.

— Гермиона… — произнес Гарри, еще не зная толком, что хочет ей сказать.

Она развернулась и со всех ног побежала ко входу в Храм Творения, где по-прежнему виднелось застывшее изваяние стража.

— Гермиона, осторожно! — крикнул он. — Голем!..

Если страж отреагирует на бегущую девушку, как на попытку нападения… Одного удара будет достаточно, чтобы покончить с Гермионой. Гарри и без того потерял сегодня слишком многое, чтобы лишиться еще и последнего близкого человека на планете. Он рванулся было следом, но в этот момент на его плечо опустилась рука.

— Не волнуйтесь, — спокойно отозвался Квиррелл, — голем ее пропустит. Однако теперь нам придется возвращаться за мисс Грейнджер. Многовато проблем создает ваша подруга, надо сказать.

— Я схожу за ней, профессор, — сказал Гарри. — Пожалуйста, подождите здесь, иначе… Будет дольше.

Квиррелл пожал плечами, но спорить не стал. Он вздохнул, прислонился к ближайшему дереву спиной и скрестил руки на груди, глядя, как Гермиона, напрочь проигнорировав стража, вбежала в здание. Гарри кивнул профессору и побежал следом за ней.

Гермиону он нашел рядом с алтарем. Она сидела на полу, обхватив колени руками и уткнувшись в них лицом. Ее плечи вздрагивали от рыданий, и, глядя на девушку, Гарри вдруг ощутил, как его накрывает с головой волна черной ненависти. Чувство было настолько сильным и всеобъемлющим, что Гарри поначалу даже не понял, кто являлся его объектом. Он ненавидел Волдеморта, по чьей вине были разрушены жизни огромного количества людей: магов и маглов. Он ненавидел Дамблдора, который заманил его сюда, даже не объяснив в своей вечной манере того, что его ждет. Он ненавидел Квиррелла за его холодный рационализм и трезвомыслие. Все это было верно — но только отчасти. Больше всего он сейчас ненавидел себя — за то, что не мог ничего сказать, ничего сделать, чтобы его подруге не было так больно.

Поэтому он просто молча сел рядом и взял ее ладонь в свою. Гермиона подняла руку, и Гарри подумал, что она снова попытается отмахнуться от него, но вместо этого она подвинулась ближе и обняла его обеими руками, доверчиво уткнувшись заплаканным лицом ему в грудь.

— Гермиона… — тихо произнес он, погладив ее по волосам, — ты напрасно так… Знаешь, ты — все еще ты. И я — все еще я. То, что есть теперь очень похожие на нас люди, ничего не значит.

— Гарри, — очень тихо, почти шепотом, произнесла она, — я теперь никогда не увижу своих родителей… своих друзей. Они для меня теперь все равно, что умерли. Как я могу теперь показаться там? Дамблдор ведь неспроста не взял нас обратно в Хогвартс. Он не хотел, чтобы Темный Лорд знал о существовании копий.

Ощутив, как она снова затряслась от рыданий, Гарри бережно прижал ее к себе и осознал, что сам глотает слезы, изо всех сил стараясь не разрыдаться вслед за Гермионой. Он глубоко вдохнул, попытавшись успокоиться.

— Ты увидишь своих родителей, — как можно более уверенным тоном сказал он, стараясь, чтобы его голос не дрогнул, и с удивлением отметил, что сам начинает верить в сказанное им, — ты по-прежнему их дочь. Когда все это закончится… Когда мы победим Волдеморта, мы оба сможем вернуться. Неужели ты думаешь, что твои родители будут меньше любить тебя лишь потому, что у тебя теперь есть сестра-близнец?

Она ничего не сказала, но терзавшие ее рыдания постепенно стихли. Гарри больше ничего не говорил, и через какое-то время Гермиона осторожно высвободилась из его объятий.

— Пойдем, Гарри, — сказала она. — Узнаем, какую новую жизнь приготовил для нас профессор Квиррелл.

Странное дело, но им больше не владело глубокое чувство утраты, с которым он пришел к плачущей Гермионе. Слезы приносят облегчение, он знал это, но сомневался, что именно они сейчас были причиной изменений в его мировосприятии. Почему-то Гарри не хотелось это анализировать, как будто он боялся спугнуть нечто важное, что ощутил только недавно. Лучше оставить невысказанным этот момент истинной реальности — более истинной, чем вся жизнь фальшивого Гарри Поттера.

Профессор ждал их у входа, и по выражению его лица нетрудно было догадаться, что он почти утратил терпение. Когда они подошли ближе, Квиррелл резко развернулся и повел их прочь от руин в направлении стоявшего неподалеку мощного древнего дуба с темным дуплом, зиявшим на уровне груди.

— Одновременно со мной коснитесь задней стенки дупла, — скомандовал профессор и, дождавшись, когда они подойдут ближе, протянул руку в темноту.

Когда тошнотворная круговерть прекратилась, Гарри осознал себя сидящим на траве. Вокруг по-прежнему росли деревья, но это уже не был тот дремучий лес Албании, который они только что покинули. Не было это похожим и ни на одно место близ Хогвартса, на что, впрочем, Гарри и не рассчитывал. Поднявшись на ноги, он помог встать Гермионе и повернулся к профессору.

— Где мы теперь? — спросил он.

— Кленцепарк, — отозвался тот. — Мы сейчас в черте Ингольштадта, в

Германии. Теперь какое-то время нам придется идти пешком.

Он махнул рукой в направлении группы белых замковых башен, видневшихся из-за деревьев, приглашая следовать за ним. Они приняли приглашение и вскоре, пройдя полосу, усаженную деревьями, оказались на обширном поле, до сих пор покрытом густой зеленой травой, несмотря на сезон. Квиррелл повернул направо и повел их к пешеходному мосту, не обращая внимания на удивленные взгляды редких прохожих, которыми те одаривали путешественников в непривычных для маглов одеяниях.

— К слову, как у вас с немецким? — внезапно спросил профессор.
— Большинство жителей здесь понимают ваш родной язык, но вы здесь надолго, так что…

— Я знаю немецкий, — спокойно ответила Гермиона.

Гарри пришлось признаться, что с этим языком у него дела обстоят плохо, и пообещать как можно быстрее его освоить, в ответ на что Квиррелл издал неопределенный звук, в котором явственно слышалось сомнение. Когда они ступили на железный настил пешеходного моста, он пояснил:

— Донауштег. Наверное, почти в каждом городе есть что-то подобное: мост, куда наведываются влюбленные, чтобы оставить символ своего союза.
— Квиррелл указал на перила, сплошь покрытые навесными замочками, и отчего-то этот чуждый Гарри город стал ему капельку ближе и понятней.

Должно быть, что-то подобное ощутила и Гермиона: Гарри увидел, как обреченность в ее взгляде на секунду сменилась теплотой, а губы тронула легкая улыбка. «Любовь — универсальный язык», вспомнилось ему. Этот язык понимают все… Все ли? На каком языке можно договориться с такими, как Волдеморт? Понимают ли они хоть какой-то язык, кроме языка грубой силы?

Сойдя с моста, они пересекли пролегавшее по берегу шоссе и оказались на пустынной автостоянке рядом с белым средневековым замком, башни которого Гарри увидел за деревьями сразу после прибытия в город. Никакой готической изысканности: отвесные белые стены, прямые линии, скаты крыш ясно давали понять, что назначение замка — надежная оборона, и его строителям было не до высокой эстетики.

— Нойе Шлосс, — с мрачной торжественностью провозгласил Квиррелл, остановившись. — Новый Замок. Мы практически на месте, осталось лишь спуститься в Сумрак.

— Спуститься куда? — недоуменно спросил Гарри.

Квиррелл, не удостоив его ответом, сделал шаг вперед, огляделся, развел руки в стороны и произнес неожиданно низким голосом:

— Иллюминати интрабит хик!

Гарри показалось, что все вокруг окуталось дымом, но это было не так. Воздух остался чист, только успевшее высоко взойти солнце внезапно снизило свою яркость, как будто на него наложили гигантский светофильтр. Теплый осенний день пропитался прохладой, и наступила мертвая тишина: ни пения птиц, ни

шума машин, ни выкриков дорожных рабочих у обочины шоссе. Не было и самого шоссе: очертания города заметно изменились. Вокруг них располагалась группа зданий, архитектура которых мало напоминала строения современного Ингольштадта, — скорей уж модернизированные дома XIX века.

Но самое впечатляющее изменение произошло с Новым Замком. Он стал шире, обзавелся рядом бастионов, а в его центре теперь возвышалась гигантская башня, уходящая в небеса. Она больше, чем потрясала, — она устрашала и давила на психику своей непомерной громадностью. Сохраняя общие архитектурные черты с остальной частью замка, башня имела и свои собственные особенности. По всей высоте она была укреплена металлической арматурой, тускло поблескивавшей в свете солнца, что придавало ей одновременно древний и футуристичный облик, схожий с потерпевшим крушение миллионы лет назад звездолетом пришельцев.

Гарри перевел взгляд на изменившийся вход в замок. Теперь по обе стороны от него стояли статуи в три человеческих роста, выполненные в античном греческом стиле. Одна изображала женщину в тоге с шипастой диадемой на голове — она держала над входными ступенями факел, горящий призрачным синим огнем, и здорово напоминала Статую Свободы в Нью-Йорке. Вторая — могучий мужчина, тоже с факелом, образующим скошенное перекрестье с факелом женщины и полыхающим ярким оранжевым пламенем.

— Геката и Прометей, — сказал профессор Квиррелл, когда они подошли к ступеням. — Символизируют союз магии и технологии.

— Но что это за… организация? — спросила Гермиона, когда они прошли под факельной аркой и поднялись ко входу. — Я никогда не читала ни о чем подобном.

Квиррелл ухмыльнулся, сделал приглашающий жест в сторону высокой, обитой черненой сталью двери, и произнес:

— О нет, вы о ней читали, мисс Грейнджер, и предостаточно. Добро пожаловать в Академию техномагии Айзентурм, высшее учебное заведение ордена Иллюминатов.

Примечание к части

Глава опубликована в годовщину выхода в Великобритании книги "Гарри Поттер и Кубок огня" (8 июля 2000 года), с начальных событий которого начинается фанфик.

Иллюстрация: http://www.sarin.website/static/figures/arc/eisenturm_final.jpg

Глава 3. Айзентурм

При взгляде на человека, сидевшего перед ними, Гарри ощутил, как где-то внутри у него пронесся мимолетный холодок страха. Он понимал, что чувство это иррационально: обращенный на него взор лучился интересом и дружелюбием, но вот все остальное… Адам Вейсгаупт, как представился глава ордена, когда они зашли в его кабинет, по всем признакам уже давно не имел возможности самостоятельно перемещаться. В то, что осталось от его тела, вели десятки трубок, по которым циркулировала бледно-зеленая жидкость, заменявшая кровь, а стальные крепления фиксировали его в вертикальном положении. Белое, почти прозрачное лицо казалось навеки застывшей посмертной маской, но при этом создавало впечатление скрытой силы неясной природы.

— Мой вид, должно быть, ужасает вас, дорогие гости? — спросил Вейсгаупт. — Увы, но мы до сих пор не смогли найти иных путей к бессмертию, а достопочтенный Фламель не пожелал раскрыть нам секрет философского камня, несмотря на то, что мы неоднократно предлагали ему взамен всестороннюю поддержку и членство в ордене. За две с половиной сотни лет мое природное тело окончательно утратило способность поддерживать свое существование, поэтому я вынужден использовать это…

Он обвел взглядом оборудование, окружавшее его со всех сторон, и погрузился в молчание. Выждав с полминуты, Квиррелл нетерпеливо кашлянул, вырвав Вейсгаупта из страны грез.

— Да-да, — отозвался тот. — Я прошу простить старика за склонность предаваться воспоминаниям. Просвещенный Квиррелл, вы уже рассказали нашим неофитам об ордене и академии?

— Только в общих чертах, просвещенный Вейсгаупт. У нас было не так много времени.

— Что ж, тогда я предлагаю вам показать нашим юным гостям главные помещения Башни и дать им возможность провести остаток дня в их комнатах или спокойно прогуляться по окрестностям. Столь резкая смена обстановки, не говоря уже о… недавних событиях, наверняка приводит их в смятение.

Квиррелл согласно кивнул, и все трое, попрощавшись с главой ордена, вышли за дверь.

— Так странно, — сказала Гермиона. — Я читала, что орден иллюминатов был уничтожен еще двести лет назад. Конечно, ходили слухи, что они уцелели и теперь держат в подчинении все правительства мира, но как можно доверять бульварным газетам?

На лице Квиррелла появилось привычное снисходительное выражение, которым он встречал любое заявление, казавшееся ему наивной глупостью. Поприветствовав проходившего мимо улыбчивого мужчину средних лет в старомодных квадратных очках, он с интонациями терпеливого воспитателя в детском саду принялся рассказывать:

— Если вы помните прочитанное, мисс Грейнджер, вскоре после официального

учреждения ордена он был запрещен властями, а членство в нем каралось смертью. Все, что оставалось ареопагу… так здесь называют руководящий совет организации, — это уйти в глубокое подполье, объявив о распаде братства. Что вскоре и было сделано. С тех пор орден имеет статус тайной организации. Однако байки о скрытой власти над миром, как вы верно подметили, — просто бульварщина, не имеющая отношения к действительному положению вещей. Организация имеет много более серьезные и глобальные цели, нежели заурядная политическая власть, и одна из этих целей — образование. Академия Айзентурм — ядро ордена, его главный проект. К слову, перед вами — главный холл башни.

Они вышли из коридора в просторное и светлое прямоугольное помещение с выставленными по периметру креслами. Редкие окна не могли обеспечить достаточного количества света, тем более, что окружающий пейзаж, погруженный в Сумрак, казался мрачным и даже призрачным. Свет исходил от потолка, и, подняв взгляд, Гарри был так потрясен, что с минуту стоял, раскрыв рот. «Живой» потолок не был для него в новинку: в Хогвартсе он уже видел такое, но само содержание… Над главным холлом Айзентурма в установившемся гравитационном равновесии парила двойная звезда, заливая все вокруг оранжевыми и голубыми лучами. Гарри как будто очутился на поверхности неведомой планеты, и теперь не мог оторвать взгляд от ленивых протуберанцев, скользивших по поверхности звезд подобно исполинским огненным змеям.

— Нравится? — послышался сзади голос. Обернувшись, Гарри и Гермиона увидели того самого мужчину в очках, которого только что встретили в коридоре. Он с беспечной улыбкой смотрел вверх, запустив пятерню в спутанные кучерявые волосы. — Моя идея. Эта пара звезд реально существует: бело-голубой гигант спектрального класса B1 и оранжевый гигант класса K0. Мы дали им имена…

— Геката и Прометей? — перебила Гермиона, тут же смутившись. — Простите.

Мужчина рассмеялся и согласно кивнул, отчего его очки сползли на нос.

— Вы уловили идею. Кстати… Профессор Макс Вернер к вашим услугам, — представился он. — Я ваш преподаватель естествознания: эти занятия будут проходить совместно с учениками-маглами.

— Маглами? — удивился Гарри, и, спохватившись, представился. Гермиона последовала его примеру.

— Совершенно верно, мистер Поттер, — вмешался в разговор Квиррелл.
— Примерно треть всех учеников Айзентурма представлена маглами и сквибами. Есть они и среди профессорского состава. Мы берем лучшее от обоих миров. Согласитесь, было бы неправильно игнорировать одаренных учеников лишь только потому, что они не обладают способностями к волшебству.

— Но… Статут секретности…

— Да, мистер Поттер, это проблема, — ответил профессор Вернер. — Одна из главных причин, почему Айзентурм находится в состоянии холодной войны почти со всем остальным магическим миром. Иллюминатов уважают, побаиваются, но при этом лишний раз стараются не вспоминать о самом нашем

существовании. Мы и не настаиваем. Тем не менее, было бы неразумным афишировать наше существование всему миру — время для этого еще не пришло, поэтому лишь немногие из маглов поставлены в известность. Мне выпала такая честь около десяти лет назад.

Распрощавшись с профессором Вернером, они миновали главный холл и двинулись по широкому коридору вдоль ряда учебных аудиторий. Интерьер академии производил на Гарри двойственное впечатление. С точки зрения эстетики он был безупречен. Помещения, оформленные в классическом античном стиле, с колоннами, фресками, барельефами и мраморными статуями, радовали глаз и создавали общее ощущение торжественности. Чувствовалась принадлежность к высшей магической лиге: могущество и богатство ордена не вызывали сомнений. Сама же возможность видеть эту красоту в деталях без посредства очков делала поток восприятия многократно ярче и острее. Гарри даже не подозревал, насколько много значит для человека полноценное зрение, пока не ощутил этого непосредственно. Следовало признать, что даже с учетом масштабов потери пилюлю ему подсластили основательно.

Но при всем этом Гарри не хватало толики веселого хаоса, которая была во всем, что касалось его родного Хогвартса. Живые портреты, книги, способные укусить за палец, лестницы, менявшие свое положение непредсказуемым образом, и — кто бы мог подумать? — даже полтергейст Пивз при мысли о них вызывали острый приступ ностальгии, особенно сильной оттого, что не было особой надежды увидеть все это вновь. Конечно, Гарри был сиротой, однако Хогвартс давно стал ему настоящей семьей. Теперь же он снова лишен корней, и ничто более не связывает его с прежней жизнью, кроме двух человек, которые были сейчас рядом с ним. Странно, если подумать. Формально ни с одним из них он не встречался до сегодняшнего утра. С ума можно сойти, размышляя об этом.

— Профессор, — спросил Гарри, чтобы отвлечься от причиняющих боль воспоминаний, — а как вы-то здесь оказались? Насколько я помню, раньше вы были преподавателем магловедения в Хогвартсе.

— Ну, с иллюминатами я знаком уже давно, — отозвался Квиррелл. — Их заинтересовали мои исследования големов — здесь это одно из приоритетных направлений, и они сами вышли на контакт. Вначале я не принял их предложения о вступлении в орден, но после встречи с Волдемортом в Храме Творения особых вариантов у меня не оставалось.

— Вам нравится тут? — поддержала разговор до сих пор хранившая молчание Гермиона. — Знаете, тут как-то… Тихо. Все очень внушительно и красиво, но какая-то холодная атмосфера. Как будто в музее. Я хочу сказать… Это же школа все-таки. Где собирается много детей, там всегда шум и беспорядок.

— Подождите окончания занятий, — криво улыбнулся Квиррелл. — Малолетние оболтусы с первых курсов еще заставят вас горестно вздыхать об этой тишине. Однако доля правды в вашем замечании есть. В Айзентурме не поощряется коллективизм. Здесь воспитывают одиночек, способных жить и сражаться без чьей-либо помощи. Это не официальная политика ордена, просто так уж сложилось. Многое из того, к чему вы привыкли, здесь отсутствует. Ни чемпионатов по квиддичу, ни общих спален, ни празднования Рождества.

— Здесь не играют в квиддич? — возмущенно вскинул брови Гарри. Игра настолько плотно вошла в его жизнь, что он с трудом представлял себе учебный

процесс, лишенный таких маленьких жизненных радостей. — Помнится, вы говорили, что наша новая жизнь будет иметь какие-то преимущества перед прежней.

— И это правда. Но она не будет немножко улучшенной версией старой. Впрочем, если одиночество вам в тягость, могу обрадовать: столовая у нас общая. Кстати, вот она, — проговорил профессор, заводя их в еще одно просторное помещение, заставленное рядами обеденных столов. — Время ужина еще не настало, но, думаю, вы уже умираете с голоду. Шутка ли: ни разу не есть в своей жизни!

Гарри болезненно дернулся при этом нарочитом напоминании о его происхождении, но, посмотрев на безмятежную ухмылку профессора, решил не придавать этому значения. Квиррелл не пытался его задеть: он искренне не понимал, что такого ужасного в положении Гарри и Гермионы, поэтому с легкостью острил по этому поводу.

Они расположились недалеко от окна, из которого открывался прекрасный вид на Дунай — впечатляющий даже в Сумраке, хотя и вызывающий странное ощущение неправильности. Эльф, который накрывал им на стол, напомнил Гарри об освобожденном им год назад Добби, и это воспоминание снова болезненно отозвалось у него внутри. Он, помрачнев, отвернулся к окну, и в этот момент сообразил, что ему показалось настолько неправильным в этом пейзаже. Гарри смотрел на него с высоты десяти этажей, не меньше. Но он точно помнил, что за все время, проведенное в башне, они ни разу не видели ни одной лестницы, кроме нескольких ступеней крыльца.

— Профессор, — обратился он к Квирреллу, кивнув в направлении окна — как мы оказались на такой высоте?

— Я все ждал, когда вы спросите, как такое пространство умещается на одном этаже, — усмехнулся Квиррелл, отрезая полоску от шницеля. — Это работа просвещенной Цао Шу, она будет вести у вас курс метрической магии. Она настоящий гений в том, что касается работы с пространством и временем. Кстати, Сумрак — тоже результат применения этого раздела колдовского искусства, но его волшебники иллюминатов создали еще в XIX веке, чтобы окончательно решить проблему сохранения тайны.

Квиррелл принялся рассказывать об особенностях магии иллюминатов. Гермиона слушала его с таким интересом, что периодически забывала жевать, да и вообще, особого аппетита не проявляла. Гарри — напротив, быстро доел свою порцию, отчего его стало клонить в сон, поэтому объяснения профессора он слушал вполуха. Он откинулся на спинку кресла, делая над собой усилие, чтобы не задремать. В этот момент по всему помещению пронесся звук мелодичного гонга, за которым послышался нарастающий гул голосов в коридоре. Двери в столовую отворились, впустив ораву учеников самого разного возраста: самые младшие из них были лет восьми, не больше. Большинство из них носили мантии того же покроя, что и нынешние одеяния Гарри и Гермионы, однако хватало и учеников в повседневной одежде: как видно, академия не настаивала на жестком соблюдении традиций.

Внимание Гарри привлекли четверо ребят близкого ему возраста — две девушки и двое юношей, — которые разместились за соседним столом, разложив перед собой газету, судя по всему — магловскую, и принялись бурно обсуждать какую-

то заметку. Гарри не понимал ни слова, но Квиррелл и Гермиона явно заинтересовались.

— Что там такое? — спросил Гарри, дав себе мысленное обещание освоить немецкий язык в кратчайшие сроки.

— Очередное ритуальное убийство в городе на прошлой неделе, — помолчав, ответил профессор. — Кажется, нашли какой-то след.

— Очередное?

— Четвертое по счету в этом году. Странная история, между прочим: Ингольштадт — тихий город, здесь и бытовые-то убийства случаются редко. А тут вдруг такое… — Что-то во взгляде Квиррелла говорило о том, что для него это больше, чем просто городское происшествие, пусть и ужасное.

— Что же там странного? — полюбопытствовал Гарри.

— Все убийства произошли в полнолуние, причем все жертвы остались целы и невредимы. Ни ран, ни ушибов, ни признаков отравления — как будто они просто умерли на месте. Судмедэксперт предположил, что использован очень мощный контактный яд нервно-паралитического действия, но такое сложно достать за пределами оборонных лабораторий. Тем более, что на политические убийства это совершенно не похоже: жертвы никогда не лезли в политику, не проходили свидетелями по громким делам и вообще ничем особенным, похоже, не выделялись. Думаю, никто не догадался бы, что речь идет именно о серии убийств, если бы каждый из убитых не был обнаружен в центре нарисованного на земле рунического пентакля. Если вас интересует мое мнение, их вначале обездвижили заклятием, а потом прикончили старой доброй Авадой или чем-то аналогичным. Убийца — маг, вот, что странно.

— Помня о Том-Кого-Нельзя-Называть, сложно счесть это странным, профессор, — серьезно ответила Гермиона. Краем уха она продолжала слушать разговоры учеников за соседним столом.

— Само по себе — да, маги, как и любые другие люди, время от времени становятся убийцами, — без привычного сарказма в голосе отозвался Квиррелл. — Однако это Ингольштадт. Это всецело наша территория. Здесь немного магов, не принадлежащих ордену, и мы знаем всех. Никто из них всех убийств совершить не мог.

— Не будьте так уверены в этом, просвещенный Квиррелл, — с загадочной полуулыбкой произнесла проходившая мимо молодая женщина в синей мантии. — Если маг целенаправленно избегает внимания ордена, у него это может долго получаться.

— Познакомьтесь с просвещенной Эльзой Фриз, — сказал Квиррелл, — она будет вести у вас теоретическую историю и клиометрию.

— Историю магии? — неуверенно спросила Гермиона, переводя взгляд с Квиррелла на женщину и обратно.

— Нет, историю в целом, — ответила Эльза Фриз. — При всем уважении, мир не вращается вокруг одних лишь магов. Я сама — магл. Однако я преподаю больше,

чем просто историю, и на моих занятиях вы узнаете об этом подробней. В частности, мы будем изучать движущие силы истории, ее самые общие законы. И знание этих законов говорит мне, что недооценивать противника во все эпохи было самым легким рецептом поражения. Не совершите этой ошибки, профессор Квиррелл. Постарайтесь учесть и такую возможность, которую вы сейчас отметаете.

— Но все же, коллега, согласитесь, что прилагать массу усилий, скрываясь от нашего внимания, и тут же радостно выдавать себя с головой серией явных убийств с использованием магии, даже не сделав попытки замести следы — хотя бы уж воткнув в жертву нож после проведения обряда — это как-то плохо увязывается вместе, — рассудительно заметил Квиррелл. — Может и не следует сбрасывать эту возможность со счетов, но вероятность у нее — так себе.

Эльза Фриз пожала плечами и отошла к столику ребят, все еще обсуждавших предполагаемую личность убийцы. Перекинувшись с ними парой слов, она бросила взгляд в сторону Гарри, снова загадочно улыбнулась и направилась к выходу.

— Значит убийца — иллюминат? — спросил Гарри. — Я не жалуюсь, но мне кажется, что профессор Дамблдор вряд ли действительно беспокоился о моей безопасности, отправив меня в учебное заведение, по которому бродит маньяк, владеющий магией.

Это соображение спровоцировало у Квиррела обычное для него саркастическое умонастроение — он склонил голову набок, натянув на лицо кривую ухмылку.

— Если сравнить с бродящим по коридорам троллем, василиском или оборотнем, не так уж и страшно, мистер Поттер, согласитесь. Тем более, что все убийства совершались в городе, а Дамблдор и вовсе не знал о результатах нашего расследования.

— Дамблдор? — послышался голос у него за спиной. — Профессор Квиррелл, зинд зи нойлинен аус Хогвартс?

— Говорите по-английски, Эрика, — обернулся Квиррелл к улыбающейся круглолицей блондинке, — ваш новый однокурсник пока не освоил немецкий. Да, это Гарри Поттер и Гермиона Грейнджер из Хогвартса. Большинство предметов они будут изучать вместе с вами.

Эрика махнула рукой оставшимся за столом сокурсникам, чтобы они присоединились. Гарри же заинтересовало последнее замечание профессора.

— «Большинство предметов»? Некоторые вещи нам изучать не позволят?

— Не говорите глупостей, мистер Поттер. Вы теперь полноправный ученик академии, и ничего от вас скрывать не будут. Просто, знаете ли, учебная программа Айзентурма во многом отличается от той, по которой обучались вы. Сюда принимают с восьми лет, хотя практические занятия магией начинаются позже. Так что официально вы зачисляетесь на седьмой курс, но в области артефакторики, одной из важнейших дисциплин Айзентурма, вы, боюсь, просто ноль, и вам придется ходить на эти занятия вместе с третьекурсниками, да еще и брать дополнительные уроки, если хотите нагнать остальных.

Между тем, надежды Гарри после ужина направиться в свою комнату, чтобы перевести дух и все как следует обдумать, рассеялись, как дым. Вопреки заверениям Квиррела о том, что Айзентурм не поощряет коллективизм, четверо ребят, которые недавно с жаром обсуждали убийство в городе, полностью переключились на новоприбывших, с горящими глазами осыпая их градом вопросов и запоздало представляясь.

— Это правда, что в замке Хогвартс творится сущее безумие? — любопытствовал светловолосый юноша, представившийся Карлом, прическа которого не оставляла сомнений в том, что он испытывает слабость к субкультуре аниме. — Ну там полтергейсты, привидения, живые книги и все такое?

— И что, вам удобно летать на метлах? Как вы на них вообще держитесь? — округлив глаза, интересовалась их новая знакомая Эрика.

— Вы всерьез изучаете астрологию? — спрашивала Хироко, красивая миниатюрная японка, кототорая, судя по светившимся обожанием взглядам со стороны Карла, была основной причиной его присутствия в компании. — Она же не работает!

— Я слышал, недавно у вас там организовали какой-то самоубийственный турнир… Ваших учеников действительно подвергают смертельному риску? — с озабоченным видом хмурил брови высокий спортивный парень по имени Курт. — Зачем такое делать?

Вопрос «зачем» явно или неявно присутствовал во всем, что спрашивали у них новые сокурсники. Они старались быть деликатными, но их вежливое недоумение не оставляло простора для сомнений: магический мир за пределами Айзентурма вообще и Хогвартс в частности они считали царством самого настоящего варварства, где сообщения передают посредством сов, хотя давным-давно изобретены телефоны и компьютерные сети.

Гарри, как мог, попытался объяснить им причины такого положения дел, но очень быстро понял, что большинство его объяснений сводится к отговоркам вроде «по историческим причинам», «такова традиция» и «всегда так было». Нельзя сказать, что он никогда не задавал таких вопросов сам себе, однако уже давно приучился воспринимать положение дел в своей альма матер как должное, поэтому чувствовал себя неловко, и это ощущение только росло под непрекращающимся огнем из недоуменных вопросов и скепсиса, впрочем, вполне доброжелательного, новых приятелей.

Квиррелл, который, развалившись на своем стуле, откровенно веселился над попавшим в оборот Гарри, в какой-то момент счел, что первый этап адаптации к коллективу Гарри и Гермиона благополучно прошли, поэтому поднялся из-за стола, вытащил откуда-то из недр мантии два конверта и бросил на стол.

— Здесь ключи от ваших комнат: четыреста шестнадцать и четыреста семнадцать. Там же немного денег на текущие расходы, если пожелаете выбраться в город. Думаю, ребята не откажутся провести вас в жилой корпус.

Гарри заглянул в свой конверт, действительно обнаружив странно мерцающий стальной ключ и пачку банкнот, в которых узнал обыкновенные немецкие марки. Как видно, тесная интеграция Айзентурма с миром маглов предполагала и единую валюту, и надо признать, это было не в пример удобней архаичной

денежной системы магической Британии. Когда профессор удалился, к их столику подсели тихая веснушчатая девушка с рыжими волосами и юноша выраженной индийской внешности. Гарри, взглянув на них, внутренне содрогнулся, ожидая возобновления допроса с пристрастием, но в этот момент положение спасла Гермиона.

— А расскажите нам подробней, что это за история с убийствами в полнолуние? — попросила она.

Собравшиеся, сменив тему, принялись с воодушевлением, на каждом шагу перебивая друг друга, пересказывать то, что друзья уже услышали от Квиррелла, и Гарри наконец-то смог перевести дух. Гермиона, лукаво улыбнувшись, тихо шепнула ему на ухо «Не благодари!», и он тоже не смог сдержать в ответ улыбки. Подумать только: еще этим утром произошедшее казалось ему катастрофой, а к вечеру он уже обзавелся новыми друзьями, возможностью освоения редких видов магии и, вероятно, перспективой нового приключения.

Уловив идею Гермионы, он принялся задавать вопросы: с одной стороны, это и само по себе полезно, с другой — перестал чувствовать себя неотесанной деревенщиной, объясняя, что да, черт возьми, они действительно тратят время на заботу о магических тварях Хагрида, и нет, это не очень помогает совершенствовать им навыки волшебства. Ученики Айзентурма охотно рассказывали об учебе в академии.

В частности он узнал, что квиддич здесь не особенно популярен, но небольшой клуб любителей этой игры все же есть, только метлы здесь не в ходу. Для полетов обычно используется укрепленное за плечами приспособление, которое за неимением лучшего термина обычно именуется «крыльями», хотя оно больше похоже на панцирь черепахи, нежели на крылья. Гарри это новшество показалось восхитительным, так что он мысленно добавил еще одну строчку к списку дел первой необходимости — при возможности освоить новую технику полетов.

Когда он уже готовился подкинуть ребятам новый вопрос, его взгляд вдруг наткнулся на Гермиону, которая с теплой улыбкой наблюдала за его политикой общения. Показалось ли ему, или она в самом деле смотрит на него иначе? Почему-то сама мысль об этом имела эффект болеутоляющего, но где-то на задворках сознания ухмылялся маленький скептик с лицом профессора Квиррелла, давая ему понять, что нет, с Гермионой все по-прежнему, — это он сам воспринимает ее по-другому. Он тряхнул головой, чтобы прекратить этот приступ самокопания, и вновь переключился на беседу.

Пока еще не стемнело, их вывели во двор, провели по улочкам той части города, которая находилась в Сумраке, попутно объяснив, что в Айзентурме это поселение называют пара-Ингольштадтом, и перемыли кости всем преподавателям, начиная с Квиррелла. Гарри поймал себя на мысли о том, что испытывает удовольствие от возможности просто общаться с учениками без вечного соперничества между факультетами, гонки за баллами и постоянных нападок со стороны таких, как Драко Малфой. Может быть, со временем эта рафинированная атмосфера ему и наскучит, но сейчас он нуждался в чем-то подобном. Вот только это несколько навязчивое внимание со стороны Хироко и все более мрачные взгляды Карла…

— А я все же думаю, что это просвещенная Штейн, — в задумчивости произнесла Эрика.

— О чем ты? — недоуменно спросил Гарри.

— Ритуальные убийства, — пояснила она. — Тут уже все говорят, что убийца — кто-то из академии, и я уверена, что это Зельда Штейн, она ведет у нас чары.

— Не говори глупостей! — вдруг накинулся на нее до сих пор скромно молчавший индиец, которого вроде бы звали Саран. — Она неспособна никого убить, ты же знаешь. Она вообще ничего плохого никому не делает, и к тому же…

— Да-да, — насмешливо перебила его Эрика, — мы все знаем, что ты от нее без ума. Но кто еще? Она постоянно выбирается в город со страшно таинственным видом: зачем ей это? А помнишь, что она сама нам рассказывала в самом начале учебного года? О магии крови и жертвоприношениях в древних магических культах.

— Чепуха! — взорвался Саран. — Я тоже часто хожу в город, мне там нравится. Ты просто ненавидишь ее за то, что она тебя на пересдачу гоняла, вот и несешь чушь!

— Полегче, Саран, — вмешался Курт, одарив индийца ледяным взглядом. Тот хмуро посмотрел в ответ, но ничего не сказал.

— А почему вы думаете, что убийца — непременно преподаватель? — вдруг спросила Гермиона, когда они вошли на территорию жилого комплекса башни. — Тут же сотни учеников. Старшекурсник вполне мог бы использовать непростительное заклятие.

— Но зачем это может понадобиться ученику? — не желала отказываться от любимой теории Эрика. — Шалостью это сложно назвать. Да еще и в полнолуние… А все просвещенные помимо того, что преподают, занимаются собственными исследованиями. Какое-нибудь из них вполне могло быть связано с древними кровавыми ритуалами.

Гермиона ничего не ответила, однако по ее взгляду было очевидно, что соображение Эрики показалось ей не слишком убедительным. Она бросила озабоченный взгляд на Гарри, и Гарри понял его значение. Здесь что-то назревает, говорил этот взгляд, что-то темное и опасное, и мы неспроста здесь. Он постарался, чтобы его собственный ответный взгляд был спокойным и уверенным, но вряд ли преуспел.

— Вот ваши комнаты, — сказал Курт, остановившись у закругленной части стены.

Попрощавшись с ребятами и Гермионой, Гарри отпер дверь комнаты номер четыреста шестнадцать ключом, который получил от Квиррелла, и, уже заходя внутрь, услышал, как Хироко тихо спрашивает Гермиону:

— А вы с Гарри просто дружите, или?..

Он остановился и прислушался изо всех сил, но ее ответ так и не смог

расслышать.

Глава 4. Поединок

Последующие недели в академии напоминали попытку угнаться за набирающим скорость школьным автобусом. Гарри удваивал и утраивал прилагаемые усилия, донимал преподавателей дополнительными вопросами во время занятий и после них, до глубокой ночи штудировал учебники и тематические веб-ресурсы во внутренней информационной сети Айзентурма, но все равно чувствовал себя безнадежно отстающим. Пока он с трудом осваивал одну тему, другие ученики успевали благополучно ее завершить и переключиться на следующую. Туго приходилось даже Гермионе, несмотря на то, что усваивала новый материал она быстрее его, и помнила изученное лучше.

Конечно, никто не ждал от него трудовых подвигов с первых же дней учебы. Профессора относились с пониманием к положению, в котором он оказался, и даже положительно оценивали результаты его усилий, а от Гермионы и вовсе были в восторге. Однако Гарри прекрасно понимал, что все эти похвалы — подобны восхищению от действий «умной» обезьяны, научившейся набирать номер на телефоне: вполне искренние, но обусловленные лишь заниженными ожиданиями, а не объективно высокими показателями.

Незнание немецкого языка в разы усугубляло проблему. Вот и сейчас Гарри пытался сосредоточиться на словах профессора Крюгера, которые оперативно переводил на английский приставленный к нему эльф Перки. Сосредоточиться было откровенно тяжело, и отнюдь не только из-за гнусавого голоса последнего и его вольного обращения с грамматикой обоих языков. Еще хуже было ощущение неполноценности и чувство вины оттого, что бормотанье эльфа может мешать остальным — пусть даже никто ни разу не пожаловался. А тут еще и Гермиона, бросающая озабоченные взгляды на «жестоко эксплуатируемых», как она выразилась на днях, эльфов.

— Мистер Поттер, что вы можете сказать о разнице между зачарованным предметом и магическим артефактом? — внезапно обратился к нему профессор по-английски, должно быть, по-своему интерпретировав кислое выражение его лица.

Он подскочил, но тут же попытался собраться и выпалил то, что ему недавно довелось читать по этой теме:

— В зачарованном предмете структура носителя не имеет значения, а сам предмет — всего лишь контейнер для наложенных на него чар, которые и выполняют всю полезную работу. Магический артефакт отличается тем, что магия дополняет или модифицирует его структурные особенности.

— Хорошо, мистер Поттер, — одобрительно кивнул профессор Крюгер. — А чем от них обоих отличается магическая материя?

— Это… Я не помню, профессор, — стушевался Гарри. — По-моему, я еще не добрался до этого раздела.

— Да, эта тема будет подробней изучаться нами в следующем семестре. Просто я надеялся, что вы запомнили, о чем говорилось на позапрошлом занятии. Ну хорошо. Садитесь, мистер Поттер.

Гарри, вздохнув, плюхнулся на стул и опустил голову. Он не мог запомнить даже половины из того, что слышал через посредство Перки, и, вероятно, дело тут было даже не в произношении эльфа. Просто нагрузка превосходила все, к чему он привык, обучаясь в Хогвартсе. Конечно, по-своему приятно учиться в элитной школе магии, приобретая знания и умения, о которых другие могут только мечтать. При одном условии: если совершенно не жаль самооценки. За прошедшее время у него сложилось устойчивое впечатление, что буквально все вокруг, как преподавательский состав, так и ученики, смотрят на него с плохо скрываемой жалостью. Даже от палочек, которые наскоро изготовили для них с Гермионой, он ощущал эманации снисходительного отношения: палочка будто бы делала ему одолжение, отзываясь на заклинания.

— Так вот, магической материей, — вновь заговорил профессор, — у нас принято называть любой однородный состав, каждая частица которого представляет собой самостоятельный артефакт. Если угодно, это магический аналог нанотехнологий — направления, которое сейчас интенсивно развивается маглами. А если более конкретно, одного из типов нанотехнологий — клэйтроники. Однако, как я уже сказал, это материал следующего семестра, поэтому сейчас мы с вами перейдем к практическим вопросам конструирования простых артефактов. Пожалуйста, раскройте учебники на сорок шестой странице.

Следующие два часа занятий по артефакторике они провели, пытаясь создать простой магический инструмент: молоток, усиливающий удар. Гарри вначале удивился, сочтя, что такой инструмент скорей соответствует понятию зачарованного предмета, но его иллюзии были моментально развеяны: требовалось совместить взаимодействие нескольких магических контуров, каждый из которых отвечал за свою собственную функцию, будь это прогнозирование движений хозяина, фиксация в пространстве или масштабирование момента импульса.

Львиная доля времени ушла на предварительные расчеты, причем главная сложность состояла в том, что профессор Крюгер даже и не подумал проверять результаты.

— Лучшей и самой наглядной проверкой окажется конечный результат ваших усилий, — заявил он с самого начала. — В реальной жизни никто не будет контролировать ваши действия на каждом шагу. Поэтому важно, чтобы вы с самого начала освоились с простой идеей: ошибка в уравнении — это не просто низкая оценка на экзамене, а то, что может стоить вам жизни. Конечно, в этой лаборатории вам будет трудно нанести себе настоящий вред: я установил предостаточно защитных механизмов. Однако расслабляться все равно не советую.

Предупреждение лишним не оказалось: первые же попытки перейти от расчетов к собственно конструированию сопровождались вскриками пострадавших, получивших вместо усиления удара усиленный отскок. У Гарри результат его кропотливой работы при первом же испытании вырвался из рук, пронесся через всю лабораторию и с грохотом впечатался в стену, по счастью никого не задев. В сущности, близкий к оптимальному результат получили только трое учеников, в число которых входила Гермиона. Последняя, впрочем, особенно обрадованной не выглядела: артефакторикой они занимались вместе с третьекурсниками, на четыре года отстав от сверстников.

— Фреда и Джорджа бы сюда, — сказала она с грустными нотками в голосе, когда занятие окончилось, — они были бы в полном восторге. Почему в Хогвартсе так мало внимания уделяют изготовлению артефактов?

— В Хогвартсе все иначе, — пожал плечами Гарри. — Здесь вот не преподают прорицание, например.

— И хорошо! — с чувством произнесла Гермиона. — А плохо то, что здесь, как и во всем остальном магическом мире, эльфов считают гражданами второго сорта. Пользуются плодами их труда и при этом ни пфеннинга не платят им за работу! Подозреваю, что если бы жертвами тех ритуальных убийств становились не люди, а эльфы, никто б даже не почесался.

Гарри только махнул рукой, не желая ввязываться в старый спор о правах и свободах добровольных рабов. Он до сих пор никак не мог для себя решить, нравится ли ему эта склонность подруги занимать активную социальную позицию по вопросам, которые не стоят и выеденного яйца. С одной стороны, неравнодушие Гермионы ему импонировало, выдавая в ней увлекающуюся натуру и при этом — личность, способную к состраданию. С другой стороны, нередко ее поведение выходило за пределы всякого здравого смысла. И почему Распределяющая шляпа не отправила ее учиться в Когтевран, интересно? Все задатки налицо.

Следующим занятием в этот день была боевая магия, вел которую не кто иной, как сам Квиринус Квиррелл. Сразу после поступления в Айзентурм Гарри опасался, что здесь они тоже окажутся в числе отстающих, однако, как выяснилось, занятия по предмету начинались как раз с седьмого курса, и на них бывшие ученики Хогвартса, с первых же своих занятий изучавшие защиту от темных искусств, чувствовали себя не в пример уверенней.

Лекций как таковых профессор Квиррелл не читал вовсе, если не считать кратких напутствий перед очередным практическим занятием и разбором ошибок впоследствии. Собственно, и лекционной аудитории не было: занятия проходили в помещении, больше напоминавшем основательно захламленный боксерский ринг непомерных размеров. Выделенную для поединков зону ограничивали четыре металлических столба с наложенными на них телекинетическими чарами и чем-то еще, в чем Гарри так и не разобрался. Все это требовалось для замедления неизбежных в ходе тренировок падений и ограничения других видов урона. Пространство ринга было заставлено металлическими коробами, которые имитировали препятствия и укрытия в реальном мире.

Со всеми этими особенностями ученики ознакомились еще на предыдущих занятиях, и на сей раз Квиррелл без лишних разговоров приступил к дуэльной практике.

— Фрейлейн Шпильберг! Проследуйте на арену. — Профессор вошел в очерченную территорию первым и невозмутимо смотрел на то, как Герда Шпильберг, темная шатенка, раздражавшая Гарри своей манерой постоянно поджимать губы, с наигранной уверенностью становится напротив него с противоположной стороны ринга. — Ваша цель — привести меня в беспомощное состояние, в идеале — обездвижить. В вашем распоряжении — три минуты. Будьте готовы отразить мою контратаку. Начали!

— Петрификус Тоталус! — не мешкая, выкрикнула Герда, взмахнув палочкой. Квиррелл спокойно сделал шаг в сторону, скрывшись за одним из препятствий, и заклинание ударило в ограничительный столб.

— Слишком долго, — откомментировал профессор ее неудачную попытку, вновь показавшись из-за препятствия. — Это заклинание имеет смысл использовать, когда вы уже обратили противника в бегство, чтобы не дать ему скрыться. Начинать с него поединок — плохая идея.

— Ступефай! — почти взвизгнула Герда в ответ.

— Протего! — парировал Квиррелл, не сходя с места. Удар парализующего заклинания отразился от поверхности образованного щита и попал в неудачливую вошебницу, сразу же отправив ту в бессознательное состояние.

Квиррелл вздохнул, подошел к лежащей на полу Герде и произнес:

— Фините Инкантатем!

Ученица зашевелилась, с трудом села на полу, осовело глядя на профессора, и тряхнула головой, растрепав волосы.

— Что?.. — произнесла она непослушными губами.

— Неплохая попытка, фрейлейн Шпильберг. Но вы забыли об одной важной вещи, без которой не обходится ни один настоящий поединок. Понимаете, о чем я говорю? — Не дождавшись ответа, он помог Герде подняться на ноги и вывел ее за пределы ринга, после чего обратился ко всем остальным: — Кто может сказать, в чем состояла основная ошибка вашей сокурсницы?

— Слишком медленно произносила заклинание? — неуверенно спросил Карл.

— Быстрое и точное произнесение магических формул — очень важный навык боевого мага, — согласно кивнул Квиррелл, — однако Герду во время ее второй попытки подвело не это. Что она могла сделать, чтобы ее собственное заклинание не угодило в нее же?

— Отойти в сторону, очевидно, — пожала плечами Гермиона, — как это сделали вы в самом начале.

— Так сложно было догадаться? — иронично поднял бровь Квиррелл, насмешливо обведя взглядом собравшихся. — Вспомните то, что я рассказывал на самом первом занятии. Боевая магия — вовсе не раздел магии, как нередко считают в… некоторых других учебных заведениях. Боевая магия — это техника применения самой обычной магии. Это тактика ведения боя, подразумевающая использование магии, но ни в коем случае не ограничивающаяся этим. Ваше оружие — не только заклинания, но и обычное магловское вооружение, предметы обихода, обстановка, особенности ландшафта, а главное — ваш разум, мои дорогие ученики. И если вы погнушаетесь хоть чем-то из перечисленного, вы проиграете.

— Значит во время магического поединка побеждает не самый сильный маг, а тот, кто быстро двигается? — с сомнением спросила Эрика.

— Побеждает тот, у кого не опилки в голове, а мозги! — едко отозвался профессор. — Магия — ваш инструмент. Мощный и гибкий инструмент, но не более того. Будьте готовы использовать и другие инструменты. Не стойте столбом. Двигайтесь. Будьте непредсказуемы. Действуйте по ситуации, а не по заученной схеме. Мистер Поттер!

— Д… да! — вскинулся Гарри.

— Проследуйте на арену, пожалуйста. В течение первого семестра мы не будем использовать технологическую часть боевой магии, защитную экипировку и оружие. Однако все остальное — в вашем распоряжении.

Гарри с замиранием сердца вышел вперед и перешагнул через ограничительную линию, отмечавшую зону поединка. Он испытывал странное волнение. Казалось бы, ему в любом случае нечего опасаться: он уже изучал основы дуэльного искусства, да и смертельная схватка у зеркала Еиналеж еще не стерлась в его памяти. Но сейчас… Перед ним стоял умный, сильный маг, совсем не похожий на безвольную оболочку Волдеморта из его прошлого.

— Начали! — с хищной улыбкой произнес Квиррелл и двинулся вперед.

Гарри рванулся наискось вперед и в сторону, одновременно выбросив руку с палочкой в направлении противника:

— Экспеллиармус!

Удар заклинания пришелся на один из металлических коробов рядом с профессором. Квиррелл скользнул вбок, скрывшись из виду, и за нагромождением препятствий послышался его насмешливый голос:

— Не лучшее, что вы могли придумать, мистер Поттер. Заклинание Экспеллиармус может сбить с ног, но не воспрепятствует ответному удару. Если же вы хотели выбить у меня из рук палочку, может, следовало бы вначале убедиться в ее наличии?

Гарри, спрятавшись за коробом, закусил губу от досады. Как он не заметил? Квиррелл вышел на ринг без палочки, да и вообще крайне редко ей пользовался. Придется воспользоваться заклинанием, направленным на самого профессора, и по возможности коротким. Гарри стал осторожно пробираться между коробов, надеясь разглядеть фиолетовый тюрбан Квиррелла до того, как профессор ударит заклинанием.

— Палочки вообще не в ходу среди просвещенных, мистер Поттер, — послышался спокойный голос Квиррела из-за разделяющих их коробов. Судя по всему, его обладатель тоже медленно перемещался, выискивая цель. — Ученики используют их, но к старшим курсам овладевают искусством беспалочковой магии. Часть доступного нам времени мы тоже будем посвящать освоению этой техники. Возможно, это не раз спасет вам жизнь.

Прикинув направление голоса, Гарри выскочил из укрытия, обегая нагромождение препятствий с правой стороны.

— Глиссео! — произнес незримый Квиррелл. Ноги Гарри внезапно потеряли всякое сцепление с полом, как будто он очутился на замерзшей поверхности

озера. Не удержав равновесие, он грохнулся плашмя и заскользил, не сбавляя скорости, в направлении пары ограничительных столбов, пока не был остановлен телекинетическим щитом. Кое-как извернувшись, он боковым зрением заметил вышедшего из укрытия профессора и выкрикнул, взмахнув палочкой, которую лишь чудом не выронил во время падения:

— Импедимента!

Нимало не смутившись, Квиррелл бросил быстрый взгляд на короб рядом с ним и парировал:

— Джеминио!

Копия короба появилась прямо перед ним, полностью блокировав заклинание Гарри. Тот набрал в грудь воздуха, чтобы нанести новый удар, но в этот момент Квиррелл вышел из укрытия и быстро произнес, вонзив взгляд в противника:

— Мимбл Вимбл!

Язык Гарри будто превратился в голубец: было такое чувство, словно он набрал в рот раствор новокаина.

— Ступефай! — попытался произнести он, но выдавил из себя лишь невнятное блеяние, беспомощно глядя на быстро приближавшегося к нему профессора.

— А это, мистер Поттер, наглядная демонстрация того, насколько важно уметь обходиться невербальными заклинаниями. Вас могут лишить оружия, подвижности, голоса, зрения и слуха, но пока вы в сознании, вы еще можете оказывать сопротивление.

Квиррелл ухмыльнулся, повернулся спиной к поверженному противнику и щелкнул пальцами. Гарри почувствовал, как его язык вновь обретает чувствительность, и, поднявшись на ноги, спросил:

— Технику невербальных заклинаний мы тоже будем изучать?

— Само собой, — отозвался Квиррелл. — И не только на моих занятиях, но и, в куда большей степени, у просвещенной Цао Шу. Она знает цену молчанию. Все лучшее, что мне известно, я узнал от нее… Ну, а теперь, мои ученики, после этого краткого введения мы займемся проблемой быстрого выбора ситуационных заклинаний.

На протяжении следующего часа они учились реагировать на разные виды атак: вначале под руководством Квиррелла, а после — разбившись на пары. За это время Гарри был с десяток раз оглушен, ослеплен, сбит с ног и парализован, но глядя в сосредоточенное лицо Гермионы, заставляющей его катиться кубарем от очередного «Импедимента!», он отчего-то испытывал не досаду, а тихую радость, в причинах которой сам не мог разобраться. Квирреллу, с другой стороны, чтобы разобраться, хватило одного взгляда.

— Мистер Поттер, — негромко сказал он, помогая ему встать на ноги, — вы здесь учитесь побеждать в бою, а не эффектно проигрывать. Встаньте в пару с кем-нибудь еще. Например… Мисс Грейнджер, вы будете работать с Урсулой Майснер. Вы, мистер Поттер, становитесь с Карлом Метцлером. Как обычно, по

моему сигналу первый атакует, второй пытается защититься.

Взглянув в лицо Карла, Гарри понял, что на дружеский поединок можно не рассчитывать: его оппонент смотрел с неприкрытой враждебностью, временами переходившей в отчаяние. Сильным противником он не был, однако атаковать пытался наиболее травматичным образом, подчас не дожидаясь команды Квиррелла, за что уже дважды удостоился от того замечания. Поминутно Карл оглядывался на остальную часть группы, и было нетрудно догадаться, кого он высматривает.

Поймав очередной убийственный взгляд Карла, Гарри твердо решил, что поговорит с ревнивцем наедине после занятий. Как объяснить ему, что он совершенно не претендует на внимание Хироко, и, более того, оно его откровенно тяготит?

— Протего! — машинально выкрикнул он до того, как его противник закончил свое длинное и вычурное «Ступефай Трио!».

Когда Карл, освобожденный от действия собственного срикошетившего заклятия, поднялся на ноги, его лицо было красным, как помидор. Губы тряслись: казалось, он сейчас расплачется или завопит благим матом. Взгляд его был нацелен куда-то за спину Гарри. Обернувшись, тот увидел Хироко, не сводившую с него восхищенного взгляда, и мысленно выругался. Предстоящий разговор с Карлом превращался в настолько же легкую задачу, как создание философского камня. Может быть, если вначале объясниться с Хироко и попросить ее… Его размышление было прервано искаженным от бешенства голосом Карла:

— Круцио!

Гарри показалось, что на него кто-то вылил чан расплавленного металла. Боль была настолько нестерпимой, что он, мучительно изогнувшись, рухнул на пол и забился в конвульсиях. Он попытался закричать, но из его горла вырвался только громкий хрип. Боль проникла в каждую клеточку тела, вонзила стальные когти в спинной мозг, скрутила и скомкала его, как груду грязного белья. И когда сквозь кровавую пелену, застившую его разум, проникла мысль о том, что он больше не выдержит, что просто умрет от невыносимого страдания, боль внезапно прекратилась.

Первое, что он увидел, с трудом встав на ноги, был тюрбан Квиррелла, стоявшего к нему спиной. Карл с мокрым от слез лицом барахтался у его ног: похоже, что он получил хороший заряд Локомотор Мортис.

— Нападение на сокурсника! Со спины! — в холодной ярости выплюнул Квиррелл. — Непростительное заклятие! Да за всю историю Айзентурма ни один неофит не опускался до такой тупости и подлости. Не мне принимать решение о вашей судьбе, но вам сильно повезет, если после вашей выходки вам позволят продолжать обучение. На сегодня вы свободны. Завтра после занятий — ко мне в кабинет, после чего я соберу ареопаг. Фините Инкантатем!

Проводив взглядом плетущегося к выходу Карла, Квиррелл обернулся к Гарри. Лицо профессора было непроницаемым: сложно было понять, испытывает ли он озабоченность или просто досаду от того, что происшествие случилось на его занятии. Однако он ровным голосом спросил:

— Все в порядке, Гарри?

— Да, профессор. Я… уже пришел в себя, — ответил Гарри, мимоходом отметив, что впервые Квиррелл назвал его по имени вместо официального «мистер Поттер».

Ученики обступили их кругом, на их лицах читалось смятение: похоже, они не представляли, как им следовало реагировать на то, что произошло у них на глазах. Хироко смотрела на Гарри с нескрываемым ужасом, ее губы дрожали. В конце концов она всхлипнула, неровно ступила назад и, сорвавшись с места, быстрым шагом направилась к выходу, где уже скрылся Карл.

Гарри проводил ее взглядом и наклонился, чтобы поднять выпавшую из его пальцев палочку. Когда он поднялся, то увидел перед собой Гермиону. Она молча смотрела на него, часто моргая от навернувшихся слез.

— Гарри! — наконец севшим голосом проговорила она и обняла его, не обращая внимания ни на продолжавших смотреть сокурсников, ни на Квиррелла, который при виде этой сцены закатил глаза и отошел в сторону.

— Со мной все хорошо, Гермиона, — сказал он, улыбнувшись и с удивлением отметив, что улыбка его была абсолютно искренней. Он приобнял ее в ответ, сдавая позиции от нахлынувших от жеста Гермионы нежности и благодарности к подруге. Где-то по дальним уголкам сознания пронеслась дикая мысль, что он не прочь выдержать еще один Круциатус, если за ним снова последует то же самое.

— Если вы закончили осмотр потерпевшего товарища, мисс Грейнджер, — раздался язвительный голос Квиррелла, — я предлагаю продолжить наше занятие. У нас еще пятнадцать минут.

— Конечно, профессор. Простите. — Гермиона наконец выпустила Гарри и, бросив на него еще один тревожный взгляд, присоединилась к остальным ученикам. Гарри последовал за ней.

— С поединками на сегодня мы, пожалуй, закончили, — продолжал Квиррелл, — но я бы хотел вам кое-что рассказать.

Он умолк, собираясь с мыслями. Ученики, затаив дыхание, ждали. Курт попытался было что-то спросить, но Эрика громко шикнула на приятеля, и тот опустил поднятую руку, так и не издав ни звука.

— Кто-то из вас может счесть, что наши занятия — не более, чем развлечение, — заговорил профессор Квиррелл. — Игровая имитация боевых действий, вроде пейнтбола, в который любят играть маглы. Вы ошибаетесь. Правда состоит в том, что мир магов опасен, и я не могу вспомнить ни одного поколения, которое прожило бы в мире. Всегда что-то угрожает нашей жизни, и все знакомые мне взрослые волшебники так или иначе участвовали в сражениях, где ставкой была их жизнь.

Он склонил голову. Полоса фиолетовой ткани, свободно свисавшая от его тюрбана, перекрутившись, легла на плечо, и на ее обратной стороне Гарри наконец-то смог прочесть вышитые золотом буквы: «Великому магу и доброму

другу Квиринусу Квирреллу от принца Ансу Вангаи».

— Всем вам, стоящим передо мной, — продолжал профессор, — придется сражаться. С регулярностью метронома волшебный мир сотрясают войны. Вслед за Гриндельвальдом пришел Волдеморт. Если даже ему не удастся вернуться, можете быть уверены, придет кто-нибудь еще, желающий обрести абсолютную власть, используя силу магии. И в этом случае то, что вы здесь изучаете, вероятно, станет единственным, что позволит выжить вам и тем, кто от вас зависит. Помните это.

Когда мелодичный звон, разнесшийся по коридорам башни, возвестил об окончании занятия, Гарри не пошел к выходу вместе с остальными учениками, а остался на месте. Гермиона, удивленно взглянув на него, также задержалась.

— Есть вопросы? — спросил Квиррелл, направив на них немигающий взгляд. — Я собирался идти в лабораторию, и не хотел бы задерживаться.

— Я… Я хотел извиниться, профессор, — сказал Гарри.

— За то, что позволили этому недоумку использовать на вас Круциатус? С кем не бывает, — хмыкнул Квиррелл.

— За то, что не доверял вам. Встреча с вашей копией… Ну, вы знаете.

Квиррелл только отмахнулся и, поправив тюрбан, пошел к выходу.

— Право, не отнимайте мое время сентиментальной ерундой, мистер Поттер. Мы на пороге новой войны, и наши шансы напрямую зависят от того, удастся ли мне добиться успеха.

— Но над чем вы работаете, профессор? — спросила Гермиона, когда ребята двинулись следом за Квирреллом.

— Над материалом для големов. Мы называем его глиной Эдема. В Ордене нет верующих, однако библейский миф о сотворении человека знают все. Бог создал человека из некоего материала, который именуется «прахом земным» — принято считать, что это была глина. Затем он наделил безжизненное изваяние дыханием жизни, и так появился первый человек. Просвещенная Эльза Фриз, она у нас знаток истории и мифологии, полагает, что этот сюжет — отголосок реальных магических практик ныне погибшей цивилизации, возможно, атлантов. Они сконструировали материал, магическую материю, которая может служить основой для создания живого организма. Судя по всему, големы изначально играли роль матрицы, заготовки, в которую можно впечатать разум и строение тела живого человека — то, что книга Бытия называет «дыханием жизни». Однако же големы полезны и сами по себе. Увы, в нашем распоряжении остался только один, готовый к импринтингу, а запасов самой глины — и на ведро не хватит.

— Но почему вы считаете это настолько важным? — спросил Гарри.

Квиррелл остановился у дверей своей лаборатории и, обернувшись, насмешливо посмотрел ему в глаза.

— Потому что это означает бессмертие, вот почему. А заодно и армию

смертоносных и почти неуязвимых рабов, с достаточным количеством которых не смогут совладать ни маги, ни маглы со всем своим вооружением. Полагаете, Волдеморт и подобные ему способны устоять перед таким соблазном? Мы уже пересекались с Темным Лордом на этом поле, и вряд ли в последний раз. Так что, с вашего позволения, я займусь делом. До завтра, мистер Поттер. До завтра, мисс Грейнджер.

За ужином никто из сидевших с ними за одним столом не пытался заговорить о том, что произошло на занятии по боевой магии, хотя, судя по их нерешительной манере разговора, часто перемежавшегося долгими паузами, забыть об этом не мог никто. Ни Карла, ни Хироко в столовой не было, чему Гарри был рад. Как ему теперь следует себя вести в присутствии Карла? Иметь недоброжелателей ему не впервой, но одно дело — холодный и надменный Драко с его сознательной враждой, и совсем другое — импульсивный Карл, который сам вряд ли в восторге от своего поступка. И все же... Он с такой легкостью применил непростительное заклинание, что это наводит на определенные мысли. В Айзентурме ученикам предоставлено куда больше свободы, но судя по реакции Квиррелла, такая выходка — нонсенс даже здесь. Не замешан ли Карл в этих убийствах в Ингольштадте? В который раз Гарри пожалел о том, что он не легилимент. Если рядом с ним находится убийца, совсем не помешало бы узнать об этом как можно раньше.

Попрощавшись с ребятами, они с Гермионой в полном молчании добрались до жилого корпуса, когда темное небо за ближайшим окном озарилось фиолетовым огнем, за которым последовал оглушительный раскат грома. Переглянувшись, они вышли на крохотную смотровую площадку, мало отличавшуюся от простого балкона, и стали рядом у резных мраморных перил.

Холодный порыв ноябрьского ветра швырнул им в лицо капли дождя, и новый разряд молнии высветил окрестности пара-Ингольштадта до самого горизонта. Пространство едва заметно дрогнуло, и на какое-то мгновение сквозь Сумрак проступили призрачные очертания города, в центре которого они находились, невидимые и неощутимые для всех. Гарри задался вопросом, видят ли жители Ингольштадта, как в отблесках ветвящихся молний над Новым Замком встает мираж исполинской башни — тень невидимого мира, известного лишь немногим избранным. Наверное, иногда видят, но убеждают себя в том, что это лишь кратковременный обман зрения, чтобы вскоре забыть о своем мгновенном прикосновении к тайне.

Он бросил осторожный взгляд на стоявшую рядом Гермиону. Ее лицо было омрачено тревогой, пальцы судорожно сжимали перила. Не отдавая себе отчета в том, что делает, Гарри положил свою руку сверху, почувствовав, как расслабляется замерзшая ладонь под его пальцами. На мгновение его захлестнула паника: что, если она расценит его жест неправильно? Или, что еще хуже, правильно? Если она вспыхнет, отдернет руку и, оттолкнув его, уйдет к себе в комнату?

Но Гермиона только подвинулась ближе, коснувшись его плечом. Ее взгляд был устремлен куда-то вдаль, и проследив за ним, Гарри увидел, как из-за тяжелой темной массы грозовых облаков медленно выплывает желтый диск луны.

— Полнолуние, Гарри, — сказала Гермиона. — Завтра полнолуние.

Глава 5. Полнолуние

— На прошлом занятии мы с вами познакомились с основными математическими методами, применяемыми в теоретической истории, — начала занятие просвещенная Эльза Фриз. — Однако мы очень мало говорили о том, зачем в магической академии вообще может потребоваться изучение глубинных законов истории. Кто может предложить этому объяснение?

После недолго замешательства и перешептывания стали подниматься первые руки. Урсула Майснер, та самая рыжая девушка, подсевшая к ним в столовой в их первый день в Айзентурме, вопреки обыкновению присоединилась к желающим ответить. Просвещенная Фриз, недолго думая, остановила выбор на ней.

— Я думаю, — тихо сказала Урсула, — что это как-то связано с задачами Ордена, а не академии.

— Ваш выдающийся отец сделал большой вклад в деятельность Ордена иллюминатов, — кивнула Эльза Фриз, — и, я вижу, успел объяснить своей дочери основные задачи нашей организации. Вы правы, Урсула. Дисциплина, которую вы будете изучать на моих занятиях, имеет самое прямое отношение к задачам высшего порядка. Если совсем кратко, мы должны понимать, какие изменения в обществе вызовут те или иные наши инициативы. Знать — значит управлять, и глубинные законы истории — ключ к этому знанию… Вы что-то хотите сказать, Гарри?

Эльза Фриз была молода, красива и вела себя с непринужденной элегантностью королевы. Ее безупречная вежливость нисколько не мешала ей запросто обращаться к ученикам по имени, а вывести из себя ее было решительно невозможно: похоже, что она владела собой в любых ситуациях. Свою тему она знала прекрасно, и не возникало вопросов, почему ей предложили присоединиться к Ордену, несмотря на жесточайший отбор среди маглов. Однако некоторые из ее суждений вопросы вызывали.

— Вы хотите сказать, что цель иллюминатов — контроль над миром? — спросил Гарри. — Профессор Квиррелл убеждал меня, что это совсем не так.

— И просвещенный Квиррелл прав, это не так. Орден не пытается управлять миром, он пытается управлять ситуацией, в которой находится. Вы же не оспариваете наше право заботиться о своем выживании, ведь правда, Гарри?

Гарри полагал, что это правда, однако правда — скользкое понятие, когда речь идет о вопросах общественного блага. Ведь можно сказать, что и Волдеморт на свой лад заботится о своем выживании: приносит в жертву других людей, чтобы гарантировать сохранение собственной жизни.

— Но как это выглядит на практике, просвещенная Фриз?

Эльза Фриз мелодично рассмеялась, хотя ничего особенно смешного в своем вопросе Гарри не заметил. Сложно было судить, являлась ли ее вечная жизнерадостность маской, под которой она прячет неуверенность, или ее действительно радовало и веселило решительно все, что происходит вокруг. Оставалось лишь принимать ее такой, какая она есть, тем более, что в

бестактном поведении упрекнуть просвещенную было невозможно.

— Мы как раз и планировали изучать на практике то, о чем вы спросили, Гарри, — резко оборвав смех, отозвалась она. — Ведь правда?

Гарри пожал плечами, но тему развивать не стал. Он не знал, насколько благовидны цели организации, частью которой они с Гермионой теперь являлись, но в любом случае не следовало спешить с выводами, не получив необходимого минимума знаний. В конце концов, никто не говорил ему, что они не вправе покинуть Айзентурм при желании. С другой стороны, покидать академию ему хотелось меньше всего. Несмотря на жесткие условия обучения и сверхчеловеческие требования к ученикам, ему с каждым проходящим днем все больше здесь нравилось. Несмотря даже на…

Гарри невольно обернулся и скользнул взглядом в дальний угол, где в одиночестве сидел за своей партой Карл. Он не смотрел на Гарри и вообще ни на кого не смотрел. Его угрюмый взгляд был нацелен в парту, а когда Эльза Фриз попросила записать определение культурного конфликта, он выполнил указание с энтузиазмом зомби. Насколько же быстро можно превратиться в изгоя! Никто не объявлял Карлу бойкот после его вчерашнего поступка, никто, кроме Квиррелла, не пытался читать ему нотации и выражать осуждение. Однако этого и не требовалось. Казалось, короткое слово «Круцио!» наложило неустранимое проклятие на него самого — темную ауру, заставлявшую всех встречных отводить взгляд и держать дистанцию.

Гарри вздохнул и попытался снова сосредоточиться на лекции. Магловские предметы давались ему с трудом: он порядком отвык от точных наук за время обучения в Хогвартсе, и смысл того, что рассказывала просвещенная Фриз, то и дело ускользал от него. Как будто сжалившись, она прекратила разбирать смысл математической модели воспроизводства культурной информации и переключилась на конкретные исторические примеры.

— Ранняя история нашего братства, как вы уже знаете, была крайне непростой. Законодательный запрет, преследования, пытки и убийства членов Ордена, идеологическое давление: все это не способствовало поддержанию единства, не говоря уже о простом сохранении тайны. Иоганн Вольфганг Гёте, один из самых известных иллюминатов в истории, даже был вынужден…

— Что? — вырвалось у Гарри. — Простите, просвещенная Фриз. Я просто удивился.

Она снова рассмеялась, глядя на него со смесью снисходительности и любопытства, как на одного из тех причудливых магических зверьков из книги Ньюта Саламандера.

— Ну, Гарри, вам еще не раз придется удивиться, узнав, как много известных деятелей культуры входили в те или иные тайные общества. Да, Гёте, автор «Фауста» был одним из нас и, более того, занимал пост в ареопаге. Принято считать, что во второй части поэмы он закодировал послание для последующих поколений иллюминатов. — Она иронично улыбнулась, но улыбка сразу померкла. — И признаков этого достаточно. Вот только со сложностью шифра наш коллега перемудрил, поскольку на сегодняшний день никто не смог подобрать к нему ключ даже с использованием современных криптоаналитических алгоритмов. По-своему забавно, ведь правда?

Весь остаток занятия просвещенная Фриз бомбардировала их зубодробительными социальными моделями в виде систем дифференциальных уравнений, то и дело совершая краткий экскурс в прошлое в поисках подходящей иллюстрации той или иной концепции. Каждые пять минут она бросала все тот же любопытный взгляд на Гарри, нимало не смущаясь тем, что он это видит. Он решил для себя, что Эльза Фриз ему, в принципе, нравится, но все же облегченно вздохнул, когда занятие завершилось, и теперь радовался возможности перевести дух между большими группами занятий, прогуливаясь по периметру главного холла.

— Гарри! — услышал он сзади голос догоняющей его Гермионы и замедлил шаг. — Гарри, послушай. Я тут поговорила с другими учениками, и еще забежала к профессору Квирреллу, чтобы обсудить с ним тоже. Он поддерживает мои взгляды, хотя и считает, что учреждение организации будет преждевременным, однако…

— Подожди-подожди! — взмолился Гарри. — Я ничего не понимаю. Можно с самого начала?

Гермиона тяжело вздохнула и с упреком посмотрела на него, однако сразу оттаяла и принялась объяснять.

— Ты помнишь, мы говорили о бесправном положении эльфов как в Хогвартсе, так и здесь, в Айзентурме? Я давно подумывала о создании организации, которая бы занималась защитой их прав. Но поговорив с ребятами, я поняла, что это только часть проблемы. Этот шовинизм магов по отношению к эльфам, шовинизм чистокровных магов по отношению к полукровкам и… таким, как я, — одного поля ягоды. Психология рабовладельца — вот, что это такое. Вспомни, как относятся к големам, даже при том, что их почти нет!

— Но големы — просто бездумные автоматы, у них нет…

— Вот! — торжествующе подняла палец Гермиона. — Именно так к ним все и относятся.

— Ну и что? Они ведь действительно таковы, пока в них не перенесли личность человека.

— Откуда ты знаешь, Гарри? Они просто другие, они отличаются от нас почти во всем. Но разве это повод, чтобы порабощать их?

Гарри покачал головой, но смирился с неизбежным. Социальную активность Гермионы остановить было практически невыполнимой задачей, поэтому он прислонился к стене и приготовился слушать. Гермиона извлекла из сумки стопку распечаток и подала ему один из листов.

— Что это? — спросил Гарри.

— Устав организации. Прочти.

Гарри пробежался глазами по верхней части листа. «Пара-Ингольштадское рациональное движение эгалитаристов (ПИРДЭ)», гласил заголовок. Он едва не рассмеялся, в последний момент успев замаскировать смех громким кашлем. Его

первая реакция, однако, от внимания Гермионы не ускользнула.

— И что же здесь показалось тебе смешным? Мы будем заниматься популяризацией идей эгалитаризма, бороться с проявлениями шовинизма в обыденной жизни, вербовать сторонников… Между прочим, я хотела предложить тебе пост секретаря организации.

Гарри от досады был готов провалиться в ад. Ну почему он так плохо маскирует свои эмоции? Теперь Гермиона разойдется, и он будет виноват весь оставшийся день, если не больше.

— Гермиона, я…

— Ты же видишь, что это важно для меня. — Гермиона и впрямь казалась оскорбленной в лучших чувствах. — И вместо того, чтобы поддержать, ты смеешься? Я думала, мы друзья!

Почему-то это слово царапнуло его по душе, хотя ничего плохого Гермиона в него, очевидно, не вкладывала.

— Друзья? — Гарри почувствовал, что настала его очередь испытывать обиду и мысленно обозвал себя трижды идиотом.

Гермиона выхватила у него лист с уставом, бросила на него испепеляющий взгляд, развернулась и пошла прочь по коридору. Далеко, впрочем, уйти она не упела: звон, разнесшийся в помещении башни, возвестил начало занятия по метрической магии. Гермиона нехотя остановилась и пошла к входу в аудиторию вместе с Гарри, избегая встречаться с ним взглядом.

Гарри проследовал к своему месту и упал на стул в самых расстроенных чувствах. Разумом он понимал, что Гермиона не станет дуться на него вечно. Скорей всего, уже завтра она с улыбкой поздоровается при встрече, как будто никаких размолвок между ними и не было, как уже не раз случалось раньше. Но сейчас… Сейчас обида Гермионы ранила его. Он покосился на нее, пытаясь определить, чувствует ли сейчас Гермиона то же, что и он, но пришел к выводу, что вряд ли. Гермиона раскрыла учебник и преспокойно скользила глазами по строчкам, казалось, вовсе забыв о существовании Гарри. Ему захотелось завыть. Вспомнив, что сейчас полнолуние, когда вытье на луну могут понять превратно, он усмехнулся своим мыслям, и на душе стало немного легче.

Цао Шу, как обычно, появилась к самому началу занятия. Именно появилась, а не вошла: мгновение назад ее перед ними не было, и вот она уже стоит в своем расшитом цветами фиолетовом кимоно, глядя перед собой взглядом, начисто лишенным признаков эмоций. Ее взгляд всегда был таким: направленным как будто сквозь собеседника, от чего возникало неприятное чувство собственной прозрачности. Глядя на нее, невозможно было сказать ничего определенного о возрасте просвещенной: гладкая, без единой морщины кожа лица, заостренные правильные черты, характерные скорей для двадцатипятилетней девушки, сочетались с манерами и темпераментом, которые можно ожидать лишь от женщины, полвека посвятившей чаньской медитации.

На ее занятиях ни один из учеников не рисковал отвлекаться на посторонние дела и разговоры с сокурсниками. Если Цао Шу молчала, царила мертвая тишина: все до единого, включая Гарри, боялись даже лишний раз двинуться в

ее присутствии, несмотря на то, что никто никогда не слышал о назначаемых просвещенной наказаниях. Ей попросту не за что было наказывать. Благоговение и страх, которые она вызывала, носили выраженный религиозный оттенок, несмотря на повальный атеизм Айзентурма. Преклонение перед ней со стороны учеников и других просвещенных — тоже.

При этом она меньше всех остальных преподавателей соответствовала профилю техномагической академии: если использование артефактов и технологических навыков было в порядке вещей для абсолютного большинства просвещенных, Цао Шу не использовала ничего, кроме собственного разума, — ничего, включая и волшебную палочку. Никто никогда не видел, чтобы она носила даже простейшие кольца или амулеты, и это была лишь небольшая часть того, что отличало ее от окружающих. Цао Шу никогда не видели в общей столовой: особо впечатлительные ученики даже распускали слухи, что она никогда не ест, а телепортирует питательные вещества непосредственно в свой организм.

— Освободите свой разум, — после тягостного периода молчания обратилась к ним просвещенная. — Остановите внутренний диалог. Чувствуйте пространство. Чувствуйте время.

Гарри сосредоточился на восприятии пространства. Первые занятия метрической магией были для него сущим кошмаром: не получилось решительно ничего. Он даже не мог понять толком, что от него хотят, и, надо сказать, остальные ученики чувствовали себя не лучше. Но за прошедшее с тех пор время он начал что-то ощущать и научился выполнять элементарные магические операции. Это было, пожалуй, единственным разделом магии, дававшимся ему заметно лучше, чем Гермионе, которая испытывала серьезные трудности даже с остановкой внутреннего диалога.

— Попытайтесь дотянуться своим разумом до ближайшей стены и коснитесь ее, — продолжала Цао Шу. — Ощутите ее гладкую поверхность, ее слабо выраженную текстуру, мельчайшие трещинки у основания, вдохните легкий запах краски. Расстояние должно утратить для вас какое-либо значение. Значение имеет только знание.

Сложно было представить, как долго следовало практиковать все это, чтобы научиться вытворять то, на что способна эта женщина. Мгновенное перемещение, похожее на трансгрессию внешне, но совершенно иное по технике выполнения — только начало, но и его Цао Шу освоила на таком уровне, что это стало для нее более естественным, нежели ходьба. Телекинез — еще одно проявление метрической магии — также мало кого удивлял. Но следом за этими азами шли много более серьезные вещи: прямое управление топологией пространства и темпоральные манипуляции.

К несчастью, любые сильные эмоции сбивавали концентрацию и сразу же сказывались на качестве метрической магии. Гарри никак не мог выкинуть из головы последний разговор с Гермионой, и это мешало ему сосредоточиться на задании, которое он смог выполнить почти сразу еще на прошлом занятии. Он глубоко вдохнул и медленно выдохнул, приводя мысли в порядок. Стена. Нужно коснуться стены проекцией собственного тела, не двигаясь с места. Он запомнил дистанцию до стены и выстроил ее образ в своем сознании, затем закрыл глаза и попытался снова. Однако выкинуть из разума образ Гермионы было не так легко, и у него ушло еще несколько минут на то, чтобы погасить все сопутствующие эмоции, оставив только пронзительно чистое восприятие, образ

стены и ее поверхность под кончиками пальцев. Да! Он чувствует прикосновение…

Только это никакая не стена. Под его пальцами — теплая человеческая кожа. Мягкие локоны волос и их запах… Он резко открыл глаза. На него в смятении смотрела Гермиона, которая сидела за соседней партой. Она приложила ладонь к щеке — той самой, которой только что касались его пальцы, и он не мог понять, чего больше в ее взгляде: испуга или благоговения.

— Не теряйте концентрации, мистер Поттер, — послышался голос Цао Шу. — В человеческих чувствах нет ничего плохого, но они не должны управлять вами. Если вы не можете владеть собственными эмоциями, как вы надеетесь властвовать над неорганизованной материей и, тем более, над самим пространством?

Гарри сделал еще один глубокий вдох и повернулся к Цао Шу.

— Простите меня, просвещенная, — сказал он. — Я был недостаточно сосредоточен.

Ему показалось, что по ее губам скользнула едва заметная улыбка. Но, вероятно, просто показалось, поскольку в следующее мгновение Цао Шу вновь воплощала в себе бесстрастие и отрешенность. Всю оставшуюся часть занятия он ловил на себе странные взгляды Гермионы, а когда учебное время завершилось, она первой подошла к нему.

— Гарри… Ты извини, что я вспылила. Название и впрямь не самое удачное.

— Все в порядке. Я знаю, что для тебя это важно. Я не должен был смеяться.

Мир был установлен, и с его души словно свалился камень. Он даже не подозревал, насколько важно для него отношение Гермионы: пока она в обиде, он решительно ни на что не способен, кроме как на периодические приступы самоедства. Ну, если не считать того, что мало зависит от его усилий, — спонтанных магических операций.

— Гарри, я еще хотела спросить… На занятии по метрической магии, это был ты? Ты коснулся моей щеки?

Он кивнул и почему-то покраснел.

— Здорово, — сказала Гермиона. — Такое странное ощущение. Как будто ты находился совсем рядом. Да, я знаю, что в каком-то смысле так и было.

Он не нашелся, что ответить: разговор отчего-то не клеился, да и настроения говорить у него не было. Больше всего он хотел бы просто помолчать рядом с подругой, но самой Гермионе это молчание, как видно, было в тягость. Увидев, что она мучительно подбирает тему для разговора, Гарри решил спасти положение на собственный лад.

— Ты не хочешь полетать со мной?

— Что?

— Ханс, наш староста, обещал сегодня дать «крылья» на вечер. Думаю, он не откажется выдать два комплекта. Или, быть может, ты хочешь выбраться в город? Правда, уже поздно, но…

— Хорошо, Гарри, — поспешно ответила Гермиона. — Я тоже хочу опробовать «крылья».

«Крылья» оказались на удивление удобным устройством: самые лучшие метлы не шли с ними ни в какое сравнение. Дело было даже не в скорости или маневренности, в чем особых преимуществ у нового метода не было. Просто не возникало ощущения, что пользуешься транспортным средством. Вместо этого создавалась полная иллюзия того, что летишь ты сам за счет сил собственного разума, и это было не слишком далеко от истины.

Они взмыли в воздух с открытой площадки на крыше правого крыла замка, и Гарри увидел, как глаза Гермионы расширились от восторга — при том, что полеты на метлах никогда ее особенно не впечатляли. Земля с устрашающей скоростью понеслась вниз, а стена башни, скользившая мимо, превратилась в туманную полосу. Поток эмоций захлестнул Гарри, и он завопил, глядя на то, как несутся к нему облака, окрашенные багровым огнем заката. Он обернулся и посмотрел на Гермиону, и у него перехватило дыхание. Она, раскинув руки и прикрыв глаза, летела за ним, похожая на причудливую птицу с черным оперением. Гарри вдруг почувствовал сумасшедшее желание подлететь к ней и крепко обнять, зарывшись лицом в густые локоны, бьющиеся от встречного ветра, и его сердце при мысли об этом бухнуло в три раза сильнее обычного. Но… «Не теряйте концентрации, мистер Поттер». Чего доброго, она решит, что он именно с этой целью и позвал ее полетать.

— Гарри, смотри! — услышал он ее голос. — Мы уже над крышей башни!

Он с силой выдохнул, избавляясь от наваждения, и взглянул туда, куда указывала Гермиона. В самом деле, прямо под ними можно было видеть прямоугольную крышу Айзентурма, в центре которой был установлен массивный сферический артефакт непроницаемо черного цвета. Казалось даже, что пространство рядом с ним искажалось, а свет терял свою яркость, из-за чего вся конструкция напоминала небольшую черную дыру из образовательных фильмов BBC.

Они спланировали на крышу и осторожно приблизились к черной сфере, от которой исходило мерное гудение. Рядом с артефактом дышать становилось трудно, а желудок начинал выворачиваться наизнанку, отбивая всякое желание сокращать дистанцию.

— Вот он какой, генератор Сумрака, — уважительно произнесла Гермиона.

— Что будет, если он выйдет из строя? Нас вытолкнет в нормальное пространство?

— Насколько я поняла объяснения Цао Шу, с нами ничего не случится. Просто будет разорвана связь между мирами, и мы окажемся запертыми в этом пространстве, пока не восстановим генератор. Вряд ли это страшно: в этом мире можно жить годами. Посмотри, — Гермиона махнула рукой в сторону Дуная, — здесь такая же природа, леса, поля… Вторая Земля, отличающаяся лишь тем, что она практически не заселена.

Гарри подошел к самому краю башни и взглянул на ленту реки, поверхность которой окрашивали багровые отблески залитого кровью неба. И еще что-то странное виднелось на другом берегу, совсем рядом с начинающимся лесным массивом. Что-то… похожее на лежавшего человека.

— Гермиона, — он взял ее за руку, указывая на свою находку, — посмотри! Это то, что я думаю?

Она присмотрелась, и безмятежность на ее лице уступила место тревоге, а затем ужасу.

— Полетели! — коротко сказала она и шагнула с крыши, как будто делала это всю свою жизнь.

Задолго до того, как они добрались до места, он уже осознал, что случилось непоправимое. Когда они опустились на землю в двух шагах от тела, волосы зашевелились у Гарри на голове. Гермиона тихо охнула и мертвой хваткой вцепилась в его руку.

На сырой после недавнего дождя земле был начертан едва различимый пентакль десяти футов в диаметре цвета запекшейся крови. В его центре, раскинув руки в стороны и глядя в потемневшее небо мертвыми глазами, лежал Карл Метцлер с навеки застывшем выражением бескрайнего удивления на лице. Его спутанные русые волосы разметались и пропитались грязью. Гарри оглянулся на башню Айзентурма, рядом с которой низко над линией горизонта полыхал яркий лик полной луны.

Гермиона покачнулась, и он обхватил ее за талию, не давая упасть. Она всхлипнула, и повисла на его плече.

— Гарри… Что же это…

— Профессор Квиррелл был прав. Убийца — один из иллюминатов. Скорей всего, один из наших преподавателей. Нам надо срочно возвращаться и рассказать… Постой, что это?

— Где?

— На краю лужи, видишь? Следы.

Они осторожно подошли ближе, обходя тело Карла по возможности дальше. В грязи были отчетливо видны смазанные отпечатки ботинок. Никто из друзей не имел навыков следопыта, и Гарри на ум не приходили никакие заклинания, позволяющие по следам определить того, кто их оставил. Странно, что следы вообще остались: уж для их заметания никаких особых усилий не требовалось. Увы, больше нигде отпечатков не обнаружилось: как видно, оставивший их трансгрессировал или воспользовался «крыльями», чтобы покинуть место преступления.

— Полетели, Гарри.

Гермиона все еще сжимала его руку с такой силой, как будто от этого зависела ее жизнь. И он не имел ничего против: это прикосновение и ему придавало сил

противостоять внезапно нахлынувшему кошмару. Полет к башне был таким же стремительным, как и раньше, но теперь не вызывал восторга. Напротив, у Гарри возникло чувство, как будто по пятам за ними несется невидимый монстр, рассекая темный воздух Сумрака клыкастой пастью. Их новый дом перестал быть гаванью спокойствия и безопасности, превратившись в смертельную ловушку, готовую захлопнуться в любой момент. И они рука об руку сейчас направлялись в ее центр.

В коридорах Айзентурма было почти пусто: большинство учеников разошлись по своим комнатам или прогуливались на территории пара-Ингольштадта. Добравшись до главного холла, Гарри и Гермиона в нерешительности остановились.

— Кому сообщим в первую очередь? — спросил Гарри. — Пойдем к профессору Квирреллу? Он должен быть у себя, он же сегодня просил Карла зайти к нему после занятий… Черт!

— Квиррелл! Ты думаешь, это он?..

— Не знаю, — помрачнев, отозвался Гарри. — Профессор Квиррелл — не самый простой человек, конечно. И меня все еще беспокоит, что его копия, пусть даже искалеченная, сотрудничала с Волдемортом и пыталась меня убить. Но все же… Как-то это совсем на него не похоже. Оставить столько следов, да еще и показать прилюдно, что он имеет мотив… Он может быть убийцей, но он уж точно не дурак.

— Может быть, он как раз и хочет, чтобы мы так думали… Но да, эдак можно про любого сказать, включая и тебя. И все же, Гарри, давай будем осторожны. Надо сообщить кому-то еще. Тому, кто точно не замешан.

— Кому-то из маглов? Может быть, Эльзе Фриз или профессору Вернеру? Они к нам хорошо относятся.

— Лучше всего Адаму Вейсгаупту, — серьезно сказала Гермиона. — Да, он меня тоже пугает, но он определенно не мог быть убийцей, и к тому же ему две с половиной сотни лет. Он всякого повидал, и знает, что делать. Наконец, он тут главный — ему в любом случае сообщат.

Они поспешили к помещению, которое занимал глава Ордена с его техномагической системой жизнедеятельности. По пути им встретилась Зельда Штейн, которая с томной улыбкой кивнула перепуганным друзьям, продемонстрировав полное отсутствие эмпатии, и пошла дальше по коридору. Гарри вспомнились слова Эрики и поспешные объяснения Сарана. Может ли просвещенная Штейн быть убийцей? Может. Черт возьми, да любой маг может. Даже один из учеников может, что бы там ни говорила Эрика. Наверняка и он сам получит статус подозреваемого: после вчерашнего его возможные мотивы — как на ладони.

— Входите, мои юные друзья! — послышался голос просвещенного Вейсгаупта из скрытого в двери динамика, стоило им приблизиться к порогу.

Они, переглянувшись, вошли в помещение, где царил уютный полумрак: как видно, глава Ордена уже отдыхал, когда им пришлось его потревожить.

— Просвещенный Вейсгаупт! — с порога обратился к нему Гарри. — Нам жаль, что побеспокоили вас так поздно, однако случилась трагедия… Мы видели… В общем, произошло убийство. Не на территории Айзентурма, но неподалеку, в зоне Сумрака. И похоже, что убийца где-то среди нас.

Они вкратце изложили все, что им было известно, поминутно перебивая друг друга и самого Вейсгаупта. Последний проявил железную выдержку и хладнокровие, методично задавая относящиеся к делу вопросы и не продемонстрировав при этом ни капли беспокойства или раздражения, чем заслужил искреннее восхищение Гарри.

— Большое вам спасибо, друзья, — сказал наконец Вейсгаупт. — Сейчас я организую срочное собрание ареопага, а вам пока что лучше пойти в свои комнаты. Пока вы не покидаете Башню, вам ничего не угрожает: здесь все под наблюдением. Однако не стоит искушать судьбу. В ближайшее время мы сделаем все для повышения безопасности, но до утра побудьте у себя.

Заверив главу Ордена, что именно так они и поступят, Гарри с Гермионой направились в жилой корпус. Однако за первым же поворотом друзья столкнулись с бледным, как смерть, Сараном, который в испуге отскочил от них, сбивчиво извинился и быстрым шагом пошел прочь.

— Гермиона, смотри! — прошептал Гарри, взяв ее за локоть.

— Что такое?

Ботинки Сарана были безупречно чистыми. Однако на краях штанин сзади виднелись явные пятна грязи.

Глава 6. Ареопаг

— Свидетель Гарри Поттер, — ровным тоном обратился к нему Адам Вейсгаупт, — когда вы в последний раз видели живым Карла Метцлера?

Гарри поднял взгляд на собравшихся членов ареопага. Здесь были все преподаватели Айзентурма, включая и тех, которые вели занятия на старших курсах, — у них он еще не занимался. Ирония судьбы состояла в том, что один из тех, кто его сейчас допрашивает, — наверняка убийца. Кто?

Квиринус Квиррелл, много лет безуспешно пытающийся постичь тайну магической материи в своей лаборатории: быть может, он отчаялся настолько, что пошел на сознательное умерщвление человека, желая добыть из него неведомую субстанцию? Возможно, и впрямь требуется лишить человека жизни, чтобы вдохнуть жизнь в мертвую материю? Он боевой маг, которому уже не раз доводилось убивать. Что, если он решил, что в этой истории цель оправдывает средства?

Таинственная и устрашающая Цао Шу, королева пространства и времени, о целях и мотивах которой никто доподлинно не знает, та, перед которой преклоняются все, кто имеет с ней дело достаточно долго. Не вообразила ли она себя земной богиней, призванной вершить людские судьбы?

Или быть может, это снисходительно-доброжелательный профессор Генрих Крюгер, мастер артефактов, на создании и применении которых базируется вся идеология Айзентурма? Тот, для кого и сам человек — просто еще одно сложное устройство, которое можно переделать или разобрать на части при необходимости?

А как насчет Зельды Штейн, помешанной на кровавых ритуалах древних? Волшебница, тщательно поддерживающая образ современной городской ведьмы из дешевых сериалов с ее распущенными выбеленными волосами, ухоженным лицом и пронзительным взглядом зеленых глаз — так легко влюбляющая в себя оболтусов вроде Сарана, готовых ради нее на все?

Как насчет всех остальных присутствующих магов? Склонный к театральности Конрад Леманн, профессор трансфигурации? Нарочито простая и непосредственная Герда Краузе, преподающая магическую сурвивалистику? Иссохшая от времени и раздражающаяся по любым пустякам Августа Кох, занимающая пост профессора алхимии?

Кто угодно из них. Каждый из этих магов мог иметь как мотив для совершения убийства, так и необходимые средства. Каждый из них выглядел воплощением невинности и демонстрировал решимость докопаться до истины в этом деле.

— Я помню, что Карл был на занятии по теоретической истории, которое вела просвещенная Фриз, — ответил Гарри, стараясь скрыть дрожь в голосе. — На большом перерыве я его не видел и не заметил, куда он направился. На лекции по метрической магии его уже точно не было. Вечером мы с Гермионой наткнулись на его тело недалеко от леса. Это все.

Адам Вейсгаупт медленно кивнул и оглядел других присутствующих учеников седьмого курса.

— Спасибо, Гарри. Кто-нибудь из присутствующих видел Карла Метцлера живым после занятия просвещенной Фриз?

Курт Айхорн нерешительно поднял руку, оглянувшись на Эрику.

— Просвещенный Вейсгаупт… Я не уверен, что это был именно Карл, я специально не следил за ним… Но мне показалось, что сразу после занятия по теоретической истории он пошел в направлении выхода. Если это был он. Мы с Эрикой уже успели отойти и вполне могли ошибиться.

— В направлении выхода, вы говорите? — вмешался профессор Квиррелл, не скрывая саркастических интонаций. — Но в том направлении ему пришлось бы пройти мимо ряда лабораторий и пересечь два коридора, через которые он мог попасть в любое помещение Айзентурма. Разве не так?

— Конечно, профессор, — пожал плечами Курт. — Я вовсе не утверждаю, что он покинул башню. Но двигался он примерно к выходу.

— Большое спасибо, Курт, — снова взял слово Вейсгаупт. — Профессор Квиррелл, свидетели утверждают, что вы попросили Карла зайти к вам после занятий из-за совершенного им… проступка. Насколько я понимаю…

— Разумеется, я его не дождался, — ответил Квиррелл. — Полагаю, к тому времени он уже несколько часов был мертв. Предвосхищая дальнейшие расспросы: весь перерыв и вторую половину дня я был у себя в лаборатории. Но не думаю, что кто-то может это подтвердить, так что алиби у меня нет.

Гарри неожиданно для себя почувствовал укол тревоги и сам себе удивился. Неужели он переживает за профессора Квиррелла, которого совсем недавно считал врагом? Странно, но ему совершенно не хочется, чтобы убийцей оказался тот, чей образ не раз являлся ему в кошмарах, пока его не вытеснили страхи сегодняшнего дня. И все же именно Квиррелл был одной из двух нитей, связывающих его с прежней жизнью, воспоминания о которой до сих пор отзывались в нем мучительной ностальгией.

Может быть, рассказать им о Саране? Если он причастен к убийству, долг Гарри — поставить руководство академии в известность, однако вот так, при всех, бросить обвинение в лицо, возможно, ни в чем не повинного человека — это было для него психологически тяжело. Он все еще хорошо помнил свой прокол на первом курсе в Хогвартсе, когда они с Гермионой сочли злоумышленником Снейпа, чья единственная вина состояла в неприятном нраве.

Гарри поискал глазами Сарана и поразился тому, что Вейсгаупт до сих пор не вызвал того на допрос. Саран был олицетворением нечистой совести: красный, словно вареный рак, он поминутно ерзал, кусал губы, смотрел то в пол, то в потолок, и транслировал в пространство чувство вины с такой интенсивностью, что неладное должен был ощутить даже совершенно бесчувственный чурбан. Гарри решил, что после заседания ареопага он задаст Сарану прямой вопрос относительно его роли в трагедии, а там уж решит, что делать дальше.

— Просвещенная Кох, — продолжал опрос присутствующих Вейсгаупт, — вам удалось определить точное время смерти?

— Остановка метаболизма, — резким скрипучим голосом произнесла Августа Кох, — с наибольшей вероятностью произошла в половину первого по местному времени, в середине большого перерыва. Однако остается возможность использования заклинания с отложенным действием или средств замедления процессов декомпозиции тела. Если убийца поставил своей целью скрыть время преступления, это не составило бы труда ни для кого из присутствующих.

— Это означает, что на данный момент алиби не имеет никто из магов, — резюмировал Вейсгаупт, — а не только вы, просвещенный Квиррелл. Удалось ли установить принадлежность следов, обнаруженных на месте преступления?

— Отчасти, — все так же сухо отозвалась просвещенная Кох. — Две пары отпечатков безусловно принадлежат ученикам Гарри Поттеру и Гермионе Грейнджер. Еще одна пара осталась не идентифицированной, но, судя по размеру и глубине, следы оставлены учеником примерно того же возраста мужского пола. Это произошло до окончания занятий, но наверняка после убийства.

— Это интересные сведения, спасибо. Следовательно, существует еще один свидетель, который предпочел умолчать о том, что видел. Возможно, кто-нибудь из присутствующих учеников желает сделать признание? — спросил Вейсгаупт и выждал с полминуты. Никто из учеников не проронил ни звука, кроме Сарана, который засопел и заерзал громче обычного, поэтому Вейсгаупт пожал плечами, насколько ему это позволял удерживающий его тело экзоскелет, и обернулся к просвещенным. — Есть ли у кого-то из членов ареопага дополнительные соображения?

— Просвещенный Вейсгаупт, — неожиданно подала голос Эльза Фриз, — я располагаю рядом математических моделей, позволяющих оценить вероятность совершения убийства каждым из присутствующих. До конца дня я берусь завершить формализацию и внести модель в наш Гипертьюринг. Если мне будет позволено использовать все его ресурсы, в течение двух дней мы получим результаты.

— Я даю вам разрешение, просвещенная Фриз, — согласно кивнул Вейсгаупт, — однако было бы разумней сделать этот запрос в частном порядке. Полагаю, вы догадываетесь, почему.

— Я буду осторожна, просвещенный, — понимающе улыбнулась она. — А вот сам Гипертьюринг не мешало бы защитить от возможного саботажа.

Когда заседание ареопага завершилось, у них оставалось еще пятнадцать минут до начала лабораторной работы по артефакторике. Лекция по понятным причинам не состоялась, поэтому Гарри получил долгожданную передышку и возможность закрепить уже изученное, не обрушивая на себя очередной поток нового материала. Он уже собрался иди к аудитории, чтобы спокойно просмотреть последнюю изученную тему в учебнике, как его внимание вновь привлек Саран, который неверной походкой двинулся в прямо противоположную сторону.

— Надо поговорить с ним, — ответила Гермиона на невысказанный вопрос Гарри. — И лучше бы это сделать прямо сейчас.

Они нагнали его как раз в тот момент, когда Саран свернул в боковой коридор,

ведущий к жилому корпусу. Обернувшись к ним, он подскочил и заплетающимся языком спросил, что им нужно.

— Есть разговор, Саран, — без обиняков обратилась к нему Гермиона.

— Ты ведь был на месте убийства? — в тон Гермионе спросил Гарри.

— Что? Я не знаю, о чем вы…

— Вчера вечером, — не повышая тона, вновь сказал Гарри. — Ты был в том месте, где мы нашли тело Карла. Ведь так?

— Что за чепуха? Зачем мне было нужно…

— Вот это мы и хотели у тебя узнать, — задушевным голосом спросила Гермиона. — Только не отпирайся, пожалуйста. Мы видели тебя вчера, когда вернулись. У тебя штаны были заляпаны грязью, а с тех пор ты ведешь себя так, как будто тебя к смерти приговорили. Будь добр, объясни, что это значит. Иначе нам придется все рассказать Вейсгаупту.

У Сарана, однако, эта недвусмысленная попытка давления вызвала прямо противоположную реакцию — он взвился, как тогда, в день их прибытия в Айзентурм.

— Да и рассказывайте! Я ничего плохого не делал и уж точно никого не убивал!

— Мы пока и не утверждаем, — начал Гарри, но Сарана было уже не остановить.

— Вы что тут, великими детективами себя вообразили? Я не мог просто на улицу выйти, да? Да тут все вокруг было в грязи после дождя, я где угодно мог забрызгать штанину!

— Но тщательно почистил ботинки от грязи, хотя времени на это у тебя было в обрез, — не сдавалась Гермиона. — А грязь на штанах сзади не заметил. Саран, лучше расскажи правду. Пожалуйста. Или ты хочешь, чтобы подозрение пало на невинного человека?

На секунду Гарри показалось, что Саран уступит: лицо последнего пошло красными пятнами, губы задрожали, взгляд забегал по сторонам. Но в следующее же мгновение он с внезапной злостью посмотрел на друзей и сделал шаг назад.

— Оставьте меня в покое! — огрызнулся он и, резко развернувшись, пошел дальше по коридору, не оборачиваясь.

Они, опешив, какое-то время смотрели ему вслед. Гарри пожал плечами и хмыкнул.

— Вот и поговорили, — покачала головой Гермиона. — Я, конечно, не верю, что убийство — его рук дело, но в самом деле, что ему могло там понадобиться?

— Может быть, все просто? Так же, как и мы, заметил тело, а оказавшись на месте преступления, перепугался, что подумают на него, вот и решил никому ничего не говорить.

Гермиона только развела руками, признавая поражение, и они молча пошли в направлении аудитории. Времени на подготовку уже не осталось, но, быть может, профессор Крюгер войдет в положение: случившаяся трагедия внесла сумятицу, нарушив весь учебный процесс в академии, и не только на седьмом курсе.

— И все же как-то странно это, — наморщив лоб, заметила Гермиона. — Когда Саран успел оказаться на месте убийства? Его уже не было рядом с телом, когда мы смотрели с крыши. И обратно он в это время не летел, мы бы заметили. Трансгрессией он вряд ли владеет — возраст не тот даже по стандартам Айзентурма. А значит он должен был уйти раньше с занятия. Скорей всего, в перерыве.

— Если он ушел раньше, значит о чем-то знал или догадывался. А это значит…

— А это значит, — подхватила Гермиона, — что он знает, кто убийца, даже если сам в этом не замешан. И мне в голову приходит только одна причина, почему он отказывается об этом говорить.

— Зельда Штейн, — задумчиво произнес Гарри. — Неужели все-таки она?

Гермиона одарила его многозначительным взглядом, но так ничего и не сказала.

Лабораторная работа оказалась в этот раз на удивление легкой. Заданием, которое они получили от профессора Крюгера, было изготовление защитной пластины из легкого композитного пластика, способной блокировать ряд простых обездвиживающих заклинаний, и Гарри справился с ним на ура. Попросив разрешения у профессора взять полученный артефакт с собой, Гарри решил опробовать его на занятии Квиррелла, где это будет в высшей степени уместно, и невольно проникся уважением к составителям их учебной программы.

Все, что изучалось в Айзентурме, можно было применять на практике тут же, притом не только в рамках одного предмета. Возможно, академии не хватало сказочной атмосферы Хогвартса с его размеренным темпом жизни и милыми архаизмами, воссоздающими дух средневековья, однако ей не было равных по эффективности в магическом мире. Эффективность была ее религией, ее дыханием и способом бытия.

Гарри начинал улавливать стремительный ритм Айзентурма, понемногу втягиваясь в этот ранее непривычный мир и получая от этого массу удовольствия. В то же время иногда он спрашивал себя, надолго ли его хватит. Не приведут ли эти запредельные нагрузки к выгоранию и нервному срыву? Превратиться в еще одного Сарана — не самая радужная перспектива. Одно его успокаивало: организация существует давно, и тысячи учеников прошли весь процесс обучения, не сломавшись. Наверняка с такими проблемами здесь научились бороться. А раз так, значит он выдержит, чего бы ему это ни стоило.

— Куда ты сейчас? — спросил он Гермиону, когда они вышли из аудитории, в надежде, что она согласится прогуляться с ним во время большого перерыва или просто посидеть в холле.

— Схожу в библиотеку, наверное. Метрическая магия дается мне плохо, а она очень пригодилась бы на уроках профессора Квиррелла.

— Но ведь все книги здесь оцифрованы, и ты можешь просто почитать с экрана перед сном…

— Перед сном я тоже почитаю, Гарри, — улыбнулась она, но увидев выражение его лица, нахмурилась. — Что-то не так? Тебе нужна моя помощь?

Гарри едва не застонал. У него лучшая на свете подруга, всегда готовая помочь в трудную минуту, так что ему грех жаловаться на судьбу. Но черт возьми, почему Гермиона не может понять, что ему просто хочется находиться рядом с ней, говорить о чем-нибудь… может быть, даже держать за руку при этом? Увы, он уже знал ответ на свой невысказанный вопрос. Все просто: она не чувствует того, что он. Тепло и забота — да. Но и только. И нет перспектив для изменения ситуации: они слишком долго были рядом в статусе друзей. Пусть даже было это совсем в другой жизни.

— Нет, все в порядке, Гермиона, — помотал он головой. — Иди в библиотеку. Если что, найдешь меня в главном холле.

Она пожала плечами, еще раз с сомнением оглядела его и повернулась, чтобы уйти. Сделав пару шагов, она замерла и после секундного колебания вернулась. Подойдя почти вплотную, Гермиона сжала его руку и произнесла, глядя ему в глаза:

— Ты говори мне, если что, ладно? Не хочу, чтобы с тобой что-то случилось.

Умеют же девушки спутать карты! Когда она ушла, он с минуту стоял столбом, глядя ей вслед, и в душе его царил сумбур. Что это только что было? Он снова принимает проявление обычной дружеской заботы за порыв нежности или же он просто слеп и не замечает очевидного? И как ему теперь вести себя в ответ? Если не выходить за рамки дружеских отношений, она может принять это за холодность и тогда уж точно не сделает шаг навстречу. Если же сделать этот шаг самому, то можно и с дружескими отношениями расстаться. Он почти наяву видел лицо Гермионы, произносящей свой обвинительный приговор из серии «я-думала-мы-друзья», и мотнул головой, избавляясь от наваждения.

Постояв с минуту, Гарри тяжело вздохнул и побрел в главный холл, где обнаружил группу ведущих беседу однокурсников. Как выяснилось, обсуждали предполагаемую личность убийцы, однако в отличие от момента его первого появления в Айзентурме, в этом разговоре даже и не пахло оживлением, с каким подростки склонны воспринимать зловещие события, не касающиеся их самих. Убийство в стенах академии, да еще и одного из них, разрушило атмосферу захватывающей тайны, окружавшей неведомого мага-преступника, и заставило столкнуться с реальным миром раньше, чем они оказались к этому готовы.

Нет, насколько Гарри мог судить, никто из них не выдавал явного страха: каждый из учеников демонстрировал решимость сражаться за себя и своих друзей, включая даже тихоню-Урсулу и до тошноты правильного Ханса, — программа обучения ориентировалась на эту перспективу с первых же курсов. Но есть в жизни линии водораздела, зайдя за которые, человек необратимо меняется, утрачивая по кусочку то, что оставалось в нем от ребенка. Граница только что была пройдена, и теперь Гарри, уже встречавший смерть лицом к лицу, с невеселым чувством узнавания смотрел на то, как трагедия повлияла на его сокурсников.

— А я думаю, что убийца — просто психопат, собирающий коллекцию, — излагал свою теорию Курт. — Вы обратили внимание на то, что все жертвы разных национальностей? Первая — афроамериканец, потом цыганка, за ней — кто-то из славян, следом — еврей, и вот теперь Карл, немец...

— Не очень сходится. Мать Карла тоже была из иудеев, — возразила Урсула.

— Убийца мог этого не знать...

Гарри подошел поближе, чтобы присоединиться к разговору, но не успел и рта раскрыть.

— Гарри! — обратилась к нему Эрика при его появлении. — Ты понял, о чем говорила Кох? Что еще за следы? Ты их видел?

— Видел, — кивнул Гарри и, повинуясь внезапному порыву, выпалил: — Кажется, я знаю, кто их оставил.

— Что? И ты никому не сказал? — нахмурился Курт.

Гарри вздохнул. Пути назад не было. Возможно, он сейчас испортит жизнь невиновному, но, проклятье, Саран сам напросился. Незачем было вести себя настолько по-идиотски.

— Да, не сказал, — ответил он, — потому что не уверен, что этот человек виновен. Но ведет он себя... странно. Мягко говоря. Наверное, я прошу слишком многого, но мне нужна ваша помощь, ребята.

— Конечно, Гарри, — с оттенком недоумения в голосе ответила Эрика. — Но кто это? Нам-то ты скажешь?

— Это Саран.

Гарри бросил взгляд на потерявших дар речи ребят и начал рассказывать все с самого начала. Они восприняли это легче, чем он опасался: похоже, от неуравновешенного Сарана здесь и ожидали чего-то в этом роде. Когда рассказ был окончен, Курт, почесав лоб, резюмировал:

— Гарри, я понимаю, почему ты смолчал во время заседания ареопага, но дольше молчать нельзя. Надо рассказать.

— Может, вначале все же выяснить, что там за история с Зельдой Штейн и Сараном? — неожиданно возразила Урсула.

— Да и так все ясно, — ответила Эрика. — Штейн — убийца, а Саран — свидетель, который ее покрывает. Дурак влюбленный.

— Ладно, Гарри, думаю, право решать принадлежит тебе, — пожал плечами Курт. — Но я бы на твоем месте не мешкал: ареопаг не из дураков состоит, и возможностей у них побольше, чем у нас. Уж с одним преступником они наверняка смогут управиться. А о какой помощи ты хотел у нас попросить?

— Не упускайте Сарана из виду, — сказал Гарри. — Наблюдайте, что он делает и

куда ходит. Возможно, так мы быстрее сможем выйти на убийцу, чем если сразу его выдадим. Кстати, сейчас он пошел куда-то в направлении жилого комплекса. Возможно, что к себе в комнату, но мог и встречаться с кем-то.

— Я схожу проверить, — кивнул Курт, вставая. — К началу занятия, думаю, успею.

Разговор себя исчерпал, и приятели двинулись по направлению к лекционной аудитории Эльзы Фриз. Гермиона уже была на своем месте в первом ряду: Гарри с удивлением увидел, что она читает немецкое издание «Фауста» Гёте, причем, похоже, начала с последней главы.

— Не знал, что ты увлекаешься классической литературой, — сказал он.

Гермиона вздрогнула, оглянулась на него через плечо и с виноватой улыбкой захлопнула книгу.

— Просто просматриваю. Я уже читала «Фауста» раньше, но только сейчас обратила внимание на некоторые… особенности. Эльза Фриз права: вторая часть действительно может оказаться кодом.

— Готова заключить пари, мисс Грейнджер, что так оно и есть, — послышался голос у них за спиной. В дверях стояла просвещенная Фриз, и Гарри отметил ее усталый и нервный облик, плохо вязавшийся с обычным веселым нравом. Она прошла к доске, развернулась к притихшим ученикам и сообщила: — Добрый день, ребята. Прошу меня извинить, но сегодняшнее занятие по теоретической истории отменяется. Те из вас, кто присутствовал на заседании ареопага, знают, что я занята созданием математической модели для выявления подозреваемых в преступлении. К сожалению, это займет больше времени, чем я предполагала, поэтому я предлагаю вам поработать над материалом самостоятельно. К следующему занятию ознакомьтесь с одиннадцатой и двенадцатой главами. Также вам следует выполнить практические задания в конце каждой из них…

Дверь с грохотом отворилась, и в помещение вошел Курт Айхорн. Найдя взглядом просвещенную Фриз, он в мертвом молчании двинулся к ней. Внутри Гарри беззвучно взвыла сирена: готовилось произойти что-то плохое, чему любой ценой следовало помешать… И все же он не мог сделать ни единого движения: оставалось только смотреть на идущего мимо сокурсника с остекленевшим взглядом, и ощущать растущую лавину обреченности. Что здесь происходит?

— Курт! Ты что это? — вскочила с места обеспокоенная Эрика.

Курт не удостоил ее даже взглядом. Подойдя ближе к озадаченной преподавательнице, он остановился и с деревянной ухмылкой произнес:

— Вы забыли учесть один фактор в своей модели, просвещенная.

— Какой же, Курт? — спокойно спросила Эльза Фриз, изобразив вежливое удивление.

— Меня, — выплюнул тот, и его губы расползлись в сардонической ухмылке, обнажая ряд безупречно белых и ровных зубов, — Авада Кедавра!

Время, казалось, остановилось. Вспоминая этот эпизод, Гарри готов был поклясться, что каждое его мгновение растянулось раз эдак в десять, и то, что произошло в течение секунды, он видел так ясно, как будто смотрел видеоролик в замедленном режиме. Курт вытянул вперед руку с крепко зажатой в пальцах палочкой, и с ее кончика рванулись потоки зеленого огня — смертоносные стрелы магии смерти, против которых бессильна любая защита. Или почти любая. Эльза Фриз темно-синим вихрем крутанулась на месте, уходя с линии атаки и, оттолкнувшись рукой от доски, с силой рубанула ребром ладони по горлу Курта. Заклятие ударило в окно у нее за спиной, даже не задев просвещенную. Курт, захрипев, завалился на парту Гермионы и сполз на пол, смахнув «Фауста».

Эльза Фриз, не обращая внимания на вскочивших учеников, опустилась на колени рядом с Куртом и, нащупав пульс у него на шее, неожиданно суровым голосом произнесла:

— Немедленно позовите кого-нибудь из взрослых магов. Быстро!

Ее слова будто оказались сигналом к началу действия. Пребывавшие в оцепенении ученики повскакивали со своих мест. Ранее стоявший в молчании эльф Перки схватил Гарри за рукав и слезливо запричитал на жуткой смеси английского и немецкого. Ханс и Урсула выбежали из аудитории, Эрика в слезах подскочила к распростертому на полу Курту и опустилась рядом, взяв того за руку. Гарри, помедлив, встал со своего места и подошел ближе.

— Что с ним такое? — спросил он, будучи не силах избавиться от потрясения.

— Догадаться нетрудно, — пожала плечами просвещенная Фриз. — Заклятие Империуса. Кому-то захотелось устранить меня руками бедного мальчика. Похоже, мою модель воспринимают всерьез, хотя она всего лишь оценивает вероятности. Результатов ее работы маловато для того, чтобы выдвинуть обвинение.

В аудиторию быстрым шагом вошел профессор Квиррелл в сопровождении Ханса и Урсулы, мгновением позже прямо перед Гарри появилась Цао Шу, заставив его вздрогнуть. Склонившись над потерявшим сознание Куртом, Квиррелл быстро произнес:

— Фините Инкантатем!

Курт дернулся и на несколько секунд открыл глаза. Гарри увидел, как белая пелена, застилавшая радужную оболочку, растворяется, а взгляд пострадавшего приобретает осмысленное выражение. Затем Курт мучительно выдохнул и снова потерял сознание, спровоцировав очередной приступ рыданий у Эрики.

— Проклятье, я слишком сильно его ударила, — озабоченно произнесла Эльза Фриз. — Рефлексы, будь они неладны. Профессор Квиррелл, надеюсь, мальчик больше не находится под действием Империуса? Получится установить, кто наложил на него эти чары?

— Да, действие заклятия прекращено, — ответил профессор Квиррелл. — Но я сомневаюсь, что мы сможем выяснить его происхождение. Скорей всего, кто-то атаковал его со спины или просто заставил забыть произошедшее. Мы отправим его в медпункт, а вам, просвещенная, советую впредь быть осторожней. Адам

Вейсгаупт предупреждал, что до этого может дойти.

— О, не волнуйтесь, просвещенный Квиррелл, — с безмятежной улыбкой отозвалась Фриз. Теперь, когда непосредственная угроза миновала, она снова казалась воплощением беспечности. — Я не владею магией, но вполне могу за себя постоять, ведь правда?

Цао Шу подошла ближе и протянула руку по направлению к лежащему на полу Курту. Легкий хлопок сомкнувшегося воздуха — и он исчез. Через секунду исчезла и сама Цао Шу, за все время пребывания в аудитории не проронив ни слова. Квиринус Квиррелл несколько секунд изучающе смотрел на Эльзу Фриз, затем покачал головой, хмыкнул и, отвесив ей легкий полупоклон, покинул аудиторию.

Просвещенная Фриз, бросив виноватый взгляд на учеников, развела руками и сделала приглашающий жест к двери. Когда аудитория опустела, она вышла сама, закрыла дверь и пошла по направлению к своей лаборатории. Гарри посмотрел ей вслед. Удивительная женщина. Не маг, но владеет своей собственной скрытой силой и непрошибаемым самообладанием. Впрочем, чему удивляться? Все члены ареопага — личности незаурядные, маги они или нет.

Когда ребята побрели в сторону жилого корпуса, к идущим рядом Гарри и Гермионе подошла Эрика. Ее лицо, обычно веселое, сейчас было красным от слез.

— Гарри! — тихо обратилась она к нему. — Теперь ты видишь? Надо сообщить о Саране. Пока не случилось чего-нибудь похуже.

Гермиона удивленно обернулась к ней, но от каких-либо комментариев воздержалась, разве что обратила вопросительный взгляд к Гарри. Только сейчас он вспомнил, что так и не рассказал ей о своем разговоре с сокурсниками и о том, что отправил Курта… Вот черт!

— Ты думаешь, что это Саран?.. — спросил он Эрику.

— Скорей уж та, кого он пытается прикрыть. Проклятая Штейн! — воскликнула она, снова всхлипнув.

— Хорошо, Эрика, — ответил он, помолчав. — Но давай вначале спросим совета у одного из просвещенных. У профессора Квиррелла. Он придумает, как нам быть.

— Ты доверяешь ему? — спросила Эрика. — Не думаешь, что это может быть он?

Гарри крепко задумался. Да, в его памяти все еще была свежа жуткая сцена у зеркала Еиналеж, и это лицо на затылке «прежнего» Квиррелла еще долго было для него олицетворением всего самого страшного в окружающем мире. Квиррелл был способен принимать жесткие решения, не жаловал слабаков, нередко демонстрировал циничное пренебрежение там, где Гарри скорей посочувствовал бы. Мог ли Квиррелл быть агентом Волдеморта? Если здраво рассудить, — да, мог. Но им мог быть и любой другой — с той лишь разницей, что никого здесь Гарри не знал лучше Квиррелла, не считая разве что Гермионы. И ему нужно было хоть кому-то доверять, иначе он рисковал просто сойти с ума от постоянной паранойи.

— Да, — твердо ответил он. — Я полностью доверяю профессору Квирреллу.

Глава 7. Улика

— Глорификамус фигулюс! — прогремел властный голос Дамблдора, стоящего среди темных стволов.

— Эго парере! — ответил ему Гарри, и тысячи утробных голосов со всех сторон подхватили его крик. — Эго парере! Эго парере! Эго парере!

Он стоял у ворот Храма творения, облицованных чистым, без единой трещинки, мрамором, и мерцающей в лунном свете бронзой. Его окружали големы — тысячи големов, ряды несокрушимых воинов, вылепленных из глины Эдема и оживленных древней магией.

— Итэ, эт интерфичерэ! — голос Дамблдора окрасился шипящими, коварными интонациями, и когда он ступил на мощеную квадратными каменными плитами дорогу, выходящую из ворот Храма, свет луны, пробившийся сквозь плетение густых ветвей, упал на его худое, скуластое лицо. Это был не Дамблдор. Совсем другой чародей стоял перед ними, повелевая оживленной глиной. И глина повиновалась.

— Эго парере! — вновь загрохотали глиняные легионы и, сотрясая землю тяжелой поступью, двинулись в чащу леса. Гарри шел сквозь тьму вместе с ними, и в голове его царила блаженная пустота, лишь изредка оскверняемая отголосками невнятных мыслей. Какие-то утратившие связь события прежней жизни. Забытые мечты, которые теперь не имели никакого значения. Образы людей, которых он некогда ценил.

Откуда-то из-за стены непроницаемой тьмы послышались крики ужаса и боли: порой они резко обрывались, нередко — переходили в протяжный хриплый вой под аккомпанемент глухих тяжелых ударов и мокрого хруста. Потом на его пути стали попадаться первые человеческие тела, вид которых когда-то мог вселить в него ужас. Изломанные, потерявшие форму, залитые кровью, часто — лишенные конечностей трупы были разбросаны на его пути вперемешку с примитивным бронзовым оружием. Некоторых погибших он знал.

Вот этот мальчик с волосами, слипшимися от крови, неподвижно смотрящий на холодный диск луны, — кажется, в другой жизни его звали Карл, и он умер первым. А вот здесь — целая куча мертвых тел. Обугленные и расщепленные разящими заклинаниями деревья вокруг и все еще тлеющий валежник свидетельствовали о том, что в этом месте битва была особенно ожесточенной. Что-то знакомое виднелось в аморфном месиве человеческой плоти: обрывок фиолетовой ткани с вышитыми на ней золотыми буквами: «…и доброму другу Квири…». Почему-то вид его пробудил в обновленном сознании Гарри странное щемящее чувство. Он попытался застонать, но его горло зарокотало не терпящим возражений «Глорификамус фигулюс!»

— Конфринго! — выкрикнул знакомый голос, и темный лес впереди озарился синим светом. Ослепительный луч вонзился в идущего рядом голема, мощный взрыв швырнул его в воздух, и глиняный воин покатился кубарем, ломая сухие ветви.

Гарри сделал еще несколько шагов и вышел на просторную лесную поляну, усыпанную телами погибших. В ее центре, вооруженная волшебной палочкой и

перемазанная кровью, казавшейся черной в лунном свете, стояла совсем юная девушка в изодранной мантии, затравленно озираясь вокруг. Ее левая рука безвольно повисла, из-под рукава сбегала струйка крови, роняя густые капли на истоптанную землю под ее ногами. Услышав звук его шагов, она обернулась и посмотрела ему в глаза. Это была Гермиона.

— Конфрин… — попыталась она вновь прочесть заклинание, но голос подвел ее, и она зашлась сиплым кашлем, рухнув на одно колено.

«Нет!», — попытался завопить Гарри, и отчаяние захлестнуло его, возвращая в прежнее, успешно забытое состояние.

— Глорификамус фигулюс! — торжественно произнес он вместо этого и сделал шаг вперед, занося глиняннную длань для смертельного удара. Гермиона выронила палочку и подняла обреченный взгляд на человекообразный силуэт, закрывший от нее половину неба. В ее глазах промелькнула тень узнавания.

— Это ты, Гарри? — прошептала она и слабо улыбнулась. — Я… хотела увидеть тебя… В последний раз.

«Нет! Господи, нет!» — беззвучно закричал Гарри и нанес удар.

Он лежал у себя в комнате на влажной от пота смятой простыне. Одеяло свалилось на пол и в лучах льющегося в окно лунного света казалось чьим-то мертвым телом — одним из тех, которые он только что видел в лесу у Храма Творения. Едкие слезы заливали глаза, пот холодными струйками скатывался по ребрам, горло саднило от крика, который он только что издавал. В дверь кто-то отчаянно барабанил.

Он сполз с кровати и на подгибающихся ногах прошествовал к выходу.

— Гарри! — услышал он перепуганный голос Гермионы. — Немедленно открой! Что у тебя случилось?!

— Все хорошо, Гермиона, — с трудом произнес он пересохшим ртом. — Подожди минутку, я оденусь.

Он зажег свет, наскоро натянул сложенные у изголовья кровати брюки и футболку, затем вернулся к двери и отомкнул ее. У порога стояла бледная, как смерть, Гермиона, одетая в одну ночную рубашку и домашние тапочки. В руке она держала палочку.

— Гарри, что тут произошло? — спросила она севшим голосом и сделала шаг через порог.

— Все нормально, — промямлил Гарри. — Просто кошмар приснился. Я что, кричал во сне?

— Кричал? — ее лицу постепенно возвращался румянец. — Гарри, я думала, тебя убивают. Хотела уже дверь снести Бомбардой, здесь везде защита против отпирающих заклятий.

— Извини. Это был… очень плохой сон, — Гарри заколебался, следует ли рассказывать его содержание, и решил ограничиться кратким резюме. — Мне приснилось, что ты погибла. Погибла от моей руки.

Гермиона несколько секунд смотрела на него, часто моргая, потом всхлипнула и обвила его шею руками. «Почему она обнимает меня, только когда мне плохо?», — промелькнуло у него в голове, когда он заключал ее в ответные объятия, млея от исходившего от нее странного убаюкивающего тепла. Гарри был готов стоять так хоть до второго пришествия, но тут Гермиона неловко наступила ему на ногу, ойкнула и отстранилась.

— Ты… Ты не представляешь, как ты меня напугал, Гарри, — сказала она и вытерла ладонью набежавшую слезу. — Я решила, что теперь… что теперь у меня вообще никого не осталось.

— Даже не думай об этом! — поспешно ответил Гарри, увидев, что она в одном шаге от того, чтобы разрыдаться. — Гермиона, я никогда не оставлю тебя одну. Я обещаю!

— Ты уж постарайся, — улыбнулась она сквозь слезы. Затем сделала глубокий вдох, успокаиваясь, и посмотрела на висящие на стене электронные часы.
— Еще и четырех утра нет. Завтра будем с тобой сонными мухами на занятиях.

Ее замечание заставило Гарри вспомнить, что с утра у них практикум по боевой магии у Квиррелла, где клевать носом — категорически противопоказано, и он согласно кивнул.

— Конечно, — сказал он. — Ты иди спать. Я ж своими криками тебя из постели выдернул. Странно еще, что всех остальных не разбудил.

Только сейчас она, кажется, сообразила, что ее облачение не очень подходит для того, чтобы ходить по гостям, пусть даже к лучшему другу, и смущенно улыбнулась. Потом шагнула к нему и на мгновение коснулась губами его щеки. Когда к Гарри вернулся дар речи, она уже выскользнула за дверь.

Он сел на край кровати, воскрешая в памяти это мгновение, хотя уже начал сомневаться, не приснился ли ему этот мимолетный поцелуй. Скорей всего, утром именно так ему и будет казаться, но сейчас ему меньше всего хотелось разрушать момент волшебства самокопанием любого вида. Гарри расправил скомканную простыню, растянулся на кровати и закрыл глаза. Он все еще улыбался, когда к нему пришел сон, и до самого утра никакие кошмары его больше не тревожили.

Опасения Гермионы оправдались: оставшегося до утра времени на то, чтобы нормально выспаться, им не хватило, и теперь Гарри имел дело с полным комплектом последствий. Он осторожно пробирался между коробами, прислушиваясь к каждому шороху. На сей раз Квиррелл поставил его противниками сразу троих: Эрику, Герду и Ханса, со своей обычной издевательской улыбочкой сообщив, что шансов у него почти нет, и вопрос лишь в том, сколько он сможет продержаться.

Особых иллюзий на этот счет он и не питал: даже будь он сейчас в прекрасной

форме, что-либо сделать в такой ситуации было бы проблематично. Хорошо еще, что не было Курта, которого на сегодня освободили от занятий: он опасный противник. Оставалось лишь скрываться, уходить от преследования, не позволяя загнать себя в тупик, и лелеять слабую надежду на то, что кто-то из его соперников, не заметив его, подставится под удар.

— Ступефай! — услышал Гарри голос Герды и бросился ничком под прикрытие металлических коробов, успев ощутить, как волосы встали дыбом от близкого удара заклятия. В следующее мгновение укрывавший его короб отшвырнуло в сторону очередным магическим ударом, и в узком проходе он увидел Ханса с нацеленной на него палочкой.

— Экспеллиармус! — выкрикнул Гарри, пытаясь перекатиться в сторону, чтобы уйти с линии огня, и почти сразу почувствовал, как мышцы свело судорогой. Парализующее заклинание, будь оно неладно. На сей раз Герда не промахнулась.

— Полторы минуты, — резюмировал Квиррелл, освободив его от паралича. — Не так уж и плохо, мистер Поттер. Однако это не было проверкой: это был способ освоить на практике особенности сражения против группы противников, и теперь это станет регулярной практикой. Что вы можете сказать о результатах? Какие ошибки вы совершили?

— Наверное, я напрасно выбрал тактику глухой обороны. Мое поражение в таких условиях было делом времени.

— Это верно, — кивнул Квиррелл, — роль пассивной защиты состоит исключительно в том, что она позволяет выиграть время, поэтому никогда не следует полагаться только на нее. Насколько бы сильно вы ни были защищены, рано или поздно противник сможет преодолеть вашу защиту. А раз так, сидеть в окопе, не поднимая головы, — плохая идея. Обеспечив себе приемлемый уровень защищенности, немедленно наносите свой собственный удар. Но это только часть вашей проблемы. Что еще помешало вам одержать победу?.. Ну, кроме того, что вы, похоже, закатили пирушку с друзьями на всю ночь.

Гарри потер ладонью покрасневшие глаза и тряхнул головой.

— Извините, профессор. Действительно плохо спал сегодня.

— Кто-нибудь может предложить тактику, способную повысить шансы одиночки на поле боя? — обратился Квиррелл к притихшим ученикам.

— Использовать артефакты, — предложила Хироко, не поднимая глаз. В последнее время она вела себя до странности тихо и казалась подавленной, тяжело переживая недавние события. Гарри иногда ловил ее печальные взгляды, которые она бросала на него исподлобья, однако не знал, что ей сказать в ответ.

— Очевидное решение, — согласился Квиррелл, ухмыльнувшись, — однако в этом нет специфики сражения против трех человек. Использовать дополнительные средства защиты и более мощное оружие можно и в битве один на один. Я говорю о другом. Сила Гарри — в его дуэльных навыках, которые он получил еще в Хогвартсе, и ему будет несложно одержать верх над любым из этих троих. Но их сила — в численности. Что он может сделать, чтобы лишить

врага силы? Или, еще лучше, обратить силу в слабость?

— Попытаться разделить группу? — подала голос Гермиона. — Заставить их сражаться поодиночке?

— Тоже правильно, — кивнул профессор, — и тоже слишком абстрактно. Как именно это сделать?

Он выжидательно оглядел учеников, которые больше не оглашали никаких новых идей. У Гарри забрезжила смутная, пока еще не оформившаяся мысль, но он не рискнул ее озвучить, предпочтя дождаться, пока она окончательно созреет. Квиррелл тем временем продолжал свои наставления.

— Один из подходов использует тот факт, что в большинстве случаев сражение ведется на плоскости. Если вас угораздило ввязаться в битву с двумя и более противниками, стремитесь занять такую позицию, чтобы ваши враги — хотя бы двое — оказались на одной линии. Как минимум один при этом будет лишен возможности атаковать, а если решится — рискует попасть в спину своему.

— Это непросто… — пробормотал Ханс.

— Любое сражение — это непросто, — ухмыльнулся Квиррелл. — Однако это может спасти вам жизнь, как и владение другими тактическими приемами. А чтобы облегчить себе задачу, никогда не стойте на месте и не сидите в укрытии. Преимущество одиночки в том, что ему нет нужды согласовывать свои действия с другими, и он в любой момент может поменять свой план. Чем менее вы предсказуемы, тем эффективней вы ломаете планы своих врагов. И помните: как правило, выжить — важнее, чем уничтожить противника. Об этом вы, мистер Поттер, и забыли, когда атаковали Ханса, прекрасно зная, что в ответ будете атакованы Гердой. Как следовало поступить в этой ситуации?

— Установить защиту, — ответил Гарри. — Нужно было установить щит и постараться уйти из-под обстрела.

— Хорошо, что вы смогли сделать правильный вывод. Посмотрим, вспомните ли вы о нем на практике. Гермиона, Эрика, Саран, вы будете противниками Гарри на этот раз.

Гарри мысленно присвистнул. Худшей группы для совместной операции Квиррелл при всем желании не смог бы придумать. Саран враждебно относится к Гермионе, потому что она пыталась на него надавить со своим допросом. Эрика подозревает Сарана во всех смертных грехах. Гермиона не доверяет Сарану, но невольно может подыграть Гарри. Он озадаченно посмотрел на профессора, но, поймав ответный взгляд, лучившийся неприкрытой иронией, понял, что Квиррелл пошел на это совершенно сознательно. Зачем? Просто чтобы повысить ему шансы на победу?

С первых же минут сражения Гарри понял, что его шансы против этой группы и впрямь выше. Гермиона осторожничала, Эрика и Саран рвались в бой, отчаянно мешая друг другу. Гарри ходил кругами, выбирая удобный момент. Чертовски жаль, что у него пока нет навыков невербальных заклинаний: можно было бы сбить противников с толку, сдвинув короб с другой стороны арены, чтобы создать шум в ложном направлении. Стоп, но кто сказал, что без магии это невозможно?

Гарри по возможности бесшумно опустился на пол за короб, затем расшнуровал и снял ботинки, после чего начал осторожное сближение с группой, прислушиваясь к каждому шороху. Выйдя к массивному укрытию с двумя проходами по обеим сторонам, он вдруг замер.

— Саран, иди с левой стороны! — послышался тихий шепот Гермионы.

— Не командуй, сам знаю, — угрюмо огрызнулся Саран, и Гарри начал действовать. Оба прохода сейчас контролируются противниками, соваться туда — гарантированно получить удар заклинания. Но можно сделать лучше.

Оценив высоту препятствия, Гарри замахнулся и швырнул пару ботинок по навесной траектории. Сразу же за звуком их падения он услышал крик Сарана:

— Ступефай!

Когда он выскользнул в правый проход, Саран, осознав, что его надули, попытался развернуться, однако было уже поздно: получив парализующим заклинанием в спину, он рухнул, как подкошенный. Теперь Гермиона, которая наверняка побежала к месту его падения, и значит перестала контролировать левый проход. Выставив перед собой палочку, Гарри вышел из-за укрытия влево, но тут его ожидал сюрприз: Гермиона даже и не думала бежать к Сарану, а вместо этого спокойно продвигалась дальше, чтобы зайти к нему с фланга. Гарри рванулся назад за укрытие уже под крик Гермионы:

— Инкарцеро!

Сзади послышался шорох. Эрика! Не тратя времени на то, чтобы развернуться, Гарри выкрикнул:

— Протего!

Почти одновременно с этим он услышал голос Эрики:

— Импедимента!

Выставленный щит выдержал удар, отразив его в обратном направлении: вскрик Эрики сзади свидетельствовал о том, что к этому она не подготовилась. Услышав шорох за укрытием, Гарри попытался отпрыгнуть в сторону, но без ботинка его нога скользнула по гладкому полу, и он самым постыдным образом упал в тот самый момент, когда Гермиона вышла из-за короба и, нацелив на него палочку, произнесла:

— Ступефай!

Луч красного света пронесся над его головой, и позади себя он услышал звук упавшего тела, а на лице Гермионы появилось ошеломленное выражение. Сообразив, что Гермиона только что свалила свою союзницу, Гарри, не вставая, выбросил руку с палочкой вперед и гаркнул:

— Экспеллиармус!

Заклятие бросило Гермиону на пол, ее палочка вылетела из руки и, ударившись

о короб, упала рядом с ней. Гарри вскочил на ноги, нацелил палочку на последнего противника и…

…Его бугристая глиняная рука, мерцая в лунном свете, несется вперед, чтобы сокрушить врага…

— Нет! — прошептал он и отшатнулся.

Гермиона, не теряя времени, подхватила упавшую палочку и, нацелив ее на Гарри, произнесла:

— Инкарце… Гарри, что с тобой?

— Стоп! — рявкнул невесть откуда появившийся Квиррелл. — Что еще за разговоры между противниками?

— Простите, — пробормотал Гарри и без сил опустился на пол. — Мне… нехорошо.

Квиррелл одарил его долгим взглядом, потом покачал головой и усмехнулся.

— Ладно, мистер Поттер. Когда сможете стоять на ногах, займите свое место. На сей раз вы действовали неплохо. — Он вернул в строй Эрику и Сарана, и, как в прошлый раз, обратился к ученикам: — Кто может перечислить допущенные группой ошибки?

Всю оставшуюся часть занятия они изучали основы тактики при работе в группе. Стали ясны мотивы Квиррелла, когда он вынудил сотрудничать вместе людей, на сотрудничество абсолютно не нацеленных: тем проще было разобрать типичные ошибки взаимодействия. Он до седьмого пота гонял их по арене, заставляя составлять планы атаки и защиты, взаимодействовать, используя сильные и компенсируя слабые стороны друг друга, отвлекать огонь на себя, чтобы обеспечить успех группе в целом, вести подавляющий огонь быстродействующими заклинаниями, прикрывая атаку с фланга, словом, делал все то, что Гарри был скорее готов увидеть в магловской военной академии, нежели в школе волшебства.

Должно быть, его сомнения отразились в его взгляде и не остались незамеченными.

— У вас есть предложения по организации учебного процесса, мистер Поттер? — подняв бровь, спросил Квиррелл. — Вы с таким видом меня слушаете, что, кажется, можете предложить что-то получше.

— Профессор, я просто хотел спросить… Не распыляем ли мы наши силы, изучая то, что и без нас изучают маглы? Не лучше ли в совершенстве владеть магией?

— Зачем же останавливаться на полпути в своем рассуждении? — скрестив руки на груди, ухмыльнулся Квиррелл. — Шлифуйте до зеркального блеска свой любимый Экспеллиармус. А другие заклинания пусть изучает кто-то еще.

— Но совместным использованием нескольких заклинаний я могу добиться большего…

Квиррелл только развел руками.

— Что ж, теперь вы знаете ответ на свой исходный вопрос, мистер Поттер. Несложно было, верно? Думайте чаще: это очень полезный магловский навык, и на него стоит время от времени распылять силы.

Когда Квиррелл отошел в сторону, чтобы устроить нагоняй очередной боевой группе, Гарри, поначалу опешивший из-за отповеди профессора, криво улыбнулся и покачал головой. Конечно, к такому преподавателю, как Квиринус Квиррелл, следовало привыкнуть. Не щадящий ничьих чувств, едкий и саркастичный, он без труда мог вогнать в депрессию эмоционально неустойчивого ученика. Но Гарри, кажется, начинал понимать его, и уже не принимал такое поведение Квиррелла за проявление враждебности. Просто он такой, какой есть. Таков его подход к людям и процессу обучения. Не говоря уже о том, что сложно было упрекнуть занятия Квиррелла в недостатке практической пользы.

Большой перерыв спутал все планы Гарри. Он намеревался поговорить с Квирреллом наедине и рассказать о ситуации с Сараном, но сразу после окончания практического занятия профессора облепила орава учеников седьмого и восьмого курсов, и отчаявшись дождаться, Гарри решил отложить разговор до вечера. Отойдя от аудитории, он по привычке отправился было в главный холл, чтобы пообщаться с ребятами, но на полпути вдруг осознал, что разговоры его сейчас только тяготят. Из головы никак не уходил жуткий сон, который он видел ночью. Что это было? Обычный кошмар, результат шока от произошедшего убийства? Или дает о себе знать его происхождение: память о том, кем он был до обретения своей нынешней личности?

Он свернул к выходу, и через пару минут уже вдыхал свежий ноябрьский воздух за пределами башни. Сумрак, который обычно угнетал его неизменно тусклым пейзажем, даже в самые солнечные дни, сейчас воспринимался как спасение. Ему сейчас не хотелось ни ярких красок, ни щебета птиц: все это скорей раздражало бы своей навязчивостью. Тихий полумрак, как в короткие предрождественские дни, — то, что нужно для того, чтобы успокоиться и привести мысли в порядок.

Гарри медленно пошел по мощеной каменной плиткой аллее по направлению к группе зданий пара-Ингольштадта. У него не было никакой определенной цели, да, строго говоря, ничего особенно интересного там и не было. Когда он только прибыл в Айзентурм, он счел, что пара-Ингольштадт — нечто вроде Хогсмида, однако первый же визит оказался полнейшим разочарованием. Несколько мастерских, складов, жилья для обслуживающего персонала, мелкие лавочки — вот и все. В то же время нельзя было отказать этому поселению в живописности: чистое, уютное, почти безлюдное и при этом скрытое ветвистыми кронами дубов, оно идеально подходило для неспешных прогулок.

— Гарри! — услышал он позади себя, вздрогнув от неожиданности.

Обернувшись, он увидел, что от ворот башни к нему бежит Гермиона. Поравнявшись с ним, она махнула рукой в направлении пара-Ингольштадта.

— Ты же хотел прогуляться? — спросила она с улыбкой. — Не возражаешь, если я присоединюсь?

— Э… Нет, конечно, Гермиона. Я всегда тебе рад, — с приятным недоумением отозвался Гарри, — но разве ты не идешь в библиотеку? Я бы подождал тебя, если бы знал…

— Ну, я подумала, что и впрямь могу почитать перед сном. А у нас с тобой редко когда получается просто погулять.

У него потеплело на душе, но потом он вспомнил, чем может быть вызвана такая перемена в поведении подруги, и помрачнел.

— Это ты из-за моего сна, верно? — тихо спросил он. — Боишься, что я могу рехнуться?

Она взглянула на него с упреком и покачала головой.

— Гарри… После всего, что ты пережил в своей жизни, кто угодно будет видеть кошмары. Я не считаю, что ты сходишь с ума или что-то в этом роде. Мне просто хочется быть с тобой рядом, как раньше, в Хогвартсе. Да, здесь у нас гораздо меньше свободного времени, но я не хочу жертвовать нашей дружбой. Даже ради учебы.

Он благодарно сжал ее ладонь, но на душе у него все равно скребли кошки. Да еще и снова это слово… «Дружба». Дружба — это замечательно. Вот только этим словом нередко обозначают нежелание иметь что-либо большее. Когда же он решится спросить у Гермионы напрямую? Возможно, что никогда. Если подумать, она наверняка простит ему этот мимолетный выход за рамки. Но не уйдет ли в этом случае из их нынешних отношений, пусть и неопределенных, та легкость и естественность, присущая им сейчас? Сможет ли она держать его за руку, не думая при этом, что он снова пытается преодолеть установленный для него барьер? Обнять его после долгой разлуки и не ощущать неловкости? Вломиться к нему в комнату посреди ночи просто из-за того, что ему приснился дурной сон?

— Смотри, Гарри! — прервала она ход его тягостных мыслей. — Это… Саран? Что он там делает?

Переглянувшись, они сошли с алеи влево и спрятались за высаженными там кустами барбариса. Его листья почти полностью облетели, но за густыми ветвями и россыпями ярко-красных ягод их сложно было разглядеть, тем более — с такого расстояния. Насколько же не хватает порой мантии-невидимки! Нехватка знаний по артефакторике может быть исключительно обременительной, иначе Гарри уже давно занялся бы изготовлением чего-то подобного, пусть даже ему не удалось бы повторить в полной мере свойства того уникального предмета, которым он обладал в своей прошлой жизни. Что ж, приходилось использовать лишь те средства, которые имелись в наличии и надеяться, что Саран их не заметит.

Поведение наблюдаемого было странным. Он ходил от одного строения к другому, придирчиво оглядывал боковые стены, пару раз забирался в кусты и поминутно оглядывался. Гарри мысленно поразился тому, насколько ужасным можно быть конспиратором. Даже поставь Саран своей целью привлечь к себе максимум внимания, он не смог бы сделать для этого ничего лучшего.

Они осторожно приблизились, продолжая прятаться за кустарником, и как раз

вовремя. Саран, втиснувшись в узкий проход между пищевым складом и двухэтажным жилым домом, разгребал руками насыпанный там гравий. Удовлетворившись результатом, он вытащил из-за пазухи какой-то предмет, положил его в разрытую ямку и обильно завалил сверху гравием. Поднявшись в полный рост, он снова огляделся по сторонам и направился в сторону башни. Гарри и Гермиона застыли, и Саран, не заметив их, прошествовал мимо.

— Пойдем! — сказала Гермиона, убедившись, что Саран достаточно далеко.

Место для тайника Саран выбрал исключительно удачно, и все указывало на то, что он в скором времени рассчитывал вернуться туда вновь. Тихое поселение, где редко кого можно встретить на улице, и при том легкость обнаружения — если знаешь, где искать. Гарри смахнул горку щебня, наваленную Сараном. Под камнями мелькнула мятая газета, в которую был завернут небольшой продолговатый предмет размером с бутылку. Развернув бумагу, Гарри убедился, что это и впрямь бутылочка с широким горлом из-под какого-то соуса, внутри которой лежал свернутый в трубочку лист бумаги, испещренный надписями.

— Похоже на какой-то рецепт, — заметила Гермиона, вглядевшись в написанное. — Достанем его?

Гарри снял крышку, поддел вложенный лист и развернул его. В его центре красовалась тщательно вычерченная чернилами иллюстрация, изображавшая пентакль, по окружности которого располагались руны, большинство из которых ему было незнакомо, а знакомые использовались в каком-то странном контексте. И ему уже доводилось такое видеть.

— Это же… — в смятении проговорил он.

— Это тот самый пентакль, — закончила за него Гермиона. — Тот, что был начертан на месте убийства. Ну-ка дай мне листок… Гм… Похоже, что вырван из какой-то тетради. И довольно старый, бумага совсем пожелтела.

— А что там вверху написано? — полюбопытствовал Гарри.

— Судя по всему, описание магического ритуала. Но это лишь фрагмент текста, начало, должно быть, на предыдущей странице. Смотри сам.

Гарри взглянул на начало текста. Гермиона была права: начало предложения отсутствовало.

«…также бывший ранее членом общества Туле. Он использовал силу Черного Солнца для возвращения цели в первичное состояние, однако, насколько нам известно, добиться успеха ему не удалось. После захвата Вевельсбурга были найдены следы одного из таких ритуалов и ряд документов, которые не успели уничтожить. Выяснилось, что ритуал проводился в полнолуние, а обездвиженная цель размещалась в центре пентакля следующей структуры…»

Дальше следовало изображение пентакля, под которым текст продолжался.

«После этого произносилась ритуальная формула, которую они безуспешно пытались восстановить, используя…»

Последующий текст был совершенно размыт: похоже, нижний край листа в

течение долгого времени лежал в воде. Однако общая картина вырисовывалась и с тем, что есть. У них в руках был документ или, вернее, отрывок из документа, с описанием ритуала, жертвой которого стал Карл Метцлер. Так вот, что Саран нашел на месте преступления!

— Похоже, что Саран знал, кому принадлежит этот документ, — в задумчивости проговорил Гарри. — Но почему он не уничтожил его? Почему не спрятал сразу же, как нашел?

— Хотел вернуть, очевидно. И тем самым заработать расположение хозяина документа. Вернее, хозяйки, — с оттенком иронии отозвалась Гермиона. — Вот только его что-то напугало, и он предпочел отложить эту свою демонстрацию верности до лучших времен.

— Напугало? Но что?..

— Гарри, конечно же, я не знаю. Однако теперь у нас есть серьезнейшая улика, и, думаю, ждать больше нечего. Надо сообщить ареопагу. В том числе и о Саране: пусть он не убийца, но его роль тут очевидна.

Гарри согласно кивнул, посмотрел на часы и поднялся на ноги. До занятия оставалось меньше пятнадцати минут: они как раз успеют к началу, если отправятся немедленно. А сразу после этого можно будет отправиться к профессору Квирреллу или к самому Вейсгаупту и все рассказать. Он почувствовал смутную тревогу от необходимости отложить общение с ареопагом, и поначалу не мог понять, что послужило ее причиной. Через секунду он вспомнил.

— Гарри, — посмотрела на него Гермиона, которой в голову, похоже, пришла та же самая мысль, — а ведь сейчас у нас…

— Я помню, Гермиона, — кивнул он, — сейчас начнется семинар у Зельды Штейн.

Глава 8. Рукопись

Зельда Штейн по своему обыкновению вошла в аудиторию походкой модели на подиуме и обворожительно улыбнулась, откинув белые волосы через плечо. Гарри невольно покосился на Сарана, который сидел с отвисшей челюстью и буравил просвещенную взглядом, полным слепого обожания. Ответный победоносный взор преподавательницы говорил о том, что именно на этот эффект она и рассчитывала. Похоже, ее нисколько не смущало, что женская часть аудитории при ее эффектном появлении закатила глаза, а мужская, включая и Гарри, неловко заерзала на своих местах.

— Добрый день, мои дорогие, — промурлыкала Штейн. — Сегодня мы с вами продолжаем изучать технику использования рун для формирования и модификации перманентных магических эффектов…

Гарри почти не слушал. Эту тему он в любом случае знал неплохо, а сосредоточиться было тяжело после всего, что он узнал в последнее время. Хуже того, полученная информация порождала куда больше вопросов, чем могла прояснить. Черное Солнце, Вевельсбург, общество Туле, первичное состояние… О чем шла речь в таинственном документе?

— Есть ли какие-нибудь вопросы перед тем, как мы приступим к расчетам? — спросила Зельда Штейн. — Гарри, вы кажетесь озадаченным. Вам что-то непонятно?

— Н-нет, — пробормотал застигнутый врасплох Гарри, лихорадочно подбирая подходящий вопрос, — я просто… Я просто хотел спросить, что такое Черное Солнце?

Он тут же пожалел о своих словах, но было уже поздно. Как его угораздило ляпнуть такое? Штейн догадается, что ему что-то известно, а если убийца — действительно она, последствия могут быть какими угодно. Однако выражение ее лица отобразило лишь легкое удивление, и ни капли беспокойства.

— К нашей теме это, конечно, не имеет никакого отношения, но если уж вам интересно… — Она пожала плечами и подошла к доске. — Черное Солнце — очень древний символ. Говорят, что он ведет происхождение из самой Атлантиды, а его отголоски встречаются в самых разных культурах, хотя чаще всего он появляется в древнегерманской и алеманнской. Его начертание напрямую связано с изображением свастики, и этот символ тоже имеет крайне дурную репутацию благодаря инициативам Трейтьего рейха, в оккультной практике которого он активно использовался.

Зельда Штейн повернулась к доске и нарисовала две концентрических окружности. Затем соединила их общий центр с внешней окружностью двенадцатью зигзагообразными линиями, каждая из которых походила на стилизованное изображение молнии. Гарри невольно потер лоб, где когда-то красовался шрам точно такой же формы.

— До сих пор доподлинно неизвестно, соответствует ли это изображение чему-то реально существующему, — продолжала Штейн. — В некоторых источниках утверждается, что Черное Солнце — не что иное, как символ погасшей звезды, которая вращается вокруг нашего Солнца по очень далекой орбите, отчего мы

не можем ее наблюдать непосредственно. Другие же утверждают, что это просто символ, обладающий, тем не менее, собственной силой: просвещенная Кох наверняка сможет вам расказать о его применении в старых алхимических методиках.

Гарри задумался. Если Зельда Штейн имеет отношение к убийству, то она ничем не выдала своего участия. Не ошибся ли Саран, сочтя, что найденный им лист с диаграммой принадлежит Штейн? А вдруг это из какого-то дневника Августы Кох? Если Черное Солнце использовалось в качестве алхимического символа, то это вполне возможно. К тому же просвещенная Кох подозрительно много смогла установить о времени и обстоятельствах убийства за очень короткий срок: не могла ли она попросту сообщить то, что ей известно? Или даже исказить истину с тем, чтобы пустить расследование по ложному следу? Черт возьми! Чем больше им известно, тем более запутанной становится эта история: такое впечатление, что любая новая информация не проясняет, а напротив, затуманивает обстоятельства трагедии.

— Но почему вы спрашиваете, Гарри? — вкрадчивым голосом спросила Штейн, не выходя из роли роковой женщины.

— Просто… попалось упоминание где-то в учебной сети, — на ходу сочинил он, стараясь не смотреть ей в глаза и умирая от досады. «Проклятье, я, наверное, веду себя сейчас не лучше Сарана».

— Вот как, — с понимающей улыбкой отозвалась она, склонив голову набок.
— Ну ладно. Тогда, если других вопросов нет, вернемся к нашему занятию…

Гарри поймал встревоженный взгляд Гермионы и в очередной раз мысленно обругал себя последними словами. Теперь им следует действовать быстро, чтобы Штейн не успела ничего предпринять, если, конечно, она вообще собирается что-то делать в этой связи. С другой стороны, после того, как она назвала имя Августы Кох, он снова стал серьезно сомневаться в том, что обнаруженный листок принадлежит ей. Но тогда с чего в этом был настолько уверен Саран? Впрочем, в его случае это наименее серьезный из вопросов: Саран по уши в тайнах, и даже не особенно скрывает это.

Когда занятие завершилось, Гарри, едва высидевший до конца, подхватился с места, не очень любезно толкнув задремавшего рядом Перки, и почти насильно потащил за собой Гермиону. Отведя ее в сравнительно безлюдную часть коридора, он озвучил то, о чем думал на семинаре.

— Послушай, Гермиона, я дурака свалял с этим своим вопросом, поэтому теперь нам следует поспешить. Первым делом я пойду и все выложу Квиррелллу, как мы и собирались, а заодно и покажу ему улику. Ты сейчас иди в свою комнату, и вплоть до заседания ареопага никому не открывай. Я доверяю Квиррелллу, но если он все же виновен и захочет избавиться от меня, кто-то должен знать правду.

— Не говори так! — приглушенным голосом воскликнула Гермиона, округлив глаза. — Пойдем вместе и…

— Нет, ни в коем случае. Мы не можем так рисковать: если виновен Квиррелл, ему не составит труда покончить с нами обоими одним ударом. А так он, возможно, поостережется, не зная, что известно тебе.

Гермиона только хмыкнула и покачала головой.

— Он не дурак, Гарри. Он прекрасно понимает, что ты первым делом все рассказал бы мне. И почему ты решил, что он обязательно захочет с нами разделаться? На его месте я бы даже вида не подала, что знаю больше окружающих об этом деле. Напротив, пошла бы на заседание ареопага и пересказала все, что мне довелось услышать… Внеся нужные исправления, конечно.

— Вот именно. И это второе, о чем нужно позаботиться. Я бы хотел быть уверен, что он расскажет ровно то, что мы расскажем ему. Если он так и сделает, значит он наверняка чист. Но для этого нам потребуется подслушать то, что говорится на ареопаге. Нам нужен артефакт: портативное подслушивающее устройство. И как можно быстрее.

— Но где ты возьмешь его? Такие шпионские штучки в местных магазинах не купить. Разве что сам сделаешь на занятии Крюгера, но…

— Но я не смогу, — кивнул Гарри. — Я пока еще профан в артефакторике.

Это было правдой. Невозможно далеко продвинуться в настолько сложной дисциплине за какой-то месяц занятий, пусть даже длительных и регулярных. Артефакты, которые ему удавалось изготавливать, мало отличались от обычных зачарованных предметов, хотя он уже научился работать с композитными материалами, внедряя чары, индивидуальные для каждого из компонентов. Однако наверняка есть те, кто готов помочь. Гермиона, очевидно, пришла к тем же выводам.

— Обратись за помощью к кому-нибудь из наших. К Хироко — она лучше всех на курсе в этом разбирается.

— К Хироко? — недоверчиво переспросил Гарри. — Ты смеешься? Чего доброго, она вообразит, что это знак внимания. Ты же знаешь…

— Да, я знаю, что она с первого дня на тебя неровно дышит, — заулыбалась Гермиона. — Но, согласись, тебе это только на руку. Она с радостью поможет.

— Лишь бы она тоже потом от разочарования не запустила в меня Круциатусом, — проворчал Гарри, но спорить не стал.

Распрощавшись с Гермионой, он, недолго думая, направился в столовую. Было бы гораздо удобней перехватить Хироко именно там, нежели нагрянуть с визитом в ее комнату. Мало того, что это без пяти минут нарушение личного пространства, так еще и наверняка заставит ее сделать неверные выводы. К счастью, его ожидания оправдались. Едва войдя в полупустую столовую, Гарри приметил одиноко сидевшую за столиком в углу японку, весь вид которой выражал крайнюю степень уныния. Взяв стакан апельсинового сока, Гарри подошел к ней и попросил разрешения составить компанию.

— Конечно, Гарри, — с просветлевшим лицом кивнула Хироко, и он примостился рядом. Она выжидательно смотрела на него, и Гарри понял, что медлить нельзя: девушка может вообразить, что он намерен объясняться ей в любви, потому и не решается начать разговор. Озвучить свою просьбу относительно

подслушивающего устройства в этом случае — значит заведомо огорошить ее и наверняка оттолкнуть.

— У меня к тебе огромная просьба, Хироко, — начал он. — Мне нужен артефакт для подслушивания разговоров. Крохотный, который можно незаметно подкинуть в карман человеку. Я еще долго не смогу такой изготовить, а для тебя это, вероятно, — пара пустяков. Ты не могла бы мне помочь с этим? Я был бы ужасно благодарен.

Его просьба Хироко нисколько не удивила и, похоже, даже обрадовала.

— Еще в прошлом году я изготовила пару миниатюрных звуковых трансляторов, — кивнула она, — но там требуется небольшая доработка. Я изначально планировала создать просто устройство связи. Завтра, на занятии по артефакторике я доведу их до ума, и с обеда ты можешь ими пользоваться. Но зачем тебе?

— Это… Это связано с убийством, — уклончиво ответил Гарри. — Я подозреваю одного человека и хочу кое-что выяснить.

От него не укрылся восхищенный взгляд Хироко, который, впрочем, сразу же сменился тревогой.

— Но, Гарри, это же может быть опасно! — сказала она. — Ты сам знаешь, убийца ни перед чем не остановится. Вначале Карл, потом покушение на просвещенную Фриз…

Он заверил ее, что примет все меры предосторожности, и уже собрался было прощаться с девушкой, как вдруг вспомнил, что хотел задать ей еще один вопрос. Но как спросить об этом, не задев ее? Разве что зайти издалека и надеяться, что она сама расскажет то, что его интересует.

— Хироко, — нерешительно начал он. — Ты помнишь день, когда мы с Гермионой впервые оказались в Айзентурме?

— Конечно, — улыбнулась она. — Мы тогда точно так же сидели в столовой, и профессор Квиррелл познакомил нас.

— А когда вы проводили нас до наших комнат… Я уже закрывал дверь, но вы там говорили о чем-то еще. Ты не помнишь, о чем?

Она изменилась в лице и опустила глаза.

— Н-нет, Гарри, боюсь, что уже не вспомню. Это ж давно уже было.

Но он видел, что она все прекрасно помнит: невозможно было иначе интерпретировать ее красноречивое поведение. А раз не хочет говорить… Значит ли это, что ответ Гермионы был ей неприятен? Гарри еле сдержался, чтобы не расплыться в улыбке, но тут же напомнил себе, что это еще ничего не значит, и он не может доподлинно знать мотивы Хироко. Лучше не тешить себя надеждой в ситуации, когда от него мало что зависит. Поэтому он лишь сдержанно кивнул девушке на прощание и направился к выходу из столовой. День подходил к концу, и ему оставалось реализовать последнюю часть запланированного на сегодня.

Профессор Квиррелл долго не открывал, и раздосадованный на собственную медлительность Гарри уже собрался было уходить, сочтя, что тот покинул лабораторию раньше обычного. Однако после третьего звонка дверь внезапно раскрылась, и на пороге полутемного помещения Гарри увидел знакомый силуэт.

— Входите, мистер Поттер. Не задерживайтесь. Эта смесь обладает повышенной светочувствительностью.

Гарри вошел в лабораторию и сразу же пребольно ударился коленом об угол высокого и почти невидимого во мраке стеклянного шкафа, заслужив раздраженное замечание Квиррелла. Он разместился в предложенном профессором кресле и осмотрелся. Лаборатория напоминала ту, в которой был размещен портал, перебросивший их из Хогвартса в Албанию. Три лабораторных стола, шкафы с образцами, большой чан с вязкой красно-коричневой жижей, подогреваемый массивной газовой горелкой, которая давала тусклое синее пламя.

— Вы по-прежнему работаете над тем же, профессор? — не удержался Гарри от вопроса.

— Да, над тем же, — бесстрастно ответил Квиррелл. — Я уже говорил, что у нас не так много времени, поэтому я не могу себе позволить переключаться на второстепенные вопросы. Мне удалось неплохо продвинуться за последний месяц, но работы еще навалом. Если бы у меня были достаточно большие запасы настоящей глины Эдема, все было бы не в пример легче… Правда, тогда и актуальность моего исследования оставляла бы желать лучшего.

Он встал, подошел к чану и увеличил скорость работающей магнитной мешалки. Пузырей, время от времени всплывавших на поверхность жижи и лопающихся там с гадким болотным чавканьем, стало заметно больше. Квиррелл вновь повернулся к Гарри.

— Так с чем вы пришли ко мне, мистер Поттер? — спросил он.

— Профессор… Я хотел кое-что рассказать, — помедлив, сказал Гарри. — Новые сведения относительно убийства. Может быть, мне следовало пойти с этим сразу к просвещенному Вейсгаупту, но у меня есть вопросы, которые я хотел бы задать вам до этого.

— Ну что ж, выкладывайте, что там у вас, — сказал Квиррелл, усевшись напротив и сложив пальцы в замок. — На оправдания времени можете не тратить: до главы ордена я это и сам могу донести.

— Мне кажется, Саран Санкуратри, — с трудом выговорил Гарри непривычное для европейца имя, — покрывает убийцу. И у меня очень веские основания подозревать это, профессор.

Он вытащил из сумки «Математические методы в технике применения долговременных чар», раскрыл учебник на середине, откуда извлек листок, найденный в тайнике Сарана, и протянул его Квиррелу. Тот взял находку в

руки, пробежал по ней глазами и вопросительно посмотрел в ответ. Гарри, тщательно подбирая слова, принялся рассказывать с самого начала.

За время его рассказа Квиррелл не проронил ни слова, однако услышанное явно не повысило ему настроения. Он некоторое время посидел молча, глядя на лист в руках, потом резко встал и подошел к стеллажу, где без видимой системы были расставлены книги, надписи на корешках которых Гарри в полумраке разобрать так и не смог. Порывшись с минуту на верхней полке, Квиррелл осторожно извлек одну из книг, довольно ветхого вида, и стал медленно перелистывать ее страницы.

— Профессор? — не выдержал Гарри. — Вы знаете, откуда эта страница? И что означает этот пентакль?

— Что означает пентакль, я знал уже после первого из убийств, благо в городских газетах были фотографии. Во всяком случае, я знал его происхождение, если не конечную цель ритуала.

— Почему же вы не сказали?..

Квиррелл хмыкнул и вгляделся в разворот книги. Там виднелись следы вырванной страницы, и он удовлетворенно кивнул, поместив туда принесенный Гарри листок бумаги. Затем профессор шепнул «Репаро!», захлопнул книгу с восстановленной страницей и протянул ее Гарри. Тот взглянул на обложку и с трудом прочел почти стертые буквы: «Отчет о расследовании деятельности Аненербе, 1948». Ниже было указано авторство: «Леонард Спенсер-Мун, министр магии Великобритании».

— Что я должен был сказать вам, мистер Поттер? Тут одной короткой фразой не отделаешься: это гигантский пласт истории. Местным магам этот символизм прекрасно знаком, но лишний раз о нем стараются не говорить: слишком уж свежи в памяти события середины века. Мрачный эпизод в истории магии, да и не только магии.

— Нацистский оккультизм? — припомнил Гарри не раз слышанный им ранее термин.

— Да, хотя это лишь часть правды, — кивнул Квиррелл. — По своему происхождению этот символизм имеет к нацизму не больше отношения, чем свастика, которая использовалась еще семнадцать тысяч лет назад как минимум.

— Значит эта рукопись, — Гарри потряс «Отчетом», — из вашей библиотеки? Как тогда объяснить поведение Сарана?

— Объяснить несложно, — Квиррелл взял рукопись из рук Гарри и поставил ее на прежнее место в стеллаже. — Я взял «Отчет» у Зельды Штейн пару недель назад, а до этого он лежал на столе в ее кабинете, где Саран не раз его видел и, вероятно, даже пролистывал, раз уж узнал, откуда эта страница.

— Так вы думаете, что это все-таки просвещенная Штейн?

— Скорей уж кто-то желающий обвинить ее. Или, — подумав, добавил Квиррелл, — меня. Видите ли, мистер Поттер, я прочел рукопись от корки до

корки еще неделю назад, и уверяю вас, вырванных страниц в ней тогда не было. Убийца вообще не нуждался в том, чтобы выдирать оттуда страницу, поскольку во всех ранее проведенных ритуалах прекрасно обходился без нее. Нас попросту желают пустить по ложному следу или вконец запутать.

— Вы кого-то подозреваете, профессор? — спросил Гарри. Он испытал огромное облегчение оттого, что Квиринус Квиррелл, судя по всему, в истории никак не замешан. Конечно, профессор мог на ходу сочинить эту историю, но в его словах Гарри не заметил ни капли неискренности. Возможно, это наивность, но лучше уж так, чем видеть возможного убийцу в каждом встречном.

— У меня есть кое-какие соображения, — уклончиво ответил Квиррелл. Напряженная работа мысли проявилась на его помрачневшем лице, однако догадаться о направлении его размышлений было невозможно: профессор оставался верен себе. — Но в любом случае завтра после обеда что-то должно проясниться: Гипертьюринг завершает работу с моделью просвещенной Фриз.

— Но Эльза Фриз говорила, что этого недостаточно для обвинения, — ответил Гарри.

— Но достаточно, чтобы сделать собственные выводы. Я знаком с этим классом моделей: они позволяют не только ткнуть пальцем в наиболее вероятного преступника, но и дать обоснование этому выбору. Ступайте к себе в комнату, Гарри, и постарайтесь до завтра не покидать ее лишний раз. Спасибо, что все рассказали. Это многое проясняет в истории.

Гарри кивнул, поднялся из кресла и направился к двери. Уже взявшись за ручку, он обернулся и спросил:

— А зачем вам понадобилась эта рукопись, профессор?

— Затем, что оккультная организация Аненербе под руководством Генриха Гиммлера пыталась найти то, что я намерен создать своими силами, — ответил Квиррелл, — и во многом, между прочим, преуспела, начиная с обнаруженного ими Храма Творения. В этой небольшой книжечке Спенсер-Мун изложил все, что магическому сообществу тех времен удалось выяснить о результатах, достигнутых Аненербе. До сих пор я имел дело с компилятивными материалами, но на сей раз решил ознакомиться с первоисточником. И довольно, Гарри. У нас еще будет время обсудить это в деталях, когда угроза останется позади. Идите.

Гарри, в очередной раз кивнув, вышел за порог. Сделав пару шагов, он услышал приближающийся сзади топот, сопровождаемый тяжелым дыханием. Гарри резко обернулся с тем, чтобы увидеть, как мимо него проносится Саран собственной персоной. Лицо индийца было перекошено отчаянием.

— Что случилось, Саран? — крикнул ему Гарри.

Тот бросил в ответ безумный взгляд, но ничего не ответил и, не сбавляя скорости, понесся в коридор, ведущий к жилому корпусу. Гарри удивленно пожал плечами и двинулся следом. Айзентурм, по идее, должен растить элиту магического мира, но для элиты здесь чересчур много неуравновешенных личностей, пусть даже правы те, кто утверждают, что от гениальности до безумия — один шаг. Да что там, ведь и у него самого явно не все ладно с психикой: не могло на нем не отразиться все, что он пережил в прошлом. Гибель

родителей, издевательства Дурслей, неоднократные попытки его убить, перевоплощение в голема — каков предел прочности у несформировавшейся личности? Где та грань, за которой он сам начнет визжать, носиться по коридорам и швыряться в окружающих Круциатусом?

И тут его словно окатили ледяной водой. С какой целью Саран бежал в жилой корпус? Что, если там что-то случилось? Еще одно убийство? Саран каким-то образом раньше всех узнал о произошедшем с Карлом: не мог ли он тем же способом узнать об очередной трагедии?

Гермиона. Она ведь там одна в своей комнате, и из соседей у нее никого, кроме самого Гарри. Никто не услышит крика — как никто, кроме Гермионы, не услышал его собственных воплей ночью. Гарри сжал зубы и побежал. Он не думал о том, что выглядит сейчас ничем не лучше безумного Сарана. Он бесконечно сожалел о том, что на занятиях по метрической магии был недостаточно усерден, что он не может мгновенно оказаться в жилом корпусе, просто слегка искривив пространство силой разума. Даже понимая на уровне рассудка, что от таких способностей его отделяют не менее трех-четырех лет тяжелейшей учебы.

Вот жилой корпус. У входа он чуть не сбил с ног стайку девчонок с младших курсов, которые отскочили в стороны, проводив его удивленными взглядами. Еще один поворот и ряд дверей вдоль изогнутого коридора. Четыреста четырнадцатая — там никто не живет. Четыреста пятнадцатая — там тоже пусто. Интересно, почему их разместили обособленно от всех? Четыреста шестнадцатая — его собственная. Четыреста семнадцатая. Гарри остановился перед ней, обливаясь потом. Сердце бешено колотилось, и отнюдь не только от непривычной физической нагрузки. Дверь закрыта, и на ней нет никаких следов повреждений. Но много ли это значит для убийцы, способного беспрепятственно проникнуть в запертую и наверняка снабженную защитными чарами лабораторию самого Квиррелла, чтобы похитить страницу из рукописи?

Гарри поднял руку, чтобы постучать, и замер. Что, если в ответ на стук последует только тишина? Что, если дверь со скрипом отворится, и там, в центре пентакля он увидит ее, смотрящую в потолок немигающим мертвым взглядом? Что, если… Он помотал головой, чтобы отогнать жуткое видение и забарабанил в дверь обеими кулаками.

— Гермиона! Гермиона, ты дома?!

Пугающая тишина почти сразу оказалась нарушена звуком шагов. Замок щелкнул, и дверь отворилась, явив изумленное лицо Гермионы. Она уже переоделась в домашнее и, судя по раскрытой книге на столе за ее спиной, освещенной настольной лампой, спокойно читала до самого его шумного появления.

— Гарри? Что с тобой случилось? Ты весь мокрый!

Он без сил прислонился к косяку двери и облегченно рассмеялся. Потом снова посмотрел ей в лицо и невольно замер. Отблески заката падали ей на распущенные волосы, отчего те казались объятыми пламенем. Легкое домашнее платье до колен, так похожее в вечернем полумраке на греческий хитон Гекаты, подчеркивало девичью стройность ее фигуры. И в ее взгляде было что-то такое… Ум, доброта и при этом — почти детская наивность с ее ничем не

запятнанной верой в справедливость. Гарри шумно выдохнул. В этот момент он с предельной ясностью осознавал, что готов отдать за нее свою жизнь: без колебаний и сомнений, так же просто и естественно, как сказать «Привет!» при встрече.

— Гарри? Да на тебе лица нет. Заходи, — она посторонилась, пропуская его в комнату.

— Да нет, все в порядке, — через силу улыбнулся он. — Просто решил, что тебе угрожает опасность, вот и бежал, как оглашенный, через весь Айзентурм. Я… Я пойду к себе, приму душ. От меня сейчас запашок, наверное, тот еще.

— Н-ну как знаешь, — с сомнением ответила она, не сводя с него пристального взгляда. — Заходи, если что. А вообще, лучше тебе сегодня пораньше лечь спать. День завтра обещает быть суматошным.

— Куда уж больше? — усмехнулся он и, махнув на прощанье рукой, направился к своей комнате.

Заперев за собой дверь комнаты номер четыреста шестнадцать, он с минуту стоял неподвижно. Все обошлось — на этот раз. Но только сейчас он в полной мере постиг смысл слов, сказанных Квиреллом совсем недавно. «Правда состоит в том, что мир магов опасен…» До последнего времени он понимал опасность как нечто угрожающее ему самому: с этой угрозой он вырос и сжился, а страх смерти стал для него чем-то отстраненным и почти нереальным, несмотря на то, что он любил жизнь. Но теперь он воочию видел и чувствовал, что такое настоящая опасность. Что такое угроза близкому человеку, по сравнению с которой страх за собственную шкуру — что комариный укус. Мир магов опасен, и Гермиона — самый близкий для него человек — жила в центре этого мира.

Он последовал ее совету. Принял душ, разложил постель, задернул шторы и забрался под одеяло, вслушиваясь в шум порывистого ноябрьского ветра за окном. Сон долго не шел, и он не заметил перехода в незаметно подкравшийся мир грез.

Там был лес — тот самый, окружающий руины Храма Творения, но на сей раз он стоял в одиночестве, и никто не гнал на кровавую бойню легионы глиняных големов. Он прошел по каменным плитам, не выдержавших адского пресса столетий и обратившимся в потерявшие форму каменные обломки. Провел пальцами по изъеденной дождями и буйной растительностью колонне. Шагнув в черный провал входа, он вдруг услышал голос.

«Не доверяйте духам темноты, — задыхаясь, шептал кто-то скрытый в глубине храма, — роящимся в ненастной серой дымке». Гарри знал продолжение этого четверостишия из «Фауста» Гёте. Он остановился и проговорил во тьму: «… Какими б ангелами доброты ни притворялись эти невидимки»*. Ответом ему был только раскатистый смех, многократно отраженный от древних стен, и ему уже доводилось слышать этот смех раньше.

Примечание к части

* Здесь и далее "Фауст" Иоганна Гёте цитируется в переводе Бориса

Пастернака. Исключение составляют некоторые места с авторским переводом либо переводом Н.А. Холодковского, в которых требуется более точное соответствие немецкому оригиналу.

Глава 9. Обвинение

— Гарри! — к нему быстрым шагом направлялась Хироко, протягивая что-то в раскрытой ладони. — У меня все получилось. Я проверила, прекрасно работает.

— Подслушивающее устройство? — обрадовался Гарри. — Здорово! Спасибо тебе, Хироко. Я навсегда твой должник.

Она смущенно улыбнулась и даже покраснела от удовольствия.

— Мне это самой было интересно. Только, пожалуйста, не попадись с ним.

Гарри взял в руки два совершенно одинаковых металлических диска размером с монету и недоуменно покрутил их в пальцах. По их виду сложно было догадаться как об их назначении, так и о способе применения.

— Как ими пользоваться? — спросил он, поднеся один из дисков к глазам.

— Просто сжимаешь пальцами один транслятор, чтобы услышать, что происходит в окрестностях второго. — Она продемонстрировала это на одной из «монет». — Звук передается через резонирующую костную ткань, так что окружающие ничего не услышат. Но имей в виду: если второй транслятор обнаружат, то его могут использовать, чтобы подслушивать твои собственные разговоры. Если хочешь этому воспрепятствовать, используй на своей стороне заклинание Муфлиато и не забывай его обновлять.

— Хироко, это потрясающе! — с искренним восхищением воскликнул он, вконец смутив японку, которая от волнения нервно хихикнула, переведя свой взгляд в направлении центра Земли, и довершил расправу: — Ты будешь великим мастером артефакторики, это я тебе гарантирую.

Насилу распрощавшись с Хироко, которая, похоже, намеревалась сопровождать Гарри до конца жизни, он уже собрался перейти ко второму этапу своего плана и подбросить артефакт одному из членов ареопага, как вдруг в конце коридора увидел застывшего Сарана, что моментально испортило ему настроение. Индиец, набычившись, смотрел в сторону Гарри, и вид его не предвещал ничего хорошего. Надежда на то, что это рядовое проявление неприязни, рассеялась сразу же, как Саран медленно пошел к Гарри, не отводя от него мрачного взгляда. Гарри мысленно собрался, пытаясь подготовиться к неизбежному конфликту, но тягостное ощущение никуда не делось.

— Я знаю, что она у тебя! — подойдя вплотную, сказал Саран безо всяких предисловий.

— О чем ты говоришь, Саран? — попытался изобразить удивление Гарри.

— Страница! Я знаю, что это ты взял ее! — с неподдельной яростью в голосе крикнул Саран, заставив окружающих обернуться на них. Эрика и Курт, все еще бледный и осунувшийся после действия заклятия Империус, переглянувшись, настороженно направились к ним. — Верни ее, чертов мошенник! Вор!

Гарри вздохнул. В принципе, особой необходимости скрывать свою

осведомленность у него уже не было, а вконец зарвавшегося Сарана давно пора было поставить на место. Поэтому он холодно улыбнулся и с расстановкой ответил, с удовольствием отметив отсутствие дрожи в своем голосе:

— Страницы из рукописи Спенсер-Муна у меня уже нет. Я отдал ее просвещенному Квиреллу, и он наверняка сообщил об этом Адаму Вейсгаупту и всему ареопагу. У тебя была возможность…

Лицо Сарана стало пунцовым, дыхание пресеклось: Гарри на мгновение даже испугался, что тот свалится от инсульта. Однако вместо этого он с бессвязным воплем выхватил палочку и, нацелив ее Гарри в грудь, взвизгнул:

— Фурну… Фукурнулус!

— Правильное заклинание — «Фурункулус», Саран. — Подошедший профессор Вернер вырвал у него из рук палочку и покачал головой. — Даже я, магл, это знаю. Гнев — препаршивый советчик.

Квиринус Квиррелл, который подошел к месту конфликта вместе с Вернером, бросил насмешливый взгляд на Гарри, остолбеневшего от стремительного развития событий.

— Я вижу, мистер Поттер, добрых друзей вы в любом коллективе найдете. Уже второй сокурсник за неделю пытается вас изувечить у меня на глазах. Хорошо хоть без непростительных заклинаний на этот раз. — Он повернулся к Сарану, которого трясло то ли от ярости, то ли от страха. — Вы, Саран Санкуратри, пойдете с нами на заседание ареопага. Собственно, за вами мы и явились.

Он положил руку на плечо индийца. Тот рванулся, но освободиться от железной хватки профессора было непросто: Квиррелл лишь сильнее сжал пальцы, заставив Сарана вскрикнуть. Профессорская мантия коснулась Гарри, и тот, сделав над собой усилие, избавился от оцепения. Как можно более естественно он изобразил попытку помочь и, протянув руку над карманом мантии Квиррелла, разжал пальцы, надеясь, что никто не заметил выскользнувшего из них крошечного металлического диска.

Дело было сделано: теперь оставалось лишь ждать начала заседания. Однако Гарри по-прежнему ощущал озноб от мысли о том, что Квиррелл обнаружит его попытку шпионажа. И дело было не в том, что тот может наказать его: больше всего его страшил разочарованный и презрительный взгляд профессора — и последующая холодная отстраненность, исключающая возможность любых доверительных отношений в будущем.

Когда Сарана увели, к Гарри тихо подошла Гермиона.

— Все получилось? Что теперь?

— Да, вроде бы никто не заметил, — мрачно кивнул Гарри, все еще терзаемый ненасытной совестью. — Теперь не спеша пойдем к месту заседания. Я хочу быть рядом, если…

— Если что? Ты в любом случае услышишь то, что там происходит, а помочь вряд ли сможешь. К тому же это может быть опасным. Если они смогут выявить убийцу, тот может попытаться взять заложников или устроить что похуже.

Гарри призадумался. В нелогичности Гермиону нельзя было упрекнуть, и меньше всего на свете он желал бы подвергнуть ее угрозе. Но он хотел своими глазами увидеть убийцу — после того, как предпринял столько усилий, расследуя это дело. Никаких рациональных оснований этому не было, но он не смог бы успокоиться, даже зная о торжестве правосудия.

— Ты права, Гермиона. Давай, ты останешься здесь или пойдешь к себе. Но я сам отправлюсь за Квирреллом. Хочу это видеть.

Гермиона покачала головой, взяла его под руку и потащила туда, где уже скрылся Саран со своим конвоем.

— Я уже говорила, Гарри, что когда-нибудь ты будешь великим волшебником. Но сейчас ты великий болван. Неужели ты думаешь, что я брошу тебя одного? Если уж рисковать, то вместе.

Он хотел было с серьезным видом возразить, но его губы предательски дрогнули и расплылись в дурацкой улыбке. После этого увещевать Гермиону было бесполезно, как ни стращай ее перспективой стать жертвой случайной Авады, оказавшись в гуще магического конфликта. Она бросила на него взгляд и тоже заулыбалась, отчего все его терзания как ветром сдуло, а на душе стало так легко, как никогда раньше. Им могла угрожать смертельная опасность, и мир, как и прежде, таил в себе мрачные тайны, но его лучшая подруга была готова встретить любую угрозу рядом с ним, плечом к плечу. И она улыбалась — как могла улыбаться одна Гермиона. Чего еще он мог пожелать?

Когда они добрались до места, Квиррелл уже закрывал за собой дверь. Выглянув в коридор напоследок, он приметил Гарри с Гермионой, и по его лицу скользнула тень ироничной ухмылки — за мгновение до того, как дверь захлопнулась. Они приняли решение разместиться в углу главного холла, оставив в поле зрения коридор и дверь в кабинет Вейсгаупта, где собрался ареопаг.

Гарри извлек из кармана мантии второй транслятор и сдавил его пальцами, надеясь, что сможет хотя бы в общих чертах понять, о чем говорится на заседании: вряд ли кто-то там станет говорить по-английски.

— …Сегодняшнее собрание, — донесся до него четкий голос Адама Вейсгаупта. — Просвещенный Квиррелл желает сделать заявление.

— Просвещенные, у меня есть относящаяся к делу информация, которой я хотел бы поделиться, — заговорил Квиринус Квиррелл.

— Ты что-нибудь слышишь? — спросила Гермиона и, когда Гарри утвердительно кивнул, протянула руку к транслятору. — Интересно, услышу ли я, если коснусь?.. О, мне тоже слышно! Говори, если что-то не поймешь: я переведу.

Ее предложение было в высшей степени уместным: Гарри не понимал и половины произносимых слов, однако Гермиона заверила его, что пересказ Квиррелла точно отражал то, что им было известно о роли Сарана, и значит поводов для беспокойства у них оставалось меньше. Когда Квиррелл завершил свое выступление, слово снова взял Вейсгаупт.

— Ученик Саран Санкуратри, желаете ли вы чистосердечно изложить все обстоятельства вашего участия в преступлении?

За его вопросом наступила тишина, нарушаемая только редкими шорохами. По всем признакам обвиняемый не спешил сотрудничать со следствием.

— Вы понимаете, молодой человек, что от ваших показаний зависит не только ваше будущее, но и будущее невинных людей, которые могут быть ложно обвинены? — настаивал Вейсгаупт. — На данный момент мы еще не приняли решения о вашем отчислении из академии. Но это безусловно произойдет, если вы будете препятствовать расследованию.

— Я не делал ничего плохого, — послышался тихий голос Сарана. Его агрессивную манеру речи как рукой сняло. — Я просто оказался на месте убийства раньше всех и… взял вырванную страницу, которая там лежала.

— Иными словами, вы ушли до конца занятия и направились на другой берег. Это сложно назвать обычной прогулкой. Что заставило вас отправиться туда? Вы что-то знали? Кто-то сообщил вам о трагедии?

Саран молчал, и Гарри услышал отголоски тихих разговоров просвещенных между собой. Похоже, они начинали терять терпение, и общее настроение ареопага выразила Августа Кох.

— Вам помочь, юноша? — раздался ее раздраженный голос. — У меня не менее литра сыворотки правды, на всю академию хватит. И если сейчас вы не расскажете все, что относится к этому делу, под действием препарата вы расскажете и то, что к нему не относится. Уверяю вас, это будет не самый приятный опыт в вашей жизни.

Послышался явственный всхлип: похоже, Саран наконец-то осознал, насколько плохи его дела.

— Так напоите вашей сывороткой всех магов в академии и спросите, кто из них убийца! — истерически выкрикнул он.

— Если у преступника ума чуть больше, чем у вас, мой милый юноша, он уже выпил антидот. Так что прекратите пререкаться и рассказывайте, — по стальным интонациям в голосе Августы Кох нетрудно было догадаться, что она почти достигла точки кипения. Понял это и Саран.

— Мне сказал сам Карл, понятно?! — с вызовом воскликнул он. — Ходил с утра мрачный, как ночь, а на перерыве вдруг расцвел и побежал к выходу. Когда я спросил у него, что случилось, он ответил, что она назначила ему свидание в лесу… И нагло улыбался мне при этом.

— Кто «она»? — спросил Вейсгаупт. — Кто назначил свидание Карлу?

— Теперь я и сам ничего не понимаю. Тогда я решил, что это Хироко: он же по пятам за ней ходил, хотя ей-то на него всегда наплевать было. Но потом, на метрической магии у Цао Шу я увидел, что Хироко на месте, а Карла нет. Я и решил тогда…

— Что вы решили, Саран?

— Я подумал… что он мог говорить… о просвещенной Штейн. — Последние слова индиец выговорил почти шепотом.

— Что, простите?! — От возгласа Зельды Штейн уши Гарри почти заложило. — Да вы в своем ли уме, молодой человек?

— А что мне еще было думать? — с плаксивыми интонациями отозвался Саран. — Он так нагло ухмылялся, я и подумал… Он же знает, как я отношусь… И я пошел в лес, чтобы проверить…

Наступила мертвая тишина: поначалу Гарри даже решил, что транслятор внезапно перестал работать. Но почти сразу она сменилась шумом голосов: члены ареопага, судя по отдельным доносившимся из этой какофонии фразам, выражали свое нелестное мнение об умственных способностях обвиняемого.

— Господи, какой дурак-то! — Гермиона даже прикрыла глаза от избытка эмоций. — Он не под Конфундусом случайно?

— Хорошо, мы уяснили ваши мотивы, Саран, — со вздохом произнес Вейсгаупт, — и в общих чертах можем восстановить последующие события. Вы прибыли на место еще до окончания занятий, где обнаружили тело, но не увидели просвещенной Штейн. Однако подобрав страницу, вы смогли идентифицировать книгу, из которой она вырвана. Зная, что книга принадлежит Зельде Штейн, вы сочли, что она заманила Карла в лес, где провела над ним смертоносный ритуал. И решили ей доказать свою верность, умолчав о своей находке, а потом и вернув ей найденную улику. Я ни в чем не ошибся?

— Все так и было, — тихо ответил Саран и громко всхлипнул. Зельда Штейн вполголоса произнесла какую-то короткую экспрессивную фразу на немецком, которую Гермиона, покраснев, переводить отказалась.

— Почему же вы не вернули страницу сразу?

— Я хотел просто вставить ее в книгу, ничего не говоря просвещенной Штейн. Но книги у нее не оказалось. А эти новенькие из Хогвартса за мной по пятам ходили, да и другие тоже. Вот я и решил ее спрятать на какое-то время.

— Что ж, это многое объясняет, — ответил Вейсгаупт. — Вы вряд ли могли знать, что рукопись в момент совершения убийства находилась у другого преподавателя, а именно, у профессора…

Он внезапно замолчал. Что происходило в помещении, Гарри не знал, однако все хранили молчание, пока Вейсгаупт, наконец, снова не заговорил:

— Прошу прощения, просвещенные, я только что получил уведомление, что Гипертьюринг завершил работу и может озвучить результаты моделирования. Открываю доступ.

Послышался низкочастотный сигнал, напоминавший звук трубы парохода, вслед за которым безупречно поставленный мужской голос громко возвестил:

— Моделирование успешно завершено. Поступившая на вход выборка полностью обработана, разультаты отсортированы по убыванию вероятности. Первый в

списке — просвещенный Квиринус Квиррелл, вероятность — ноль точка семь ноль один один, вторая в списке — просвещенная Августа Кох, вероятность — ноль точка один четыре…

Ареопаг взорвался: последующий гам напрочь заглушил слова Гипертьюринга, продолжавшего невозмутимо зачитывать остальные пункты списка. Гарри в смятении посмотрел на Гермиону, чтобы увидеть в ответ такой же ошарашенный взгляд. Квиррелл! Все-таки Квиррелл — именно тогда, когда Гарри окончательно перестал подозревать его. «Не доверяйте духам темноты…» Проклятье! Мало ему было купиться на уловки профессора в первый раз, так нет же, он, как последний дурак, повелся снова, хотя знал, что Квиррелл может быть очень убедительным, если захочет.

— Не делайте скоропалительных выводов, — донесся сквозь шум холодный голос Квиррелла. — Если бы я был убийцей, то уж точно не стал бы совершать преступление там, где живу. Разве что знал бы, как свалить вину на кого-то еще.

— Просвещенный Квиррелл, — вновь заговорил Адам Вейсгаупт, когда голоса стихли, — в вашем положении наиболее естественная линия защиты — именно та, которую вы избрали. Заявление о том, что вас подставили. Однако алиби у вас нет, а по результатам моделирования ваша вероятность имеет семикратное превосходство по сравнению с ближайшим подозреваемым. Гипертьюринг, детализируй результаты по просвещенному Квирреллу!

— Привожу список факторов с положительными весовыми коэффициентами, — немедленно отозвался Гипертьюринг. — Результаты анализа интеллектуального и психологического профиля демонстрируют высокую эмоциональную устойчивость, скрытность, развитое тактическое мышление, отсутствие психологических барьеров перед нанесением увечий и убийством, ориентированность на достижение цели высокой ценой, склонность к риску. Интеграция исходящего и входящего трафика во внутренней сети Айзентурма с результатами распознавания образов видеопотока камер слежения показывают полное отсутствие алиби в обозначенный период времени. Речевой анализ записанных выступлений просвещенного Квиррелла и его опубликованных работ позволяет оценить иерархию целей, демонстрирующую высокую корреляцию с возможностью ритуального убийства в рамках магического обряда. Интеграция свидетельских показаний прочих лиц…

— Достаточно, Гипертьюринг. Вам это кажется неубедительным, просвещенный Квиррелл? Поймите меня правильно: я не выношу финальный вердикт на основании результатов моделирования. Разумеется, мы полностью проверим все результаты, равно как и саму модель. Но в настоящий момент я вынужден вас арестовать и поместить в Штальбокс.

— Подумайте о том, с какой целью меня могли вывести из игры, — невозмутимо отозвался профессор. — Не для того ли, чтобы я не помешал осуществлению планов убийцы?

— Помимо вас в Айзентурме предостаточно сильных магов, — не менее спокойно возразил Вейсгаупт. — Зачем устранять именно вас?

— Спросите об этом у настоящего преступника, когда сможете его найти.

— Непременно, просвещенный Квиррелл. А сейчас будьте любезны, не сопротивляйтесь. Просвещенные Цао Шу, Зельда Штейн и Конрад Леманн, конвоируйте обвиняемого в Штальбокс.

В душе у Гарри бушевала буря сомнений. Позиция Вейсгаупта была понятна и логична: действительно, все указывало на профессора Квиррелла, и последний не мог противопоставить доводам обвинения ничего серьезней смутных подозрений. Но почему-то Гарри не покидала уверенность, что окажись Квиррелл убийцей, он позаботился бы о своей защите куда лучше. Разве что все происходящее входит в его планы или же…

— При всем уважении, просвещенные, я не намерен отправляться в заключение, — заявил профессор.

— Просвещенный, что вы?.. Остановите его!

На глазах у Гарри и Гермионы поперек главного холла внезапно выросла идеально ровная зеркальная стена, преградившая выход из башни. На ее поверхности возникло искажение, от которого во все стороны побежали круги, как от камня, упавшего в воду. В их эпицентре материализовался Квиринус Квиррелл, который со сдавленным проклятием рухнул на пол. Когда он поднялся, перед ним уже неподвижно стояла Цао Шу в своем фиолетовом кимоно.

— Я не позволю вам уйти, просвещенный Квиррелл, — тихим бесстрастным голосом сказала она. — Вернитесь назад.

— Вы знаете, что я не вернусь, — Квиррелл на мгновение исчез, но тут же появился почти на том же месте, вновь покатившись по полу.

Цао Шу даже не изменила выражения лица, лишь на мгновение ее взор затуманился от мимолетного психического усилия.

— Вы мой лучший ученик, просвещенный Квиррелл, но пространство и время — моя специальность. Боюсь, вам придется убить меня, чтобы преодолеть топологические разрывы.

— Никто никого не убьет, Цао Шу, — произнес Квиррелл, вновь поднимаясь на ноги. — Просто отпустите меня. Вы меня знаете: я не убийца. И я должен быть на свободе, иначе может случиться непоправимое. Вы ведь помните, кто наши враги и чего они добиваются.

Из коридора выбежали несколько членов ареопага и, не сговариваясь, пошли широкой цепью на Квиррелла.

— Профессор! — вскочил Гарри, наконец преодолевший оцепенение, охватившее его при начале конфликта. Никто на него даже не обернулся: все участники предстоящего сражения были предельно сосредоточены. Их облик претерпел разительные изменения. Кокетливая ведьма Зельда Штейн по-волчьи пригнулась, черты ее лица хищно заострились, она вытянула перед собой пальцы, по которым змеились крохотные электрические разряды. Конрад Леманн, профессор трансфигурации, медленно продвигался вперед, и глаза его светились недобрым огнем. Профессор Крюгер с холодной отстраненностью поднял на уровень груди неизвестный Гарри артефакт сферической формы,

излучавший слабый багровый свет. Гарри никогда не видел настоящую битву действительно сильных магов, но от сконцентрированной в помещении энергии у него побежали мурашки по коже.

— Мистер Поттер, — спокойно сказал Квиррелл, — уходите отсюда и уводите мисс Грейнджер. Возможно, мы больше не увидимся, так что будьте осторожны впредь.

— Нет… — прошептал Гарри и в следующее мгновение осознал, что они с Гермионой стоят в коридоре напротив кабинета Вейсгаупта. Цао Шу перебросила их подальше от места схватки, не дожидаясь согласия.

Холл вдали озарился ослепительной вспышкой, потом еще одной. Чей-то крик боли, затем грохот, ударивший по барабанным перепонкам даже вдали от центра битвы. Гарри, знаком попросив Гермиону остаться, побежал в направлении холла, мысленно умоляя все высшие силы, чтобы не добраться до места слишком поздно.

Прямо перед ним пространство дрогнуло, и он увидел рухнувшего без чувств Конрада Леманна. Обогнув тело, Гарри выбежал в холл и остановился в смятении. Просвещенные вповалку лежали на полу. Штейн, растерянно обхватив голову, сидела на полу и по всем признакам не понимала, что происходит. У стены, опершись на нее, стоял профессор Квиринус Квиррелл. На его правой руке красовался свежий ожог, щека была рассечена, края мантии дымились.

Один из упавших, в котором Гарри узнал профессора Крюгера, с усилием поднялся, слизнув струйку крови из рассеченной губы и быстрым движением метнул в Квиррелла металлический предмет. В полете артефакт вспыхнул алым огнем, и в стену, где только что стоял Квиррелл, вонзились десятки металлических игл.

— Вы всерьез пытались убить меня, коллега? — спросил Квиррелл, который теперь стоял за спиной Крюгера, и коснулся ладонью его затылка. Просвещенный Генрих Крюгер без единого звука рухнул на пол и остался лежать.

Только сейчас, глядя на следы оконченной битвы, Гарри по-настоящему понял, почему профессор Квиррелл преподает именно боевую магию. Изо всех чародеев Айзентурма никто не мог с ним тягаться в бою, быть может, за исключением Цао Шу.

— Стоило оно того, просвещенный Квиррелл? — спросила китаянка, которая за все время сражения, похоже, даже не двинулась с места.

— Свобода и не такого стоит, просвещенная Цао Шу, — устало улыбнулся Квиррелл. — В конце концов, никто серьезно не пострадал. А теперь дайте мне уйти.

Она вздохнула, и зеркальная стена, отгородившая выход, исчезла. Квиррелл, прихрамывая, подошел к двери, но, взявшись за ручку, обернулся.

— Кстати, мистер Поттер, — ухмыльнулся он, — затея с транслятором звука была очень недурна. Передайте фрейлейн Хироко мою похвалу, это действительно искусная работа. И пусть кто-нибудь поливает цветы в моей лаборатории.

Счастливо оставаться!

— Ну уж нет, — услышал Гарри за спиной, когда Квиррелл потянул на себя ручку двери.

Из коридора синей молнией метнулась Эльза Фриз, профессиональным движением вскидывая Вальтер.

— Стойте! — крикнул Гарри, но его крик утонул в грохоте выстрела. Он судорожно вдохнул, ожидая увидеть худшее, но сплющенная пуля беспомощно упала на пол, вонзившись в снова появившуюся зеркальную стену, укрывшую Квиррелла непроницаемым щитом.

— Вы хотели убить его! — Гарри почти задохнулся от возмущения. — Он же не преступник!

— Не говорите глупостей, Гарри. Я стреляла по ногам, и любой маг устранил бы это ранение в два счета, — нервно отозвалась Эльза Фриз. — Просвещенная Цао Шу, вы позволили ему уйти! Что вы теперь намерены сказать Вейсгаупту?

— Правду, — безмятежно улыбнулась Цао Шу. — В отличие от молодого профессора Квиррелла, я не буду сопротивляться, если меня отправят в заключение. Я люблю покой и одиночество.

— Особенно зная, что никакие клетки вас там не удержат, — съязвила Эльза Фриз и, спрятав пистолет где-то в недрах мантии, направилась к кабинету Вейсгаупта, пробираясь через толпу сбежавшихся к месту схватки учеников.

Гарри вдруг осознал, что все произошедшее здесь не заняло и трех минут. Реальные сражения скоротечны: они заканчиваются много быстрее, чем обычно описывается в героических эпосах. Он подошел к Цао Шу, которая уже принялась оказывать помощь пострадавшим, и серьезно сказал:

— Спасибо вам, что защитили профессора, просвещенная. Надеюсь, вас не лишат за это свободы.

— Меня невозможно лишить свободы, мистер Поттер, — с едва заметной улыбкой ответила Цао Шу, помогая подняться Зельде Штейн. — Свобода внутри меня, и такая мелочь, как закрытое помещение, нисколько ей не мешает.

Он кивнул и взял за руку подошедшую Гермиону, которую до сих пор трясло от пережитого шока.

— Давай выйдем на улицу, Гарри, — попросила она и вытерла набежавшие слезы. — Мне почему-то тяжело дышать.

Зеркальной стены уже не было, и они беспрепятственно покинули Башню. У него мелькнула мысль, что сейчас, когда почти все маги Айзентурма выведены из строя, планам убийцы и впрямь мало кто способен помешать. С другой стороны, убийца наверняка был среди пострадавших. Или все же нет?

Воздух снаружи приятно холодил кожу и был напитан запахом пожухшей листвы. Гермиона, прикрыв глаза, глубоко вдыхала его, и Гарри почти физически ощущал, как уходит из нее накопившееся за последние дни напряжение. Да и из

него самого тоже: если уж быть честным перед собой, в последнее время он был на грани срыва, и лишь сейчас почувствовал настоящее облегчение. Это было странно на первый взгляд, ведь убийца, кем бы он ни был, все еще на свободе, и смертельная загадка никуда не делась.

Однако эмоциональная встряска порой имеет чудодейственный эффект. Сейчас, по завершении по-настоящему опасного эпизода, он уже ничего не боялся, и окружающий мир при всем его несовершенстве заключал в себе немало таинственного и прекрасного, ради чего стоило жить дальше и не позволять страху брать верх. Он отпустил руку Гермионы и обнял ее за талию, притянув к себе. Она не возражала.

— Как ты думаешь, Гарри, куда теперь отправился профессор Квиррелл?
— спросила она.

Гарри извлек из кармана транслятор и сжал его пальцами. Мертвая тишина была ему ответом. Квиринус Квиррелл покинул Сумрак, и теперь ничто не говорило о его местонахождении.

— Не знаю, Гермиона, — сказал он. — Но я обещаю, что мы найдем его.

Что-то холодное упало ему на щеку. Гарри протянул руку и поймал несколько порхавших в воздухе снежинок, сразу же растаявших на его ладони. В пара-Ингольштадте начиналась зима.

Глава 10. Ингольштадт

— Иллюминати интрабит хик! — произнес Гарри слова, которые впервые услышал от профессора Квиррелла целую вечность назад.

Ставшее привычным тусклое солнце вспыхнуло адским прожектором, заставив их прищуриться, — даром, что было низко над горизонтом. В уши влилось многоголосие бурлящей вокруг жизни: шелест шин паркующихся рядом с Нойе Шлосс автомобилей, смех и разговоры прохожих, мерные удары какого-то механизма вдалеке, семенящие шаги по металлическому настилу Донауштег… В первое мгновение Гарри захотелось заткнуть уши. Гермиона, страдальчески наморщив лоб, осматривалась вокруг, и, судя по всему, испытывала такой же дискомфорт.

Однако выбравшись из облезлых зарослей кустарника на открытое пространство, Гарри с удивлением обнаружил, что почти забытые ощущения возвращаются к нему и начинают по-настоящему радовать. Мир Сумрака был по-своему прекрасен, но сейчас Гарри ощущал, насколько же ему не хватало этого бьющего по всем чувствам потока информации, этой яркости и громкости, от которой навсегда отгородился призрачный Айзентурм.

Обогнув замок, они прогулочным шагом отправились на северо-запад, и, миновав несколько маленьких кафе и магазинчиков, вышли на Людвигштрассе, которая живо напомнила Гарри Косой переулок в Лондоне. В преддверии Рождества улочку превратили в кусочек зимней сказки. На стенах домов, столбах и рекламных стендах переливались всеми цветами гирлянды, особенно яркие на фоне начинающего темнеть неба. После приглушенного освещения Сумрака от всей этой иллюминации захватывало дух и создавалось по-настоящему праздничное настроение, несмотря на то, что Рождество в Айзентурме не праздновали, а до Нового года и последующих зимних каникул оставалась еще тяжелая экзаменационная неделя. К счастью, преподавательский состав академии вошел в положение и снизил уровень требований с учетом напрочь дезорганизованного учебного процесса в этом семестре.

Конечно, после сражения в холле и бегства профессора Квиррелла было сделано все возможное, чтобы вернуть жизнь в академии на прежние рельсы. Проведение занятий по боевой магии теперь возложили на Цао Шу. Гарри подозревал, что это было сделано как минимум отчасти в отместку за то, что она выступила на стороне беглеца, но не мог не признать, что лучше нее с этой должностью из оставшихся преподавателей не справился бы никто. Ее подход заметно отличался от того, что они привыкли видеть на уроках Квиррелла, но был по-своему эффективным: Цао Шу делала упор не на тактику и командную работу, а на индивидуальное развитие и постоянную готовность к битве.

Преодолев порог вхождения, Гарри наконец-то начал делать успехи в немецком, и теперь вполне мог бы обойтись без помощи Перки на занятиях. Последний, впрочем, все еще был рядом, но ограничивался эпизодической помощью в особо трудных моментах. В области артефакторики им с Гермионой приходилось изучать материал с опережением программы и внеклассными занятиями — и это тоже не замедлило дать свои плоды: к концу этой недели профессор Крюгер подозвал их к себе и сообщил, что со следующего семестра они могут посещать занятия вместе с учениками четвертого курса.

Словом, жизнь продолжалась, и к чести иллюминатов сказать, продолжалась она неплохо. Однако никакие их усилия по возвращению ситуации в прежнюю колею обмануть Гарри не могли. Дело так и не было закрыто. Убийца все еще оставался на свободе и продолжал находиться среди них, а невиновный человек — Гарри сохранял убежденность в невиновности Квиррелла — по-прежнему пребывал в изгнании. Неделю назад, в полнолуние, все ожидали очередного ритуального убийства, но оно так и не произошло — или же на сей раз убийца предпочел замести следы. Многие утверждали, что это прямое свидетельство виновности Квиррелла, который теперь продолжает убивать где-то вне Ингольштадта, но ни Гарри, ни Гермиона не верили, что это правда.

Поэтому, когда нынешним утром ректор академии и глава ордена Адам Вейсгаупт объявил, что послеобеденных занятий в последний день перед экзаменационной неделей не будет, они с готовностью ухватились за возможность выбраться из Сумрака и предпринять еще одну попытку установить связь с пропавшим профессором. Увы, пока что транслятор не передавал ни единого звука. Быть может, Квиррелл уничтожил артефакт, чтобы его не могли отследить?

Они зашли в кафе с непроизносимым названием «Эрлёйхтетенгартен», владелицей которого была Софи Вундерлих — приятного вида светловолосая женщина, проживавшая в пара-Ингольштадте: де факто кафе было местом проведения досуга для учеников и преподавателей Айзентурма вне Сумрака, хотя, конечно, никто не возбранял посещать его и простым смертным, которые, как правило, и составляли большинство посетителей.

— Ты думала о том, что будешь делать, когда все это кончится? — спросил Гарри, сев напротив Гермионы за простым деревянным столиком в ожидании заказа.

— Что кончится? История с убийствами?

— Не только. Когда Волдеморт будет побежден, когда мы окончим академию — что тогда?

Гермиона пожала плечами.

— Ты же слышал, что говорил Квиррелл. Магический мир всегда был опасен, что с Волдемортом, что без. Ты знаешь, Гарри… Когда меня приняли в Хогвартс, мне показалось, что я очутилась в сказке. Наверное, дети волшебников… Я имею в виду, те, которые воспитывались в семье волшебников, воспринимают это иначе: для них магия — заурядная часть реальности. Они не строят иллюзий. Для меня же волшебство всегда было неотъемлемым признаком добрых историй, которые рассказывают детям на ночь. А потом — все это. Иногда мне хочется, чтобы я никогда не знала этой стороны мира, и сказка оставалась бы сказкой.

— Но… возможно, она все же останется сказкой. Если все кончится хорошо. Если мы сможем найти и наказать преступника, победить Волдеморта и спасти невинных людей.

— Мы никогда не сможем спасти всех, ты же понимаешь, Гарри? Уже не смогли. А после Храма Творения…

Гермиона опустила голову: казалось, она вот-вот заплачет. Гарри протянул руку и сжал ее пальцы. Они оказались ужасно холодными, хотя в помещении было тепло, да и на улице отнюдь не буйствовал мороз.

— После Храма Творения, — продолжала Гермиона, — я поняла, насколько легко можно потерять вообще всех, даже если никто не погиб. Я теперь боюсь сильно привязываться к людям. В Айзентурме замечательные ребята, но у меня до сих пор нет новых друзей. Чем больше близких людей, тем больнее в итоге, когда остаешься без них.

Гарри помрачнел. Если даже новых друзей Гермиона заводить не желает, вряд ли она сможет решиться на что-то большее. Но он никуда не спешит, а ситуация может измениться, как и отношение к ней Гермионы. Поэтому он просто кивнул, не удержавшись, однако, от вздоха, что не укрылось от ее внимания.

— Однако я не собираюсь избавляться от привязанностей, которые у меня уже есть, — тепло улыбнулась она ему.

У него отчаянно защипало в глазах, и он поспешно вытащил из кармана транслятор, чтобы переключиться на другую тему.

— Попробую-ка я еще раз послушать, не появился ли профессор на связи, — сказал он и сжал транслятор пальцами.

— Ну наконец-то! — загремел в ушах голос Квиррелла, заставив Гарри подскочить на месте. — Вы меня слышите, мистер Поттер?

Гарри, округлив глаза, посмотрел на Гермиону. Она поняла его без слов и коснулась пальцем транслятора.

— Д-да, профессор Квиррелл, — тихо произнес Гарри. — Я вас слышу. С вашей стороны очень долго не было никакого сигнала, и мы уж решили…

— Прошу меня простить, но это моя собственная мера безопасности. Я не был уверен, что вторую часть транслятора у вас не изъяли.

— А теперь? И откуда вы узнали, что я подключился?

— А теперь я придумал, как внести небольшую модификацию в устройство, позволяющую мне точно знать, кто и когда подключается на той стороне, — со смешком ответил Квиррелл. — Так что теперь у нас есть постоянный канал связи. Увы, на связь выходить можете только вы, если только Хироко не поможет вам с аналогичным усовершенствованием. До тех пор о моем подключении вы знать не сможете.

— Но… Профессор Квиррел, где вы сейчас? И что нам теперь делать? — спросил Гарри, и его собственный вопрос показался ему до смешного нелепым. Откуда профессору знать, что им делать? У него своих проблем полон рот.

— Вы, кажется, упоминали имя просвещенного Квиррелла? — прозвучал голос у него под ухом.

Он вздрогнул и затравленно обернулся, увидев мило улыбавшуюся им Эльзу Фриз в компании Курта и Эрики, и по возможности небрежно сунул транслятор

обратно в карман. Затем натянуто улыбнулся в ответ и поздоровался.

— Простите, не имела намерения подслушивать, — со смехом отозвалась просвещенная Фриз, подняв руки. — Просто мы тут с ребятами обсуждали, кто куда отправляется на каникулах. На вашем курсе все разъезжаются по домам, но вам, насколько я понимаю… Гм.

— Да, нам ехать некуда, — кивнула Гермиона. — Наш дом теперь — Айзентурм.

— Вот именно. Простите, если это было не очень тактично…

— Все в порядке, просвещенная Фриз, — поспешно ответил Гарри.

— Ну что ж… Во время предстоящих каникул я намеревалась предпринять небольшое расследование. И надеялась, что вы, ребята, мне поможете, если, конечно, у вас нет других планов на это время. Уверяю вас, это будет очень увлекательным мероприятием. Уж точно интересней, чем сидеть две недели взаперти, ведь правда?

Эрика и Курт попрощались и направились к другому столику. Эльза Фриз без особых церемоний пододвинула стул и разместилась слева от Гарри. Особого выбора у него не оставалось: не бросаться же отказом в лицо просвещенной?

— Конечно, мы поможем, — пожал он плечами. — Если это в наших силах. Но о каком расследовании вы говорите?

— Вы помните, я упоминала о шифре, который Иоганн Гёте, возможно, разместил на страницах «Фауста»? — спросила она, откинувшись на спинку.

— Я даже перечитала «Фауста» по этому случаю, — кивнула Гермиона. — В этом произведении действительно хватает иносказаний, похожих на тайный код, но мне непонятно… Почему Гёте не мог открыто передать эти сведения другим иллюминатам? Зачем шифровать их с риском утратить тайну навсегда?

— Не все так просто, мисс Грейнджер, — со вздохом отозвалась Эльза Фриз. — В 1784 году в нашем ордене произошел раскол. Адольф фон Книгге, некогда правая рука Адама Вейсгаупта, предал его и отделился вместе с группой единомышленников. Организация тогда стояла на грани уничтожения: с подачи фон Книгге иллюминатов находили и уничтожали по одному на протяжении не менее двух десятков лет. Гёте не знал, кому доверять, и не мог связаться с самим Вейсгауптом, опасаясь, что его перехватят. Поэтому, как считается, он воспользовался шифром для передачи этих сведений, надеясь на то, что к моменту расшифровки оппозиция иллюминатов либо будет уничтожена, либо победит. В обоих случаях сохранять тайну уже не потребуется. Но в главном он ошибся.

— В чем же? — спросил Гарри.

— Оппозиция сохранилась, как и сами иллюминаты, и теперь она тоже имеет статус тайной организации. Противостояние продолжается поныне, а знание тайны способно кардинальным образом изменить расстановку сил. По всей видимости, тот, кто первым сможет расколоть шифр, одержит решительную победу над противником.

— И это вы называете «небольшим расследованием», просвещенная Фриз? — нахмурилась Гермиона. — Вы намерены за две недели решить задачу двухсотлетней давности?

— Не совсем так, мисс Грейнджер. Я занимаюсь этим вопросом со дня вступления в орден. В этот раз я просто хотела бы проверить одну свою небольшую гипотезу: возможно, это даст нам ключ к шифру. У меня есть основания полагать, что я действительно близка к разгадке.

— И что же это за основания? — заинтересовался Гарри. — Что-то подтвердилось?

— Вы помните инцидент с этим мальчиком, Куртом? Мы все сочли тогда, что кто-то пытался помешать мне построить модель для Гипертьюринга. Но ведь я не единственная способная на это. Кроме того, я не маг, и не играю стратегически важную роль в ордене. Зато на одном из недавних заседаний ареопага я озвучила свои находки относительно шифра. И если это действительно обеспокоило наших врагов, значит, во-первых, они продвинулись дальше нас, а во-вторых, я наступаю им на пятки. Логично, ведь правда?

Гарри пожал плечами. В таком изложении все вроде выглядело связно, но что-то во всей этой истории его по-прежнему беспокоило: как будто он упускал важнейшее связующее звено среди горы ничего не значащих сведений.

— А зачем кому-то могло понадобиться подставлять профессора Квиррелла? — спросил он. — Насколько я знаю, поисками шифра он вообще не занимался.

— Я отнюдь не уверена, что его подставили, Гарри, — мягко ответила Эльза Фриз. — Вы же помните, просвещенный Ланге проверил корректность моей модели и не нашел никаких проблемных мест. Но пусть даже так. Профессор Квиррелл стремился к той же цели, что и я, просто с другой стороны. То, что я хочу отыскать, он пытался создать сам. И судя по его утверждениям, тоже был близок к цели.

— Вы имеете в виду, что тайна, заключенная в «Фаусте», — удивленно вскинул брови Гарри, — это…

Эльза Фриз, улыбнувшись, кивнула.

— Да. Все говорит о том, что там хранится местонахождение источника глины Эдема или рецепт ее изготовления.

— А организация, которая пытается вам помешать, — кто они?

— Аненербе, конечно. Вы ведь знаете, что когда-то ей руководил сам рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер? После его смерти и падения Третьего рейха, организация ушла в глубокое подполье, но продолжает действовать, и в данный момент мы ничего не знаем о том, кто ее лидер, где располагаются ее базы и, увы, кто из иллюминатов — ее тайный агент.

— Хорошо, просвещенная Фриз. Мы с Гермионой посоветуемся и…

— Вы простите меня, просвещенная, — перебила его Гермиона, — но мне это мероприятие не кажется хорошей идеей. Гарри сюда направлен ради

безопасности, и это очень дорого обошлось, в том числе и благодаря мне. Подвергая Гарри риску, мы можем пустить все эти усилия насмарку, даже если забыть о том, что это попросту неэтично.

— Я ни в коем случае не тороплю вас, ребята, — поспешила ответить Эльза Фриз, явно удивленная такой резкой отповедью. — Я обещаю, что никакому риску Гарри подвергать не буду, но в любом случае вам предстоит нелегкая экзаменационная неделя, а уж потом вы в спокойной обстановке решите, чем будете заниматься на каникулах. Договорились?

Когда Эльза Фриз их покинула, помахав рукой у самого входа и вновь одарив их милой улыбкой, Гарри, переглянувшись с Гермионой, вытащил из кармана транслятор и сжал его пальцами.

— Вы это слышали, профессор Квиррелл?

— Каждое слово.

— И что вы думаете по этому поводу? Следует ли нам… сотрудничать с просвещенной Фриз?

— Лично я категорически против, — безапелляционно заявила Гермиона.

— Думаю, что она что-то недоговаривает, хотя в целом факты она изложила вполне корректно, — в голосе Квиррелла проскользнули нотки неуверенности. — Не могу просить вас рисковать жизнью для удовлетворения моего любопытства, но я бы предпочел находиться рядом во время ее «небольшого расследования», если бы не высокий шанс получить от нее пулю в лоб. Поэтому буду признателен, если вы за ней присмотрите, мистер Поттер. Однако…

— Да?

— Однако если вам покажется, что очередная ее вылазка связана с угрозой для жизни, лучше оставайтесь в Айзентурме и незамедлительно сообщите мне, куда и с какой целью она направляется. А еще лучше, если вы будете делать это регулярно.

— Вы думаете, что она может оказаться предателем? — с сомнением спросил Гарри. — Она ведь даже не маг.

— Я не утверждаю ничего подобного. И все же ее деятельность за пределами Айзентурма наверняка привлечет внимание агентов Аненербе. И вот уж об их планах я предпочел бы знать как можно больше. Но как бы то ни было, Эльза Фриз права: сейчас вам лучше сосредоточиться на экзаменах. Вернемся к этой теме в следующем году.

Завершив сеанс связи с Квирреллом, Гарри чувствовал себя еще более озадаченным, чем до начала всего этого разговора. Эльза Фриз подозревает, что Квиррелл — убийца и агент Аненербе, но беспечно просит Гарри принять участие в расследовании, которое уже сейчас привлекает внимание их врагов. Квиррелл ни в чем определенном не обвиняет Эльзу Фриз, но все же предлагает Гарри шпионить за ней, что также наверняка сопряжено с риском. Сам Гарри склонен доверять этим двоим, и намерен выполнить просьбу обоих просвещенных: помочь в расследовании Эльзе Фриз, но при этом регулярно

сообщать Квиррелллу о происходящем.

И только Гермионе вся эта история определенно не нравится, хотя приключений она никогда не избегала. Неужели она стала по-настоящему бояться за него? Следствие ли это того, что им довелось пережить, или… Или Гермиона действительно начинает им интересоваться не только по-дружески? Впрочем, он наверняка выдает желаемое за действительное. Его подруга и раньше протестовала против откровенно опасных мероприятий: она в меру любопытна, но совать голову в петлю ради приключений не станет.

Они засиделись в кафе допоздна, и Гарри не заметил, в какой момент часовая стрелка на больших часах над прилавком, выполненных в форме толстой пучеглазой совы, перескочила отметку в одиннадцать вечера. Иногда к ним подходили сокурсники, пару раз поздоровались проходившие мимо преподаватели академии. На улице все так же полыхали гирлянды, бросая многоцветные отблески на лицо сидевшей у окна Гермионы, отчего она казалась нарисованной художником-импрессионистом. Он украдкой любовался правильными и утонченными чертами ее лица, один взгляд на которые оставлял в душе кровоточащую рану. Почему сейчас? Неужели раньше он всего этого не видел?

Постепенно в помещении кроме них остались лишь несколько случайных прохожих, не имевших к Айзентурму никакого отношения, но ребята не следили за изменениями в составе посетителей. Они разговаривали, и Гарри казалось, что никогда в жизни он ни с кем так не общался. И как он раньше не подозревал, что Гермиона может быть такой? Как получилось, что они никогда не говорили так за все время учебы в Хогвартсе: обо всем подряд, что когда-либо случалось в их жизни?

Гарри рассказал, как в детстве панически боялся темноты, но пытался это скрывать. Гермиона — о том, как маниакально избегала любой грязи. Он рассказал ей, как за год до того, как Гарри доставили письмо из Хогвартса, Дадли в новом белоснежном облачении, подарке Дурслей, плюхнулся в грязную лужу, едва выйдя за порог, и как Дурсли устроили за это Гарри головомойку, сочтя, что это его рук дело. Гермиона предположила, что это и впрямь могло быть проявлением спонтанной магии, так что Дурсли в чем-то правы, и поведала в ответ историю про то, как в возрасте пяти лет со злости разбила зеркало, просто посмотрев на него.

Гарри, усмехнувшись, спросил, как она относится к суевериям, и Гермиона так громко фыркнула в ответ, что Гарри от неожиданности подавился соком, который пытался выпить. Когда они вместе смеялись над происшествием, проходившая мимо фрау Вундерлих иронично поинтересовалась, не собираются ли они случаем повесить замочек на мосту Донауштег, чем застала Гарри врасплох. Покраснев, он украдкой взглянул на Гермиону, но та к предложению хозяйки заведения отнеслась совершенно беззаботно, если вообще обратила на него внимание, и по-прежнему рассеянно улыбалась, глядя куда-то за окно.

Когда они, покинув заведение, шли обратно в Башню, Гермиона взяла его под руку. Вероятно, чтобы не поскользнуться: температура упала заметно ниже нуля, и местами дорогу покрывала корка свежего льда. Наверное, холод был причиной и тому, что она всю дорогу прижималась к нему: выходя из башни, они не оделись достаточно тепло, поскольку не планировали столь позднее возвращение. Но Гарри все равно твердо решил, что поцелует ее, когда они

доберутся до жилого корпуса, и тогда будь что будет. Если она разозлится на него за это… что ж, значит разозлится.

Они вошли в Сумрак, сменив свет и бурление жизни Ингольштадта на безлюдную тишину, и медленно, почти торжественно, прошли по тронутой изморозью аллее ко входу к Айзентурм, по-прежнему озаренному скрещенными факелами Гекаты и Прометея. Когда они поднимались по ступеням, Гарри подумал, что фрау Вундерлих права: они обязательно сходят на мост Донауштег и повесят там замочек. Может быть, даже два: в Сумраке и за его пределами. Если, конечно, Гермиона согласится быть его девушкой, а не просто другом. А если не согласится… Но лучше об этом не думать.

Глядя на пустые коридоры Башни, Гарри на мгновение поддался панике: а что, если тут больше никого нет? Что, если отряды Аненербе взяли штурмом Айзентурм, уничтожив всех, кого он знал, пока они весело проводили время в «Эрлёйхтетенгартене»? Что, если за ближайшим поворотом они встретят взвод одетых в черное людей с нашивками в виде двух молний, и упадут под градом пуль, запоздало услышав крик «Фойер!» и оглушительный треск штурмовых винтовок?

Но за поворотом они встретили всего лишь Урсулу, которая о чем-то тихо беседовала с отчаянно зевавшим Хансом, и Гарри облегченно вздохнул. Его мир на сей раз устоял, и все по-прежнему было хорошо. Ну, почти все. Он обязательно ее поцелует. Уже совсем скоро.

— Гарри, да что с тобой? — услышал он удивленный голос Гермионы. — У тебя вид какой-то испуганный. И… Ты что, дрожишь?

— Да нет, все нормально, — поспешно ответил он, через силу улыбнувшись. Его сердце билось где-то под самым горлом, мешая дышать. — Просто вспомнил про экзаменационную неделю. Все выходные к артефакторике готовиться придется.

Уже произнеся это, Гарри мысленно проклял сам себя. Ну зачем он это сказал? Почему не сказать правду, раз уж он собирается поцеловать ее на прощанье? Они прошли мимо двери с номером четыреста шестнадцать и остановились у комнаты Гермионы. Она с улыбкой обернулась к нему, чтобы пожелать спокойной ночи. Сейчас! Проклятье, ну почему он медлит?

— Здорово сегодня было, правда, Гарри? — спросила она. — Так… празднично. Я словно ожила.

— Да, Гермиона, — попытался улыбнуться он в ответ онемевшими от накатившей паники губами. — Это был лучший день в моей новой жизни. Наверное, и в старой тоже.

Она помедлила, опустила глаза, и, снова улыбнувшись, выжидательно посмотрела на него. «Она ведь ждет, что ты ее поцелуешь!», верещал надоедливый голос в его сознании. «Давай, идиот! Поцелуй ее, пока не стало слишком поздно!»

— Ну… Спокойной ночи, Гарри, — сказала Гермиона, и стало слишком поздно.

Она повернулась к двери и вставила в замочную скажину ключ. Что-то неправильное было с замком. Что-то не в том, как он выглядел, а много глубже,

там, где восприятие мага, отточенное Гарри на занятиях по артефакторике, улавливало признаки чар и незначительных изменений свойств предметов.

— Нет! — крикнул Гарри и схватил ее за руку в тот самый момент…

…В тот самый момент, когда она с щелчком повернула ключ. Ослепительная красная молния с шипением вырвалась из замка и скользнула по их рукам подобно огненной змее. Неведомая сила приподняла их над землей и швырнула в противоположную стену. Гарри почувствовал удар и сокрушающую боль, услышал крик Гермионы, а затем окружающий мир погрузился в кровавый туман, и не было в нем ничего, кроме сплошной багровой тьмы и непрекращающегося протяжного крика тысяч голосов.

Часть II. Код фон Гёте

*«Мир покрыт знаками,
нуждающимися в
расшифровке.»*
(Поль Мишель Фуко)

*«Гораздо легче найти ошибку,
нежели истину. Ошибка лежит
на поверхности, и ее
замечаешь сразу, а истина
скрыта в глубине, и не всякий
может отыскать ее.»*
(Иоганн Вольфганг фон Гёте)

Глава 1. Ночь огня

Он шагал в темноте вниз по склону, спотыкаясь и скользя по влажной глинистой поверхности. Туман почти рассеялся, но помогло это слабо: он едва видел очертания пещеры в рассеянном призрачном красноватом свете, исходившем откуда-то из глубины. И эти голоса… Теперь они казались тише, но все еще звучали в затхлом воздухе, и эхо многократно отражало их от неровных стен прежде чем окончательно рассеять, перемешав с мерным рокотом, исходившим от скального основания.

Память работала как-то неправильно, отзываясь неупорядоченной смесью образов при каждой попытке вспомнить ближайшие события. Влажно блестящие клыки василиска в облаке зловонного дыхания. Несущаяся к нему стена тысяч акромантулов в полумраке Запретного леса. Материализованная тьма в облике дементора, высасывающая из него остатки жизни. Вспышка зеленого света, навсегда меняющая его судьбу. Десятки и сотни эпизодов, пережитых, предполагаемых и возможных, тасовались в его сознании подобно колоде фокусника, и невозможно было отличить реальность от вымысла в этой невнятной мешанине.

Он был растерян и не имел представления о том, что с ним произошло. Он не знал, зачем он здесь и куда идет. Он все еще помнил свое имя, но без твердой уверенности. Однако боль, пронизывавшая его тело в начале пути, теперь почти отпустила, и он счел, что это добрый знак.

Под ногой что-то хрустнуло и провернулось в грязи, и Гарри едва сохранил равновесие. Посмотрев вниз, он увидел неясные очертания большого округлого камня с парой отверстий, и пнул его ногой. Камень неожиданно легко отскочил в сторону, ударился о стену и развернулся. Это был человеческий череп, обильно покрытый грязью. Сделав еще шаг, Гарри снова услышал хруст, и остановился, оглядевшись вокруг. Красноватый свет стал ярче, высветив глинистую поверхность, из которой, куда ни глянь, выступали фрагменты костей. Десятки черепов, ребер, раздробленных позвонков, фаланг — настоящее царство смерти. Желудок подступил к горлу, но он упрямо шагнул вперед. От второго шага Гарри воздержался.

В багровом сумраке перед ним высилась массивная человекообразная фигура. Она не сделала ни единого движения, но Гарри услышал голос, прогрохотавший в спертом воздухе подземелья:

— Клавем!

— Что? — беспомощно спросил он, попятившись.

— Клавем аут мортем! — последовал немедленный ответ, и фигура двинулась ему навстречу, с хрустом размалывая в кашу человеческие кости под ногами.

— Я не… — начал Гарри и снова отступил назад, зацепившись ногой за выступавшее из глины ребро и, нелепо взмахнув руками, упал на спину. В нее вонзились сразу несколько костяных обломков, но он почти не чувствовал боли, глядя на приближавшееся существо.

— Мортем! — провозгласило оно, склоняясь над распростертым на земле Гарри и

заноса конечность для удара.

Это был гигантский голем. Гарри вскрикнул и рефлекторно выставил перед собой руки, прекрасно осознавая, что удар глиняной длани вряд ли остановит и стальной щит. Чьи-то пальцы обхватили его запястье, и по глазам ударил свет, казавшийся ярким после кромешной тьмы пещеры.

— Гарри! — услышал он, окончательно проснувшись.

Он лежал в небольшом помещении, похожем по своей обстановке на больничную палату, только куда уютней. За окном сквозь призрачное отражение угадывался тонкий серп луны. Почти новолуние. Сколько времени он уже здесь? На краю его кушетки сидела одетая в белую пижаму Гермиона и сжимала его руку. Она казалась обрадованной и робко улыбалась. Улыбка была вполне искренней, но при этом в ее глазах читался испуг.

— Мистера Гарри прийти в себя! — завопил невесть откуда взявшийся Перки, заставив Гарри поморщиться, и нелепыми прыжками понесся к выходу. — Гарри очнуться! — провозгласил он уже из-за двери, и до них долетел его быстро удаляющийся топот вперемешку с возгласами об очнувшемся мистере Гарри.

— Что… — произнес Гарри, с трудом ворочая пересохшим языком. — Что произошло? Где я?

— Ты ничего не помнишь? — нахмурившись, спросила она. Улыбка на ее лице сменилась озабоченностью. — Ты проводил меня до двери, и когда я вставила ключ…

— Ключ! — воскликнул он и сел на кровати, моментально заработав приступ сильнейшего головокружения. — Я помню. Красная молния. Какие-то чары были наложены на замок, и ты…

Воспоминания нахлынули на него подобно цунами, и он застыл, с ужасом вспоминая произошедшее. Удар отложенного заклятия, чего-то похожего на Конфринго, — и страшная сила отбрасывает их назад, ломая кости и отключая сознание. Как они вообще смогли выжить после такого? Он бросил обеспокоенный взгляд на подругу.

— Гермиона, а с тобой-то все в порядке? Тебя не ранило?

Гермиона собралась было ответить, но в этот момент дверь распахнулась, и в помещение вошла Герда Краузе в светло-зеленом медицинском халате. Гарри уже привык, что большинство просвещенных исполняли в Айзентурме сразу две-три функции, и преподавание — лишь одна из них, пусть и главная. Герда Краузе помимо преподавания магической сурвивалистики заведовала медицинским корпусом Башни, и у нее в подчинении находились несколько маглов, сквибов и магов, большинство из которых постоянно проживали в пара-Ингольштадте.

— С пробуждением, Гарри! — приветливо обратилась она. — Как вы себя…

— Гарри! Мы уж опасались самого худшего, — бесцеремонно отодвинув ее в сторону, обратилась к нему вошедшая Эльза Фриз. Она присела на край кушетки рядом с Гермионой. — Не могу себе простить, что поставила вас под удар.

— Но при чем тут вы, просвещенная Фриз? — недоуменно спросил Гарри. — Кто-то установил магическую мину на дверь Гермионы…

— Наш разговор в «Эрлёйхтетенгартене» наверняка был кем-то подслушан, Гарри. И этот кто-то, вероятно, счел, что мисс Грейнджер, — она кивнула в сторону Гермионы, — способна изменить расстановку сил. За счет чего, я не знаю, но других объяснений у меня нет. Не брать же в расчет нелепые слухи среди учеников, ведь правда?

Гермиона пожала плечами и только теперь отпустила руку Гарри.

— Мы уже успели поговорить об этом с просвещенной Фриз, — сказала она.
— Да, у меня хорошая память, и обычно я запоминаю все, что мне доведется прочесть. Возможно, я способна оказать помощь в расшифровке послания Гёте. Но чтобы без колебаний попытаться убить меня из-за этого… Кто-то воспринимает меня слишком всерьез.

— Должно быть, это тот, кто хорошо тебя знает, Гермиона, — мрачно ответил Гарри. — Я бы тоже не стал тебя недооценивать.

В голову против воли снова полезли мысли о Квиррелле. Профессор слышал их разговор. И он знает, на что способна Гермиона. Однако его не было рядом, и он не имел возможности установить чары на дверной замок, не так ли? С другой стороны, Гарри не знал доподлинно, где находился профессор во время их разговора, и плохо представлял себе, какими еще возможностями обладает Квиринус Квиррелл, способный выйти победителем в сражении с несколькими сильнейшими магами Башни.

— А о каких «нелепых слухах» идет речь? — наконец спросил он.

— Пока мы тут лежали без сознания, — слабо улыбнувшись, проговорила Гермиона, — ребята уже успели заподозрить в покушении Хироко, представляешь? Якобы она пыталась убрать с дороги соперницу. Чушь какая! Мы все видели, как она реагирует на любое насилие.

— Но все же, Гарри, — сделала еще одну попытку Герда Краузе, — как ваше самочувствие? Болит что-нибудь?

— Голова немного, — отозвался Гарри, прислушавшись к своим ощущениям, — а в остальном вроде все хорошо, пока не двигаюсь. Я был серьезно ранен? А Гермиона?

Герда Краузе покачала головой.

— Лучше вам и не знать, ребята. Вы едва выжили. Спасло вас лишь то, что заряд предназначался для одного человека. Одна мисс Грейнджер наверняка погибла бы, а так большая часть досталась вам, Гарри. Самое страшное уже позади, но вам следует оставаться в постели еще дня три минимум.

Она отошла, но потом остановилась и, обернувшись, наконец-то сменила озабоченное выражение на улыбку.

— И, кстати, с наступающим Новым годом, — сказала она. — Вы очень вовремя

очнулись, Гарри. За пару часов до начала праздника.

Гарри понадеялся было, что просвещенная Фриз последует за Гердой Краузе, но та не торопилась покидать их. Она продолжала сверлить его встревоженным взглядом, как будто ожидая, что с минуты на минуту он забьется в конвульсиях или чего похуже. От ее пристального взгляда ему стало неуютно, и, чтобы переключить ее на что-нибудь помимо состояния его здоровья, он наобум спросил:

— А какую гипотезу вы хотели проверить, просвещенная? Я имею в виду, насчет тайного послания в «Фаусте». Помните, вы рассказывали нам в кафе?

Она нехотя отвела взгляд и проговорила:

— Теперь даже и не знаю, следует ли проверять ее самостоятельно. В случае чего нам вряд ли кто-то придет на помощь. Но от вас у меня секретов нет, так что… Я предполагала посетить Броккен.

— Броккен? — удивилась Гермиона. — Ту самую гору?

— Да. Место проведения Вальпургиевой ночи в «Фаусте». Я считаю, что Иоганн Гёте спрятал там указание на местоположение того, что мы ищем. Или, возможно, ключ к расшифровке остальных частей «Фауста», я пока не уверена.

Гарри очень смутно помнил соответствующую главу поэмы, но одно он знал точно.

— Но, просвещенная Фриз, этот эпизод относится к первой части поэмы. Я думал, что послание Гёте должно быть во второй, разве не так?

Она нетерпеливо закивала, порылась в складках мантии, и в ее руках появилось основательно потертое карманное издание «Фауста». Когда она пролистывала книжечку, Гарри заметил, что буквально каждая страница содержала множество карандашных пометок, подчеркиваний, стрелочек и замечаний на полях: похоже было, что Эльза Фриз посвятила немало времени анализу поэмы. Его роль в предполагаемом расследовании становилась для него все более туманной. Если Гермиона со своей феноменальной памятью еще способна оказать помощь, то какой толк здесь от него самого? Разводить костер и готовить еду во время путешествий?

— Вы совершенно правы, Гарри, — улыбнулась Фриз. — И я уверена, что при написании этой сцены Гёте не вкладывал в нее ничего секретного. Здесь совсем другая история. Известно, что Гёте трижды совершал восхождение на Броккен. Я полагаю, что таким образом он пытался привлечь к этому месту внимание тех, кто станет искать его тайное послание на страницах «Фауста», ведь этот эпизод имеет особое значение для всей поэмы. Более того, во второй части Гёте снова ссылается на Вальпургиеву ночь, только уже не в европейском, а в классическом варианте.

Гарри почувствовал, что теряет нить повествования, — а ведь Эльза Фриз еще даже не приступала к анализу. Должно быть, последствия ранения давали о себе знать, мешая ему сосредоточиться. Он сделал над собой усилие и

попытался уследить за последовательностью выкладок просвещенной.

— Но… Зачем тогда шифр во второй части? — наконец спросил он. — Если, конечно, он там действительно есть.

Просвещенная согласно кивнула.

— Отличный вопрос, Гарри, вы снова правы. Если бы на Броккене находилась разгадка тайны, дополнительные ухищрения были бы явно лишними, ведь правда? Если вы спросите меня… Я думаю, что в лучшем случае мы найдем там лишь небольшой фрагмент секретного послания или же намек на то, как расшифровать вторую часть поэмы. Потому что, несмотря на обилие обрывочных сведений, которые нам удалось извлечь из текста, у нас до сих пор нет полноценного ключа к шифру.

— А что уже удалось извлечь? — заинтересовалась Гермиона.

— Кое-что, — уклончиво ответила просвещенная. — Помимо явных указаний на искомое, непосредственно в тексте поэмы есть также информация, скрытая методами стеганографии. Одним из старейших методов на самом деле — так называемым шифром Древней Спарты. Не слышали про него раньше?

Гарри отрицательно помотал головой, отчего пульсирующая боль под черепом заметно усилилась. Шифр? Древняя Спарта? Слишком много информации за последний час. Он украдкой посмотрел на Гермиону, но та с понимающим видом кивала головой, и больше походила на равноправную коллегу просвещенной, нежели на ее ученицу.

— Чтобы получить зашифрованное послание, — сев на преподавательского конька, вновь заговорила Эльза Фриз лекционными интонациями, — брали ленту пергамента, наматывали по спирали на деревянный цилиндр, который назывался «скитала», и записывали сообщение вдоль него. Когда ленту разматывали, на ней получалась мешанина букв, и чтобы восстановить исходное сообщение, требовалась скитала такого же диаметра. Конечно, это очень простой способ для коротких сообщений…

— Но ведь Гёте вряд ли мог проделать такое с целой поэмой… — удивленно возразил Гарри и тут же осекся, досадуя на собственную непонятливость. — Ах, ну да… Можно ведь обойтись и без ленты.

— Именно так, — снисходительно улыбнулась просвещенная. — Можно обойтись и без ленты. Просто следить за тем, какая буква появляется на каждом пятом, шестом, десятом месте и так далее, в зависимости от изначально выбранного значения. Диапазоны вплоть до пяти можно смело отбрасывать, их почти невозможно контролировать. Выше сотни — тоже, там слишком легко ошибиться в подсчете букв. Гёте, лишенный технических средств, не мог себе этого позволить, ведь правда? А все оставшиеся диапазоны рядовой компьютер переберет за долю секунды. Разумеется, все это было проделано еще много лет назад, и не только нами. Мы опробовали и большинство других методов, которые мог использовать Гёте: подстановочные шифры, перестановочные, потоковые… Все простые методы мы проверили, и неоднократно. Результаты — гм… Странные. Обескураживающие.

— То есть какие-то результаты все же были получены? Что-то удалось прочесть?

— Можно так сказать. Сразу на нескольких диапазонах обнаружилось статистическая аномалия в виде скрытого там названия легендарной страны: «Thule». Вы это легко проверите. Более того, эта страна упоминается и открытым текстом — в песне, которую поет Гретхен, помните? «Король жил в Туле дальней»*. — Она протянула Гарри книжечку, раскрыв ее на нужной странице. — Хорошо известно, что эта песня была изначально независимым произведением, а в состав «Фауста» Гёте включил ее позже — к сюжету поэмы она вообще не имеет никакого отношения.

Название страны показалось Гарри знакомым, и он наморщил лоб, пытаясь вспомнить, где уже встречал его раньше. Если это легендарная страна, то явно не из тех легенд, которые ему довелось слышать до сих пор. И все же… Он перехватил взгляд Гермионы, которая смотрела на него широко раскрытыми глазами. Она помнила! В этот момент вспомнил и Гарри. Там, в пара-Ингольштадте, когда они извлекли страницу рукописи из тайника Сарана, что они прочли в ее верхней части? «…Также бывший ранее членом общества Туле», вот что.

— Общество Туле, — растерянно пробормотал он.

— Вот именно, Гарри, — кивнула Эльза Фриз. — Связь тут налицо, несмотря на то, что этого общества, насколько нам известно, больше не существует. Я расскажу об этом позже: в истории тайных обществ и без нас хватает интереснейших страниц. А сейчас вам надо отдохнуть и окончательно поправиться: климат на Броккене далек от средиземноморского. Так что доброй ночи и с Новым годом вас, ребята.

Они пожелали ей счастливого Нового года в ответ, и просвещенная покинула палату, оставив их наедине. Гарри, отчего-то чувствовавший себя неловко в ее присутствии, облегченно вздохнул и бросил взгляд на простые круглые часы, висевшие на противоположной стене. Меньше двадцати минут до полуночи. Хорошо бы Гермиона не ушла раньше. Сейчас ему ужасно хотелось встретить праздник рядом с ней, пусть даже обстановка палаты ни капли не способствует созданию романтической атмосферы.

Надо бы увлечь ее разговором, чтобы ей тоже не пришло в голову, что он устал и страшно нуждается в том, чтобы встретить Новый год в одиночестве. Однако любые темы разговора, которые он мог сейчас придумать, казались ему неуместными, способными разрушить последние намеки на праздник. Плюс нужно помнить, что задушевный разговор, который в любой момент может услышать Квиррелл… Минутку, а может ли? Где сейчас его транслятор? Он был в кармане, когда их едва не убило разрядом.

— Гермиона, а ты не знаешь, куда дели мою одежду, когда нас принесли сюда? — спросил он.

— Туда же, куда и мою — положили в шкафчик у входа, — она махнула рукой в направлении двери и понимающе улыбнулась. — Ты ищешь транслятор? Увы, похоже, что он был поврежден разрядом. Я первым делом попыталась связаться с Квирреллом, когда пришла в себя четыре дня назад. Не получилось.

Она извлекла из кармана пижамы транслятор и протянула его Гарри. Тот осторожно обхватил крохотный диск пальцами и поднес к глазам. На

металлической поверхности виднелись странные цветные разводы, как будто кто-то попытался нанести на устройство миниатюрное граффити. Гарри сжал артефакт большим и указательным пальцем. Ему показалось, что где-то с самых границ слышимости донесся тихий шелест, но, должно быть, только показалось.

Он затаил дыхание, прислушиваясь, и в этот момент темный ландшафт за окном озарился ослепительной вспышкой, а стены Башни задрожали от грохота. От неожиданности Гарри вздрогнул и уронил диск на одеяло. Гермиона в испуге подскочила, но взглянув за окно, облегченно рассмеялась.

— Это же фейерверк! — воскликнула она, снова сжав его руку. — С Новым годом, Гарри!

— С Новым годом, Гермиона, — улыбнулся он в ответ. — Пойдем посмотрим?

Он с трудом сполз с кровати, опираясь на ее руку, и она помогла ему добраться до окна, где он с облегчением облокотился на подоконник, отчаянно сражаясь с головокружением. Гермиона щелкнула выключателем, и комната погрузилась в темноту. За окном, однако же, творилось светопреставление. Где-то со стороны зданий пара-Ингольштадта в небо с адским грохотом взмывали ракеты, озарявшие все вокруг слепящим фиолетовым пламенем, и растворялись в вышине за тонкой пеленой облаков.

Когда канонада стихла, и Гарри решил было, что представление окончено, темное небо со свистом прорезал пылающий болид, скрывшись за горизонтом. Следом за ним еще один. И еще. А потом с небес пролился огненный дождь, в течение минуты обративший ночь в день. Казалось, где-то там, наверху, взорвался средних размеров астероид, и его горящие обломки теперь падают с околоземной орбиты прямо на них, готовые раздавить, сокрушить, испепелить все живое, что находилось внизу. Никогда в своей жизни Гарри не видел ничего настолько прекрасного и устрашающего в одно и то же время: эти две эмоции словно замкнуло накоротко, и он, забыв про свое неважное самочуствие, мог теперь только стоять, приоткрыв рот, и смотреть на буйство небесного огня над пара-Ингольштадтом.

С трудом оторвавшись от этого зрелища, он перевел взгляд на Гермиону. На ее лице читался ровно тот же восторг, который испытывал он сам: широко раскрыв глаза, она смотрела в небо, которое кромсали на части падающие звезды. Все это время она ни на миг не отпускала его руку. Когда последние огненные штрихи скользнули по небосклону, он почувствовал, как ее ладонь развернулась, и пальцы Гермионы переплелись с его. Дыхание Гарри перехватило: он боялся сдвинуться с места, чтобы она не отняла свою ладонь, и продолжал стоять, опираясь на подоконник и по-прежнему глядя в потемневшее окно, за которым виднелись только огни пара-Ингольштадта да изредка показывался из-за скользящих туч почти сошедший на нет месяц.

— Что мы будем делать дальше, Гарри? — наконец спросила Гермиона, продолжая в задумчивости смотреть на горевшие золотыми огнями здания.

— Ты имеешь в виду…

— Я про Эльзу Фриз. Ты все еще хочешь принять участие в ее расследовании?

Он пожал плечами. Не было никаких гарантий тому, что в Айзентурме

безопасней, чем за его пределами. В особенности, если учесть, что убийца по-прежнему действует, и на этот раз он обратил внимание на них.

— Думаю, у нас нет выбора, Гермиона. Айзентурм — такая же часть мира, как Хогвартс и что угодно еще. Если Аненербе получит в руки настолько мощное оружие, никто и нигде не останется в безопасности. Рано или поздно война придет и сюда. Я знаю, что ты беспокоишься за меня, и спасибо тебе за это. Но ведь лучше опередить врага и предотвратить войну сейчас, пока мы еще можем это сделать, верно?

Она грустно кивнула, но ничего не ответила, только сильней сжала его ладонь. Со стороны пара-Ингольштадта доносились звуки празднования. Играла эстрадная музыка, среди которой попадались композиции как из мира маглов, так и вещи, которые были известны лишь в магическом мире: во всяком случае, Гарри был уверен, что некоторые песни исполняла Селестина Уорлок. «Снова мы отделены от всех, — подумалось ему. — Почему всегда так происходит?» Странно, но эта вынужденная обособленность в этот момент нисколько его не удручала. Легкая грусть от созерцания всеобщего веселья со стороны, разделяемая с лучшей подругой, превращалась в тихий уют и несла радость. Предложи ему сейчас кто-то перенестись в гущу веселья, он отказался бы наотрез.

— Кроме того, — улыбнувшись, снова заговорил он, — неужели ты способна упустить возможность, вероятно, самого захватывающего приключения в твоей жизни? Ты ведь живешь книгами, а здесь такой человек просто незаменим. Я выберусь отсюда, мы отправимся с просвещенной Фриз по следам Гёте и обязательно найдем ключ к тайне. С твоей помощью — иначе и быть не может.

Гермиона улыбнулась и опустила голову.

— Я так и не поблагодарила тебя, — сказала она.

— За что? — удивился Гарри.

— За то, что спас мне жизнь неделю назад, едва не заплатив за это своей собственной. Снова. Если бы ты не схватил меня за руку, я была бы мертва.

Он представил такой исход, и в горле встал комок. Сложись все немного иначе, опоздай он на долю секунды, и Гермиона погибла бы у него на глазах, а он продолжил бы жить. Но считать ли это жизнью — без того, что для него дороже всего на свете? Была бы жива та, другая Гермиона, которая учится в Хогвартсе и дружит с другим Гарри. Но эта, его Гермиона, вместе с которой они уже столько всего пережили — ушла бы из его жизни навсегда.

— Я не позволю тебе умереть, — сказал он убежденно. — Потому что без тебя… гори оно все синим пламенем, Гермиона.

Она молча обняла его, уткнувшись лицом ему в плечо, и Гарри легко коснулся губами ее волос, сожалея о том, что вынужден опираться на подоконник, и оттого не может полноценно обнять ее в ответ. Время остановилось.

— Я знаю, Гарри, — прошептала она и, подняв к нему лицо, поцеловала его в щеку. — Пора спать. Тебе нужно больше отдыхать, чтобы восстановить силы.

— Конечно, — дрогнувшим голосом ответил он. — Тебе тоже.

Она помогла ему добраться до кушетки, где он, поморщившись от боли, упал на простыню. Темный силуэт Гермионы на фоне окна оставался неподвижным, и он, скрепя сердце, пожелал ей спокойной ночи, больше всего на свете желая, чтобы она оставалась рядом. Но она сказала в ответ:

— Приятных снов, Гарри, — и растворилась в темноте.

— «Приятных снов», — пробормотал он едва слышно и усмехнулся.

Через пять минут он уже спал.

Примечание к части

* В большинстве русских переводов поэмы (включая переводы Пастернака и Холодковского) используется название "Фуле", однако в оригинале речь идет об одном и том же.

Глава 2. Броккен

За окном вагона проносился заснеженный пейзаж. Что-либо определенное разглядеть было сложно: слой тумана в этот день опустился ниже обычного, а клубы пара, щедро выдуваемые локомотивом, снижали видимость почти до нуля, превращая окружавшую их панораму в беспорядочную мешанину белых тонов. Не так уж много на свете осталось железных дорог, на которых до сих пор используются паровозы. Одна из них — путь к вершине горы Броккен, как Гарри прочел в туристическом буклете на станции.

Укрепленный на перроне большой термометр показывал минус пятнадцать градусов по Цельсию. Не самый страшный мороз, но Эльза Фриз уже посоветовала им не обманываться: на вершине Броккена гораздо холоднее, а сильный ветер превращает климат этого места в настоящий ледяной ад. Однако риск обморожения в их случае был минимален, и вовсе не из-за теплой одежды.

Гарри провел пальцами по запястью, где все еще виднелась тонкая полоска свежего шрама, ощутив под кожей продолговатое уплотнение. «Такой артефакт, — объяснила ему Герда Краузе перед операцией по имплантации, — мы вживляем всем взрослым членам братства. Однако в особых случаях его получают и ученики». После этого она пустилась в подробное перечисление функций, ограничений и принципа работы устройства, но Гарри уяснил для себя главное: имплант повышает защищенность организма, в том числе и от экстремальных температур, а заодно служит пропуском через порталы иллюминатов по всему миру, которые иначе можно пройти только совместно с одним из просвещенных.

— Все-таки мне не совсем понятно, просвещенная, — сказал Гарри, листая путеводитель, — тут пишут, что ежегодно по этому «пути Гёте» проходят почти двести тысяч туристов. Как получилось, что до сих пор никто из них не обнаружил никакого тайного послания? Если, конечно, Гёте действительно его оставил.

Эльза Фриз, сидевшая в вагоне напротив них, со снисходительной улыбкой извлекла GPS-навигатор и, включив устройство, развернула его экраном к друзьям.

— Причин сразу несколько, — сказала она. — Главная из них состоит в том, что пресловутый «путь Гёте», который расписывают в туристических проспектах, имеет весьма отдаленное отношение к местам, где на самом деле проходил автор «Фауста», и его приблизительно восстановили лишь на основании заметок Гёте по геологии. В отличие от того, который вы можете видеть на экране. Это — истинная траектория его последнего восхождения.

— Но откуда он у вас, просвещенная Фриз?

— Тоже из документов самого автора, которые до сих пор не публиковались. Он был так любезен, что нанес его на свои карты. Не так давно нам удалось найти их в одной частной коллекции.

— Здесь много миль, — нахмурившись, сказала Гермиона. — Чтобы подробно обследовать каждый участок этого пути, нам, наверное, понадобится не меньше года.

— Должно быть, владелец карт считал так же, поэтому он ничего и не нашел, как и его предки, от которых он получил их в наследство. Но, как я уже говорила, Гёте трижды совершал восхождение на Броккен, и каждый раз документировал свое восхождение. И я догадалась совместить все три траектории на одной карте. То, что две из них пересекаются — практически неизбежно. А вот то, что третья пересекается с первыми двумя в той же точке — как минимум подозрительно.

— Разве не может быть в точке пересечения какого-нибудь места, которое Гёте все три раза хотел посетить? — спросил Гарри. — Может, какая-нибудь гостиница или удобное место привала…

— Я уверена, что так и есть, — победно сверкнула глазами Эльза Фриз, — он действительно стремился посетить это место при каждом восхождении. Только там нет никаких гостиниц, я уже выяснила. Там просто гранитные скалы и груды камней в окружении деревьев. Туда мы и направляемся.

Мелькавшие за окном темные пятна быстро редевшего леса сменились нагромождением сугробов, и поезд замедлил ход. В поле зрения вплыло невзрачное кирпичное здание, почти полностью утонувшее в сугробах. «Броккен», — прочел Гарри еле видную под слоем снега красную надпись. Их качнуло, и окружающий ландшафт прекратил движение, а голос из динамиков возвестил, что они прибыли на конечную станцию.

— Мы всего лишь в нескольких метрах ниже вершины, — сообщила Эльза Фриз, когда они выбрались из вагона в объятия морозного воздуха. — Однако вершина нас не интересует. Мы пойдем в противоположном направлении. Видите вон те скалы, поросшие деревьями?

Путь оказался утомительным донельзя из-за количества постоянно прибывавшего снега — совершенно непомерного в сравнении со всем, что Гарри доводилось видеть ранее. Пробираться через эти снежные завалы было сущим мучением, и время от времени им, с молчаливого согласия Эльзы Фриз, приходилось расчищать себе дорогу посредством заклинания Депримо, благо в пределах видимости они не наблюдали ни единой души.

— А в Айзентурме не было никакого артефакта для автоматической расчистки снега? — спросила вконец выбившаяся из сил Гермиона.

Эльза Фриз рассмеялась и покачала головой.

— Боюсь, что нашему ордену редко приходится иметь дело со снежными завалами, — ответила она. — Однако нам осталось немного. В черте леса снега будет поменьше, а там и до цели рукой подать, судя по навигатору. Что поделать? Будь это место легкодоступным, его бы уже наверняка много раз обнаружили, ведь правда?

— Но ведь легендарного пражского голема так и не нашли, — возразила Гермиона. — Помните? В конце шестнадцатого века великий раввин бен Бецалель создал глиняного голема для защиты жителей еврейского гетто в Праге от погромов. Я много читала о нем, но…

— Не нашли, потому что в Праге никогда не было никаких големов, что бы там

ни писали в желтой прессе, — категорично ответила просвещенная. — Мы перерыли весь город еще в начале века, провели масштабную работу с первоисточниками — увы, с нулевыми результатами. Все говорит о том, что пражский голем — позднейший миф, который выдумали лет на двести позже, чем умер бен Бецалель. Плохо это или хорошо, но, как писал сам Гёте, истина скрыта в глубине. На поверхности — только многочисленные заблуждения.

Час спустя навигатор издал трель, возвестив о том, что пункт назначения достигнут. Гарри огляделся. Вокруг них в беспорядке громоздились облепленные снегом гранитные валуны. Никаких следов деятельности человека здесь не было и в помине, ничего не привлекало взгляд и не производило впечатления тайного указания.

— Ну что ж, ребята, начинаем искать, — будничным тоном сказала Эльза Фриз, снимая с плеча портативный металлодетектор. — Вряд ли Гёте оставил здесь что-то из магических артефактов, это слишком привлекало бы внимание… Но какие-то следы могут быть. Обращайте внимание на все необычное.

Через полчаса тщательных поисков Гарри убедился в полном отсутствии чего-либо необычного. Несколько раз металлодетектор в руках Фриз загадочно булькнул, но она, взглянув на его дисплей, лишь отмахнулась, раздраженно пробормотав что-то про минерализованный грунт. Ее лицо, беззаботно-оптимистичное в момент прибытия на место, становилось все мрачнее, пока, наконец, просвещенная не выпрямилась, стерев пот со лба.

— Что-то здесь не так! — воскликнула она, взмахнув детектором по широкой дуге. Детектор взвыл.

Эльза Фриз замерла, но через секунду с загоревшимися глазами шагнула в направлении массивного гранитного фрагмента, нелепо торчавшего из-под слоя снега, и направила металлодетектор к его основанию. Раздался такой же вой, а на дисплее детектора цифры подскочили к вершине диапазона.

Отложив устройство в сторону, она принялась лихорадочно разрывать снег руками. Гарри и Гермиона бросились ей на помощь, и через пять минут совместных усилий в руках у просвещенной оказался небольшой металлический брус с исцарапанной темной поверхностью. Она тщательно оттерла его рукавом пальто, и под слоем грязи сверкнуло серебро с выбитыми на нем буквами латинского алфавита.

Эльза Фриз поднесла находку к глазам и пробежалась взглядом по тексту.

— Это… стихотворение, — сказала она. — Похоже на фрагмент «Фауста», но в поэме его определенно не было, это я точно знаю. Ни в одной из редакций, и ни в одном из черновиков Гёте, я изучила их все.

Гарри протянул руку и взял серебряный предмет в ладонь. Плохо читаемый текст на его поверхности гласил:

> «Все преходяще. Небо ярко
> Рождает звезды, чтобы свет
> На две судьбы младая парка
> Пролила через тридцать лет».

— И… Это нам что-то дает, просвещенная Фриз? — спросил он в недоумении.

— Возможно, — бесстрастно ответила просвещенная. — Это наверняка ключ, подсказка о том, как именно следует трактовать текст «Фауста». Должно быть, Гёте был не слишком высокого мнения об интеллектуальных способностях потомков, коль решил, что без подсказок нам не обойтись.

— Что-то лично мне понятней не стало ни капли, — буркнул Гарри, порядком разочарованный находкой. — Младая парка какая-то…

— Вернемся в Башню, и я включу этот фрагмент в базу, — ответила Эльза Фриз, снова взяв в руки брусок. — Проанализируем все, вплоть до расстановки пробелов, которые могут играть роль решетки Кардано для основного текста, я уже сталкивалась с таким шифром. Также исследуем сам объект. Не исключено, что текст на поверхности — не главное, а разгадка…

— Медленно поднимите руки и повернитесь, все трое, — раздался голос у них за спиной, сопровождаемый лязгом затвора. — А потом передайте нам то, что обнаружили.

Они замерли и, подняв руки, развернулись. Перед ними стояли четверо вооруженных мужчин, один из которых, выглядевший заметно старше остальных, с объемистой седой бородой и кустистыми бровями, криво ухмылялся, направив в их сторону знавший лучшие времена охотничий карабин «Зауэр».

— Аненербе? — шепотом спросил Гарри, наклонившись к просвещенной.

— Вот это вряд ли, — усмехнулась она и обратилась к визитерам: — Кто вы такие, черт возьми?

— Я невнятно выразился, фрау? — снова подал голос предводитель и, закашлявшись, обильно сплюнул себе под ноги. — Передайте предмет нам. Без лишних движений.

Гермиона покачнулась, ноги ее подогнулись, и она, не издав ни звука, рухнула в снег. Гарри кинулся было к ней, но в то же мгновение пуля взметнула снег у него под ногами.

— Стоять, крысеныш! — рявкнул бородач. — Ничего с девчонкой не случится.

— Вы даже не представляете, против кого идете, — с ледяным спокойствием проговорила Эльза Фриз, протягивая серебряный брусок предводителю.

— Уж поверьте, я много лет знаком с вашей гнусной организацией, — хмыкнул тот, забирая их находку. — И когда ваши люди наложили лапу на карты, которые хранил мой брат, сразу понял, с кем имею дело. А теперь развернитесь и сложите руки за спиной. Наследие великого Гёте никогда…

Выполнить его требование Эльза Фриз не успела. Последние слова бородача заглушил выкрик припавшей к слою снега и абсолютно спокойной Гермионы:

— Экспеллиармус!

«Зауэр» вылетел из рук предводителя, ударив того стволом в лоб, отчего бородач пошатнулся и нелепо сел в сугроб, схватившись за рассеченную бровь. Гарри подхватил Гермиону за подмышки и рванулся вместе с ней за ближайший гранитный валун под ее очередной выкрик:

— Фумос Дуо!

Место схватки окуталось густым дымом, за которым послышался грохот карабинов. Эльза Фриз по-змеиному скользнула за скальный выступ недалеко от них, молниеносно выхватив «Вальтер», и открыла беглый огонь вслепую. Немедленно последовавший крик боли из-за дымовой завесы заставил ее хищно ухмыльнуться.

— Бегите на станцию, — сказала она, показав взглядом себе за спину. — И ждите меня там. Я подойду, когда тут закончу.

— Но просвещенная, их же четверо, а вы без магии…

— Уже трое, — хладнокровно отозвалась она, сменив обойму, и сделав два выстрела сквозь дым. — Не спорьте, Гарри. Вашей жизнью рисковать нельзя, моей — можно. Идите!

Гермиона, взглянув ему в глаза, едва заметно кивнула, и ребята, припадая к земле, побежали прочь от места схватки. Одиночные звуки выстрелов, доносившиеся из-за спины, становились все тише: как видно, Эльза Фриз была жива и успешно продолжала бой. «Сколько у нее с собой патронов?» — успел подумать Гарри, как вдруг позади послышался взрыв, за которым последовали крики и автоматные очереди.

Гарри остановился, хотя Гермиона продолжала тянуть его за рукав к станции.

— Автоматы? — в смятении пробормотал он. — Там не было никого с автоматами.

— Значит туда подошли те, у кого они есть, — нетерпеливо отозвалась Гермиона. — Пойдем, Гарри. Здесь опасно.

За время, проведенное ими в поисках, продолжающийся снегопад практически аннулировал все плоды их усилий по расчистке дороги от станции, поэтому обратный путь оказался ничуть не легче. В действительности он был тяжелее — с учетом накопившейся усталости и необходимости двигаться вверх по склону. Но только когда они, окончательно выбившись из сил, приблизились к станции, Гарри мысленно возблагодарил кошмарный климат Броккена. Станция по всему периметру был оцеплена людьми в черном. Сквозь снежную пелену трудно было разобрать, униформа ли это, но в любом случае на радушную встречу рассчитывать не приходилось.

Ребята, не сговариваясь, пригнулись — благо снега навалило выше пояса, и заметить их с такого расстояния в снегопад было непросто.

— Ну и что теперь делать? — спросил Гарри, обессиленно опускаясь на землю. — Путь к станции перекрыт, связаться ни с кем нельзя. Если бы транслятор уцелел…

— Может быть, связь теперь работает в одну сторону? Тогда профессор

Квиррелл может прийти к нам на помощь, — с надеждой в голосе пробормотала Гермиона. — Уж он-то со всеми тут справится.

— Он сейчас может быть на другом краю света, — мрачно отозвался Гарри. Увидев поникший взгляд Гермионы, он поспешил сменить настроение: — Здорово ты обморок изобразила, чтобы палочку достать. Я решил, что ты и впрямь…

— Что я лишилась чувств от вида людей с оружием? — рассмеялась Гермиона. — Ох, Гарри…

Отдышавшись, Гарри осторожно выглянул из-за сугроба. Оцепление вокруг станции никуда не делось и, похоже, в ближайшее время снимать его никто не собирался.

— Надо где-то переждать, — сказал он. — Снегопад может прекратиться, и тогда мы здесь будем видны, как на ладони.

— Обратно в лес? — подняла на него страдальческий взгляд Гермиона.

— В туристическом буклете писали, что тут вокруг хватает мини-гостиниц и лесных хостелов. Подожди-ка… — проговорил он, извлекая сложенный вдвое проспект из внутреннего кармана пальто, — вот, смотри, тут есть карта. Железнодорожная ветка проходит с этой стороны, значит мы сейчас находимся где-то здесь…

Через пять минут они уже пробирались в выбранном направлении, стараясь держаться подальше от места стычки. Короткий зимний день уступал двигающейся с востока тьме. Тени от сугробов и периодически попадавшихся им на пути деревьев вытягивались, смешиваясь с сотнями других таких же и превращая заснеженное плато в подобие скомканной простыни, разрисованной гигантом-авангардистом.

Уловив движение сбоку, Гарри резко развернулся в том направлении и в испуге отпрянул. Из клубящегося тумана показались две исполинские человеческие фигуры, казалось, сотканные из самого мрака и окруженные странным радужным сиянием. Беспокойно шевельнувшись, они застыли без движения.

— Гермиона, что... кто это? — внезапно охрипшим голосом спросил Гарри.

— Броккенский призрак, — безмятежно ответила Гермиона. — Здорово, правда? Я никогда раньше такого не видела.

— Призрак?

— Боже мой, Гарри, ты же листал буклет, — рассмеявшись, ответила Гермиона. — В этих горах это частое явление. Солнце светит нам в спину, и мы отбрасываем тень на туман в противоположном направлении. Я про это еще на первом курсе в Хогвартсе читала. Смотри!

Гермиона помахала рукой, и один из исполинов в точности повторил ее движение. Внезапно обе фигуры пришли в беспокойное движение и сдвинулись в сторону.

— Но почему они и сами по себе двигаются?

— Порыв ветра сместил слой тумана, вот и все. Пойдем, Гарри. Кто-нибудь может увидеть это явление и догадаться, что мы здесь.

Когда они, измученные до предела, добрались до границы леса, Гарри прислушался. Кроме шума ветра в кронах деревьев, не раздавалось ни звука, и его беспокойство несколько улеглось. И все же он по-прежнему не мог назвать ситуацию, в которой они оказались, иначе чем катастрофой.

— Как ты думаешь, ей удалось выбраться? — спросил он.

— Наверняка, — с убежденностью в голосе отозвалась Гермиона. — Ты же видел, как она сражается. А нападавшие — явные дилетанты, из них единственный по-настоящему опасный тип — тот, в кого я запустила Экспеллиармусом.

— Я не про них, — озабоченно покачал головой Гарри. — Кто-то еще вступил в перестрелку. Да еще и с действительно мощным оружием. Хорошо, если это полиция или даже Бундесвер: если Эльза Фриз угодила в плен, иллюминаты смогут ее вытащить. Но если это Аненербе, ей просто не выжить.

— Как Аненербе могли узнать про нас?

— В Айзентурме действует их агент, помнишь? И не удивлюсь, если Броккен под их постоянным наблюдением: они ведь тоже заняты такими же поисками. Странно, что просвещенной не пришла в голову эта возможность.

Гермиона ступила на неправильной формы сугроб, и тот со стоном рванулся у нее из-под ног, заставив девушку вскрикнуть и отскочить в сторону, вцепившись в рукав пальто Гарри. Только сейчас они поняли, что темные пятна вокруг — не грязь. Перед ними тщетно пытался выбраться из-под снега тот самый бородач, который возглавлял нападавших. Оружия при нем не было, шапки тоже. Спутанные волосы слиплись от крови, ближе к макушке зияло пулевое отверстие, один взгляд на которое заставил желудок Гарри болезненно сжаться. Гермиона тихо ахнула и отвела глаза в сторону. Невозможно было понять, каким чудом этот человек еще сохранял жизнь, но в любом случае оставалось ему недолго.

— Ги… — прохрипел умирающий, бросив на них безумный взгляд единственного глаза: второй был полностью залит кровью.

— Что? — машинально переспросил Гарри.

— Ги… Гитлер… югенд, — с ненавистью произнес бородач и попытался сплюнуть, что вызвало у него приступ кровавого кашля.

— Что там случилось? — пересилив ужас и отвращение, спросил Гарри. — Где просвещ… женщина, которая была с нами? Говорите!

— Ане... нер... — в горле умиравшего заклокотало, и он упал лицом в снег, оставшись без движения.

Гермиона всхлипнула, по-прежнему избегая смотреть на тело у них под ногами. Гарри сжал ее руку и мягко сказал:

— Нам надо идти. Скоро совсем стемнеет.

— Только не говори, что забыл заклинание Люмос, — попыталась улыбнуться Гермиона, что в сочетании с отчаянием на ее лице не показалось ему убедительным. — Гарри… Нам ведь не нужно его обыскивать? У него, должно быть, уже нет при себе бруска?

Прикасаться к только что умершему и окровавленному человеку ему хотелось меньше всего. Но Гермиона права. Если бородач смог вынести с места сражения их находку, не следует оставлять ее в руках Аненербе. В том, что рано или поздно труп будет найден, Гарри не сомневался, и это еще одна причина поспешить с обыском.

Он вздохнул и опустился на колени рядом с телом. Распахнув ему шубу, Гарри, превозмогая гадливость и пачкаясь в крови, прошелся по карманам. Бруска не было. Когда он уже отчаялся что-либо найти, его взгляд наткнулся на белеющий из-за подкладки уголок какого-то документа. Он извлек сшитую и сложенную вдвое пачку листов, и, недолго думая, положил ее к себе в карман. Потом выпрямился и вздохнул:

— Бруска при нем нет. Думаю, его уже обыскали, после чего пустили пулю в голову и оставили на месте, приняв за мертвого. Позже он очнулся и смог добраться сюда, уж не знаю, как ему это удалось в таком состоянии.

Гермиона, не говоря ни слова, кивнула, и они продолжили свой путь в выбранном направлении. Спустя полчаса, в течение которых никаких признаков жилья так и не обнаружилось, Гарри почувствовал беспокойство. Еще через пятнадцать минут оно переросло в уверенность: они сбились с пути, и теперь находятся не пойми где в темном зимнем лесу, по которому, возможно, до сих пор рыскают агенты Аненербе. Его отчаяние достигло предела: хотелось свалиться в снег и зарыдать, и он не понимал, как до сих пор держится сохраняющая молчание Гермиона.

— Похоже, мы заблудились, — сказал он, остановившись. — Придется расположиться на ночлег прямо здесь. Разведем костер…

— Гарри, смотри! — Гермиона указывала куда-то за его спину. Оглянувшись, он убедился, что его подруга права: в кромешной тьме среди голых стволов деревьев виднелись золотистые искорки, едва различимые среди черных ветвей.

Собрав все невесть откуда взявшиеся силы, они зашагали — почти побежали — в направлении света. Пятнадцать минут спустя друзья, задыхающиеся, на подгибающихся ногах и облепленные снегом с ног до головы, стояли под дверью скромного двухэтажного здания, вывеска над дверью которого сообщала, что перед ними хостел «Вальпургиева ночь». Гермиона, усмехнувшись, покачала головой:

— Наверное, в любом месте, кроме этого, такая вывеска отпугнула бы постояльцев. Здесь же… За этим сюда и приезжают.

— Надеюсь, нам откроют, — сказал Гарри, вдавив кнопку звонка.

Хозяин хостела, открывший им дверь, оказался высоким и худым стариком с нездоровым цветом лица и ввалившимися щеками. Кончик носа венчала непомерных размеров бородавка, а от его улыбки, обнажившей янтарного цвета осколки зубов, Гарри на всякий случай стал припоминать все когда-либо выученные защитные заклинания.

— Сожалею, молодые люди, но мест на сегодня не осталось, — дребезжащим голосом с порога заявил старик и невпопад хихикнул. — Из-за непогоды многие приезжие решили переждать лишние пару дней, так что все номера сейчас забиты.

— Нам не нужен отдельный номер, — как можно более жалобным тоном обратилась к нему Гермиона. — Просто ночь переждать. Мы заплутали в лесу и опоздали на последний поезд. Сгодится любое помещение.

— Гм… — старик в задумчивости почесал заросший щетиной подбородок. — Есть у меня подсобка в подвальном ярусе. Там холодновато, зато имеется старый диван. Но если вам требуется два… — Он скривился и развел руками.

— Одного нам достаточно, — спокойно ответила Гермиона. — Спасибо вам большое.

— Завтра утром я собираюсь съездить в Тале, закупить продуктов. Могу и вас подвезти до тамошнего вокзала, — он снова хихикнул.

В очередной раз поблагодарив чудаковатого хозяина, они вслед за ним спустились в подвал, где он отпер хлипкого вида дверь, обитую фанерой, щелкнул выключателем и сделал картинный жест рукой, приглашая их внутрь. Войдя в импровизированный номер, они огляделись. Старик не соврал: у стены и впрямь стоял древний диван с драной обивкой, некогда красного цвета, покрытый темными пятнами неизвестного происхождения.

Слева от него высились железные стеллажи, набитые всевозможным хламом: от поломанных детских игрушек до ржавых инструментов, рождавших ассоциации с пыточными орудиями инквизиции. Напротив прямо на пол были свалены стопки книг, нижние из которых безнадежно отсырели. Гермиона при взгляде на это кощунство потеряла дар речи и одарила хозяина хостела возмущенным взглядом, который тот вряд ли заметил. Хихикнув на прощание, он невнятно пожелал им спокойной ночи и захлопнул за собой дверь.

Гермиона подошла к дивану и, как была, в пальто, рухнула на него, вытянув ноги.

— Теперь я знаю, что такое счастье, — закрыв глаза, пробормотала она.

Гарри осторожно присел рядом.

— Тесновато здесь, — заметил он. — Я, пожалуй, постелю себе на полу.

— Не говори ерунды. Я подвинусь, — ответила Гермиона и действительно переместилась ближе к краю, скинув на пол обувь. — Еще не хватало, чтобы ты простудился перед дорогой. Целый день бродить по морозу, а потом еще провести ночь на полу в подвале — никакой имплант не спасет.

Пожав плечами, Гарри стащил с себя пальто и, разместившись рядом с Гермионой, накрылся им вместо одеяла. Все конечности гудели от перенапряжения: казалось, смертельно устала каждая клеточка его тела. Он старался даже не думать о том, как завтра утром сможет встать на ноги. Хорошо бы Эльза Фриз смогла выбраться из этой переделки и позвала на помощь иллюминатов — тогда они быстро доберутся до Башни и смогут провести в тепле и комфорте остаток каникул. Увы, как видно, чудес не бывает даже в магическом мире. Постепенно его мысли приняли другое направление. Что они нашли сегодня? Тайное послание, которое поможет расшифровать другое тайное послание?

— Гермиона, — позвал он шепотом. — Ты еще не спишь?

— Не могу заснуть, — слабым голосом отозвалась она. — Все тело ломит.

— У меня тоже, — кивнул Гарри. — Послушай... Ты помнишь это четверостишие Гёте, которое было на серебряном бруске?

— Каждое слово, — улыбнулась она. — И, кажется, я знаю, что оно значит.

Глава 3. Портал

Опасения Гарри оправдались: когда хозяин хостела затарабанил в дверь и сообщил, что через час собирается ехать в Тале, они с Гермионой едва смогли встать на ноги. Болело решительно все, а ноги буквально подкашивались при каждом шаге. Наскоро собравшись, умывшись и размяв конечности, они выбрались из хостела. Гермиона успела прихватить с собой «Историю наблюдений звездного неба», которую нашла среди наваленных в подсобке книг. Хозяин, безразлично махнув рукой, сказал, что она может унести с собой любые книги, какие пожелает, — все равно он собирался их выбрасывать — последним заявлением он заставил ее поморщиться, как от физической боли.

Утром Броккен уже не казался настолько зловещим местом, как прошлым вечером. Рассветное солнце, пробиваясь сквозь ряды деревьев, окружавших дорогу, по которой они неслись на стареньком Фольксвагене Кэдди, несколько повысило им настроение, и теперь в дополнение к острому желанию вернуться в Айзентурм Гарри начинало овладевать естественное любопытство человека, оказавшегося в гуще таинственных событий — даже несмотря на смертельную угрозу, которая над ними нависла.

Обсуждать события вчерашнего дня при хозяине они не рисковали, тем более, что тот не давал им и рта раскрыть. Всю дорогу он, по своему обыкновению невпопад хихикая, без умолку рассказывал о том, как безобразно поступила с ним его ныне покойная жена, имевшая наглость отправиться в мир иной, не позаботившись о куче документов, которые ему теперь разгребать до Второго пришествия.

Сделав парочку безуспешных попыток поддержать разговор, ребята осознали, что собеседники старику не нужны: ему вполне хватало слушателей. Поэтому они, переглянувшись, скоротали оставшуюся часть пути в молчании, воспринимая голос словоохотливого хозяина в качестве скучной радиопьесы. Гарри воспользовался этим временем, чтобы немного вздремнуть, Гермиона же с загадочной полуулыбкой листала «Историю наблюдений».

И только когда они наконец разместились в купе поезда, Гермиона решилась задать ему вопрос:

— Ты еще не посмотрел, что было в документах, которые мы нашли у… того человека?

— Только мельком. Давай посмотрим сейчас, пока есть время.

Гарри положил на столик испачканную запекшейся кровью пачку листов и постарался осторожно отделить слипшиеся страницы друг от друга. Несмотря на все предосторожности, некоторые из документов он все же надорвал, но существенно менее читаемыми они от этого не стали: грязь, кровь и растаявший снег безнадежно испортили больше половины текста.

Первая страница по всем признакам представляла собой написанное от руки письмо, причем каллиграфическим почерком его автор, увы, не обладал. Склонившись над расплывшимся текстом, друзья с трудом прочли: «…уже знаешь… в прошлую пятницу… вломились в хранилище и… та самая женщина, и она… охранник, который… карты Гёте, на которых он отмечал… Бери всех и

приезжай. Понимаю, что о многом прошу, братишка, но это наша единственная возможность. Нельзя допустить, чтобы эта организация получила… Твой брат, Альберт».

Несмотря на то, что львиная доля текста была утрачена, оставшееся вроде бы подтверждало то, что они уже успели узнать, но с негативной стороны.

— Эльза Фриз не сказала, что они украли карты, — помрачнев, сказал Гарри.
— Не думал, что иллюминаты могут до такого опуститься. У них достаточно денег, чтобы просто купить эту информацию.

— Мы не знаем всех обстоятельств, Гарри, — ответила Гермиона. — Владелец мог наотрез отказаться продавать карты или уже договориться об их продаже кому-то на стороне, включая Аненербе. Давай посмотрим, что тут есть еще.

Вторая страница содержала распечатанное расписание движения поездов Саксонии-Анхальт, два рейса были подчеркнуты. Третья и четвертая были страницами книги, в которой Гермиона узнала заметки Гёте о геологии Гарца, со множеством пометок там, где говорилось о восхождении на Броккен. Последняя же… Первое, на что Гарри обратил внимание в нижней части страницы, было изрядно размытым, но все еще узнаваемым символом, который он впервые увидел на занятии Зельды Штейн. Черное Солнце — колесо с двенадцатью молниеобразными спицами. С текстом проблем оказалось больше.

— Это иврит, — сказала Гермиона.

— Ты можешь его прочесть? — с надеждой в голосе спросил Гарри.

— Гарри, я не полиглот. Но, думаю, когда мы вернемся в Айзентурм, проблем с переводом у нас не будет. Так что пока спрячь документы понадежней. Если Эльза Фриз попала в плен, возможно, это поможет нам освободить ее.

— С чего бы? Нападавшие на нас, похоже, вообще не представляли какую бы то ни было организацию, и я не думаю, что кто-то из них смог выжить. Они просто хотели защитить тайник Гёте от нацистов. Ты же понимаешь, что это нас они приняли за Аненербе? Их лидер назвал нас «гитлерюгендом» перед смертью.

— И пока они были заняты просвещенной Фриз, их атаковали настоящие агенты Аненербе, — кивнула Гермиона. — Помнишь, когда мы услышали автоматные очереди?

Гарри прикрыл глаза и откинулся на сиденье. Он не мог избавиться от ощущения, что угроза, сгущавшаяся вокруг них с первого дня в Башне, каким-то образом завязана на него самого. Враг, который кружил рядом подобно стае акул, без колебаний проливая кровь других людей, отчего-то щадил Гарри. Может быть, это просто субъективное впечатление, но… Карл, использовавший на нем непростительное заклинание, сразу после этого был убит. Кто-то попытался убить Гермиону, но не того, кто всегда находился рядом с ней. Они смогли выбраться живыми с Броккена, где сгинула казавшаяся почти всесильной просвещенная и группа вооруженных людей.

Казалось бы, давно забытое чувство, которое он испытал еще в Хогвартсе, перед тем, как отправиться в Храм Творения, снова дало о себе знать. Стеклянный коридор. Выборы, которые делают за него другие — те, кого он

даже не знает. Навязанная ему роль «избранного». Отличие было в том, что здесь закулисные манипуляции оказались много тоньше и незаметней. Никто не пытался сыграть на его чувстве долга или ответственности перед близкими, но чем дольше Гарри наблюдал происходящее вокруг, тем отчетливей проступали из тумана очертания шахматных фигур на доске, уходящей в бесконечность. При всем желании он не мог вмешаться в эту партию, которая началась задолго до его рождения и, быть может, завершится спустя годы после его смерти, когда чей-то надменный голос с холодным торжеством объявит: «Шах и мат!»

— Гермиона, — обратился он к подруге, которая тоже сидела в задумчивости, продолжая выискивать что-то в «Истории наблюдений», — а что там с четверостишием Гёте? Ты так и не сказала мне вчера.

— Вчера я еще не была уверена, — улыбнулась она и помахала перед ним книгой, которую держала в руках. — Поэтому сегодня отыскала то, что мне требовалось для проверки.

— Книга по истории астрономии? Но при чем тут Гёте? Он, конечно, занимался оптикой и естественными науками, однако…

— Нет, Гарри, занятия Гёте тут ни при чем. Я отталкивалась лишь от содержания самого стихотворения. В первых его строчках говорится о том, что небо рождает звезды. Притом «ярко». О чем речь, по-твоему?

— Ну, если это не какая-то сложная метафора, то я бы предположил, что речь идет о сверхновых. Профессор Вернер недавно целую лекцию им посвятил, помнишь?

— Я помню не только лекцию, но и кое-какие численные значения, которые называл профессор, — отозвалась Гермиона. — И ты прав, Гарри, речь наверняка о сверхновых. Насколько часто они вспыхивают в нашей галактике?

Гарри этого совершенно не запомнил, поэтому, стушевавшись, промолчал. Гермиона, ничего не говоря, пододвинула ему книгу, указав на строчку для прочтения. «…В среднем, в галактике Млечный Путь раз в столетие вспыхивает одна сверхновая. Однако до начала эпохи телескопов их наблюдение было крайне затруднено. Судя по всему, на протяжении четырехсот лет до вспышки SN 1572 в созвездии Кассиопеи не было ни одного наблюдения…»

— Ну хорошо. И что из этого? — недоуменно спросил Гарри.

— А то, что в стихотворении говорится о двух вспышках с периодом в тридцать лет. Конечно, сейчас, когда мы можем наблюдать даже далекие галактики, открытия сверхновых происходят постоянно. Но в эпоху Гёте был известен только один такой случай.

Гермиона выпрямилась, наслаждаясь произведенным эффектом. Гарри какое-то время ждал продолжения, но в итоге сдался первым и спросил:

— И что это за случай?

— Первая вспышка — та, о которой ты только что прочел, наблюдалась в 1572 году. Вторая — спустя тридцать два года, в 1604 году.

— Наверное, ты права. — Гарри испытывал странную смесь чувств восхищения способностями Гермионы и досады от собственной непутевости. Ведь почти к тому же выводу пришел, но все равно остался на шаг позади, если не дальше. — Однако мне по-прежнему неясен смысл стихотворения в целом. Кто эта «младая парка» и при чем тут сверхновые?

— Парки — богини судьбы в древнеримском пантеоне, такие, как древнегреческие мойры и скандинавские норны. Гёте пишет о них открытым текстом в «Фаусте», помнишь? — с оттенком нетерпения ответила Гермиона, похоже, искренне не понимая, как он может не помнить то, о чем читал. — Самая молодая из них назначает только что родившемуся человеку его жребий. Как говорится, «то, что на роду написано». Получается, что в четверостишии Гёте речь идет о том, что две судьбы каким-то образом оказались связаны со вспышками двух сверхновых. Нетрудно догадаться, кто эти люди. Те, кто наблюдал и описал вспышки сверхновых с разницей в тридцать лет.

— И… ты знаешь их имена?

— Все знают их имена! — удивленно ответила Гермиона. — Сверхновая 1572 года наблюдалась и подробно описана датским астрономом и алхимиком Тихо Браге. Сверхновая 1604 года — немецким астрономом Иоганном Кеплером. А знаешь, что самое интересное во всем этом?

Гарри, уже смирившийся со своей ролью пассивного слушателя, лишь поднял на нее вопросительный взгляд, и Гермиона нанесла смертельный удар:

— Самое интересное заключается в том, что оба астронома встретились в 1600 году, и не где-нибудь, а в Праге! Именно в тот период, когда раввин бен Бецалель, согласно известным нам мифам, создал голема по имени Йозеф. И еще тот факт, что к этому моменту Тихо Браге был близким другом бен Бецалеля. Вот, прочти сам! — Гермиона протянула ему книгу с размещенной в ней врезкой с биографией Тихо Браге, но Гарри лишь бегло скользнул по ней взглядом и посмотрел в глаза девушке.

— Гермиона, ты… — он не мог подобраться слов, отражающих то, что он в этот момент чувствовал. — Ты просто потрясающая! — наконец выпалил он, чем вызвал легкий румянец на ее щеках.

— И если я права, — улыбнувшись, продолжила она, — тогда…

— Конечно, ты права! — пожалуй, с излишней горячностью воскликнул Гарри.

— Если я права, значит Эльза Фриз ошибается. В мифах о пражском големе есть как минимум часть правды. И значит дальнейшие поиски ключа требуется возобновить именно в Праге.

Гарри с запозданием осознал, что расшифровка смысла стихотворения вовсе не означает разгадку тайны в целом. Это не более чем намек на разгадку, которая, быть может, по-прежнему ждет своего часа в древнем городе в теплой компании сотен мифов и небылиц. Однако им с Гермионой эту тайну разгадывать уже не придется. Меньше, чем через восемь часов, они будут в Айзентурме. Соберется ареопаг, их доклад внимательно выслушают, поблагодарят их, и в особенности Гермиону, за проявленное мужество и

находчивость, после чего выставят за дверь, и шахматная партия с этого момента продолжится без их участия.

Должно быть, очень скоро маги иллюминатов и Аненербе схлестнутся в смертельной битве на улицах Праги, пытаясь добраться до ключа первыми. Наверное, будут жертвы, но иллюминаты — Гарри искренне надеялся на это — одержат победу и в конце концов найдут разгадку величайшей тайны, которая позволит им сразить древнего врага и сделать мир чуточку лучше.

Но теперь это уже не их дело, и, хотя часть его тосковала по возможности оказаться в центре потрясающего приключения, он все еще слишком хорошо помнил, что настоящее приключение — это в первую очередь боль, пот и кровь, а уж потом — возможная победа и прикосновение к тайне. Какая тайна окупит кровь дорогих людей?

Путь до Ингольштадта показался ему на удивление коротким, даже несмотря на хлопоты с пересадкой в Магдебурге. Они успели во всех деталях обсудить «Фауста», Аненербе, их агента среди иллюминатов и собственные планы на жизнь, не замечая, как неотвратимо клонится к закату зимнее солнце. Когда Гарри выбрался на перрон и помог спуститься Гермионе, он безмятежно улыбался. Время, проведенное с подругой, действовало на него подобно наркотику, а близость к дому вселяла ощущение одержанной победы. Они побывали в настоящем бою, ускользнули от жуткой нацистской организации, с налета проникли в одну из загадок Гёте — мир, казалось, сам ложился к их ногам.

Должно быть, именно эйфория, в которой он пребывал, двигаясь под руку с Гермионой к выходу из вокзала Ингольштадта, помешала ему вовремя опознать преследователей. Только когда за стеклянной дверью, ведущей на улицу, он увидел трех неподвижно стоящих рослых мужчин в черных пальто, невыразительно смотревших перед собой, Гарри вдруг осознал, что ничего не кончилось. Организация, потратившая десятки лет на разгадку шифра, не отпустила бы их восвояси настолько просто.

Он так сильно сжал руку Гермионы, что она от неожиданности ойкнула, но, проследив за его взглядом, понимающе кивнула. Они вышли из потока людей в сторону, освободив проход, и огляделись. Почти сразу Гарри выделил еще двух наблюдателей, стоявших чуть поодаль в помещении вокзала. Они даже не делали попытки замаскировать свое присутствие: просто стояли и буравили их безразличным взглядом, спокойно ожидая дальнейших действий. То, что агенты Аненербе, если это действительно были они, не атаковали сразу, давало определенную надежду: очевидно, у них не было намерения привлекать внимание окружающих. А значит пока вокруг достаточно много людей, им ничего не угрожает. Во всяком случае, какое-то время.

— Мы вряд ли сможем уйти незаметно, — тихо сказал Гарри. — Нужно позвать на помощь иллюминатов.

— Как? В Айзентурм не позвонить, — нахмурилась Гермиона и с выражением досады на лице покачала головой. — Нам с тобой давно нужно было поинтересоваться, какие у Башни средства связи с внешним миром. Если это вообще возможно с учетом Сумрака.

— Сейчас каникулы, большинство учеников за пределами Сумрака. Если попросить кого-нибудь из них сходить в Айзентурм и сообщить…

— У тебя есть телефон любого из них? — иронично подняла бровь Гермиона.

Гарри, помрачнев, опустил голову. Позвонить в полицию? Но что они скажут прибывшим полицейским? Что странные люди стоят у входа? Он был уверен, что у каждого из агентов Аненербе окажется безупречная репутация и веская причина для того, чтобы находиться на вокзале. Может, устроить хулиганскую выходку в надежде, что полиция упрячет их самих за решетку? Но оттуда по-прежнему нельзя связаться с иллюминатами, а вот у Аненербе вполне могут быть — и наверняка есть — свои люди в полиции, коль скоро они смогли внедриться даже в Айзентурм. Однако почти сразу его осенило, и он воскликнул:

— Сейчас будет! Нам нужна справочная.

Схватив Гермиону за руку, он потащил ее к стойке со светившейся над ней синей буквой «i», не обращая внимания на возражения подруги о том, что телефоны частных лиц, тем более — подростков, никакая справочная им не предоставит.

— Добрый вечер! — обратился он к сидевшей за стойкой молодой женщине, с лица которой не сползала дежурная улыбка. — Вы не могли бы подсказать нам телефон кафе «Эрлёйхтетенгартен»? — И восхищенный взгляд Гермионы был лучшей наградой за все пережитые недавно мучения.

Втиснувшись в ближайшую телефонную будку вместе с Гермионой, Гарри бросил взгляд на преследователей. Те заметно обеспокоились. Один из них извлек из кармана пальто что-то похожее на портативную рацию или один из этих дорогущих мобильных телефонов, которые все чаще можно было видеть на улицах Германии, и что-то заговорил, бросая косые взгляды в их направлении.

Не теряя времени, Гарри набрал номер и стал ждать ответа, слушая длинные гудки и переминаясь с ноги на ногу от нетерпения. Трубку долго не брали. Наблюдатель, тот самый который говорил по рации, успел закончить разговор и, что-то сказав второму агенту, скрылся в толпе. Когда, наконец, к телефону на той стороне линии соизволили подойти, это оказалась вовсе не хозяйка кафе, а кто-то из младшего персонала:

— Добрый вечер, кафе «Эрлёйхтетенгартен»! — услышал Гарри голос, похоже, принадлежавший совсем молодому парню.

Гарри, поздоровавшись, попросил к телефону фрау Вундерлих, сразу же столкнувшись с очередным препятствием.

— Она сейчас очень занята. Наплыв гостей. Может быть, вы позвоните позже?

— Это дело жизни и смерти! — не сдержавшись, рявкнул Гарри. — В буквальном смысле.

— Простите, но я не могу…

— Скажите ей, что срочно требуется помощь из Айзентурма, — наплевав на соображения секретности, выпалил Гарри. — Просто скажите. Я подожду на линии, что бы она там ни ответила.

— Помощь откуда?

— Проклятье, из Айзентурма! Скажите ей это немедленно! — снова сорвался на крик Гарри.

На сей раз это возымело эффект: послышался стук, с которым трубку положили на стол, и удаляющиеся быстрые шаги. В отличие от непутевого парня, хозяйка кафе отреагировала моментально.

— Софи Вундерлих у телефона, — услышал Гарри меньше, чем через минуту. — Кому нужна помощь?

— Гарри Поттеру и Гермионе Грейнджер, мы ученики седьмого…

— Я помню вас, Гарри, — последовал немедленный ответ. — Что у вас там за ситуация?

Гарри бросил на Гермиону многозначительный взгляд, и она приблизила ухо к трубке.

— Мы сейчас на вокзале, одни, — сказал Гарри. — За нами следят двое, судя по всему, это агенты Аненербе. Еще минимум трое ждут у входа. Нам требуется помощь, чтобы выбраться. У нас при себе важные документы и…

— Так, Гарри, слушайте внимательно. Я сейчас без промедления сообщу нашим, но, вероятно, быстрее, чем через двадцать минут с этого момента, вы помощи не дождетесь. Постарайтесь находиться там, где много людей и работают камеры безопасности. Однако если вам покажется, что преследователи собираются напасть на вас, несмотря ни на что, постарайтесь скрыться сами.

— Но как…

— Я не закончила, — перебила его фрау Вундерлих со стальными интонациями в голосе, которых Гарри никак не ожидал услышать от милой хозяйки кафе. — Самый эффективный способ скрыться от преследования — воспользоваться сетью наших порталов. На вокзале расположены четыре из них. В конце первой платформы, там, где рекламный щит Ауди, вы найдете портал, ведущий во Францию, он отмечен кругом, в конце второй — в Данию, последние два — в Чехию и Австрию. Если вам уже поставили имплант, вы сможете пройти любой из них. Последовать за вами никто не сможет. Далеко от портала не отходите, мы сразу же отправим за вами своих людей. Теперь я… Кто вы такие? — Ее голос резко изменился, и Гарри понял, что обращается она не к нему. — Сюда заходить нельзя! — грохот выстрелов заглушил ее слова, и на линии послышался сильный треск, сменившийся короткими гудками.

Гарри прошиб холодный пот. Мало того, что никакой помощи теперь, судя по всему, можно не ждать. Хуже того: из-за его попытки позвать иллюминатов на Софи Вундерлих напали и теперь она, вероятно, убита. Сколько же еще людей должно погибнуть вокруг его персоны из-за его непонятной ему самому роли? Почувствовав, как на глаза наворачиваются слезы, он тряхнул головой и сжал

зубы. Не время распускать нюни: рядом с ним Гермиона, и он должен позаботиться о том, чтобы с ней ничего не случилось, если уж он не в силах спасти всех остальных.

— Идем к платформам. Скорее, — сказал он.

Гермиона, на лице которой читался ужас от произошедшего, безропотно двинулась за ним следом. Преследователи куда-то испарились, но Гарри не обманывался: их наверняка не выпускают из поля зрения, поэтому расслабляться определенно не следовало. Пройдя холл, где, несмотря на позднее время, до сих пор сновали толпы пассажиров и встречающих, они почти бегом пересекли широкий коридор и вышли к поездам.

— Похоже, что быстрой помощи не будет, — как можно спокойней сказал Гарри, — так что на том конце портала ждать придется долго. Жаль, что здесь нет прохода в Великобританию. Там можно было бы связаться с Дамблдором, он бы вошел в положение... Хотя, честно говоря, не знаю, как ему доверять после того, что он сделал.

— Тут есть портал, ведущий в Чехию, — отозвалась Гермиона дрогнувшим голосом. В отличие от Гарри, слез она не скрывала.

— Но зачем нам…

— Прага, помнишь? Если мы пока что не можем вернуться в Башню, давай хотя бы продолжим то, что начали. Не исключено, что в конечном итоге это нас и спасет.

Гарри согласно кивнул, и они свернули к третьей платформе. Сделав несколько шагов по направлению к ее противоположному концу, они услышали окрик:

— Дальше ни шагу!

Обернувшись, они увидели одного из преследователей. Высокий мужчина в черном пальто загородил выход с платформы. В руке он держал пистолет, который смотрел в их сторону, и в животе у Гарри что-то неприятно сжалось. Он быстро огляделся: на платформе не было ни души, не считая пары железнодорожных рабочих с другой стороны. Первая платформа была переполнена, но ее надежно отгородил от них стоявший поезд, так что агент ничем особенно не рисковал. Тем более, что при необходимости он наверняка может открыть огонь при всех. Что им теперь делать? Постараться вырубить агента заклинанием?

— Если вам в голову пришла гениальная идея напасть на меня, — как будто прочел его мысли преследователь, — имейте в виду: пока вы успеете выхватить палочку и прочесть заклинание, я успею выстрелить как минимум трижды. И не промахнусь.

— Так что вы от нас хотите? — спросил Гарри, делая шаг в сторону от Гермионы, чтобы рассеять внимание противника. Он бросил быстрый взгляд на подругу, надеясь, что она поймет его план. Судя по тому, что она двинулась в противоположном от него направлении, занятия по тактике магического поединка у Квиррелла бесследно не прошли и для нее тоже.

— Хочу, чтобы вы прекратили свои фокусы и проследовали к запасному выходу, который у меня за спиной. Я пропущу.

Гарри кивнул и двинулся навстречу агенту. «Освободите свой разум», — как будто наяву услышал он голос Цао Шу и беспрекословно выполнил ее указание. «Остановите внутренний диалог», — и многоголосица мыслей в его голове сменилась бездонной тишиной. «Чувствуйте пространство». Он чувствовал пространство и время. Его чувствам было невероятно далеко до филигранного восприятия Цао Шу, но вполне достаточно для выполнения задачи.

Агент, уставший переводить оружие от одного к другому, теперь держал его нацеленным исключительно на Гермиону, безошибочно найдя слабое место Гарри. Значит именно с этого обстоятельства и следует начать. «Попытайтесь дотянуться своим разумом до ближайшей стены…» Стены ему были ни к чему. Его интересовал лишь тяжелый кусок металла, сжатый ладонью врага. Совсем близко. Холодная гладкая поверхность. Слабый запах оружейного масла… Сейчас! Гарри вложил в этот импульс все свои силы, надеясь, что сможет отклонить пистолет агента хоть немного в сторону.

Результат, однако, превзошел все его ожидания. Агента крутануло волчком, и его пистолет по длинной дуге улетел далеко на рельсы. Гермиона, не теряя ни секунды, выхватила палочку и, направив ее на ошалевшего противника, выкрикнула:

— Ступефай!

Агент Аненербе кубарем покатился по платформе, пока не застыл без движения.

— Бежим! — крикнул Гарри, и они со всех ног кинулись в дальний конец платформы, где, по словам фрау Вундерлих, располагался нужный им портал.

Позади послышались крики, но Гарри не стал оборачиваться: он и без того понимал, что увидит. Когда до цели оставалось около десяти ярдов, он поскользнулся и едва не растянулся на асфальте, но каким-то чудом смог восстановить равновесие. Где же круг, отмечающий портал? Он так и не успел спросить, как именно выглядит метка, и теперь они стояли на краю платфомы, лихорадочно осматривая все вокруг, стараясь не смотреть в сторону трех человек в черных пальто, которые стремительно приближались к ним со стороны входа.

И в этот момент Гарри увидел это — поблекший от времени бронзовый диск, утопленный в асфальте. Он взглянул на Гермиону и потянулся к метке рукой. Пуля с визгом вырвала кусок асфальтового покрытия платформы. В следующее мгновение яркие огни вокзала сменились непроглядной темнотой. Перемещение завершилось.

Глава 4. Раввин

По мере того, как глаза адаптировались к темноте, она уже не казалась настолько плотной, как поначалу. Их окружали облетевшие деревья: не древние дубы, как тогда, в албанском лесу, а сравнительно недавно высаженные, с еще тонкими стволами и нежной корой. Странные каменные выступы заполняли окружающую территорию во всех направлениях, создавая регулярный белесый рисунок, поблескивающий в свете окон здания поодаль.

Отдышавшись после недавней погони и выйдя на свободную от деревьев землю, они огляделись, и Гарри почувствовал, как легкий холодок неприятно скользнул по спине. Каменные выступы оказались надгробиями — сотнями древних, покосившихся и растрескавшихся надгробий, слегка припорошенных снегом.

— Это же… — произнесла Гермиона дрогнувшим голосом. — Это старое еврейское кладбище в Праге. Я видела фотографии.

Она отошла в сторону, стараясь не наступать на едва выдающиеся из земли каменные плиты, коих тут было несметное количество.

— Куда же нам теперь податься? — спросил Гарри, не особенно рассчитывая на ответ. — Если тут и есть иллюминаты, то нам об этом ничего не известно. Даже переночевать негде.

— Это квартал Йозефов. Здесь повсюду синагоги. В них обычно не отказываются приютить и накормить людей без крыши над головой, — грустным голосом отозвалась Гермиона.

Гарри понимал причины ее подавленного настроения. В недавнем прошлом у нее было все: любящая семья, свой дом, Хогвартс. И даже когда все рухнуло, она на какое-то время обрела новый дом — Айзентурм, казавшийся тогда неприступной крепостью, последним бастионом упорядоченности в море окружающего хаоса. И вот теперь они стоят среди надгробных камней, и у них нет ничего и никого, кроме друг друга. Бездомные. Загнанные. Смертельно уставшие.

— Не знаю, пустят ли нас в такое время… — покачал головой Гарри. — Но выбирать не приходится. Пойдем к выходу.

Они стали пробираться через ряды надгробий туда, где за оградой мерцали огни города да изредка раздавался шум редких автомобилей. Идти было трудно: под слоем снега скрывались отколовшиеся могильные камни, а сами захоронения располагались здесь настолько плотно, что порой приходилось обходить ряды надгробий по широкой дуге.

— Я читала, что здесь несколько слоев могил, — почему-то перейдя на шепот, проговорила Гермиона. — Когда мест для новых захоронений больше не оставалось, все кладбище засыпали слоем земли и хоронили уже в нем, представляешь?

Гарри эта информация отнюдь не подняла настроения, и он облегченно вздохнул, когда они наконец смогли преодолеть все препятствия и выбраться к окраине кладбища. Радоваться, тем не менее, было рано. Путь им преградила

высокая каменная стена без единого разлома. Чуть в стороне виднелись железные ворота, но добравшись до них, ребята убедились, что они наглухо закрыты.

— Надеюсь, сработает, — с сомнением проговорил Гарри, оглядев массивный замок и достав палочку. — Алохомора!

Замок приглушенно лязгнул, и ворота приоткрылись. Они осторожно вышли, не распахивая их полностью, и огляделись вокруг. Прямо перед ними, скрипя шинами по свежевыпавшему снегу, прополз автомобиль, но он был почти единственным источником движения на ярко освещенной улице, за исключением нескольких припозднившихся прохожих, не обращавших на друзей ни малейшего внимания.

— Вот это здание, — Гермиона показала в сторону ветхого остроконечного строения с грязно-желтыми стенами и освещенными окнами по левую руку от них, — наверняка одна из синагог… — Она запнулась, удивленно глядя на объект своего интереса.

— Что случилось? — спросил Гарри.

— Я знаю ее! — ответила Гермиона, и глаза ее заблестели. — Это же Староновая синагога! Та самая! Я не знала, что она настолько близко.

— Староновая?..

— Синагога, на чердаке которой, согласно легенде, до сих пор хранятся останки пражского голема.

Она обернулась, одарив его взглядом, лучившимся неприкрытым азартом.

— Когда ты успела все это узнать? — Гарри был искренне удивлен осведомленностью Гермионы.

— Но, Гарри, это же общеизвестно! Самая знаменитая легенда Праги, я впервые прочла ее еще в Хогвартсе.

— Что ж, в таком случае надо будет пробраться туда при случае, — произнес Гарри в задумчивости. — Возможно, нам удастся найти…

— При случае? Гарри, этот случай — сейчас. Нам нельзя терять время зря. Аненербе наверняка сможет выяснить, куда ведет портал. Я уверена, что уже завтра днем они будут здесь, если не раньше. А сейчас мы сможем пробраться на чердак незамеченными.

— Прямо сейчас? Но как?..

— Пойдем, — уверенно ответила Гермиона. — Если я правильно все запомнила, особых сложностей у нас не возникнет.

Сложности, тем не менее, возникли, хотя поначалу все шло хорошо. Обойдя синагогу с обратной стороны, они увидели уютный дворик, огороженный невысокой железной решеткой. Гермиона показала рукой на дверь, располагавшуюся высоко над землей:

— Она ведет на чердак. Туда-то нам и нужно.

Способ добраться к чердачной двери казался очевидным. Целый ряд железных скоб, укрепленных на стене синагоги, образовывал импровизированную лестницу, ведущую к указанному входу — достаточно было взобраться по ним. Проблема состояла в том, что примерно в десяти футах от земли эти ступени обрывались, и дотянуться даже до самой нижней из них не представлялось возможным.

Гермиона огляделась вокруг и вытащила палочку из внутреннего кармана пальто.

— Что ты собираешься делать? — настороженно спросил Гарри. — Нас могут увидеть, сюда же окна выходят…

— Ты можешь предложить что-нибудь лучше? — пожала плечами Гермиона, направляя на него палочку. — Вингардиум Левиоса!

Гарри от неожиданности нелепо взмахнул руками и резко взмыл в воздух, после чего, повинуясь движению палочки Гермионы, понесся к стене Староновой синагоги.

— Эй, Гермиона, что ты…

— Хватайся за ступени, быстро! — отозвалась она.

Уцепившись за одну из скоб, он поставил ногу на самую нижнюю из них. Подошва скользнула по заледеневшему металлу, и он едва не сорвался вниз, лишь чудом удержавшись и больно ударившись при этом коленом. Заклинание Гермионы перестало действовать, и он, осторожно переступая со скобы на скобу, двинулся к двери, темнеющей над его головой.

— Теперь меня! — потребовала Гермиона, когда он добрался до карниза.

Он, с трудом удерживаясь одной рукой, выполнил ее просьбу, и Гермиона взобралась к нему, едва уместившись рядом на узкой лестнице. Только теперь он увидел, что дверь в помещение чердака представляет собой сплошную деревянную панель с металлической облицовкой, в центре которой красовалась звезда Давида. Ручки не было, признаков замка — тоже, а значит отпереть ее — проблематично. Снести Бомбардой — можно, но так они рискуют разбудить весь квартал, оказавшись в весьма неудобном положении хулиганов, вломившихся в святыню местных иудеев.

— Алохомора! — решил все же попробовать Гарри. Ничего не произошло. Дверь по-прежнему мало отличалась от деревянного участка стены. Он беспомощно взглянул на Гермиону. Та на секунду задумалась, но потом достала свою палочку.

— Аберто! — скомандовала она. Дверь по-прежнему не поддавалась, и она пояснила: — Это почти такое же заклинание, что и Алохомора, но все же имеет свои тонкости, и я подумала… Подожди-ка!

Она наморщила лоб, что-то сосредоточенно вспоминая: ее губы при этом

беззвучно шевелились, проговаривая слова заклинаний. Наконец, обнаружив что-то в недрах памяти, Гермиона приняла решение:

— Прикрой глаза рукой, — сказала она и, прищурившись, взмахнула палочкой: — Портоберто!

Раздался приглушенный хлопок — слишком громкий по мнению Гарри, — и во все стороны брызнули щепки. Что-то с металлическим лязгом упало с той стороны двери. Гермиона осторожно толкнула дверь со все еще дымящимся отверстием в районе предполагаемого замка, и она с надсадным скрипом отворилась. Они проскользнули внутрь и в нерешительности остановились. На чердаке было темно — по-настоящему темно. Единственный луч света, проникший сюда, пробивался через приоткрытую дверь, в которую они только что вошли, и что-либо разглядеть здесь было сложно.

— Люмос! — произнес Гарри, и голубоватый свет, исходящий из кончика палочки, которую он держал перед собой, высветил интерьер чердака.

Пройдя вглубь помещения, они почувствовали нарастающее разочарование. На чердаке не было ничего. Вернее, что-то да было: многоярусные полки с пожелтевшими от времени книгами, свернутые листы не то бумаги, не то пергамента, пара канделябров, полуразвалившиеся ящики с филактериями и, конечно, толстый слой пыли, лежавший на всем этом. Однако не было ровным счетом ничего даже отдаленно напоминавшего голема или его останки.

— Может быть, его куда-то перевезли… — проговорила Гермиона без особой убежденности.

— Или же легенды попросту лгут, — пожал плечами Гарри. — Возможно, Эльза Фриз права по крайней мере в том, что здесь так ничего и не было найдено. В этой синагоге они наверняка тоже искали. Нам следовало бы подумать об этом прежде, чем сюда вламываться.

— Я читала легенду про то, что еще в годы Второй мировой сюда забрался кто-то из нацистов, — пробормотала Гермиона. — Говорят, что он встретил здесь…

Раздался щелчок, и по глазам ударил яркий электрический свет. Они в панике обернулись на звук, рефлекторно выставив перед собой палочки. У внутренней двери, ведущей, должно быть, в нижние помещения синагоги, стоял невысокий суховатый мужчина лет пятидесяти на вид в изрядно потертом пиджаке и кипе, из-под которой выбивались спутанные седые кудри. Он смотрел на них со странной смесью усталого раздражения и смирения. «Будто на любимого кота, который в двадцатый раз стащил хозяйскую колбасу», — промелькнуло странное сравнение в голове Гарри. Они поспешно спрятали палочки, Гарри пробормотал при этом «Нокс!», чтобы погасить магический свет, хотя особого значения это уже не имело: визитер и так все видел.

Последний перевел взгляд на развороченный замок чердачной двери, горестно покачал головой, вздохнул и посторонился, открывая им проход в синагогу:

— Прошу. Здесь спуститься гораздо проще. — сказал он на чистом английском языке с почти незаметным славянским акцентом.

— Простите! — сказала Гермиона. — Мы все починим, честно! Просто дайте нам

пять минут, и мы…

— Своими светодиодными фонариками, конечно? — понимающе кивнул иудей. — В другой раз, ребята. Нам не впервой чинить эту дверь. К сожалению, никто не прислушивается к моим советам открыть чердак для туристов, так что время от времени сюда кто-то вламывается. Но если вы поспешите, то сможете избежать неприятных объяснений перед более важными, нежели я, персонами.

Гарри безропотно пошел к выходу из чердака, потянув за собой Гермиону.

— А… Вы кто? — спросил он, тут же почувствовав всю нелепость своего вопроса.

— Голем, конечно, — спокойно ответил человек в кипе, и в глазах его сверкнули озорные искорки. — Ну, вы знаете. Голем Йозеф, защитник иудеев. Разве не его вы ожидали здесь найти?

Гарри залился краской и с упреком взглянул на Гермиону, которая в ответ только пожала плечами. Она тоже выглядела крайне смущенной.

— Я Гермиона, — серьезно сказала она. — А это мой друг Гарри. Мы не хотели портить вам дверь, просто не видели иного способа. Это… Очень важно для нас. Жизнь многих людей зависит от того, что мы сможем найти.

— Эрше.

— Что? — в один голос спросили Гарри и Гермиона.

— Это не ругательство, это мое имя. Эрше Ширман, раввин. Преподаю Мишну в местном бет-талмуде, ругаюсь с нашими талмудистами на тему Каббалы, провожу ежемесячные экскурсии залетным туристам от чердака до выхода.

Эрше махнул рукой, приглашая их следовать за собой, и скрылся в дверном проеме. Гарри последовал за ним, услышав за спиной тихое «Репаро!», которым Гермиона устранила последствия их появления на чердаке. Они спустились по лестнице на первый этаж, прошли мимо сидевшего над свитком Торы раввина, который не удостоил их даже взглядом, выписывая что-то в объемистую тетрадь, прошли через зал, заполненный людьми даже в столь позднее время, и направились к выходу.

— Но мы не залетные туристы… — начал было Гарри, снова почувствовавший смущение от их выходки.

— Даже и не знаю, — проговорил Эрше, неторопливо отпирая перед ними железную входную дверь синагоги. — Как по мне, чтобы добраться до чердака, умение летать не помешает. Чтобы добраться до гостиницы в такое время — тоже, так что удачи.

— Мы не останавливались в гостинице… — начала было Гермиона, но Гарри дернул ее за руку, и она замолчала. — В общем, еще раз простите, и до свидания, — неловко завершила она фразу.

Эрше остановился в дверях и окинул их добродушно-озадаченным взглядом.

— Приезжие, но в гостинице не останавливались. Не туристы, но вломились в

синагогу в поисках голема. Школьники, но смогли забраться по отвесной стене и выломать железный замок не хуже заправского Моссада. Кто вы такие, ребята, на самом деле? — спросил он. — Ученики элитной школы для супергероев?

— Мы… — Гарри невольно улыбнулся тому, насколько близок к истине оказался Эрше. — Извините, мы не можем рассказать вам.

— Ладно, — пожал плечами тот. — У всех свои тайны. Я вот свой возраст скрываю, чтобы на пенсию не отправили. Вам жить-то есть где?

— Мы… Найдем что-нибудь, — уклончиво ответил Гарри.

— А подождите-ка меня здесь, — сказал Эрше и снова вошел в синагогу, затворив за собой дверь. Гарри и Гермиона переглянулись, но просьбу раввина выполнили. Через пять минут последний, уже одетый в пальто и с небольшой котомкой на плече, вновь появился в дверях.

— У меня тут недалеко припаркована машина. Можете переночевать в моем скромном жилище. Лишних вопросов я задавать не буду, но на ваши ответить могу. У вас ведь есть вопросы? Вы даже не представляете, сколько всего можно узнать, не сломав при этом ни единой двери.

Снова переглянувшись, ребята двинулись за ним по хрустящему снегу за угол синагоги. Гермиона всем своим видом демонстрировала серьезное сомнение в правильности принятого ими решения, и Гарри, ничего не говоря, вытащил из внутреннего кармана стопку листов, которые они нашли при обыске покойника на Броккене, раскрыв страницу с текстом на иврите. Им определенно требовалась помощь хотя бы в этом, и Гермиона, немного подумав, согласно кивнула.

Машиной Эрше оказался невероятно древний седан с пятнами ржавчины, модель которой не поддавалась определению. Они осторожно разместились на пропахшем бензином заднем сиденье, отчего оно угрожающе заскрипело и покосилось вбок. Хозяин сел за руль и начал исполнение сложного ритуала, перемежая свои действия приглушенными восклицаниями на иврите, ударами кулаком по приборной панели и краткими молитвами Всевышнему. Последний в конце концов прислушался к воззваниям своего служителя, и двигатель неохотно затарахтел, отчего кабина затряслась, как в лихорадке.

— А… Ваша семья не будет против незнакомцев в доме? — спросил Гарри, чтобы избавиться от неуютного молчания. Глаза Эрше в зеркале заднего вида на мгновение болезненно прищурились, но его голос прозвучал абсолютно спокойно.

— Вся моя семья — стеллажи с потрепанными книгами и горы бесполезного хлама. Они определенно не будут против, если только вы не надумете устроить генеральную уборку.

Они остановились в старом, но на удивление чистом и аккуратном квартале, и Эрше повел их через небольшой дворик к подъездной двери. Худшие опасения Гарри не оправдались: подъезд не был изрисован граффити, на полу не высились многолетние горы окурков и битых бутылок, что нередко можно увидеть в трущобах, а из запахов улавливался только легкий аромат чьей-то стряпни, совершенно не вызывавший неприятных ассоциаций. Проведя их на

второй этаж, раввин с неожиданно громким скрежетом отомкнул обитую потертой кожей дверь и вошел первым.

— В гостиной есть диван и кресло, которое можно разложить, так что места хватит, — сказал он, захлопнув за ними дверь. — Если интересно, там же почти все мои книги. История Праги, десятки вариантов легенды о Махарале с его големом, да и художественной литературы хватает. Если у вас бессонница, будет чем скоротать время. Поужинаете со мной? — неожиданно сменил он тему.

Только усевшись за простой обеденный стол, Гарри осознал, насколько он голоден. Лишних приглашений ему не потребовалось: они с Гермионой яростно набросились на предложенный им чечевичный суп, и первые пять минут поздний ужин протекал в полном молчании, нарушаемом лишь периодическим стуком ложек.

— Мистер Ширман, — начал было Гарри, когда угрожающе урчавший желудок несколько успокоился, — мы хотели…

— Просто Эрше. Я не глава корпорации, — перебил его раввин и после короткой паузы добавил: — А жаль.

— Эрше, — послушно повторил Гарри, бросив короткий взгляд на Гермиону, — у нас с собой документ на иврите. Вы не откажетесь его перевести для нас? — Он отделил нужную страницу от пачки грязных листов и протянул ее хозяину, успев увидеть, как расширились его глаза, когда тот взглянул на пятна высохшей крови на бумаге.

Эрше взял в руки страницу, пробежал ее глазами и замер.

— Откуда это у вас? — спросил он изменившимся голосом.

— Это принадлежало… одному человеку, который недавно был убит в Германии, — ответила Гермиона.

Эрше внимательно посмотрел на нее и, склонив голову набок, сжал губы. Затем откинулся на спинку стула и проговорил:

— Это письмо… Вернее, копия одного очень старого письма. Я знал человека, который написал его. Заключенный в Освенциме — он не выжил, но ему удалось послать весточку своим. Как вас угораздило встрять в эту историю, ребята? Самые темные страницы нашей истории. — Он покачал головой в смятении.

— Нам нельзя рассказывать, Эрше, — почти жалобно ответила Гермиона. — Мы бы с удовольствием поделились с вами всей этой историей, но…

— Поверьте, я способен хранить чужие тайны. Если б вы только знали, сколько их осело в этом контейнере за мою жизнь. — Он постучал пальцем по своему черепу с необычно гулким звуком. — Но я, конечно, не настаиваю. Хотите знать текст письма?

Они синхронно кивнули, не спуская глаз с хозяина. Тот, пожав плечами, снова взял в руки страницу и начал читать:

«Приветствую, мой друг. Прости, не называю тебя по имени — письмо могут перехватить, и тогда тебе несдобровать. Мне тоже недолго осталось: из двух десятков евреев в нашем боксе выжили только трое, считая со мной. Я слишком слаб и не могу ходить, но двое других попытаются сбежать этой ночью — они и доставят письмо, если повезет.

Я знаю, старина, что ты и так без счета помогал нам, и справиться со всем этим не под силу даже тебе, так что я не прошу о помощи. Но, возможно, эта информация окажется полезной. Сегодня с утра к нам в третий раз приезжал Гиммлер собственной персоной, говорили, что для инспекции. На самом деле он приволок с собой кучу чокнутых оккультистов из Аненербе: похожи на эсэсовцев, но со странными нашивками в виде колеса с изломанными спицами. Устраивали над нами эти свои обряды с пентаграммами, рунической галиматьей и чтением заклинаний. Многие из наших умерли у меня на глазах. Дружище, я никогда не верил во всю эту волшебную абракадабру, но не могу не верить своим глазам. Я думаю, что это самая настоящая магия, так что ты был прав, а я ошибался.

А главное — я услышал, о чем они говорили. О том, что привлекли лучших специалистов для поиска тайного послания, которое Иоганн Гёте якобы зашифровал в тексте «Фауста», и что оно указывает на местонахождение первого Источника — думаю, именно того, о котором ты рассказывал. Говорили еще о том, что все Источники должны быть на одной линии. И о тебе они тоже упоминали! Будь осторожен, старина, ладно? Они уже нашли что-то в Албании, и теперь они в двух шагах от цели по словам этого мясника.

Твой друг Залман.

P.S. Вот как выглядели их нашивки. Где я уже видел этот символ?»

Эрше замолчал, держа в руке письмо, затем сложил его и вернул Гарри. По его лицу трудно было догадаться, какие эмоции им владели: он казался спокойным, даже отрешенным. Затем, как ни в чем не бывало, принялся пить чай. Гарри не спешил нарушать молчание, опасаясь оказаться бестактным: и без того только что переведенный документ заставил приютившего их хозяина вспомнить то, что он наверняка не желал вспоминать.

— Кому было адресовано письмо, Эрше? — тихо спросила Гермиона.

— Это давняя история, — безмятежно отозвался тот, поставив чашку на стол. Обсуждать содержимое письма он, похоже, не намеревался. — Какая теперь разница? Давайте, ребята, лучше пожелаем друг другу спокойной ночи. Боюсь, нам придется встать пораньше — мне уж точно. Меня в синагоге недолюбливают, и ежели я еще и опоздаю, на пользу моей изрядно подмоченной репутации это не пойдет.

— За что вас недолюбливают? — удивленно спросил Гарри. Эрше казался ему воплощением добродушия и безобидности: странно, что такой человек мог внушать кому-то негативные чувства.

— Когда так долго мозолишь глаза, успеваешь смертельно надоесть кому угодно, — отозвался Эрше. — Правда, в моем случае последней каплей оказалось мое, пожалуй, слишком уж либеральное объявление, в котором я приглашал в бет-талмуд. Мол, для желающих открыта запись во всемирный

еврейский заговор, в Шаббат скидки и все такое прочее.

Гарри едва не подавился чаем, Гермиона прыснула, потом, не удержавшись, засмеялась, откинувшись на спинку стула. Мрачноватая атмосфера сама собой рассеялась. На какое-то мгновение Гарри показалось, что они с Гермионой сидят в гостях у какого-нибудь двоюродного дядюшки, знакомого им обоим с детства, и враждебный мир, напичканный всеми этими агентами Аненербе, ритуальными убийствами и смертоносными тайнами, немного отступил.

— Вы серьезно? — спросил Гарри, откашлявшись.

— Я сама серьезность, вы сами видите, — не моргнув глазом, ответил Эрше. — И насчет того, чтобы пойти спать, я тоже был серьезен.

В этом был резон. Пожелав раввину спокойной ночи, они направились в выделенную им комнату, где среди прочего и впрямь обнаружили впечатляющую библиотеку. В отличие от того, что они видели в подвале «Вальпургиевой ночи», здесь с книгами определенно обращались подобающим образом. Взгляд Гермионы сразу потеплел при виде аккуратно рассортированных по тематике книг, стоявших за стеклянными дверцами в стеллажах, лишенных даже признаков пыли.

— Оставлю «Историю наблюдений» здесь, — сказала она, пока Гарри раскладывал для себя кресло. — Нам эта книга теперь вряд ли потребуется. А вот что-нибудь по истории Праги мне бы сейчас пригодилось.

Она, пробежавшись глазами по рядам книг, остановилась на массивном иллюстрированном путеводителе, на суперобложке которого красовалась знаменитая Пороховая башня — неофициальный символ Праги.

— Ты бы лучше поспала, Гермиона, — озабоченно сказал Гарри, накрывшись пледом. — Я же вижу, что ты с ног валишься.

Гермиона рассеянно кивнула, но ничего не ответила. Ее внимание уже было поглощено книгой, с которой она улеглась на диван, и Гарри, пожав плечами, закрыл глаза. Сон спустился сразу, и он не был приятным.

Гарри смотрел на мир откуда-то снизу, и расплывчатые образы проносились перед ним. Что-то похожее на деревянную решетку ограничивало его свободу передвижений, но еще больше — его собственная слабость. Руки и ноги не слушались, а доносившиеся до него звуки голосов казались гулкими, как в железной бочке.

— …Он окончательно вышел из-под контроля, — говорил кто-то, чей голос показался Гарри подозрительно знакомым, несмотря на все искажения. — И я знаю, что он сделает новую попытку. Если ты не желаешь носить этот символ на себе, я понимаю тебя, но подумай о Гарри. Сила Черного Солнца защитит его, когда придет время.

— Скорей запятнает! — с гневом ответил ему мужской голос. — Уходи! Мы сами…

— Нет! — возразил ему третий голос, принадлежавший женщине. — Я… Мы согласны. Установи защиту, и будь что будет.

А затем в его поле зрения вплыл силуэт человека, который протянул к нему пылающие фиолетовым огнем пальцы, и голова Гарри наполнилась жгучей болью. Он заскулил, забился в конвульсиях и рванулся из объятий сна.

Гарри по-прежнему лежал на разложенном кресле в гостиной Эрше. Его ноги запутались в пледе, голова упиралась в жесткий подлокотник, отчего шея начинала ощутимо затекать. Он обернулся влево. На диване, положив книгу на журнальный столик рядом с собой, крепко спала Гермиона, так и не выключив настольную лампу. Ее лицо было безмятежным, и никакие жуткие сны не тревожили ее покой.

Гарри неслышно сполз со своего кресла, подошел к дивану и осторожно присел на его край. Гермиона шевельнулась, и темп ее дыхания немного изменился. Он протянул руку и легонько погладил мягкие каштановые волосы. Потом, повинуясь порыву, наклонился и коснулся губами ее виска.

— Спокойной ночи, Гермиона, — прошептал он. — Я люблю тебя.

Ему показалось, что по ее губам скользнула едва заметная улыбка.

Глава 5. Учитель и ученик

— Напрасно мы кинулись бегать по городу, не составив заранее плана действий, — с неудовольствием сказала Гермиона после четырех часов их бесплодных блужданий от одной пражской достопримечательности к другой. — Очевидно же, что никаких тайн на поверхности не лежит, сам Гёте говорил об этом… — Она осеклась и о чем-то глубоко задумалась.

Гарри начинал подозревать, что она права, хотя утром, когда Эрше угостил их вегетарианским завтраком и уехал в синагогу, ситуация казалась ему диаметрально противоположной. В самом деле, агенты Аненербе могут объявиться в любой момент, а если бы секрет можно было раскрыть, сидя дома и листая книги, почему до сих пор никто этого не сделал? Он уговорил Гермиону взять с собой красочный путеводитель и обойти все, что имеет отношение к Тихо Браге и Кеплеру, а заодно и к бен Бецалелю.

На практике задача оказалась невыполнимой для одного дня, а ничего, кроме поверхностного осмотра памятников, мемориальных плит и «домов, в которых когда-то жил и работал N», они просто не могли себе позволить, не привлекая массы внимания. Поэтому на сей раз Гарри не стал возражать, а лишь с сомнением пожал плечами. Он все еще беспокоился из-за своего утреннего звонка в Эрлёйхтетенгартен, который могли отследить. Да, трубку так никто не взял, да и звонил он из телефона-автомата, отойдя как можно дальше от дома Эрше, но все же...

— Я думаю, — продолжила Гермиона, — наша основная ошибка в том, что мы не с той стороны ищем. Подсказка, которую мы нашли на Броккене, не указывает на тайну. Она — ключ к пониманию «Фауста», а с ним мы до сих пор не продвинулись ни на йоту. И это неудивительно: как минимум две могущественные организации пытались расколоть шифр на протяжении десятилетий. Куда уж мне…

— Ты себя недооцениваешь, Гермиона, — улыбнулся Гарри. — К тому же теперь у нас есть ключ.

— У них тоже, — покачала она головой. — Не удивлюсь, если они уже здесь.

Они миновали Страговский монастырь, который Гермиона окинула долгим взглядом, пробормотав, что нужно будет при случае посетить его гигантскую библиотеку, перешли дорогу, и прямо по курсу увидели корпуса гимназии Иоганна Кеплера.

— Что ты надеешься там найти? — недоуменно спросил Гарри. — Это же просто название!

— Я не знаю, Гарри, — отозвалась Гермиона с нотками отчаяния в голосе. — Ты можешь предложить что-то лучше? Мы уже заходили в легендарный «дом Фауста» и в Тынский собор, были на могиле бен Бецалеля… Гм.

— Ты о чем-то догадалась? — спросил Гарри, бросив взгляд на ее сосредоточенное лицо.

— Я просто подумала… Гёте писал, что истина не лежит на поверхности. Может

быть, он намекал, что она сокрыта под землей? Смотри сам: все три интересующих нас персонажа уже в могиле, и нам известно положение двух могил из трех. Бен Бецалель, он же Махараль из Праги — на Старом еврейском кладбище. Тихо Браге — в Тынском соборе.

— А Кеплер?

— Кеплер похоронен на кладбище в Регенсбурге, это совсем недалеко от Ингольштадта. Но во время Тридцатилетней войны это кладбище было полностью разрушено, и его могилу больше не найти. Остается выяснить, какая из трех могил…

Она застыла, глядя куда-то вправо. Гарри проследил за ее взглядом, но не увидел ничего, кроме крошечного скверика, в центре которого возвышалась скульптурная композиция: Тихо Браге и его ученик, Иоганн Кеплер, рядом. Ничего особенно примечательного в статуях не было, Гарри уже видел их фотографию в путеводителе.

— Боже мой… — взволнованно проговорила Гермиона. — Неужели это… Это же они!

— Ну да, — пожал плечами Гарри. — Тихо Браге и…

— Нет, ты не понимаешь! — она полезла во внутренний карман пальто, где держала при себе «Фауста», которого периодически изучала. Достав книгу, она сунула ее под нос Гарри, заставив его отшатнуться: — Посмотри на иллюстрацию!

На обложке «Фауста» красовалась великолепная гравюра Фридриха Шлика «Фауст и Вагнер на прогулке». Явного сходства не заметил бы только слепой.

— Они… похожи, — пробормотал Гарри.

Гермиона с энтузиазмом закивала.

— И дело не во внешнем сходстве, — заговорила она. — Оно наверняка было чисто случайным. Зато это натолкнуло меня на мысль. Смотри сам: Фауст был не только ученым, но также мистиком, алхимиком, чернокнижником, водил дружбу с Мефистофелем, а ближе к финалу поэмы он поселился в собственном дворце на морском побережье, где и занимался осуществлением дела своей жизни. А вот его ученик Вагнер — кабинетный ученый, делающий открытия на кончике пера.

— И ты считаешь, что… — попытался уследить за ее мыслью Гарри.

— Да! Ровно то же самое можно сказать и о наших астрономах. Тихо Браге — астролог и алхимик со зловещей репутацией, о котором его современники говорили, что он продал душу дьяволу. И, представь себе, он тоже воздвиг настоящий дворец у моря, на острове Вен, которому дал имя Ураниборг — «Небесный замок». Именно там он занимался астрономией — делом своей жизни. Помнишь его биографию в «Истории наблюдений»? Иоганн Кеплер, в противоположность ему, магией не увлекался, и был сосредоточен на чистой науке, несмотря на то, что зарабатывал себе на жизнь составлением гороскопов. Как же я сразу не заметила очевидного?

— Так значит тот серебряный брусок со стихотворением Гёте был нужен лишь для того, чтобы натолкнуть нас на это сходство?

Азарт Гермионы передался и Гарри, который теперь лихорадочно обдумывал их последующие шаги в свете новой информации. Увы, первый же вывод привел его в смятение.

— Но Гермиона, что нам это дает? — спросил он. — Серьезно, ты сделала потрясающую догадку, и я уверен, что ты права… Но что дальше?

— А дальше — перечитать «Фауста» и попытаться спроецировать события персонажей на то, что происходило в жизни наших астрономов. Возможно, это даст нам ключ… Гм. Ключ.

— Ключ?

— Точно, — кивнула Гермиона, даже не попытавшись пояснить свое загадочное замечание. — Гарри, нам нужно вернуться в дом Эрше. Понадобится его помощь. И знаешь, я думаю, стоило бы все рассказать ему. Мы уже не в Хогвартсе, и этот дурацкий статут о секретности нам только руки связывает.

Всю дорогу Гермиона строила гипотезы относительно истинного смысла «Фауста», раз за разом переходя из состояния бурного энтузиазма, спровоцированного новой идеей, в разочарование от неизменно обнаруживающихся в ней нестыковок. Гарри пытался поддерживать разговор, однако не мог это делать достаточно компетентно. Хуже того, его мысли все время возвращались к сновидению, посетившему его этой ночью. В отличие от других ночных кошмаров последних месяцев этот казался до странности знакомым — как будто был не сном, а воспоминанием.

Что с ним происходит? Он с готовностью списал бы свои ночные видения на побочный эффект перерождения в големе, однако Гермиона ничем подобным не страдала. Не могло ли так случиться, что его собственный голем был ранее занят кем-то еще? Не мог ли кто-то подобный Волдеморту пытаться занять его во время ритуала, как некогда произошло с копией Квиррелла? Гарри содрогнулся, вспомнив результат этого процесса. Если и его ждет эта жуткая метаморфоза, он… Он даже не мог себе представить, как поступить в этом случае: покончить с собой или же делить тело с чуждой ему личностью. Да и будет ли у него выбор, если все зайдет настолько далеко? Даже личность Квиррелла не смогла этому воспрепятствовать.

Когда они, пройдя почти через весь Старый город, вновь добрались к дому Эрше, Гарри подумал, что такого количества пеших прогулок, как на этих, с позволения сказать, каникулах, он не совершал никогда в жизни. Ноги гудели от напряжения, однако он не без удовольствия отметил, что начинает привыкать к физическим нагрузкам последних дней. Гермиона, к его немалому удивлению, и вовсе демонстрировала чудеса выносливости и силы воли: за все это время он не услышал от нее ни одной жалобы.

Они отперли дверь ключом, который оставил им Эрше: по мнению Гарри хозяин продемонстрировал просто неимоверную доверчивость, однако это странным образом гармонировало со всем тем, что они успели узнать о личности раввина. Войдя в гостиную, Гермиона сразу же забралась на диван в компании горы книг,

среди которых помимо «Фауста» Гарри разглядел «Персоналии средневековой Праги», «Жизнь и труды Махараля из Праги», «Голем из Праги. Сказания еврейского гетто», «Очерки истории европейского Ренессанса», «Хроники Тридцатилетней войны» и даже «Апокрифы Ветхого завета». Он поинтересовался было, может ли он чем-нибудь помочь, но Гермиона только махнула рукой с явным недовольством — мол, не мешай.

Ощутив болезненный укол обиды, Гарри принялся изучать книжные полки самостоятельно. В глубине души он прекрасно понимал, что Гермиона совершенно не пыталась его задеть: просто, погрузившись с головой в текст, она порой теряла контакт с окружающим миром. И все же обида не унималась, заставляя его вновь и вновь чувствовать себя незаслуженно оскорбленным.

— Гарри! — оторвал его от разглядывания корешков книг голос Гермионы. — Кажется, я нашла это.

— Ты расколола шифр? — Гарри был удивлен, но не слишком: он уже принял как факт, что для его подруги в этой сфере нет ничего невозможного.

— Ну, не совсем. Однако я имею работоспособную гипотезу. Мы можем ее проверить, но нам не помешает дополнительная информация. К счастью, уж она-то наверняка не секретная.

Гермиона собрала все книги, с которыми работала, в стопку на журнальном столике и подошла к Гарри, раскрыв «Фауста».

— Вот посмотри… — начала было она, но в этот момент замок, как обычно, громко лязгнул, и хлопнувшая дверь возвестила о возвращении хозяина. Объяснение пришлось отложить.

— Ну что, искатели пропавшего ковчега, — обратился к ним Эрше, входя в гостиную, — есть новости?

— Кое-что есть, — скромно отозвалась Гермиона. — Кроме того, нам нужна ваша консультация, Эрше. И поэтому вы должны знать, с чем мы имеем дело.

— Тогда прошу за стол, — улыбнулся раввин. — Что может быть лучше, чем раскрыть парочку страшных тайн за ужином?

Первые минуты за столом они молчали: ни Гарри, ни Гермиона не знали, с чего начать рассказ, способный перевернуть картину мира среднего человека. Наконец, Гарри решился:

— Эрше, вы нам, возможно, не поверите, но магия существует. Настоящая.

— Я знаю, — кивнул раввин. — И что же дальше?

— Знаете?

— Я специалист по Каббале, мне положено. А прожив столько времени в Праге, столько узнав об истории этого города, сложно отрицать очевидное. Во времена Рудольфа II здесь располагалась неофициальная столица всего потустороннего. Маги, алхимики, астрологи и, чего уж там, отборные шарлатаны со всего света… Поэтому, ребята, ознакомительный тур можете смело опустить: существованием

магии меня не шокировать. И, к слову, я уже догадался, что на чердаке вы там не светодиодными фонариками размахивали.

Гермиона с явным облегчением кивнула. Гарри разделял ее чувства: если бы Эрше им не поверил, ситуация бы здорово осложнилась и, по всей вероятности, им пришлось бы справляться своими силами.

— Так что у вас там за проблема, ребята? От чего вы спасаете мир?

— Мы скорей спасаем сами себя, — горько усмехнулась Гермиона. — Дело в том, что наши враги — из… Аненербе. Вы, наверное…

Эрше почти не изменился в лице, но Гарри заметил, как расширились его зрачки от упоминания имени организации.

— Аненербе… — эхом повторил он. — Все еще существуют, стало быть. Что ж, ребята, мои скромные ресурсы в вашем распоряжении. Между прочим, они не такие уж и скромные. Одного не пойму: зачем вы-то им понадобились?

— Все началось с ритуальных убийств в Ингольштадте… — начала свой рассказ Гермиона.

Она говорила не менее получаса, успев рассказать об Айзентурме, убийствах, «Фаусте», столкновении на Броккене и обо всем прочем, что предшествовало их появлению в Праге. Эрше внимательно слушал, кивал, иногда задавал уточняющие вопросы. Его спокойствию позавидовал бы сам Будда: казалось, раввина ничто на свете не может удивить.

Иногда Гарри ловил себя на мысли о том, что, возможно, реакция хозяина — напускное, что он их внимательно выслушает, улыбнется, а потом пойдет к себе в комнату и наберет телефон скорой помощи для экстренной госпитализации двух опасных психов. Но вместо этого Эрше, дослушав рассказ, озадаченно почесал затылок и спросил Гермиону:

— Гм… Вы, кажется, сказали, что у вас есть какие-то новости? Удалось найти что-то в городе?

— Как ни странно, нет, не в городе, — ответила Гермиона. — Я анализировала то, что говорится в поэме о Фаусте и Вагнере, и нашла предостаточно любопытных параллелей. Но мое внимание привлекли главным образом два эпизода. Один из них — повествует о том, как Фауст спускался в жуткую пещеру Матерей. Помните? Он пытался найти то, что способно создать живое существо, и для этого Мефистофель вручил ему некий магический ключ. Что это такое, Гёте нигде не сообщает, однако я просмотрела всего «Фауста», и обнаружила следующий отрывок, говорящий про доктора Вагнера… — Гермиона раскрыла «Фауста» и продекламировала:

> «Он с кафедры один свет яркий льет;
> Как Петр святой, ключами он владеет:
> Что в небесах, что на земле живет —
> Все знает он, все объяснить умеет!
> Всех мудрецов он славу посрамил,
> Сияет он, блестит необычайно!
> Он то открыл, что для других есть тайна,

И даже имя Фауста затмил!»

— И о чем это нам говорит? — с сомнением спросил Гарри.

— Здесь открытым текстом говорится о том, что искомый ключ хранится у Вагнера. То есть у Кеплера: Гёте лишний раз подтверждает, что это один и тот же человек. Кеплер ведь действительно затмил своего учителя Тихо Браге, сформулировав законы планетарного движения.

— Но, Гермиона, ведь это значит, что ключ нам не достать! — в смятении ответил Гарри. — Ты же сама сказала, что кладбище, на котором похоронен Кеплер, было полностью уничтожено в ходе Тридцатилетней войны.

Эрше, все это время невозмутимо работавший ложкой, вмешался в разговор:

— Тридцатилетняя война закончилась в середине XVII века, Гарри. Гёте, написавший свою поэму в начале XIX столетия, наверняка слышал эту радостную новость.

— Именно! — провозгласила Гермиона. — Искомый ключ — вовсе не в его могиле. Он в его личном архиве. А знаешь, где его архив и почему иллюминаты до сих пор до него не добрались, как, впрочем, и Аненербе?

— Где? — спросил Гарри, чувствуя закипающую в нем досаду от собственной бесполезности на грани с полнейшей беспомощностью.

— За два года до образования ордена Иллюминатов архив Кеплера вместе с сохранившимися материалами Тихо Браге был полностью выкуплен Петербургской академией наук, так что сейчас он находится в России и, к сожалению, охраняется не хуже драгоценностей Британской короны. Мне пришлось немало материалов перерыть, прежде чем я наткнулась на эту информацию.

Эрше восхищенно посмотрел на Гермиону и даже цокнул языком от полноты чувств.

— Всем бы такие мозги, как у вас, пани Грейнджер. Вы уверены, что у вас в роду нет евреев?

— Иногда мне кажется, что у Гермионы в роду сама Афина, — через силу улыбнулся Гарри, хотя к его гордости за подругу примешивалась горечь от того, насколько он не соответствует ее уровню. Каким же недотепой она, должно быть, его считает! Неудивительно, что его попытки сближения Гермиона мягко игнорирует.

Гермиона, смущенно опустив взгляд от обрушившихся на нее похвал, продолжала:

— Следовательно, нам нужно раздобыть материалы архива. И, вероятно, все материалы, до последнего документа, поскольку мы не знаем, что собой представляет ключ.

— Что еще хуже, — заметил Гарри, — мы и местоположение двери не знаем.

— Не исключено, что природа ключа позволит нам узнать и это, — пожала плечами Гермиона. — А если нет… Что ж, мы продолжим анализировать текст «Фауста». Уверена, там еще хватает тайн.

— Значит вы отправляетесь в Санкт-Петербург? — спросил Эрше с сомнением.
— Конечно, Железного занавеса уже нет, но уверяю вас, проникнуть в архив будет посложнее, чем на чердак синагоги.

— Если я правильно поняла написанное, нам и не придется туда проникать, — торжествующе улыбнулась Гермиона. — Дело в том, что изданием трудов Кеплера занимается Баварская академия наук в Мюнхене, и там хранятся копии всех материалов, которые вряд ли охраняются сколько-нибудь серьезно. Надеюсь, этого окажется достаточно. А если нет… Что ж, тогда и подумаем, как раздобыть оригиналы.

— Это хороший план, — кивнул Эрше. — Однако вы, кажется, хотели проконсультироваться у меня о чем-то? Чем же я могу вам помочь после такого исчерпывающего анализа?

— Вы всю жизнь провели в Праге, где произошла главная часть этой истории. Вы можете знать что-то, что не вошло ни в какие книги. Местные легенды, слухи — что угодно имеющее отношение к жизни этих людей. Если вам известно что-нибудь такое… мы будем благодарны за эту информацию.

Повисло молчание. Эрше в задумчивости смотрел на них, переводя взгляд с Гарри на Гермиону и обратно, и что-то в его взгляде показалось Гарри… странным. Как будто он изо всех сил сопротивлялся желанию рассказать им то, чего рассказывать ни при каких условиях не следовало. В конце концов желание это, как видно, пересилило, и раввин поднялся из-за стола.

— Подождите меня минутку, — попросил он и скрылся в спальне, откуда вскоре послышался звук перекладываемых вещей и скрип выдвигаемых ящиков.

Гарри вопросительно посмотрел на Гермиону, но она ответила ему столь же недоуменным взглядом, и, похоже, была заинтригована поведением Эрше ничуть не меньше. В спальне тем временем что-то заскрежетало, как будто там двигали мебель — как, вероятно, и было в действительности, — и вскоре хозяин показался в дверях, сдувая пыль с небольшой деревянной коробочки, которую держал в руках.

— Вы останетесь до утра? — спросил он.

— Мы бы с удовольствием, Эрше, — ответил Гарри. — Но вы сами знаете, кто нам в затылок дышит. Еще и вас риску подвергаем. Думаю, нам лучше отправиться прямо сейчас.

— За меня не беспокойтесь, — беспечно махнул рукой раввин, — я немало нацистов пережил. Но надо значит надо. Я подкину вас до кладбища. Там ведь ваш портал? Что до вашего вопроса, пани Грейнджер… Возьмите вот это, — он положил коробочку на стол, — подозреваю, что вам это может пригодиться.

— Что там? — спросила Гермиона, откидывая крышку. Увидев содержимое, она на мгновение замерла. — Это… то, о чем я думаю?

— Простите, курсы телепатии не оканчивал, только немного крав-мага, — с ехидцей улыбнулся Эрше. — Но если вы думаете, что это носовой протез Тихо Браге, то вы абсолютно правы.

— Носовой протез? — изумился Гарри. — В каком смысле?

— В самом буквальном, — отозвался Эрше. — Когда-то сей почтенный астроном, слегка перебрав спиртного, дрался на дуэли с одним своим датским коллегой, выясняя, кто из них лучше знает математику. Не знаю, как насчет математики, но искусством фехтования, как выяснилось, лучше владел его противник, в результате чего Тихо Браге в тот день лишился носа, и был вынужден изготовить себе металлический протез — из латуни, если точнее. Собственно, это он и есть. Думаю, ваша подруга расскажет об этом куда подробней.

— Но… Эрше, — нахмурившись, проговорила Гермиона, — откуда он у вас? В вашем путеводителе написано, что в 1901 году при эксгумации тела Браге носовой протез не был обнаружен.

— Не совсем так, пани Грейнджер. Эксгумацию в Тынском соборе проводили на скорую руку и безо всяких официальных церемоний, причем там было полно туристов, которые оперативно растащили несколько фрагментов гроба, погребального одеяния астронома, пару костей... То, что сейчас находится у вас в руках, тоже пропало. — Эрше тяжело вздохнул. — Туристы — самый зловредный вид паразитов, сами знаете. В результате составлявшим отчет пришлось написать, что протеза не было вовсе. Однако пределов Праги он не покидал, а в конечном итоге попал мне в руки… Но это уже другая история.

— И вы думаете, это поможет нам в разгадке тайны? — спросил Гарри.

— Кто знает? — неопределенно ответил Эрше, и губы раввина на какое-то мгновение изогнулись в ироничной улыбке. — Все, что имеет отношение к Тихо Браге, может оказаться важным, верно? В особенности эта загадочная схема на обратной стороне протеза.

— Что ж вы сразу не сказали?! — воскликнула Гермиона и перевернула протез. Однако ее мгновенный энтузиазм сразу же угас при взгляде на причудливый орнамент, начертанный на металле. — Что это? Какой-то алхимический символ?

Гарри склонился над протезом. Нанесенный на него рисунок изображал сегментированный пятиугольник, внутри которого располагались две симметричные трапеции, подчеркнутые парой полос. Гарри никогда не видел ничего даже отдаленно похожего. Шифр? Или, быть может, чей-то герб? Оставалось надеяться, что дальнейшее расследование приведет их к ответу и на этот вопрос.

Вот только почему так усилилось ощущение стеклянного коридора, чувство срежиссированности всего происходящего вокруг? Насколько вероятным было то, что первый же встреченный ими в Праге человек окажется обладателем вещи, имеющей прямое отношение к тайне, над которой они бились все это время? Или же сам факт их стремления к разгадке делал неизбежными такие встречи? Гарри не считал себя знатоком теории вероятностей, но в одном был уверен: Эрше знает много больше, чем хотел бы показать.

— Спасибо вам, Эрше, — сказал Гарри, взяв в руки потемневший от времени

латунный протез. — Но скажите честно: кто вы на самом деле? Вы уже знаете разгадку «Фауста», верно?

Эрше тепло улыбнулся и покачал головой.

— Я уже говорил, что умею хранить секреты, Гарри, в особенности чужие. И кое-что в этой истории мне действительно известно. Но не стану вас напрасно обнадеживать — я не знаю шифра Гёте. Однако же я буду очень рад, если вы первыми сможете проникнуть в тайну. — Он поднялся из-за стола. — Вы все еще хотите отправиться сегодня?

На улице уже стемнело, однако городские фонари ярко освещали дорогу, бросая на свежевыпавший снег яркие оранжевые отблески. Мягкая зима в Праге не шла ни в какое сравнение с жестким морозным климатом Броккена, и навевала убаюкивающее своей меланхоличностью настроение. Гарри смотрел на проплывавшие за окном горящие окна древнего города и уже начинал чувствовать ностальгию по этому месту. Может быть, когда все это закончится, можно было бы провести следующие каникулы здесь? Всего делов-то: доехать до вокзала, перенестись через портал на старое еврейское кладбище, а там — рукой подать до Староновой синагоги, где уже будет ждать их добродушный раввин, который…

Эрше резко затормозил, и реальность оборвала цепь грез Гарри подобно ковшу холодной воды за шиворот. Дорога перед ними была перегорожена барьером с вывешенными знаками «Дорожные работы» и «Объезд». Два человека в униформе дорожных рабочих неподвижно стояли у барьера и смотрели в их сторону.

— Сегодня с утра ничего такого не было… — пробормотал себе под нос Эрше. — Что-то здесь нечисто.

Он сдал назад, пытаясь развернуться, но в этот момент на дорогу позади них вышли еще двое и застыли, выжидая.

— Аненербе, — прошептала Гермиона.

— Как любезно с их стороны предупредить нас о ремонте дороги, — усмехнулся Эрше, вдавив в пол педаль акселератора. Двигатель взревел, покрышки с визгом проскользнули по снежному покрытию, но вследующее мгновение старенький автомобильчик с совершенно неожиданной прытью рванулся с места, заставив Гарри утонуть в сиденье от ускорения.

Агенты Аненербе, преграждавшие дорогу, бросились из-под колес в стороны, но почти сразу в зеркале заднего вида засверкали вспышки выстрелов. Снег рядом с ними дважды взметнулся от попаданий, а затем раздался хлопок, и машину понесло в сторону. Эрше рванул руль, пытаясь удержаться на дороге, но было уже поздно: зацепив припаркованный у дороги фургон, они крутанулись в противоположном направлении, и машина грузно ударилась о проволочное заграждение. Мотор заглох.

— Живы? — обернулся к ним Эрше.

— Да, — ответила Гермиона, с гримасой боли потирая правый локоть, — все в порядке.

Гарри, который был оглушен происходящим, но отнюдь не физически, только коротко кивнул в ответ.

— Вылезайте из машины по одному! — услышали они голос снаружи. — Живо! Держите руки, чтобы я их видел!

У правой двери, широко расставив ноги, стоял человек в черном пальто, держа обеими руками пистолет. Пистолет смотрел в сторону водителя. Эрше не торопясь выбрался и с чувством собственного достоинства сделал шаг вперед, заставив агента нахмуриться и вскинуть пистолет выше. Почти сразу раввин отдернул ногу и возмущенно выдохнул:

— Да что ж это такое? Если выгуливают собак, могли бы убирать за ними!

— Руки на затылок… — начал было агент, но Эрше было уже не остановить.

— Посмотрите, во что превратился мой новый ботинок! — заявил он, задирая ногу.

Агент невольно перевел взгляд вниз — только для того, чтобы увидеть, как ботинок Эрше с силой впечатался ему в промежность. В последнее мгновение он успел нажать на спусковой крючок, но раввин рубанул ребром ладони по его запястью, и пуля ушла в снег. Гарри выскочил из автомобиля, пытаясь помочь Эрше, но тот уже и сам был на высоте. Заломив руку скрюченного от боли агента за спину, он вырвал из нее пистолет и обрушил его на затылок противника, который без единого звука рухнул в снег, угодив физиономией в непрезентабельный след собачьей прогулки.

— Подходящая маца для нацистского лица! — хохотнул Эрше, пока Гарри помогал выбраться Гермионе, которая все еще держалась за ушибленный локоть. — За мной, ребята! Здесь дворами можно пройти.

— Я и не знал, что раввины так здорово дерутся, — пробормотал Гарри, когда они вбежали в узенький проулок под приближающиеся крики преследователей.

— Старина Ими преподал мне несколько уроков, когда был жив, — весело отозвался Эрше, которого все происходящее, похоже, привело в радостное возбуждение. — Крав-мага, которую он создал, сейчас ужасно популярна в Израиле. Так, ребята, теперь в эту аллею за кустами. Тут короче будет.

Они пересекли очередной дворик, где за ближайшими домами виднелась остроконечная крыша Староновой синагоги, и скользнули в перегороженный бетонным блоком темный проезд. Раввин вдруг остановился и к чему-то прислушался, знаком попросив их соблюдать тишину. Голоса преследователей раздавались далеко позади, однако Эрше не спешил бежать дальше.

— Идите вперед, пока не упретесь в решетку, — тихо проговорил он. — На ней висит замок, но для вас ведь это не проблема? За ней — спуск вниз и подземный туннель, который ведет в подвальное помещение Клаусовой синагоги, она стоит прямо на кладбище. Когда выберетесь из нее, бегите к своему порталу, если путь свободен. Но если он охраняется, не геройствуйте, лучше переждите в подвале. Я подам весточку своим, и вам помогут выбраться.

— Вы что, не идете с нами? — удивленно спросил Гарри.

— В Аненербе не дураки работают, — отозвался раввин. — Им нет смысла гоняться за нами по всей Праге, если они знают, куда мы направляемся. Уверен, большинство из них ждут нас на кладбище или рядом. Так что лучше я устрою здесь пальбу, и тогда, возможно, смогу отвлечь оттуда хотя бы часть наших настойчивых друзей.

— Эрше!.. — воскликнула Гермиона, и раввин шикнул на нее, приложив палец к губам. — Эрше, — повторила она шепотом, — они же убьют вас! Вы даже не маг…

— Я же сказал, что множество нацистов пережил, пани Грейнджер, — обезоруживающе улыбнулся Эрше. — Переживу как-нибудь и этих. Идите, ребята!

Гарри кивнул и потянул за собой Гермиону. Не пробежав и тридцати футов, они услышали за спиной выстрелы, и веселый голос Эрше объявил:

— Приветствую гостей нашего города! Пришли посмотреть, как мы составляем Протоколы сионских мудрецов? Милости просим!

Услышав, как редкие пистолетные выстрелы сменились автоматными очередями и визгом пуль, рикошетивших от бетонного блока, Гарри похолодел. Эрше ни за что оттуда не выбраться в одиночку, будь он хоть богом войны. Вернуться? Но тогда он подвергнет смертельному риску Гермиону. Гарри сжал зубы и продолжил путь, стараясь не видеть, с каким упреком смотрит на него подруга.

Эрше не обманул: вскоре они миновали ненадолго перегородившую путь решетку и спустились в подземный переход, которому, похоже, было не менее пары сотен лет. Пробежав добрую сотню ярдов при свете Люмоса, они наткнулись на ветхую деревянную дверь, открыв которую, увидели каменные ступени, ведущие вверх. Они выбрались из подземелья и оказались в подвале, о котором им говорил раввин. Помещение, освещенное единственной слабой лампочкой в углу, пустовало, и было непонятно, зачем оно вообще нужно синагоге. Звуки перестрелки, если даже она все еще продолжалась, сюда не доносились, и ничего, кроме изредка проносившихся вдалеке автомобилей, не нарушало окружавшую их тишину.

Пробормотав «Нокс!», Гарри приоткрыл подвальное окно и осторожно выбрался на заснеженную землю кладбища. За ним с его помощью проследовала и Гермиона, которая, оказавшись снаружи, прошептала:

— Помнишь, где находился портал?

Гарри уверенно показал рукой в сторону группы молодых деревьев, и они, пригнувшись и стараясь производить как можно меньше шума, стали пробираться через надгробия туда, где их ждал путь к спасению. Когда до цели оставался какой-то десяток шагов, из-за деревьев спокойно вышел человек в длинном черном пальто. Оружия при нем не было видно, но глаза, мерцавшие из-под капюшона, несли в себе больше угрозы, чем любой вооруженный автоматом нацист.

— На этом все, — будничным тоном произнес человек, сделав шаг вперед.

— Ступефай! — крикнула Гермиона, взмахнув палочкой в направлении противника. Тот лишь махнул ладонью, и перед ним вспыхнул призрачно светящийся щит, бесследно поглотивший заклинание.

Гарри попытался повторить телекинетический удар, который оказался столь успешен на вокзале в Ингольштадте, но, то ли концентрации не хватило, то ли противник был готов, но он лишь слегка покачнулся, одарив Гарри насмешливой ухмылкой, и вытянул вперед пятерню, тут же вспыхнувшую ядовито-зеленым пламенем. Гарри сжался в ожидании смертоносного заклинания, но в этот момент справа послышался знакомый голос:

— Найди себе противника подходящей весовой категории, агент.

Тот резко развернулся в направлении голоса, но сделать ничего не успел: тяжелейший телекинетический удар сбил его с ног и швырнул в воздух. Пролетев несколько шагов, маг врезался спиной в невысокое деревце, переломив тонкий ствол надвое, и со стоном рухнул вниз. Гарри и Гермиона, как зачарованные, посмотрели в противоположном направлении, где из темноты быстрым шагом вышел тот, на чье появление они уже давно прекратили рассчитывать — профессор Квиринус Квиррелл.

— К порталу, быстро! — сказал он, пропуская их впереди себя.

— Профессор, одному человеку здесь нужна помощь! — воскликнул Гарри.

— Через минуту здесь будет пара штурмовых отрядов Аненербе, — отрезал Квиррелл, — а мои силы не беспредельны. Если ваш друг жив, мы сможем вытащить его позже. А сейчас — идем!

Когда они побежали по направлению к порталу, сраженный заклятием Квиррелла маг приподнялся и забормотал неизвестную Гарри вербальную формулу.

— Лежать! — рявкнул Квиррелл, и сорвавшаяся с его пальцев синяя молния ударила в агента, который вскрикнул неожиданно тонким голосом и затих без движения. — Не понимает эта публика с первого раза, — пробурчал профессор, протискиваясь между деревьев.

Они взялись за руки и шагнули к порталу, когда за спиной уже раздавались крики преследователей. В последний миг Гарри обернулся и увидел, как цепь бегущих от входа вооруженных людей в черном растворяется в воздухе, а в глаза бьет яркий свет фонарей железнодорожной станции Ингольштадта.

Глава 6. Тайны

— Думаете, их нет на вокзале, профессор? — спросил Гарри, нервно оглядевшись, что вряд ли принесло ему много информации в окружении такого количества людей.

— Не думаю, а знаю. Знаю, что они есть на вокзале, вокруг вокзала и вокруг Нойе Шлосс тоже. Если, конечно, они не полные идиоты, — едко отозвался Квиррелл. — Так что времени у нас в обрез.

Только что пришел поезд из Магдебурга, и теперь они продирались сквозь толпу пассажиров и встречающих следом за профессором, который решительно рассекал пестрое людское море по направлению к кассам.

— Разве мы не возвращаемся в Башню? — удивленно спросила Гермиона.

— Можем попробовать. Если желаете вначале сразиться с парочкой патрулей Аненербе, избежав попутно огня их снайперов, а потом, добравшись до Айзентурма, вывалить всю с трудом добытую информацию их агенту, который до сих пор скрывается среди наших.

— Но какие еще у нас варианты? — настаивала Гермиона. — Пусть об этом узнает агент, но если договориться, чтобы никого не выпускать из Сумрака…

— Единственный вменяемый вариант — продолжить расследование, — перебил ее Квиррелл. — У нас в данный момент преимущество. Благодаря вам, мисс Грейнджер, мы на шаг впереди. Остановимся на достигнутом — и нас моментально обгонят. Так что следующий пункт — Мюнхен, благо ближайший поезд в этом направлении отходит через полчаса. Расстояние не столь большое, можно было бы трансгрессировать, однако ночью там все равно нечего делать, а нам всем не помешает выспаться.

В этом плане определенно был свой резон, но Гарри затея Квиррелла по-прежнему казалось игрой ва-банк, чистейшим риском без четко определенной цели. Да, отказываясь вернуться в Айзентурм, они уберегут тайну от внедренного в их среду агента. Но если их схватят, иллюминаты не получат даже тех немногих результатов, которые у них уже есть. Судя по выражению лица Гермионы, она разделяла сомнения Гарри. Квиррелл расценил их напряженное молчание по-своему, сочтя, что они нуждаются в дополнительных пояснениях.

— Ребята, — сказал он, смягчившись, — поймите простую вещь. В этой игре нет вторых и третьих мест. Здесь не может быть частичного успеха. Либо полная победа, либо катастрофа. Вам кажется, что я неосторожен, но более осторожная стратегия не позволит нам сохранить преимущество, а это значит, что она является заведомо проигрышной. Вы что, забыли теорию игр, которую изучали у профессора Ланге?

Умом Гарри понимал правоту профессора, однако естественные эмоциональные реакции преодолеть было непросто. Он не считал себя трусом, но гнетущая атмосфера постоянной угрозы оказывала разрушительное воздействие на самый фундамент психики, подтачивая его, как прибой — скалу из песчаника. Отчаянно хотелось вновь обрести крышу над головой и, пусть не очень

надежную, но защиту от врагов. Это Квиррелу легко, он много лет не знает иной жизни и способен даже получать от нее удовольствие. Гарри украдкой бросил взгляд на Гермиону. Как она-то выдерживает?

Гермиона казалась спокойной и отстраненной, хотя не могла не страдать от всего этого. Она словно укрылась в пуленепробиваемом коконе где-то там, глубоко внутри, за барьером из непринужденного общения, интеллектуального труда на износ, фанатичного поглощения новой информации. То, что раньше для нее было удовольствием, теперь являлось спасением и средством защиты. Как долго выдержит этот кокон до того, как она столкнется с навсегда изменившейся для нее реальностью лицом к лицу, и будет ли она готова к такой встрече? Мысленно он поклялся, что во что бы то ни стало будет с ней рядом, если этому суждено случиться.

Когда они с только что купленными билетами влетели в поезд, Гарри, обернувшись, увидел на перроне двух человек в черных пальто, проводивших их долгим немигающим взглядом.

— Профессор… — тронул он за плечо Квиррелла.

— Я видел, — спокойно ответил тот. — Они объявились, еще когда мы брали билеты в кассе.

— Но они теперь знают, куда мы направляемся!

— Однако вряд ли знают, зачем. Думаю, они позволят нам добраться до пункта назначения, и только тогда начнут действовать.

— И что тогда? — спросил Гарри.

Квиррелл только недобро ухмыльнулся, усаживаясь в купе. Через пять минут поезд тронулся и, наращивая скорость, выскользнул из-под вокзального навеса, оставив агентов позади. Непосредственная угроза миновала, но надолго ли? Гарри, который без сил обмяк на сиденье напротив Квиррелла, поднял к нему взгляд.

— Как вы нашли нас, профессор Квиррелл? — задал он давно мучивший его вопрос.

Не то, чтобы он в чем-то подозревал профессора, но тот добрался до них одновременно с Аненербе — при том, что отнюдь не располагал ресурсами могущественной подпольной организации. Это удивляло и создавало неприятное чувство того, что все вокруг знают нечто неизвестное Гарри.

— У вас же при себе все это время был транслятор, — слегка подняв бровь, ответил профессор. — Увы, поврежденный, но в одну сторону он по-прежнему передавал. Кстати, нельзя ли взглянуть на него?

Гарри, порывшись в карманах, нащупал крохотный диск и протянул его Квирреллу. Стало быть, профессор все слышал… Абсолютно все? Он вдруг вспомнил свое недавнее признание спящей Гермионе и, бросив взгляд на Квиррелла, залился краской. Тот едва заметно ухмыльнулся, окончательно развеяв сомнения Гарри на этот счет. Только бы ему не пришло в голову кому-нибудь рассказать об этом эпизоде!

Но Квиррелл, похоже, вообще не придал значения душевным терзаниям Гарри. Он сосредоточенно вглядывался в поверхность транслятора, положив его на ладонь. Видимо, что-то в нем показалось профессору странным, и он провел над металлической поверхностью пальцами, как будто ощупывая устройство на расстоянии.

— Артефакт не был поврежден магической ловушкой, в которую вы угодили, — нахмурившись, произнес он наконец. — Его намеренно вывели из строя позднее, пока вы были без сознания. Вы ничего не помните об этом? Может быть, что-то видели или слышали?

Он вернул транслятор, и Гарри подумал о том, какие еще сюрпризы их ожидают впереди. Ведь, если подумать, он изначально намеревался использовать транслятор в качестве средства для подслушивания разговоров Квиррелла. Теперь же именно Квиррелл подслушивает его собственные разговоры, а если заглушить устройство способом, который ему подсказала Хироко, профессор, чего доброго, решит, что они ему не доверяют или планируют какую-то авантюру. С другой стороны, должен же он понимать, насколько трудно сохранять доверие в условиях, когда врагом может оказаться кто угодно из окружающих.

— Нет, профессор, — ответил Гарри, пряча транслятор в карман, — я потерял сознание и ничего не мог видеть. Не считая разве что странного сна…

— Вам что-то приснилось? — Квиррелл был явно заинтересован. — Что же?

— В тот раз — глубокая темная пещера. Груды костей под ногами и гигантский голем, охраняющий вход… куда-то. Он что-то требовал, по-моему, на латыни, а потом напал на меня, и я… проснулся.

— «В тот раз»? Были и другие разы?

— Да, мне снятся странные сны в последнее время. Это что-то значит? В последний раз мне приснилось… Я не уверен, но мне показалось, что это воспоминание о том, что было до того, как мои родители… В общем, я слышал, как какой-то человек обещал им защитить меня силой Черного Солнца. Что это значит, профессор? Директор… Я имею в виду, директор Хогвартса, ничего не говорил о том, что в этой истории замешано Аненербе.

Квиррелл нахмурился и откинулся на спинку сиденья в глубокой задумчивости. Его лоб прорезали глубокие морщины, столь нехарактерные для молодого преподавателя. Казалось, он решает сложнейшую головоломку, сравнимую с задачей создания глины Эдема и поиска шифра в тексте «Фауста». Гарри открыл было рот, чтобы задать ему еще один вопрос, но Квиррелл остановил его раздраженным жестом.

— Ты не рассказывал мне об этом, — тихо сказала ему Гермиона, и ему послышался упрек в ее голосе.

Он лишь пожал плечами. Рассказывать там было почти нечего: смутный набор малопонятных образов, неизвестно что значащих, — что в этом интересного? Правда, Квиррелл, по всей видимости, придерживался иного мнения. Как будто очнувшись, профессор вдруг спросил:

— Что вы знаете о шраме, который был у вас на лбу, Гарри?

— Только то, что это след от заклинания Волдеморта… Когда он атаковал меня Авадой. И то, что он начинал болеть в его присутствии. В том числе и в присутствии… вашей копии.

— След от заклинания? Вы когда-нибудь слышали, чтобы Авада Кедавра оставляла шрамы на жертве? — усмехнулся Квиррелл.

— Нет, не слышал, — признался Гарри. — Но профессор Дамблдор сказал, что это из-за того, что на мне была установлена защита…

— Старый хитрец, — со смешком покачал головой Квиррелл. — И ведь все, похоже, поверили, хотя логики в этом ни на грош. Заклятие не наносит повреждений телу безо всякой защиты, но с защитой — совершенно случайно вырезает на лбу жертвы руну Зиг в ее древнейшем варианте. Два таких символа рядом изображались на нашивках СС. Две скрещенные руны Зиг — это хорошо известная вам свастика. Двенадцать таких рун образуют символ Черного Солнца.

Гарри похолодел. Неужели он погряз во всей этой истории намного глубже, чем считал ранее? Что, если он с младенчества был орудием Аненербе? И если так, в чем состояла роль директора? Почему-то мысль о том, что здесь может быть замешан Дамблдор, была для него особенно неприятной: слишком привык он считать, что архимаг — вне подозрений и безусловно на стороне добра. Но что, если Гарри обманывался с самого начала? Что, если он видел лишь то, что ему показывали?

— Так вы считаете, что Альбус Дамблдор обманул меня? Он что-то знал о том, что…

— Он всегда знает гораздо больше, чем говорит, мистер Поттер, пора бы вам привыкнуть к этому, — резковато перебил его Квиррелл, после чего с усталым вздохом прикрыл глаза. — Советую вам обоим как следует отдохнуть до прибытия. Неизвестно, когда еще нам представится очередная возможность перевести дух.

Профессор был совершенно прав: к закату дня Гарри чувствовал себя совершенно измочаленным, и все шло к тому, что дальше будет только хуже. В самом деле, что может ждать их впереди? Уж точно не день отдыха. Скорей уж очередная лихорадочная погоня за еще одним фрагментом паззла, столкновения с пережившими свое время нацистами, а может быть — смертельные сражения с неопределенным исходом.

Он последовал примеру Квиррелла — закрыл глаза и откинулся на спинку сиденья. Сквозь стремительно надвигающуюся мутную пелену сна Гарри ощутил, как теплая ладонь Гермионы легла поверх его руки, и, блаженно улыбнувшись напоследок, провалился в черный колодец небытия.

Почти сразу же небытие сменилось призрачным багровым светом, лившимся со всех сторон, и что-то в нем двигалось во всех направлениях. Какие-то тени,

похожие на исполинских призрачных бабочек, неторопливо парили вокруг, мерно взмахивая полупрозрачными крыльями. Одна из них приблизилась к Гарри, вонзив в него взгляд четырех пылающих белым огнем глаз.

— Кто ты? — спросил он. Вернее, попытался спросить. У него не было рта, и звуки не разносились в этом светящемся мареве.

— Сыны и дочери человеческие называли меня Цакебе, — последовал ответ в форме чистой мысли, ясной и беззвучной. — Ты знаешь меня, имеющий власть.

— Имеющий власть? — переспросил он, но перед ним уже никого не было, и красный свет стал меркнуть, а на смену ему пришла тьма, холод и бездонная грусть о навеки потерянном.

Он проснулся, когда за окном поезда все еще царила ночь, которую время от времени прорезали проносившиеся россыпями искр населенные пункты и полустанки. Стук колес и покачивание вагона в разы усиливали тоскливое настроение от этого зрелища, отчего Гарри остро пожалел о своем пробуждении.

— Через двадцать минут выходим, — сказал Квиррелл, увидев, что Гарри открыл глаза. — Можете будить мисс Грейнджер.

Гермиона все еще сладко спала, удобно устроившись на плече Гарри, и будить ее совершенно не хотелось. Он осторожно высвободил руку и коснулся ее пальцев.

— Гермиона, — тихо проговорил Гарри, повернувшись к ней, — мы почти на месте.

Гермиона вздрогнула и открыла глаза. Бросив на Гарри непонимающий взор, она несколько секунд не могла прийти в себя, затем, тряхнув головой, окончательно проснулась.

— Все нормально? — спросил Гарри, нахмурившись.

Она лишь безучастно кивнула. Всегда ухоженные локоны ее волос утратили блеск и теперь лежали спутанными прядями, глаза покраснели, лицо осунулось. Какой бы выдержкой ни обладала его подруга, все эти приключения не прошли для нее бесследно. Гарри мог лишь догадываться, какое впечатление производит он сам. Уж точно он сейчас не выглядит учеником элитного учебного учреждения экономически развитой страны.

Поезд вошел в пригород Мюнхена. Пейзаж за окном озарился светом люминесцентных фонарей и приобрел более цивилизованные черты. Мимо со свистом и грохотом пронесся встречный, согнав с Гарри остатки сна. Квиррелл стал натягивать пальто, и ребята последовали его примеру.

Выбравшись на перрон, они первым делом огляделись. Подозрительных личностей в черных одеждах в ближайших окрестностях не наблюдалось, но это, конечно, еще ничего не значило: Квиррелл даже высказал предположение, что руководство Аненербе намеренно подсовывает им под нос легко заметных

агентов, чтобы отвлечь внимание от тех, кто делает главную часть работы.

— Лучше пойдем пешком, — сказал профессор, бросив взгляд на часы. — До открытия полчаса, как раз успеем добраться. Заодно и посмотрим, не увязался ли кто-нибудь следом.

На протяжении всего пути к Хофгартенштрассе, на которой располагалось здание Баварской академии наук, им так и не удалось заметить ни одного соглядатая, и Квиррелл неторопливо посвятил их в детали своего плана.

— К счастью, на этот раз нам, скорей всего, не потребуется вламываться в архив и заниматься тому подобным непотребством, — объяснил он. — В академии до сих пор работает один мой старый приятель, и, думаю, он не откажется дать мне фотокопию интересующего нас документа, если, конечно, такой документ вообще существует.

— И он знает, кто вы? — удивленно спросил Гарри.

— Он знает, что я увлечен нанотехнологиями и клэйтроникой, — криво улыбнувшись, ответил профессор, — и потому время от времени наводит меня на любопытные публикации. Собственно, на этой почве я в свое время с ним и познакомился. А остальное ему знать совершенно не обязательно.

Они остановились у входа, и Квиррелл продолжил:

— Вы можете зайти в вестибюль, но лучше покараульте снаружи — так будет проще обнаружить слежку. Я почти уверен, что они ждут момента, когда документ будет у нас в руках.

— И что мы будем делать, когда они объявятся? — спросила Гермиона.

— Средство связи, пусть и одностороннее, у вас есть: просто сообщайте мне через транслятор то, что видите. А когда я вернусь… Разберемся на месте. Строить детальные планы, имея под носом непредсказуемого противника — потеря времени, — усмехнувшись, ответил Квиррелл, и скрылся в дверях Баварской академии наук.

Профессора не было долго — действительно долго. Первые полчаса они просто стояли у входа, переминаясь с ноги на ногу и осматривая окрестности. Несмотря на расположение в самом центре города и потрясающе красивый парк прямо напротив входа, прохожих было мало, а те из них, которые все же проходили мимо, особого интереса не представляли. Чаще всего они сворачивали в направлении Хофгартен или шли дальше, к торговым кварталам, не приближаясь к зданию.

Устав стоять на месте, Гарри предложил Гермионе прогуляться вдоль улицы, не удаляясь, впрочем, от входа и предупредив Квиррелла о своем намерении. Гермиона выразила согласие, с готовностью взяв его под руку. Что до Квиррелла, то, если он и был против столь беспечного поведения, возразить он вряд ли имел возможность.

Прогулка оказала на них благотворное воздействие. Спокойно шагая по недавно выпавшему снегу, который с утра еще не успели утрамбовать до состояния плотного наста, Гарри на несколько секунд забыл, где они, и в каком положении

находятся. На него вдруг нахлынули приятные воспоминания. Казалось, они, как тогда, перед Рождеством, возвращаются из Эрлёйхтетенгартен в ставший родным Айзентурм, где их ждут друзья и, пусть небольшие, но свои собственные жилища. По слабой блуждающей улыбке на лице Гермионы Гарри догадался, что она думает о том же самом, и сильнее сжал ее руку, повинуясь бессознательному импульсу.

— К вам сейчас даже дракон сможет незаметно подкрасться, — раздался у них за спиной раздраженный голос Квиррелла, заставив ребят подпрыгнуть на месте. — Вы вообще не обращаете внимания на то, что вокруг происходит.

— А что происходит? — Гарри осмотрелся вокруг, но ничего подозрительного не заметил.

У ближайшей скамейки добродушного вида толстячок пытался что-то найти в потрепанной спортивной сумке. Женщина в дорогой шубе, стоявшая в телефонной будке, яростно жестикулировала, разговаривая с неведомым собеседником. Пожилая пара чинно вышагивала вдоль границы парка, явно наслаждаясь свежим январьским воздухом. Ни подозрительных личностей в черных пальто, ни блеска оптических прицелов из темных проемов окон, ни таинственных припаркованных автомобилей с наглухо затонированными стеклами. Обычная улица с обычными людьми.

— Я все узнал, — неожиданно громко заявил Квиррелл, полностью проигнорировав вопрос Гарри. — Интересующий нас документ действительно существует, но здесь его копий нет — он никогда не планировался к публикации, поскольку страшно умные сотрудники обеих академий наук сочли его бессмыслицей.

— Так значит нам снова ехать…

— Не говорите ерунды. Я уже заказал изготовление копии, через один-два дня она будет здесь, и я смогу ее забрать.

То, с какой интонацией профессор сказал это, Гарри совершенно не понравилось.

— Вы?

— Да, я. А вы и мисс Грейнджер возвращаетесь в Айзентурм, где и будете ждать начала занятий.

— Но, профессор! — возмутилась Гермиона. — Мы могли бы…

— Не сомневаюсь, что могли бы, — отрезал Квиррелл, — я уже в курсе ваших способностей к анализу материала. Однако при необходимости вы можете применить их и не выходя из Башни, где вы будете под защитой организации. Теперь целью Аненербе буду я и, возможно, сотрудники архива. И я доведу дело до конца.

Гарри переглянулся с Гермионой и увидел понимание в ее глазах. Квиррелл ломал комедию, пытаясь убедить тех, кто их мог подслушивать, в том, что преследование его и Гермионы больше не имеет смысла, равно как и немедленное нападение: ключа у них по-прежнему нет. Таким образом

профессор пытался выиграть для них и себя пару суток. Но кто их может подслушивать?

— Вы ошибаетесь, просвещенный, — обратился к нему тот самый пожилой немец, который до этого прогуливался с супругой, а теперь стоял за спиной профессора, непринужденно направив на него компактный «Хеклер». — Нас интересуете не вы, а этот юноша по имени Гарри.

Гарри, изо всех сдерживая накативший на него приступ паники, вновь огляделся вокруг. Женщина вышла из телефонной будки и направлялась к ним, многозначительно держа правую руку в кармане. Толстяк у скамейки выудил из сумки блеснувшее металлом устройство непонятного назначения и ухмыльнулся в ответ на обращенный к нему взгляд. Стайка туристов, только что вышедшая из Хофгартена, рассыпалась цепью и неторопливо взяла их в кольцо.

Квиррелл сжал зубы и в следующее мгновение исчез. Слева от Гарри послышался сдавленный крик. Обернувшись в эту сторону, он увидел, как один из «туристов» мешком рухнул на землю, обливаясь кровью. В следующее мгновение упал еще один — с противоположной стороны. Толстяк поднял на уровень груди устройство, но воспользоваться им уже не успел: появившийся у него за спиной Квиррелл коснулся затылка агента, и тот, не издав ни единого звука, упал в снег, неловко вывернув ногу. Рявкнули сразу три пистолета, но пули прошили только лишь чистый воздух — профессор уже переместился к очередной жертве.

— Хватит! — крикнул подошедший к ним пожилой агент. — Ваши ребята сейчас под прицелом нескольких снайперов. Еще одно нападение — и они мгновенно умрут.

— Сомневаюсь, — сказал Квиррелл, материализовавшись у него за спиной и приложив пальцы к его затылку. — Вы, кажется, сказали, что вам нужен Гарри? Ну, а мне не нужен никто из вас. Чего ради я должен оставлять вас в живых?

— Ну, если жизнь этой милой девочки для вас ничего не значит, — криво ухмыльнувшись, протянул немец, хотя Гарри видел капли пота, которые проступили у него на лбу от страха, — что ж, можете убить меня. Она не переживет меня даже на секунду.

— Профессор… — обеспокоенно начал было Гарри, но продолжить ему не довелось.

— Молчите, мистер Поттер, — отрезал Квиррелл и вновь обратился к агенту.
— Желаете предложить сделку?

— Да, — с готовностью отозвался тот. — Гарри идет с нами, а вас мы отпускаем на все четыре стороны.

— Без вариантов, — спокойно отозвался профессор. — Максимум, на что вы можете рассчитывать, — это уйти отсюда живыми. И это только в том случае, если прямо сейчас все вы бросите оружие, развернетесь и побежите трусцой вдоль по улице. Второго шанса у вас не будет: увижу любого из вас в обозримом будущем — отправлю на тот свет быстрее, чем он успеет сказать «ой».

— Зачем я вам нужен? — спросил Гарри. — У меня ничего нет, и никаких

страшных тайн я не знаю.

— Вы сами, молодой человек, — задушевно ответил агент, пытаясь игнорировать хватку Квиррелла, — и есть тайна. Подробней вам расскажет руководитель нашей организации, а я всего лишь выполняю…

— Руководитель вашей организации может катиться в том же направлении, — перебил его Квиррелл. — Никто из нас с вашим нацистским сбродом не пойдет, ясно?

— Тогда поднимем ставки, — не унимался словоохотливый агент. — Ваша сотрудница, Эльза Фриз. Вы бы хотели сохранить ей жизнь?

— Никакого торга не будет, — ответил Квиррелл. — Либо вы убираетесь, либо я прямо сейчас продолжу убивать вас одного за другим. Итак?

Агент скрипнул зубами, но благоразумно удержался от возражения. Пот по его лицу уже стекал крупными каплями, и мелкая дрожь выдавала предельную степень нервного напряжения. Он понимал, что находится на волосок от смерти, но, похоже, не смел ослушаться приказа.

— Профессор Квиррелл, не надо, — снова вмешался Гарри. — Я пойду с ними…

— Вас не спрашивают, мистер Поттер, — прошипел Квиррелл, яростно сверкнув глазами из-под тюрбана.

— Простите, но я тоже имею право голоса, — помедлив, сказал Гарри. — Я не хочу смерти Гермионы и Эльзы Фриз.

— Вы имеете право слушать, что вам говорят! — уже не сдерживаясь, рявкнул Квиррелл. — Жизнь любого из нас — невысокая цена за то, чтобы остановить этот чертов кошмар!

— Гарри, он прав, — тихо сказала Гермиона.

— Профессор Квиррелл, — холодно ответил Гарри, — если вы позволите умереть Гермионе, на мою помощь можете больше не рассчитывать. Выигрывайте свою войну сами.

— Мудрые слова, юноша… — расплывшись в улыбке, начал было пожилой агент, но тут же заверещал от боли, когда Квиррелл слегка надавил на его затылок.

— Молчать, — вернув своему голосу спокойствие, почти ласково сказал ему профессор. — Мистер Поттер, то, что вы сейчас делаете, тактически бездарно и стратегически безумно, и за эту выходку я бы поставил вам низший балл на экзамене по своему предмету. Но будь по-вашему. Мисс Грейнжер! Подойдите ко мне и возьмите меня за руку.

— Гарри, зачем? — с отчаянием в голосе спросила Гермиона.

— Иди, Гермиона, — тихо ответил он. — Со мной все будет в порядке, обещаю.

Она всхлипнула, опустила голову и внезапно обвила его шею руками, а затем встала на цыпочки, потянувшись к его щеке. На какое-то мгновение он решил,

что она хочет его поцеловать, но Гермиона лишь шепнула:

— Мы вытащим тебя. Обязательно.

Затем она отстранилась и, бросив презрительный взгляд на все еще тихо скулившего агента, который бросил всякие попытки сохранить достоинство, подошла к профессору. Он взял ее за руку, и они исчезли.

Откуда-то с другой стороны парка послышался приближающийся вой полицейской сирены. Пожилой агент Аненербе достал из кармана пальто белый носовой платок, промокнул им проступивший пот и, через силу улыбнувшись, протянул Гарри руку:

— Мое имя Каспар. Будьте нашим гостем.

Глава 7. Остров

Он не знал, где находится: комната, в которую его поместили, была лишена окон, а из-за звукоизолирующих стен невозможно было расслышать, что происходит вокруг. Он даже не был уверен, что все еще находится в Германии: портал, через который они вышли под звуки полицейской сирены и первые предупредительные выстрелы, мог вести хоть в Австралию.

Как много таких порталов разбросано сейчас по всему свету благодаря деятельности тайных организаций и магов-одиночек? Он вспомнил, как изменилось его представление о реальности, когда он узнал о существовании магии, Хогвартса и собственной родословной. Тогда он даже не представлял, что это лишь начало долгого пути, каждый шаг на котором необратимо меняет картину мира. Теперь же он чувствовал себя бумажным корабликом на поверхности воды, которому только что открылась леденящая кровь истина: то, что он считал мелкой лужей, — бездонная Марианская впадина.

Он тряхнул головой. С некоторых пор одиночество странно действовало на Гарри: не имея возможности обсудить что-то с друзьями, он обращал возникавшие вопросы вглубь самого себя, и ответы, которые оттуда приходили, порой приводили его в смятение. Не потому ли Альбус Дамблдор так заботился о том, чтобы с ним рядом всегда находились друзья? И сколько еще шагов ему предстоит сделать до того, как он начнет подозревать в тайном заговоре всех окружающих, включая самых близких ему людей?

Послышался стук в дверь, после чего, не дожидаясь приглашения, в комнату вошел Каспар. Конечно, Гарри и не предполагал, что его тюремщики будут ждать, когда он пригласит их войти: удивительно было, что они удосуживаются стучать и вообще обращаются с ним подчеркнуто вежливо. Впрочем, вежливость не помешала им обыскать его, изъяв транслятор и палочку.

— Как спалось, Гарри? — спросил Каспар.

— Не жалуюсь, — буркнул он в ответ. — Вы так и не сказали, что вам от меня нужно.

— Видите ли, — начал тюремщик, — это в двух словах не расска…

— Дайте мне его увидеть! — послышался крик из коридора, сопровождаемый шумом борьбы.

Дверь резко распахнулась, ударив не успевшего отскочить Каспара по локтю. В комнату спиной вперед влетел один из агентов и со стоном покатился кубарем по полу. Вслед за ним вошла женщина, запястья которой были скованы стальными наручниками, смерив Каспара уничтожающим взглядом.

— Я же сказала, что не собираюсь бежать, идиоты! — презрительно заявила она и подняла взгляд на Гарри.

Осунувшееся лицо, обширный кровоподтек на подбородке и опухшая нижняя губа, на левой скуле — свежий шрам, явный след пулевого ранения. В остальном же это была все та же Эльза Фриз, с которой они расстались на горе Броккен при весьма мрачных обстоятельствах — способная быть опасной безо всякой

магии и никогда не сдающаяся без боя. В ее присутствии тревога улеглась, и Гарри впервые за долгое время почувствовал себя уверенно, хотя и понимал, что просвещенная находится в том же положении, что и он.

— Доброе утро, Гарри, — грустным голосом обратилась она к нему и попыталась улыбнуться, однако сразу же поморщилась от боли и приложила ладонь к шраму. — Мне жаль, что так вышло. — Просвещенная Фриз повернулась к застывшему Каспару и рявкнула: — Пошел вон, кретин! И своего прихвостня забирай. Успеете еще насладиться нашим обществом.

Каспар вначале опешил, но потом расплылся в деланной улыбке и, взяв под руку пострадавшего агента, слегка поклонился и вышел за дверь.

— Просвещенная Фриз! — обрадованно воскликнул Гарри. — Не переживайте, до профессора Квиррелла им никогда не добраться. Он сможет заполучить ключ раньше. К тому же… — начал было Гарри, но тут же осекся.

Нельзя говорить в этих стенах ничего из того, что этой организации еще не известно: эти двое у двери наверняка их подслушивают, даже если в камере нет «жучков». И уж точно ни в коем случае нельзя упоминать о том, что у Гермионы в руках носовой протез Тихо Браге с нанесенным на него таинственным символом. Хорошо, что пока с ним обращаются вежливо: значит, в ближайшее время ему вряд ли грозят пытки или сыворотка правды. Вообще, непохоже, чтобы они хотели получить от него какую-то информацию — агенты ведут себя так, как будто и без него все прекрасно знают. Однако Эльза Фриз продолжала вопросительно смотреть на него, и Гарри неловко закончил:

— К тому же иллюминаты наверняка ищут нас и найдут рано или поздно.

— Это верно, — кивнула просвещенная. — Вопрос лишь в том, смогут ли иллюминаты что-то сделать в том случае, если Аненербе до того наложит лапу на Источник, ведь правда? Но надежда есть, особенно после того, как вы с вашей подругой задали им жару. — Она все же улыбнулась, хотя было заметно, что ей больно.

— Вы о Праге? Нам помогли.

— Да, мне в деталях пересказали. Потрясающую работу вы проделали, конечно. Я бы не скоро додумалась, что речь идет о двух астрономах, а уж Прагу я и вовсе давным-давно списала со счетов. Вот что значит свежий взгляд и отсутствие предвзятости, — она покачала головой. — Однако теперь преимущество снова переходит в руки Аненербе.

— Почему это? Ключа у них нет… Вы же ничего не рассказали им, просвещенная? — нахмурился Гарри.

— Не более того, что знала сама. Простите, Гарри, с сывороткой правды я ничего не могла поделать, хотя сопротивляться пыталась, — с печальной усмешкой она показала на следы побоев на своем лице. — Я даже не маг, чтобы модифицировать свой метаболизм силой мысли. Однако ничего особенно интересного они от меня не узнали. Зато кое-что узнала я сама. Им известно примерное местонахождение Источника. Или, во всяком случае, они так думают.

— И… Где же он?

— В общем, несложно было догадаться после ваших открытий. Это остров Вен в проливе Эресунн, точно между Данией и Швецией. Тот самый, который долго был домом Тихо Браге, и на котором он воздвиг Ураниборг — дворец-обсерваторию, ныне, увы, разрушенный до основания. Уверена, вы уже успели ознакомиться с этой частью биографии великого астронома.

— Но как это стало известно?

— «Фауст», конечно. Когда они выследили вас в Праге, связь с Тихо Браге стала очевидной, а после этого вывести остальное было уже легко. Помните, я рассказывала о названии мифической страны Туле, на которую ссылается поэма Гёте как в явном виде, так и в зашифрованном? О ее местоположении ничего доподлинно не известно, но если обобщить то, что было написано различными авторами в период от античности до средневековья, получается, что речь шла о некоем северном острове. Считалось, что это либо Исландия, либо один из островов Скандинавии, а то и часть полуострова. Однако только Скандинавия имеет отношение к жизни Тихо Браге, и только один из ее островов — Вен — имел в его жизни особое значение.

— Но это только предположение, — возразил Гарри. — К тому же целый остров — это слишком расплывчатое указание, наверняка у Аненербе уйдет уйма времени, чтобы найти хоть что-нибудь.

— Это предположение переросло у них в уверенность, когда выяснилась одна любопытная деталь. Остров Вен с давних времен использовался для добычи глины — вплоть до начала двадцатого века ее оттуда вычерпывали в огромных количествах.

— Глина? Но, полагаю, это самая обыкновенная глина?

— Да, обычная, из моренных отложений. Наверное, кто-то, добывая там глину для строительных или гончарных нужд, однажды случайно набрел на образец с весьма необычными свойствами — то, что мы сейчас и называем глиной Эдема. Конечно, это только версия, но…

Версия казалась логичной. Более того, Гарри был уверен, что Эльза Фриз права, а это значит, что Аненербе и впрямь вот-вот вырвется вперед в поиске Источника. Он ощутил комок в горле при мысли о том, что все испытания, через которые они прошли, могут оказаться напрасными, и эта кучка нацистов сможет добраться до источника верховной власти раньше всех. Что тогда станет с их миром? Не только с миром магов — со всей человеческой цивилизацией? Повторение Холокоста, только в куда больших масштабах, и на этот раз не будет армии, способной сдержать их, владеющих бессмертными пехотинцами, лишенными страха и готовыми выполнить любой приказ. Может быть, ядерное оружие с ними и покончит, но последствия его масштабного применения — ничем не лучше.

И все же таинственный ключ, который требовался для проникновения в пресловутую пещеру Матерей, или что там ей соответствует в реальном мире, — по-прежнему не в руках Аненербе, а значит шансы еще есть, и неплохие. Тем более, что они вряд ли смогут тягаться с Гермионой в скорости анализа. Последняя мысль немного приободрила его, и он решил задать вопрос, который с самого начала беседы вертелся у него на языке.

— Вы можете объяснить мне, зачем я вообще понадобился этой организации?

Эльза Фриз тяжело вздохнула и посмотрела ему в глаза.

— Могу, Гарри. Но, насколько я вас знаю, вам вряд ли понравится объяснение — вы не любите, когда вас используют в качестве инструмента. Однако… Видите ли, как это ни пошло звучит, но повинна в этом ваша родословная по мужской линии. И вот уж здесь ни «Фауст», ни иллюминаты ни при чем. Эта информация — из внутренних источников Аненербе, притом гораздо более древних.

Гарри закатил глаза. Опять! Опять ему на роду написано сыграть ключевую роль в чьей-то игре, словно в плохом фэнтезийном боевике. Или, во всяком случае, его пытаются в этом убедить.

— Надеюсь, вы не имеете в виду какое-нибудь пророчество о моей избранности? — спросил он, удивив самого себя тем, насколько едко прозвучал его голос.

— Нет, конечно, ничего такого, — усмехнулась просвещенная. — Ту же роль могли бы сыграть ваши дети или, к примеру, ваш отец… Извините, — стушевалась она, увидев помрачневшее лицо Гарри.

— Но что такого особенного в моем происхождении?

— Я не знаю деталей, — уклончиво ответила Эльза Фриз. — Они упомянули это вскользь. Но что-то в ваших генах по их мнению позволит вам получить доступ к Источнику, когда… если они смогут до него добраться.

— Неужели я один носитель таких генов? — недоверчиво спросил Гарри.

— Единственный владеющий магией, о котором стало известно. Возможно, это и не сыграет роли, но Гёте прямо утверждает обратное. Помните во второй части, где речь идет о посещении пещеры Матерей?

> «Вторгающийся в эти тайники
> Знать магию обязан мастерски».

Гарри, уставший стоять, уселся на край кровати. Вот он, стеклянный коридор во всей красе. Вот те самые незримые стены, которые он чувствовал еще в Айзентурме, где таинственный агент Аненербе уже тогда выстраивал их вокруг него, осторожно направляя своего подопечного в нужную сторону. Он много хуже, чем наивный простачок, которого водят за нос. Он даже не мышь в лабиринте. Нет, он всего лишь носитель проклятого генетического материала, владеющий магией. Инструмент достижения чьей-то цели, как только что сказала просвещенная Фриз, и никому нет дела до его собственных целей, ценностей, планов и желаний.

Он поднял взгляд на просвещенную и посмотрел ей в глаза.

— Значит… Если я, к примеру, уничтожу себя, нацисты не смогут добраться до Источника?

— Даже думать не смейте об этом, Гарри! — Эльза Фриз выглядела не на шутку

встревоженной ходом его мыслей. — Вы не виноваты, что вас используют, и ваша смерть ничего не решит. Они попросту найдут кого-нибудь еще или смогут обойти препятствие другими средствами.

В ее словах был резон, однако глупо, находясь на особом положении, этим положением не воспользоваться. Нет, он не станет совершать самоубийства — он сыграет на их желании сохранить ему жизнь во что бы то ни стало. Ведь это означает, что его наверняка не станут убивать при попытке к бегству и, возможно, даже при нападении на кого-то из агентов. Остается лишь выбрать удобный случай, а до тех пор следует играть по их правилам.

— Если нам… им известно, где находится Источник, чего тогда они ждут?
— спросил Гарри.

— Ждали, когда вы проснетесь! — с наигранным весельем ответил ему Каспар, входя в комнату. На нем уже было объемистое черное пальто, карман которого заметно оттопыривался. — Теперь же, если у вас нет других вопросов, вы и просвещенная Фриз отправляетесь с нами. Время дорого, откладывать дальше нельзя. Уверен, это будет увлекательнейшее путешествие!

— В финале которого я, сыграв свою роль, буду ликвидирован? — усмехнулся Гарри. — Не сомневаюсь, это страшно интересно.

— Ни в коем случае, мой юный друг! Талантливым волшебникам всегда найдется место в рядах нашей организации, а роль ваша не ограничивается единственным действием, — принялся его увещевать Каспар. — Так что, если у вас нет других вопросов…

Вопросов ни у него, ни у Эльзы Фриз не было, и Каспар, в сопровождении четырех молчаливых агентов угрюмого вида повел их через сеть коридоров, в хитросплетении которых Гарри запутался после первой же пары поворотов. Попытки выяснить, где они находятся и куда идут, ни к чему не привели.

— Не все ли равно, где мы? — отозвался Каспар. — Через десять минут мы будем в Копенгагене, а оттуда до острова рукой подать.

Он оказался прав: вскоре они вошли в большой зал, по центру которого располагалась стальная платформа, на которой их уже ждали пять других агентов. Они поочередно представились, но Гарри их имена интересовали меньше всего. А вот тот факт, что двое из них оказались магами, имел значение. Стычка с одним таким на кладбище в Праге оказалась наглядной демонстрацией того, что недооценивать этот контингент не следует.

Мысль о Праге пробудила в нем воспоминание об Эрше. Что случилось с этим отважным раввином, оставшимся прикрывать их отступление? Жив ли он? Или остался лежать в снегу рядом с выщербленным пулями бетонным блоком? Ужасно захотелось спросить Каспара о судьбе человека, который стал им добрым другом всего за один день знакомства, но это означало обнаружить еще одну свою слабость, которую нацисты не замедлят использовать против него. Нет уж, рано или поздно он все выяснит сам.

Тем временем все семеро взошли на платформу, и один из присутствовавших магов, скользнув хмурым взглядом по новоприбывшим, вскинул голову и громко произнес:

— А тринус ад Афния!

Стены зала подернулись рябью, и Гарри испытал мгновенный приступ дурноты. Большинство присутствующих, судя по выражениям их лиц, — тоже. Когда рябь рассеялась, стало понятно, что зал уже совсем другой. Стены здесь зияли трещинами, краска облупилась, обнажая старую кирпичную кладку.

Каспар освободил Эльзу Фриз от наручников, затем первым сошел с платформы и взмахнул рукой, приглашая следовать за собой.

— Не только иллюминаты имеют свою сеть порталов, — с самодовольством в голосе объяснил он. — Наши работают несколько иначе, но у них есть свои преимущества.

— Это какие же? — с нарочитой насмешкой спросил Гарри, надеясь вытянуть из собеседника побольше информации.

— Например, привязка пункта назначения не к положению в пространстве, а к предмету, называемому якорем, — охотно ответил Каспар, как видно, не считая эту информацию секретной. — У нас с собой есть один из них, и когда мы доберемся до Источника, он будет активирован, став частью нашей сети.

Гарри нахмурился. Это объясняло, каким образом Аненербе удавалось с такой скоростью перебрасывать свои отряды в любую точку на планете: достаточно, чтобы там оказался один агент, владеющий якорем.

— К сожалению, — продолжал Каспар, — никто не мог подумать, что нам когда-либо понадобится прямая транспортировка на маленький шведский остров, поэтому остаток пути придется совершить по морю. Надеюсь, вы не страдаете морской болезнью, Гарри?

Еще один грязный коридор, которым, похоже, не пользовались несколько лет как минимум, тронутая ржавчиной стальная дверь — и они вышли на продуваемое всеми ветрами морское побережье. Слабый прибой лениво вылизывал сверкающие ледяные наросты на прибрежных камнях. Несколько плавучих льдин мерно постукивали в борт небольшой яхты недалеко от берега.

— Что-то не очень похоже на Копенгаген, — заметил Гарри, оглядевшись. Про себя он подумал, что надо бы запомнить это место и сообщить о нем иллюминатам, если ему удастся бежать.

— Пригород, естественно, — снисходительно объяснил Каспар, запирая ржавую дверь. — Появляться в центре города нам ни к чему. Ну, а теперь возьмемся за руки, друзья! — радостно оскалившись, закончил он и кивнул в направлении яхты.

Они взялись за руки, образовав длинную цепь из двенадцати человек. Никто не подавал никакого сигнала, только на мгновение Гарри ощутил это гадкое чувство выворачивания наизнанку, характерное для коллективной трансгрессии, — и вот они уже на палубе. Неустойчивая поверхность под ногами отнюдь не способствовала избавлению от дурноты. Один из мрачных агентов судорожно сглотнул и отскочил к борту, где, судя по звуковым эффектам, он отправил в Балтийское море весь свой завтрак.

Немногим лучше, судя по выражению лиц, чувствовали себя и остальные, включая обычно жизнерадостного Каспара. Одна только Эльза Фриз, казалось, даже не заметила никакой трансгрессии: она спокойно и сосредоточенно вглядывалась в горизонт, подернутый дымкой.

— Отсюда остров не виден, — сказал Каспар, подойдя к ним, — и никто из наших магов на нем не бывал. Поэтому напрямую трансгрессировать туда не получится. Да и далековато, в самом деле. Так что отправляемся на поиски сокровища по морю, как аргонавты.

Тихо заработал двигатель, и яхта, сделав плавный разворот, с нарастающей скоростью понеслась к горизонту. И без того неприятный ветер заметно усилился: несмотря на защитный имплант, глаза слезились. Вспомнив о вшитом под кожу устройстве, Гарри призадумался: могут ли иллюминаты отследить местоположение попавшего в беду соратника с его помощью? Вроде бы такое использование артефакта самоочевидно: об этой функции они просто обязаны были подумать. Однако за прошедшие дни никто, кроме Квиррелла, их не нашел. Никто не нашел и Эльзу Фриз. Что все это значило? Не случилось ли чего-то ужасного в Айзентурме, из-за чего иллюминатам теперь просто не до них?

— Советую вам спуститься в свои каюты, — снова подал голос Каспар, — обморожение на таком ветру заработать проще простого.

Взглянув на него, Гарри понял, что об их здоровье агент заботится меньше всего: просто опасается, что они воспользуются относительной свободой для того, чтобы сбежать или устроить диверсию на палубе. Тем не менее, спорить он не стал и, бросив взгляд на все еще пребывавшую в раздумьях просвещенную Фриз, спустился вниз.

Завалившись на узенькую койку, он попытался составить план дальнейших действий. С одной стороны, его охрана серьезной не кажется: несмотря на то, что среди приставленных к ним агентов есть два мага, а остальные — вооружены, наверняка возможность сбежать рано или поздно представится. Речь идет о населенном острове, и вряд ли десяток человек пойдут на открытую конфронтацию с властями. То, что убивать его наверняка не станут, он уже уяснил, и это серьезно облегчает его задачу.

С другой стороны, Эльза Фриз видит то же, что и он, но отнюдь не спешит кидаться в бегство — даже при том, что она безо всякой магии справится с охраной легче, чем он. Выжидает или более трезво оценивает свои шансы? Надо будет обсудить с ней возможность побега, если получится остаться с просвещенной наедине.

Он почти уже задремал, как в приоткрытой двери появилась физиономия Каспара с его вечной деревянной улыбочкой.

— Мы почти на месте, — с загадочными интонациями в голосе заявил он.

Судя по тому, что показывали настенные часы, все их морское путешествие заняло около получаса. И впрямь рукой подать. Неужели одна из величайших тайн мира столетиями находилась в дюжине миль от столицы Дании, практически в сердце цивилизованного мира? Поистине леса Албании казались для этого куда более подходящими.

Гарри поднялся на палубу. Вид, который перед ним открылся, моментально избавил его от сомнений: остров Вен мог бы хранить добрый десяток древних тайн тысячелетиями. Изломанная береговая линия, холмы, громоздившиеся над поверхностью моря подобно спящему исполину и почти не тронутые цивилизацией — все это буквально дышало древностью и тайной.

Больше того: это место было окутано магией — Гарри чувствовал это настолько явно, что от потока исходящей от этого места силы неясного происхождения у него по коже побежали мурашки, и чувство это нельзя было назвать неприятным. Странно, но маги Аненербе смотрели на остров без особого трепета. Неужели ничего не ощущали?

— И куда мы направимся? — спросил Гарри, когда они, как в прошлый раз, цепью, трансгрессировали на глинистый, припорошенный снегом берег.

— Первым делом — поднимемся выше и разобьем лагерь, — отозвался Каспар. — После чего будем проверять одну гипотезу за другой, пока не добьемся успеха.

В неизбежности успеха он, похоже, был твердо уверен. Гарри, памятуя о все еще недоступном для них ключе, — напротив, серьезно в этом сомневался. На острове живут люди, причем давно. Если бы здесь было что-то необычное, лежащее на поверхности в прямом или переносном смысле, оно уже давно было бы найдено.

— И много ли у вас гипотез? — спросил он, когда поисковая группа медленно карабкалась на крутой холм, скользя и спотыкаясь на заснеженном склоне.

— На пару дней поиска хватит, — ответил Каспар, противно хихикнув.

— Вы хотя бы предполагаете, где может пролегать путь туда? — настаивал Гарри.

— «Где путь туда?» — процитировала «Фауста» до сих пор сохранявшая молчание Эльза Фриз и тут же ответила словами Мефистофеля: — «Нигде. Их мир незнаем. Нехожен, девственен, недосягаем, желаньям недоступен. Ты готов? Не жди нигде затворов и замков. Слоняясь без пути пустынным краем, ты затеряешься в дали пустой. Достаточно ль знаком ты с пустотой?»

Ей никто не ответил. Гарри порывался спросить, что может значить этот отрывок, однако не хотел обсуждать поэму в присутствии агентов, чтобы случайно не снабдить их подсказкой. Пусть сами ищут путь, если так уверены в своих силах.

С холма, на который они взошли, открывался прекрасный вид на значительную часть острова. Немного в стороне виднелась группа домов сельского типа в окружении полей, в это время полностью покрытых нетронутым снегом. В отдалении высился шпиль какого-то здания, бросив взгляд на который, Эльза Фриз наклонила голову к Гарри и тихо проговорила:

— Насколько я понимаю, это музей Тихо Браге. Построен совсем рядом с тем местом, где когда-то стоял Ураниборг.

— Вы думаете, там?..

— Вряд ли именно там. Но могу поспорить: искать они начнут оттуда.

Каспар и впрямь поминутно бросал взгляды в указанном направлении, вполголоса раздавая указания подчиненным. Четверо из них принялись за установку лагеря: расчистив достаточное пространство, установили четыре больших палатки, одна из которых предназначалась для пленников. Затем, пройдясь по периметру, они воткнули в землю несколько устройств: их вид Гарри был незнаком, однако он догадывался, что это средства охраны. Детекторы движения, быть может? Тепловые датчики?

В любом случае это наводило на определенные мысли. Немногочисленных местных жителей опасаться незачем, а значит сотрудники Аненербе боятся нападения иллюминатов. Это несколько повысило Гарри настроение, хотя он понимал, что подобные меры предосторожности могут оказаться всего лишь штатными требованиями для любой поисковой группы, и, вероятно, ничего не говорят о том, что иллюминаты напали на их след.

Устав стоять, Гарри забрался в палатку, на которую ему указал Каспар, и сел по-турецки на подложенную надувную подушку. Если в ближайшие часы и, тем более, дни, поисковая группа будет проверять свои «гипотезы», это время рискует стать самым скучным в его жизни. Даже под лестницей у Дурслей было веселее. Оставили бы книгу почитать, что ли…

В палатку, отодвинув полог, забралась Эльза Фриз и разместилась напротив Гарри в точно такой же позе. Он вопросительно взглянул на нее, и она, слабо улыбнувшись, сказала:

— Гарри, не забывайте, что это не только экспедиция Аненербе. Раз уж мы в плену, это и наша экспедиция. Вопрос в том, чтобы найти путь к Источнику раньше их, а если это не получится, позаботиться о том, чтобы они не смогли им воспользоваться. Помните: вы им понадобитесь для того, чтобы войти, поэтому вы обязательно будете присутствовать там в самый главный момент. Используйте его с умом.

Гарри, с сомнением посмотрев на тонкую ткань палатки, которая вряд ли обладала звукоизолирующими свойствами — даже если не была снабжена средствами прослушивания разговоров — осторожно поинтересовался:

— То, что вы процитировали недавно… Думаете, это тоже какая-то подсказка? Или мне не следует об этом спрашивать, когда агенты рядом?

— Тут нечего опасаться, — отмахнулась просвещенная. — Конечно, это подсказка, и ее значение давно известно как им, так и нам. Просто без знания о местоположении входа толку от нее никакого.

— О чем же она говорит?

— О том, что мы нигде не найдем входа как такового. Никаких дверей, потайных туннелей и всего такого, что можно увидеть глазами. «Достаточно ль знаком ты с пустотой?» Иными словами, нужно обладать пониманием пустоты — природы самого пространства. Портал, трансгрессия, телепортация, использование метрической магии для изменения топологии пространства — вот что открывает

путь, ведущий к Источнику.

— Не поэтому ли требуется знание магии? — высказал догадку Гарри.

— Это возможно, хотя для использования портала знать магию не требуется, ведь правда? Я все же думаю, что дело не в этом. Магия наверняка понадобится позже — когда вы окажетесь в пещере Матерей… или на ее пороге. Это часть неведомого мира, порождение чуждого для нас разума. Нечеловеческого разума, Гарри. Кто знает, что может ждать нас в этом месте?

Прозвучал ли в ее голосе страх, или это было благоговение, которого она никогда и ни перед кем на памяти Гарри не демонстрировала? Он невольно повернул голову в направлении давно разрушенного Ураниборга, Небесного замка, и снова почувствовал дыхание силы, излучаемой чем-то сокрытым в недрах острова. Его дыхание на секунду прервалось, а кожа покрылась мурашками. Сами собой на ум пришли строки из «Фауста»:

> «Земля — источник сил глубокий
> И свойств таинственных запас.
> Из почвы нас пронзают токи,
> Неотличимые на глаз».

Он судорожно вдохнул, и странное ощущение схлынуло, давая о себе знать лишь легким трепетом в пограничной области сознания. Пожалуй, время, которое он проведет в этой импровизированной заставе, все же не будет скучным.

— Первая экспедиция! — возвестил голос Каспара снаружи. — Вы четверо. Исследуйте музей Тихо Браге и его ближайшие окрестности. Сопоставьте результаты с картами шестнадцатого века, проанализируйте расхождения. Докладывайте по готовности.

Поиски начались.

Глава 8. Застава

Долгие три с половиной часа ожидания, в течение которых Каспар с одним из оставшихся магов устроил бурную дискуссию о дальнейшем направлении поисков, Гарри провел, слоняясь по охраняемому периметру и пытаясь разглядеть хоть что-то необычное в окружающем их пейзаже. За ним неотступно следовали двое угрюмых агентов. Маглы, хотя и вооруженные. Похоже, что несмотря на льстивые заверения Каспара, после изъятия палочки особенно опасным пленником его не считают. Все остальные ошивались рядом с палаткой Эльзы Фриз, не выпуская ее из виду и всем своим видом демонстрируя, кто здесь угроза номер один.

Между тем пленница выбралась из палатки и, не удостоив схватившихся за оружие тюремщиков даже поверхностным взглядом, прогулочным шагом двинулась вдоль периметра.

— Только без глупостей, просвещенная, — донесся до Гарри голос Каспара.

Она, ничего не ответив, подошла к Гарри, и он отметил не сходившее с ее лица на протяжении всего утра выражение тревоги.

— Что-то случилось, просвещенная Фриз? — спросил он больше из вежливости, поскольку на ответ особенно не рассчитывал. — Вас вроде бы что-то беспокоит.

— Мне кажется, нам угрожает опасность, Гарри, — негромко ответила она.
— Нет, я пока не знаю, в чем дело. Просто интуиция. Однако она редко меня обманывает. Что-то здесь... тревожное.

Он пожал плечами и бросил взгляд на проплывавший вдоль берега паром — третий с момента их прибытия.

— От Аненербе всего можно ожидать, конечно, но я не думаю…

— Я говорю не о них, — Эльза Фриз нетерпеливо поморщилась, — им угрожает опасность не меньше нашего. Меня больше беспокоит сам остров. Не покидает ощущение, что мы направляемся прямиком в смертельную ловушку.

— Думаете, ее установил Тихо Браге?

— Вряд ли, — покачала головой просвещенная. — То есть он, конечно, тоже мог принять какие-то меры безопасности, но они меня не пугают. Эти существа… Я имею в виду, те, кто создал Источник, — мы ведь почти ничего о них не знаем. Редкие упоминания в старых трактатах, отголоски древних мифов. Пугающих мифов, Гарри.

— У них есть название? — спросил он. В памяти внезапно всплыл образ из его последнего странного сна: крылатое существо с четырьмя горящими белым огнем глазами в багровом мареве. Имя, которым оно назвало себя, — Цакебе.

— У них хватает названий, — ответила Эльза Фриз. — Скажите, Гарри, вы ведь изучали историю магии в Хогвартсе? Вам рассказывали об ее происхождении?

— О происхождении магии? Нет, такого я не помню. Разве магия существовала

не всегда?

— Магия как свойство реальности — да, наверное, — кивнула просвещенная, прислонившись плечом к невысокой сосне, росшей у самого обрыва. — Но откуда взялись маги? Нам известно не столь уж много об этом. Один неоспоримый факт — магические способности наследуются, причем регулируются очень небольшой группой генов. Однако они начисто отсутствуют у родственных нам приматов…

— Но как же эльфы, вампиры… — попытался было возразить Гарри, но Эльза Фриз энергично замотала головой.

— Формально они приматы, верно, — сказала она. — Однако все до единого известные нам магические существа, от дементоров до драконов, — созданы искусственно, будь это случайным или намеренным. То есть уже после появления магов.

Сказать, что Гарри был удивлен, — ничего не сказать.

— Откуда это известно? — спросил он, округлив глаза.

— Разве Герда Краузе не рассказывала вам? Это результаты геномного анализа: фрагментированный генокод с явными следами внедрения чужих нуклеотидных последовательностей, отсутствие преемственности ретровирусных вставок, отсутствие эволюционных предшественников, почти полное отсутствие останков в геологической летописи — только уже в историческое время. Плюс масса дезадаптивных признаков, которые естественный отбор вычистил бы в течение сотни тысяч лет.

— Так значит маги появились сравнительно недавно? — спросил Гарри. — Из-за чего? Случайная мутация?

— Вот это вряд ли. Этот признак без специального обучения очень быстро сошел бы на нет. Что-то помогало ему распространяться в самом начале его появления, и происходило это от десяти до пятнадцати тысяч лет назад. Именно к этому историческому периоду относятся мифы об Атлантиде…

Ее рассказ был прерван возгласами с ближайшего края лагеря. Они обернулись на голоса и увидели возвращающуюся поисковую группу. Точнее, трех человек из этой группы, которые тащили тело четвертого, безвольно обмякшее у них на руках. По снегу за ним тянулся заметный кровавый след.

Каспар, прекративший разговор с магом, подбежал к группе и в смятении остановился перед телом, которое они положили перед собой и теперь просто стояли, ожидая указаний.

— Что, черт возьми, произошло? — повысил голос Каспар.

— Господин штурмбанфюрер, — обратился к нему один из прибывших, впервые на памяти Гарри употребив архаичное воинское звание, — несчастный случай. Боюсь, что Отто мертв.

— Как это случилось? — спросил Каспар с изменившимся лицом. — Вы музей обследовали или минное поле?

— Я… Не знаю. Мы разделились, как и планировалось: двое пошли в музей Тихо Браге, я отправился в Стьернборг, а Отто осматривал ближайшие окрестности. А потом мы услышали вскрик и побежали к нему. Его тело обнаружилось прямо за памятником Тихо Браге, оно висело на ограде. Похоже, что он поскользнулся на ступенях у подножия и упал прямо на прутья, пробив себе грудную клетку.

— Бред какой-то, — фыркнул Каспар. — Чтобы тренированный агент умер, словно непутевый горожанин… Свидетели были?

— Возможно. Неподалеку ходили люди с камерами, похоже, что туристы. Но особого внимания на нас они не обратили, даже когда мы уносили его.

Каспар оглянулся на Гарри и просвещенную Фриз, отдал распоряжение положить труп в одну из палаток и повел поисковую группу прочь, шепнув что-то одному из агентов. Тот примостился неподалеку от них и стал демонстративно чистить пистолет, бросая на Гарри и просвещенную красноречивые взгляды.

— Теперь докладывайте, что вы успели обнаружить… — донеслось до Гарри прежде чем агенты оказались вне зоны слышимости.

Гарри, нахмурившись, обернулся к Эльзе Фриз. «Вот видите?» — говорил ее взгляд. Конечно, гибель агента сама по себе ничего не значит. Несчастные случаи происходят и с подготовленными мастерами выживания: никто не застрахован от нелепых случайностей. Но почему именно здесь? Именно сейчас?

— Вы хотели рассказать об атлантах, просвещенная Фриз? — спросил он.
— Думаете, это они создали первых магов, а теперь защищают свой Источник, — он кивнул в сторону палатки, где сейчас покоилось тело, — такими методами?

— Откуда же мне знать, Гарри? — пожала плечами Фриз. — Но у них очень… противоречивая репутация. В апокрифической книге Еноха рассказывается о том, как с небес спустились две сотни ангелов. Они научили живших в то время людей магии и снабдили их рядом технологий. Более того, они брали в жены человеческих женщин, и от их союза рождались дети — нефилимы, могущественные существа с огромной магической силой.

— И куда же они делись в конце концов?

— Вы знаете, что случилось с Атлантидой по известным нам легендам. Нашло это отражение и в библейских мифах. Бог разгневался на самодеятельность своих ангелов, которые передали людям запретные знания, и еще больше — на появление нефилимов, и организовал Потоп, уничтоживший цивилизацию.

— Но вы же не верите в то, что это было на самом деле, разве нет? Я думал, все в Айзентурме — атеисты.

— Не нужно быть верующим, чтобы понимать: мифы — искаженное отражение вполне реальных событий. Иногда — искаженное до неузнаваемости, пропущенное через призму несовершенного человеческого восприятия, однако все же несущее в себе зерно исторической истины. Я не верю ни в каких богов, Гарри. Но я думаю, что тогда, пятнадцать тысяч лет назад, Землю действительно посетили существа из иного мира, которые поделились с нашими

предками основополагающей технологией, известной нам под названием волшебства.

— А нефилимы — вы думаете, что они и впрямь могли рождаться…

— Результат генной модификации человека, очевидно. Сделавший их способными работать с магией. Люди того времени не могли ничего знать ни о генах, ни об эволюции, ведь правда? Для них внезапное появление людей с магическими способностями означало только одно: у этих падших ангелов были дети. А современные нам маги, включая вас, Гарри, — их прямые потомки.

— Из-за чего же тогда, по-вашему, погибла Атлантида?

— Тут и я теряюсь в догадках. Возможно, маги тех времен, еще лишенные всяческих законов, регулирующих их деятельность, устроили катастрофу: они могли быть исключительно сильными, много сильней лучших из ныне живущих. В конце концов, они получили эти способности непосредственно от своих создателей. Возможно, случилась война между самими пришельцами. Если что-то и способно пролить свет на это событие, то оно сокрыто здесь, в Источнике.

Обсуждение ситуации, судя по всему, закончилось, и новая поисковая группа из четырех человек пересекла периметр, взяв курс к востоку от места назначения первой экспедиции. Гарри быстро прикинул расстановку сил. Теперь в лагере, помимо них остается пять человек, включая одного мага. Смогут ли они вырваться в таких условиях? Эльза Фриз, похоже, догадалась, о чем он думает, и отрицательно покачала головой. Зачем она медлит?

Гарри принялся вспоминать тактические приемы, которым их обучал Квиррелл. У противника численный перевес, значит нужно распылить их силы. Если они с просвещенной побегут в разных направлениях от лагеря, в худшем случае одному из них придется иметь дело с тремя преследователями, а другому — всего лишь с двумя, причем только в одной из этих групп будет маг. Это неплохие шансы, и одному наверняка удастся ускользнуть, чтобы позвать иллюминатов на подмогу. Он, убедившись, что никто поблизости их не подслушивает, уже раскрыл было рот, чтобы изложить Эльзе Фриз детали своего плана, как вдруг вспомнил последний урок Квиррелла.

Все или ничего. Аненербе не допустят проигрыша, а проигрыш для них — бегство Гарри. Они без колебаний бросят все силы на его преследование. А чтобы Эльза Фриз ничего не сообщила иллюминатам, ей просто пустят пулю в спину — лучше потерять второстепенного по значимости пленника, чем допустить срыв операции. Просвещенная права: следует ждать. Рано или поздно…

Додумать мысль он не успел. Раздался оглушительный выстрел, и агент, чистивший пистолет, захрипев и забившись в конвульсиях, рухнул в снег. На какую-то долю секунды все застыли, ошарашенно глядя на покойника, вокруг головы которого на снегу расплывалось алое пятно. В следующее мгновение агенты выхватили оружие и слаженно распределились вдоль периметра, припав к земле и выискивая мишени в окружающем пейзаже. Эльза Фриз схватила Гарри за ворот и повалила его в снег, упав при этом сама.

С полминуты прошло в напряженном молчании. Других выстрелов не повторялось, и Гарри приподнял голову, сплюнув снег:

— Э… Ребята, вообще-то он сам стрелял.

Каспар, присевший с пистолетом поблизости, резко обернулся, должно быть, собираясь дать резкую отповедь, но потом нахмурился и скользнул к лежащему телу. Склонившись над покойником, он высвободил пистолет из мертвых пальцев, осторожно поднес оружие к лицу и втянул воздух через нос.

— Проклятье! Этот остолоп убил сам себя. Вогнал пулю себе в кадык. Вольно, ребята.

Оставшийся в лагере маг подошел ко все еще сидящему на корточках рядом с телом Каспару и проговорил:

— Второй несчастный случай за сутки со смертельным исходом? Вы верите в это, господин штурмбанфюрер?

— Смотрите сами, Рудольф, — Каспар поднялся на ноги. — Выстрел определенно был сделан из этого пистолета.

— И тренированный агент был настолько глуп, что снял оружие с предохранителя, когда его чистил?

— Можете предложить другое объяснение?

Тот пожал плечами.

— Существует масса способов заставить человека сделать то, чего он делать не намеревался. Империус. Конфундус. Невербальный телекинез. — Маг бросил красноречивый взгляд в сторону Гарри.

— Бросьте, Рудольф, — покачал головой Каспар. — Пленных не было рядом с Отто, когда он напоролся на ограду. И в радиусе двух сотен метров я не вижу никого похожего на человека. Однако проблема налицо: нас осталось только четверо.

Он с сомнением посмотрел на Гарри, потом на Эльзу Фриз, по-прежнему сохранявшую ледяное спокойствие, затем извлек портативную рацию и щелкнул выключателем. Дисплей остался черным. Каспар нахмурился и потряс устройство, выключил и снова включил — ничего не изменилось. Его лицо, и без того бледное, приобрело зеленоватый оттенок.

— У нас нет связи, — проговорил он севшим голосом. — Немедленно активируйте якорь. Начинаем эвакуацию.

— Якорь в руках поисковой группы, штурмбанфюрер, — тихо ответил Рудольф.

Каспар сделал глубокий вдох и сжал зубы.

— Манн Бауэр, — сказал он как можно спокойней, — срочно догоните поисковую группу и передайте им, чтобы немедленно возвращались. Вы двое — следите за пленными. Гарри и просвещенная Фриз, проследуйте в свою палатку и не выходите, пока я не дам разрешения.

Гарри, переглянувшись с просвещенной, пожал плечами и направился в палатку. Он заметил, что на губах Эльзы Фриз застыла невеселая ухмылка. Неужели это ее рук дело? Но она магл, да и в любом случае первая смерть не могла быть на ее совести.

Через пятнадцать минут томительного ожидания он все же решился спросить:

— Просвещенная Фриз, вы понимаете, что тут происходит?

— Я не ясновидящая, Гарри, — ответила она. — Но у меня такое чувство, что напрасно мы здесь оказались.

— У нас же все равно не было выбора. А вы полагаете, что это оно и есть? Магия атлантов? Здесь ведь живут люди, и давно. Если бы это было настолько опасным местом…

— Должно быть, это не опасное место для тех, кто не ищет Источник, — перебила она, и Гарри, посмотрев на ее помрачневшее лицо, воздержался от дальнейших расспросов.

Еще через пять минут в палатку заглянул Каспар, на лице которого читались первые признаки паники:

— Выходите! — скомандовал он дрогнувшим голосом.

Они выбрались из палатки, столкнувшись лицом к лицу с Рудольфом, который смотрел на них с откровенной неприязнью, и вторым агентом, сжимавшим вспотевшей рукой пистолет. Каспар, который тоже не выпускал из ладони «Вальтер», обратился к ним:

— Поисковая группа так и не вернулась, Бауэр тоже. Мы бросаем заставу и отправляемся следом за ними. Найдем — возвращаемся на базу. Все понятно? Идите вперед. — Он указал рукой с зажатым в ней пистолетом в требуемом направлении.

Они пересекли периметр и двинулись по видневшимся в снегу следам. Нацеленное в спину оружие вызывало неприятное чувство где-то в затылке, хотя стрелять в них агенты Аненербе вряд ли имели намерение. Тяжелое, прерывающееся дыхание последних развеяло все сомнения Гарри: агенты боялись. Это был самый настоящий мистический ужас перед творящейся здесь чертовщиной. Маги нередко живут в подобной атмосфере всю жизнь, поэтому Рудольф казался спокойней, но остальных, казалось, лишь титаническое волевое усилие удерживает от панического бегства.

Общую атмосферу безысходности поддержала и погода: почти сразу же после того, как они покинули лагерь, повалил густой снег, ограничив видимость до минимума. Именно поэтому лежащее тело Гарри не заметил, пока не споткнулся о вывернутую ногу покойника, уже основательно присыпанного снегом. От неожиданности он вскрикнул и отскочил в сторону, едва не упав. Нагнавший его Каспар склонился над телом и перевернул мертвеца лицом вверх. Это был Бауэр. На лице его застыл безотчетный ужас, набитый снегом рот был разинут в беззвучном крике. Видимых повреждений на нем не было: казалось, он умер от сердечного приступа.

Скрипнув зубами, Каспар поднялся и, не говоря ни слова, жестом приказал всем продолжать движение. Следующие два трупа лежали в трехстах ярдах от мертвого Бауэра. Один из них оказался магом, из спины которого торчала рукоять штатного армейского «Глока». Второго опознать не удалось: поверхность тела покойника превратилась в сплошной ожог с пятнами обугленной кожи, как будто его ненадолго поместили в печь. Гарри отчаянно замутило, и он, с трудом удерживая тошноту, отвернулся.

Ему показалось, что он увидел движение где-то за пеленой снежного бурана: неясная тень, промелькнувшая в поле зрения подобно призраку, но, сколько он ни вглядывался во мглу, больше ничего разглядеть ему так и не удалось. Должно быть, неравномерная масса падающего снега шутит с его восприятием, заставляя видеть несуществующее. Он постарался успокоиться, но предпочел не бросать еще один взгляд на покойника. Воображение и без того разыгралось не на шутку.

От места трагедии в сторону вела глубокая борозда в снегу, которую до сих пор не успело занести: похоже, кто-то пытался отползти подальше. Проследовав в этом направлении, они наткнулись на еще одно изуродованное огнем тело. Каспар попытался было коснуться его плеча, но в этот момент лежащий человек захрипел, изогнулся и с мучительным стоном перевернулся на спину, обратив к ним обезображенное лицо. Гарри содрогнулся.

— Он… обезумел, — прошептал умирающий потрескавшимися губами. — Про… клятый маг убил… всех. Я ударил… его… ножом.

— Что случилось с магом? — требовательно спросил Каспар, полностью проигнорировав мучения коллеги. — Зачем он убил группу?

— Безум… безумие. Безумие… здесь… вокруг.

Как будто подтверждая его слова, ветер тоскливо завыл и обрушил на них с небес очередную гигантскую порцию снега. Гарри, превозмогая себя, посмотрел на жертву таинственного стража. Глаза лежащего человека подернулись пленкой, дыхание остановилось. Он был мертв.

Последнего участника поисковой группы найти им так и не удалось, но и без этого все было ясно. Предприятие провалилось, экспедиция, начавшаяся в атмосфере увеселительного морского круиза, полностью разгромлена в первый же день, раньше, чем кто-либо сообразил, что происходит. Падшие ангелы умеют хранить свои секреты.

Ждать дальше не было смысла: само выживание в таких условиях превратилось в призрачную перспективу, не говоря уже о каких-то поисках, тем более, что единственный якорь для установки портала бесследно пропал. Каспар, уже давно прекративший демонстрировать всем свою фальшивую улыбочку, бросив хмурый взгляд на пленников, коротко бросил:

— Возвращаемся на яхту.

— Неужели там было что-то еще? — пробормотала Эльза Фриз, когда они развернулись и пошли в направлении брошенной заставы. Она сохраняла спокойствие, но заметно было, что произошедшее произвело на нее крайне тягостное впечатление.

— О чем вы, просвещенная? — спросил Гарри. Сам он с трудом сдерживался, чтобы не запаниковать. Даже при встрече с самим Волдемортом он не испытывал такого давящего, липкого страха.

— О «Фаусте». Не может быть, чтобы Гёте не предупредил о смертельной ловушке у самого порога. Чего-то мы не учли.

— Может быть, он сам не знал? — предположил Гарри. — А его вполне могли намеренно ввести в заблуждение.

Эльза Фриз только с сомнением покачала головой, ничего не ответив, однако даже этот короткий обмен репликами немного развеял нарастающую панику Гарри, внеся в атмосферу безумия искорку рационального подхода к делу. Чтобы еще больше ослабить хватку страха, он принялся высчитывать в уме, насколько вероятным было его выживание в течение прошедшего времени, но сразу же запутался при попытке учесть зависимую вероятность оказаться жертвой обезумевшего мага.

В конце концов, сочтя, что все факторы все равно учесть невозможно, он сдался и решил ограничиться приблизительной оценкой, получив в итоге около сорока процентов — шансы неплохие. Правда, расчет для него и Эльзы Фриз вместе дал ему меньше двадцати процентов. Значит ли это, что с вероятностью четыре против одного неведомая угроза уничтожает исключительно агентов Аненербе? Мысль была приятной, однако он понимал, что аналогичную гипотезу на свой счет мог придумать любой из оставшихся в живых.

И все же, несмотря на очевидную шаткость всех этих вероятностных выкладок, он добился главного — вернул себе ясность восприятия. Да, ему все еще угрожает нечто неведомое. Да, он в любую минуту может стать жертвой зловещей магии атлантов или еще одного свихнувшегося агента. Но теперь эти угрозы — просто угрозы, из числа тех, с которыми их учил справляться профессор Квиррелл. Больше нет этого парализующего волю экзистенциального ужаса, и когда настанет время, он сможет воспользоваться своим шансом для освобождения. Даже если… Он глубоко вдохнул и додумал мысль до конца, стараясь сохранять хладнокровие. Даже если для этого ему придется убивать врагов, глядя им в глаза.

Когда они подошли к периметру лагеря, Каспар скомандовал остановиться и послал вперед одного из агентов, чтобы тот убедился в отсутствии ловушек. Бестолково побродив между заваленных снегом палаток, тот развел руками и проговорил:

— Я ничего не ви…

Стремительная тень пронеслась в воздухе, и агент грузно сел на землю, глядя перед собой мертвыми глазами. Изо рта у него стекала струйка крови. В следующие мгновение Гарри почувствовал дуло пистолета, упирающегося ему в висок, а Каспар, схватив Гарри свободной рукой за волосы, истерично визжал:

— Я убью его! Если вам нужен этот выродок, выходите! Считаю до трех!

Рудольф, не мешкая, выстроил щит вокруг четверых выживших и прошипел на ухо Каспару:

— Господин штурмбанфюрер, надо что-то делать. Я не смогу удерживать защиту даже пять минут.

Тот лишь раздраженно мотнул головой и громко произнес:

— Один!

Ответом ему был лишь тоскливый вой ветра, особенно сильный здесь, рядом с обрывом, где земля дрожала от диких завихрений воздуха. Казалось, они добрались до края мира, за которым лишь клубящаяся пустота, и само время с пространством обращаются в ничто, издавая прощальный стон перед тем, как уйти в окончательное забвение.

— Два!..

Сквозь снежную пелену перед ними показалась тень. Каспар сжал волосы Гарри с такой силой, что тот заскрипел зубами от боли. Тень приближалась, приобретая очертания невысокого человека. Девушки. Еще шаг — и свет укрепленного над ближайшей палаткой фонаря упал ей на лицо.

— Гермиона… — ошарашенно пробормотал Гарри.

— Это же… — начала было говорить Эльза Фриз, широко раскрыв глаза.

— Убирай щит! — гаркнул Каспар магу, отшвырнув Гарри в сторону. Мерцающий барьер перед ними рассеялся. Каспар поднял пистолет на уровень глаз и послал в спокойно стоявшую девушку половину обоймы. Она безмятежно улыбнулась и растаяла в воздухе.

— Чертова иллюзия! — закончил Рудольф за просвещенную Фриз, тяжело дыша после удержания щита. — Я сейчас установлю…

Послышался хруст позвонков, и маг упал в снег с головой, вывернутой под невозможным углом. Эльза Фриз тихо ахнула. Каспар, вперив в Гарри безумный взгляд, потянулся было к нему, но тот на сей раз не стал ждать, когда из него снова сделают заложника. В этот телекинетический удар Гарри вложился так сильно, что, казалось, у него внутри что-то оборвалось от запредельного напряжения. Но оно того стоило. Каспар, выронив пистолет, со стоном покатился кубарем прочь. Достигнув края обрыва, он, взвизгнув, попытался уцепиться за него рукой, но его пальцы соскользнули, и до Гарри донесся удаляющийся отчаянный крик, через секунду сменившийся мертвой тишиной.

Эльза Фриз, не теряя времени, подобрала оружие и вскинула его перед собой, отыскивая цель в непроницаемой белой пелене. Она тяжело дышала и как будто тоже испытывала страх — состояние, которое для нее, по мнению Гарри, было менее всего свойственным.

— Уберите оружие, просвещенная, — раздался усталый голос у них за спиной.

Она молниеносно развернулась и безошибочно навела пистолет на цель. Потом, помедлив, нерешительно опустила оружие и усмехнулась.

— Просвещенный Квиррелл? Мне следовало догадаться. Уничтожать врага

безжалостно и методично — это вполне в вашем духе, — она говорила с нарочитым сарказмом, но сложно было не услышать нотки уважения в ее голосе.

Гарри не мог поверить своим глазам. Профессор Квиринус Квиррелл собственной персоной! Квиррелл, а вовсе не зловещая ловушка атлантов, которую могут пройти невредимыми только чистые сердцем и тому подобная чушь из комиксов. Профессор, которому хватило полдня, чтобы запугать до икоты и ликвидировать одного за другим десятерых агентов Аненербе, стоял перед ним, криво ухмыляясь. Проклятый ангел смерти, а не человек! Чертовски хорошо, что они на одной стороне. Гарри от избытка чувств нервно выдохнул и шагнул вперед, неуверенно улыбнувшись.

— Профессор? А где…

— Я здесь, Гарри, — услышал он голос Гермионы слева от себя. — Я же обещала, что мы тебя вытащим.

Он обернулся к ней, стоявшей по колено в снегу, и вдруг осознал, насколько сильно все это время ему не хватало ее присутствия. Она могла ничего не говорить и ничего не делать, но только рядом с ней он мог ощущать покой и цельность, которых ему смертельно, невыносимо не хватало в любое другое время. Что-то такое, вероятно, отразилось у него в глазах, поскольку Гермиона, шагнув к нему, взяла его за руки и ответила прямым взглядом.

— Никогда больше не делай так, Гарри, — сказала она дрогнувшим голосом. — Ясно тебе? Даже не думай добровольно лезть в пекло.

— Но, Гермиона, — запротестовал он, — они бы не стали меня убивать…

Гермиона прервала его на полуслове пылающим взглядом.

— А если бы?! — почти закричала она и тут же перешла на шепот, по-детски беспомощно пробормотав: — Как же я без тебя тогда?..

Она прижалась к его груди и всхлипнула, отчаянно сжимая его в объятиях, как будто он в любое мгновение мог исчезнуть. Внутри у Гарри все перевернулось. Посмотрев на нее, он понял, что уже принял решение. «Я скажу ей, что люблю ее, — мысленно дал он себе обещание, обнимая девушку в ответ. — Скажу, как только мы останемся одни. Она должна знать, даже если относится ко мне, как к своему брату».

Позади него послышалось едкое покашливание Квиррелла, и Гарри, с сожалением выпустив подругу, повернулся к профессору. Тот даже не пытался скрывать сарказм, созерцая застывшую пару. Стоявшая рядом Эльза Фриз смотрела сквозь них, изображая непроницаемую улыбку Джоконды, как бы демонстрируя, что ее это абсолютно не касается.

— Все это время… это были вы, профессор? — негромко спросил Гарри, покачав головой. — Я даже не представлял ваших возможностей.

— С помощью мисс Грейнджер, конечно: она приложила немало сил для маскировки моих перемещений. Что до возможностей… Будете посещать мои занятия, мистер Поттер, и перестанете игнорировать азы тактики — и ваши

возможности станут не хуже, — ухмыльнулся Квиррелл. От его прежнего гнева не осталось и следа. — Потому что при прочих равных я предпочел бы двигаться к цели без помех, а не играть с нацистами в «Десять негритят».

— Но как вы узнали, что мы на острове Вен?

Квиррелл, не говоря ни слова, извлек из внутреннего кармана сложенный вчетверо листок и, развернув его, протянул Гарри.

— Ключ из архива Кеплера. Копия документа, написанного самим Тихо Браге, где, помимо прочего, он прямо указывает на местоположение Источника... Ну, почти прямо. Я получил эту бумагу при посещении Баварской академии наук. Оставалось только разыграть комедию для подслушивающих агентов Аненербе, чтобы выиграть время.

— А пятиугольный символ? — вновь спросил Гарри, восхищенно глядя на профессора. — Там не говорится о его значении?

— Какой такой символ? — заинтересовалась Эльза Фриз.

— Вот это нам и следует сейчас выяснить, — ответил Квиррелл, начисто ее проигнорировав. — У нас не так много времени. После потери связи с экспедицией Аненербе наверняка отправит сюда штурмовой отряд. Не удивлюсь, если это уже произошло. — Он указал рукой в направлении, где до начала снегопада виднелся шпиль музея Тихо Браге. — Начнем поиски оттуда.

Глава 9. Под носом

«В году Господа нашего 1576, когда я приступил к возведению замка Ураниборг на Алом острове, что зовется моими соотечественниками Вен, меня посетило тревожное чувство, природу которого мне еще предстояло постичь впоследствии. Я поделился тревогой со своими учениками, однако встретил с их стороны лишь легкомысленное пренебрежение, и потому был вынужден самостоятельно исследовать возможные причины моего состояния.

Спускаясь в подвалы недостроенного Ураниборга, где я задумал оборудовать лабораторию для постижения вершин алхимической науки во славу Божию, я испытывал более сильную тревогу, из чего я заключил, что источник ее сокрыт в земле. Под моим руководством работники, копавшие вглубь много дальше, чем предусматривал составленный мною план, наткнулись на каверну, заполненную странной глиной багряного цвета, доселе не встречаемой никем из нас. У входа в каверну располагался разрушенный обелиск с надписями на латыни. Наибольшая их часть была стерта обвалившимся потолком, но то малое, что милость Господня сохранила до нашего времени, свидетельствовала о неизвестном мне языческом культе Матерей, происходящем из Римской империи, чье святилище было построено над последним пристанищем небесных воительниц, сошедших на землю до наступления вод Потопа.

Покидая остров, я наказал работникам закрыть каверну камнями, и отныне проникнуть в нее может лишь имеющий власть и знающий незримый путь. Знак, отмечающий его начало, открыт взорам, однако только моя скорая смерть даст ключ, что должен быть омыт кровью имеющего власть входящего. Заклинаю всякого, кто войдет по моим следам и чей острый ум превозможет опасности сего пути: используйте обретенную силу ради прирастания славы Божией и совершенствования себя в мудрости, но не для погибели, дабы не повторить нам всем судьбу…»

— Документ обрывается на самом интересном месте, — несколько разочарованно произнес Гарри, возвращая Квиреллу листок с копией. — А вы уверены, что перевод точен?

— Это не этрусский, ошибиться было сложно, — пожал плечами Квиррелл. — Самое главное в нем говорится в первых же строках — местоположение пещеры Матерей. А поскольку мы уже здесь…

— Самое главное, — перебила его Эльза Фриз, — это как раз то, что говорится в конце. Об острове Вен можно было догадаться и без этого документа — здесь Тихо Браге провел самую значимую часть своей жизни. Но почему важна смерть автора?

Они стояли на территории того, что некогда было замком Ураниборг. Сейчас ничего не говорило о том, что столетия назад здесь располагалась величественная обсерватория: от здания не осталось ровным счетом ничего. Стены были снесены, подвалы засыпаны, и теперь их взорам открывался только огороженный участок земли с высаженными по периметру клумбами и единственным строением — небольшой частной школой, носящей имя давно разрушенного замка.

— Если портал располагался в замке, то теперь туда не проникнуть, — заметил

Гарри. Он был озадачен, но чего-то подобного, по правде сказать, и ожидал: участвуя в этом расследовании, Гарри успел привыкнуть к тому, что любой кажущийся прямым путь сопряжен с массой препятствий и непредвиденных событий.

— Мы знаем, что вход в пещеру прямо под нами, — ответила просвещенная. — Если договориться с местными властями или надавить на них, можно организовать раскопки…

— Конечно, руководство Аненербе будет с интересом следить за ходом наших археологических изысканий, — насмешливо отозвался Квиррелл. — Да уже сегодня-завтра остров будет кишеть их агентами. Кончится прямой конфронтацией и войной. Я уж не говорю о том, что слова Тихо Браге о пещере под Ураниборгом уже проверяли вскоре после Второй мировой, как мне объяснили в архиве. Перерыли половину острова, но так ничего и не нашли.

— Не надо никаких раскопок, — подала голос до сих пор хранившая молчание Гермиона. — Замок снесен в 1601 году, задолго до написания «Фауста». Гёте не стал бы называть ключом то, что приведет нас к несуществующему порталу. Он все еще существует… Или существовал во времена Гёте.

Квиррелл перевел на нее взгляд, из которого сразу же ушла вся насмешливость, и медленно кивнул. Похоже, что он все выше ценил острый интеллект Гермионы. Не стала спорить и Эльза Фриз, хотя реплика Гермионы заставила ее нахмуриться в задумчивости. Наконец, просвещенная спросила:

— Но почему Тихо Браге пишет о своей смерти?

Гермиона, победно улыбнувшись, извлекла из внутреннего кармана пальто бумажный сверток и, торжественно распаковав его, продемонстрировала просвещенной Фриз тускло мерцающий в изрядно потемневшем зимнем небе носовой протез великого астронома.

— Очевидно, просто потому, что живым он с этой вещицей не расстался бы, — сказала она.

У просвещенной перехватило дыхание. Она нерешительно протянула руку к протезу и осторожно взяла его кончиками пальцев, словно он мог рассыпаться в пыль от малейшего прикосновения. Перевернув его, она вгляделась в рисунок на обратной стороне.

— Так вот что за символ вы имели в виду, Гарри, — тихо сказала она, возвращая протез Гермионе. — Да, без этого наши поиски, вероятно, были заранее обречены на неудачу. Осталось найти место, отмеченное этим символом. Разделимся?

Солнце почти зашло за горизонт, и стремительно ползущая с востока тьма грозила сделать отыскание портала совершенно безнадежным занятием. Гарри не знал, сколько у них времени до прибытия отряда Аненербе, но старался не строить иллюзий: вполне возможно, что враги уже на острове. Он осмотрелся вокруг. Квиррелл отправился обследовать реконструированный Стьернборг — еще одну небольшую обсерваторию Тихо Браге. В документе о ней ничего не сообщалось, но чем черт не шутит? Эльза Фриз удалилась в направлении музея. Гермиона осматривала сохранившиеся башенки по периметру огороженной

территории, где была наибольшая вероятность наткнуться на искомый символ. Сам же Гарри растерянно топтался между клумб и в толк не мог взять, на какой поверхности здесь можно найти загадочное изображение.

В самом деле: на чем может быть начертан пятиугольник, если на этой земле попросту не осталось даже намеков на исходное строение, не считая башенок по углам и этих странных пятиугольных клумб… Гарри замер, повторно прокручивая в голове только что промелькнувшую мысль. Потом перевел взгляд на обрамляющие клумбы каменные блоки. За прошедшие столетия здесь сменилось все содержимое. Могло остаться неизменным лишь одно — форма.

Он ускорил шаг, обходя кругом клумбы. Вот одна из них. Занесенная снегом площадка в форме сегментированного пятиугольника со вписанным внутри кругом. Рядом два скошенных четырехугольника, тоже с кругами по центру. Снова пятиугольник с кругом. Неужели так просто? Ряд клумб сделал резкий изгиб, вслед за которым он увидел еще один пятиугольник с кругом. Дойдя до очередного изгиба, Гарри остановился. Дальше клумб не было — просто ровный слой снега с несколькими цепочками следов. Сдерживая приступ разочарования, Гарри смахнул снег с небольшого участка территории, надеясь, что от клумбы остались хоть какие-то следы. Увы — если когда-то в этом место и было что-то, то теперь уже нет.

— Что ты делаешь, Гарри? — услышал он за спиной голос Гермионы.

— Клумбы… — начал было объяснять он, но это было излишне: Гермиона уже схватила идею и, вытянув шею, осматривала противоположную сторону огороженной территории.

— Гарри, ты молодец! — улыбнулась она наконец. — Похоже, это и впрямь то, что нам надо.

— Но среди этих клумб нет нашего символа!

— Зато он наверняка есть на картах Ураниборга, составленных в шестнадцатом веке. — Она указала на заснеженный шпиль музея Тихо Браге. — Осмотрим главную местную достопримечательность?

Просвещенные, которым они вкратце изложили суть дела, переглянувшись, почти бегом направились в сторону музея. С учетом стремительно тающего доступного им времени понять их было можно: враги наступают на пятки, и медлить в таких условиях — прекрасный способ не только отправиться на тот свет, но и проиграть войну в целом. Квиррелл был мрачнее ночи: по его оценкам отряд Аненербе уже должен быть на острове, но, как ни странно, никто не чинил им препятствий. Даже туристы и местные жители словно сговорились, решив создавать как можно меньше помех поискам портала, и лишний раз не появлялись в пределах видимости.

— Меня еще беспокоят слова Тихо Браге о крови, — сказала Гермиона, задыхаясь от быстрой ходьбы по глубокому снегу. — «Ключ, что должен быть омыт кровью имеющего власть». О ком идет речь? О члене какой-то королевской династии? У Браге были едва ли не приятельские отношения как минимум с двумя монархами: Рудольфом II в Праге и еще с Фредериком II в Дании. Но я совершенно не представляю, как найти их потомков.

Гарри закусил губу. Рассказывать Гермионе о своем странном сне? Она и так слишком беспокоится о нем. Но иного выбора у них, похоже, все равно нет.

— Гермиона, я думаю, речь идет обо мне, — тихо сказал он, увидев, как расширились от удивления ее глаза. — Ну, то есть не обязательно конкретно обо мне. Но моя кровь должна подойти. Просвещенная Фриз, — позвал он идущую впереди женщину, — помните, тогда, в камере вы говорили…

— Об этом позже, Гарри, — нетерпеливо мотнула она головой. — Вначале найдем портал.

Когда они почти вбежали на крыльцо здания, увенчанного высоким шпилем, их встретила наглухо запертая дверь. Красочная вывеска слева от нее сообщала: «Музей Тихо Браге. Часы работы: 11:00–16:00»

— Уже закрылись! — воскликнул Гарри. — Профессор?..

Квиррелл, оглядевшись, коснулся пальцами замка. Послышался отчетливый лязг, и дверь приоткрылась.

— Понимаете теперь, мистер Поттер, значение беспалочковой и невербальной магии? — усмехнулся он, входя в помещение музея под бешеное мигание красной лампочки за порогом, свидетельствующей о том, что сработала охранная сигнализация. — Вернемся в Айзентурм — советую вам походить ко мне на дополнительный спецкурс.

Они проскользнули вслед за профессором, оказавшись в просторном зале с высокими сводчатыми потолками, заставленном по периметру стендами, на которых красовались фрагменты рукописей, карты, схемы, атласы, картины и даже небольшие скульптуры. В центральной части зала громоздились инструменты для наблюдений звездного неба, сконструированные Тихо Браге. Очевидно, архитектор этого здания был вдохновлен самим Ураниборгом, когда занимался проектированием: интерьер помещения и впрямь больше напоминал дворец или храм, нежели заурядный музей.

Искомый документ удалось найти почти сразу: на втором от двери стенде они увидели большую красочную карту Ураниборга и прилегающей к нему территории. Гарри метнулся к стенду и стал рассматривать клумбы, изображенные на пожелтевшем пергаменте. Пятиугольник, два четырехугольника, два пятиугольника, снова два четырехугольника…

— Вот оно! — Гарри указал пальцем на участок карты, где зеленой краской был нанесен сегментированный пятиугольник со вписанными в него двумя трапециями и двумя параллельными полосами. — Вот только…

— Вем эр дю?! Хендер уп!* — послышался резкий голос со стороны входа, заставив четверку вынужденных взломщиков одновременно обернуться.

У двери они увидели перепуганного ночного сторожа, который, сверкая им в лица зажженным фонарем, тщетно пытался нашарить кобуру на поясе. Судя по выражению его лица, он впервые имел дело с незаконным проникновением на вверенную ему территорию и, должно быть, даже представить себе не мог, что кому-то придет в голову вломиться в астрономический музей. Квиррелл, чертыхнувшись, поднял руку, и сторож без слов рухнул на пол, почти сразу же

громко захрапев.

— Все, идем к порталу, — деловито сказала Эльза Фриз и, хладнокровно перешагнув через спящего охранника, вышла на улицу.

— Проблема в том, что место, где была эта клумба, уже занято, — заметил Гарри, когда они возвращались к огороженной территории. — Частная школа.

— Что ж, будем надеяться, что портал все еще работоспособен, — отозвался Квиррелл. — Что вы там, мистер Поттер, говорили про свою кровь?

— Что кровь Гарри позволит открыть портал, — ответила за него Эльза Фриз. — Это возможно: я услышала кое-что, находясь в плену. Наши друзья из Аненербе очень трепетно относятся к вашей крови, Гарри, и, судя по всему, вы у них уже давно под наблюдением.

На улице уже совершенно стемнело, а вновь поваливший снег сделал почти бесполезными редкие фонари на стенах зданий. Пробираясь почти на ощупь, они подошли ко входу в частную школу «Ураниборг». Запертая дверь и отсутствие света в окнах свидетельствовали о том, что занятия в ней уже завершились, поэтому нет необходимости объяснять кому-то свое появление и прилюдно демонстрировать открытие портала.

Еще одно незаконное проникновение — и они внутри небольшого уютного помещения меньше всего напоминающего отправную точку путешествия в иной мир. У Гарри, тем не менее, перехватило дыхание и закружилась голова, вынудив его прислониться к стене, чтобы не растянуться на полу.

— Гарри! С тобой все в порядке? — обеспокоенно спросила Гермиона, шедшая все это время следом за ним.

— Все хорошо. Просто головокружение.

— Что-то чувствуете, мистер Поттер? — поднял бровь Квиррелл. — Похоже, у вас действительно сродство к этому месту — такое же, как у Тихо Браге, если верить документу. Не удивлюсь, если он приходится вам родственником.

— Я почувствовал что-то, еще когда мы прибыли на остров, — кивнул Гарри.

— Тогда попробуйте найти здесь место, где это чувство сильнее всего, — предложила Эльза Фриз. — Вероятно, именно там и должен находиться портал.

Пока Гарри, тяжело дыша от периодически накатывавших волн слабости и озноба и прислушиваясь к своим ощущениям, медленно исследовал помещение школы, Квиррелл стоял у приоткрытой двери, глядя через проем на вымершую улицу.

— Чего они ждут? — озадаченно пробормотал он. — Мы сейчас воспользуемся порталом, и для них все будет потеряно.

— Возможно, они решили дождаться нашего возвращения, — тихо ответила ему Гермиона. — Или считают, что у них все под контролем.

— Это меня и беспокоит, — мрачно ответил профессор. — Будьте бдительны,

мисс Грейнджер. Если заметите что-то странное, немедленно сообщите мне.

— Мне кажется, я нашел его, — задыхаясь, сказал Гарри.

Он стоял, опершись на стену, в самом углу помещения. Его трясло мелкой дрожью, лоб покрылся испариной, и для каждого вдоха требовалось недюжинное усилие, как будто его грудь сдавили стальным обручем. И еще он слышал голоса. Сотни и тысячи голосов, пытающихся докричаться до него сквозь гигантскую толщу земли, о чем-то предупредить, сказать что-то важное, что он обязан знать здесь и сейчас. Он не понимал их: не мог разобрать ни единого слова, отчего их обладатели, казалось, приходили в отчаяние и неистовство, и в гневе восклицали нечто столь же непонятное.

— Сейчас мне… по-настоящему плохо, — признался он. — Что же будет дальше?

— Не надо тебе идти, Гарри, — сказала Гермиона. — Просвещенные пусть отправляются, а мы спрячемся и попытаемся вернуться в Айзентурм. Аненербе до нас не доберется, и мы…

— Ничего не выйдет, Гермиона, — по-прежнему тяжело дыша отозвался Гарри. — Без меня, наверное, не получится даже войти туда. Ты же видела документ.

— Какой-то генетический маркер, оставленный, должно быть, еще атлантами их доверенным лицам среди людей, — кивнула Эльза Фриз. Ее взгляд сделался холодно-отстраненным. — Давайте быстрее принимать решение.

— Отправляемся вместе, — обреченно сказал Гарри. — Гермиона, дай мне протез. И еще, у кого-нибудь есть нож?

Он взял из рук Гермионы латунный нос Тихо Браге, перевернул его и еще раз посмотрел на высеченный на поверхности пятиугольник. Затем он протянул руку Эльзе Фриз, которая извлекла из недр мантии узкий стилет. Квиррелл, покинув свой пост у двери, подошел ближе. Просвещенная, оглядев всех присутствующих с оттенком драматизма, сделала надрез на запястье Гарри. Несколько капель крови упали на пятиугольный символ. Пространство, вскипев, окутало их непроницаемым коконом, и опустилась тьма.

Багровый туман, куда ни брось взгляд, но много темнее и холоднее, чем в прошлый раз. Ледяная клубящаяся пустота, безжизненное пространство, из которого ушли последние проблески тепла, и в котором больше не порхают гигантские крылатые существа, так поразившие его в прошлый раз. Почувствовав затылком чей-то взгляд, он рывком обернулся, и ему открылась бездна. Черный провал, зияющий сквозь туманную дымку, окаймленный нестерпимым блеском, и два бешено вращающихся огненных столба, выходящих из самого сердца тьмы. Гарри был настолько потрясен сокрушающим воображение зрелищем, что не сразу заметил существо с четырьмя горящими белым светом глазами, парившее в тумане напротив него.

— Вам не следовало приходить сюда, — услышал он голос внутри себя.

— Цакебе? — вспомнил он имя. — Где мы?

— В моем умирающем мире. В мире Черного Солнца.

— Почему нам не следовало приходить? Если бы не мы, вместо нас могли явиться наши враги, и тогда…

— И тогда они бы умерли. А теперь смерть угрожает вам, имеющий власть, и я больше ничем не могу помочь.

— Почему ты называешь меня так? — спросил он, но мир вокруг погрузился в непроницаемый мрак, и больше не было ни Цакебе, ни жуткого Черного Солнца перед ним.

— Люмос Максима! — голос Квиррелла, отчего-то решившего обойтись без невербального колдовства, казался непривычно хриплым.

Яркий свет высветил каменные своды пещеры, в которой они находились. Глубокий черный провал уходил наискось вниз. Сквозь камни струился поток грунтовых вод, размывая красную глину под ногами, и с журчанием уносился в глубину пещеры. Голосов, терзавших Гарри, больше не доносилось: он чувствовал себя абсолютно нормально. Нормально ли? Мертвое спокойствие на грани с отрешенностью владели им здесь, все сомнения ушли, как будто их и не было. Он был готов исполнить свое предназначение.

Гарри поднялся на ноги, отряхнув одежду от комьев липкой глины. Он узнал место, которое явилось ему во сне — еще тогда, в Айзентурме, когда он лежал в медицинском корпусе, раненный магической ловушкой, предназначенной для Гермионы. И если его вещие сны заключают в себе информацию о возможном будущем, там, внизу, их поджидает огромный глиняный страж, справиться с которым они не в силах — даже мастер боевой магии Квиринус Квиррелл.

— Я думаю, что впереди нас ждет голем, — сказал он, сделав несколько шагов в направлении черного провала.

— Место из вашего сна, мистер Поттер? — хмыкнул Квиррелл, двинувшись за ним следом. — Как же, помню. В документе Тихо Браге говорится о возможности преодолеть опасности, используя «острый ум», а не грубую силу. Так что давайте смотреть в оба, чтобы не упустить то, что поможет нам найти решение.

Тем не менее, смотреть оказалось особенно не на что. Они, казалось, преодолели целую милю, оступаясь и увязая в глинистой почве под ногами, однако их путь по-прежнему представлял собой уныло-однообразный туннель с редкими изгибами, ведущий в невообразимую глубину острова. Холодные скальные стены, сочащиеся грунтовыми водами, липкая грязь под ногами и давящая на психику каменная толща над головой. Мертвая тишина и пустота, погружающая в транс, грозящая поглотить, растворить в себе сознание любого вошедшего.

— «Слоняясь без пути пустынным краем, ты затеряешься в дали пустой. Достаточно ль знаком ты с пустотой?» — пробормотала Эльза Фриз уже знакомый Гарри отрывок «Фауста». — Интересно, был ли Гёте в этом месте?

— Обелиск, — внезапно подала голос Гермиона, указывая на каменный выступ

правильной формы, белеющий в темноте. — Наверное, один из тех, которые обнаружил Тихо Браге при раскопках.

Каменная поверхность обелиска, изъеденная и размытая за тысячи лет струящейся с потолка водой, поначалу показалось им пустой, если не считать нескольких грязных пятен. При более ярком освещении, однако, стало ясно, что пятна складываются в изображение сидящей женщины, которая держит в руках какой-то предмет, чью форму, к сожалению, разглядеть не представлялось возможным. Под изображением было высечено слово на неизвестном Гарри языке. Очертания его пяти букв напоминали одновременно греческий и еврейский алфавиты, но не были ни тем, ни другим.

— Финикийское письмо, — сказала Эльза Фриз, проведя пальцами по рельефной надписи. — Очень древнее.

— Вы понимаете, что здесь написано? — заинтересовалась Гермиона.

Просвещенная, помедлив, кивнула.

— Это слово означает «пряха», но в данном случае, полагаю, это имя — Клото. Одна из мойр, владычиц судьбы. Это она изображена на обелиске.

— Та самая, из стихотворения Гёте, которое мы нашли на Броккене? — спросил Гарри. — Похоже, что он и впрямь побывал здесь.

— Не только из того стихотворения, — задумчиво отозвалась Гермиона. — В «Фаусте» все три мойры тоже есть. Правда, Гёте называет их римским словом — «парки».

— Верно, мисс Грейнджер, — вновь кивнула Эльза Фриз. — Да еще и путает Клото с Атропос, что довольно странно: вообще-то Гёте прекрасно владел античными мифами.

— Важно то, что это подсказка для нас, — подал голос Квиррелл. — Знать бы еще, как ее использовать.

Убедившись, что ни на обелиске, ни в его ближайших окрестностях никаких тайных посланий больше не имеется, они продолжили спуск, но теперь ступали много осторожней, всматриваясь в кромешную тьму по курсу. Гарри почти физически ощущал предельное напряжение, повисшее в затхлом воздухе пещеры.

— У нас нет идей, как использовать эту подсказку, — в задумчивости пробормотал он, — а ведь использовать ее нужно безошибочно с первого раза. Голем, если он действительно там, вряд ли станет ждать. Как сюда удалось пройти Тихо Браге? Знаю, он был очень умен, и все же…

Под его ногой что-то хрустнуло.

— Заплатив десятками жизней, вот как, — криво ухмыльнулся Квиррелл.
— Дальше ни шагу.

Это было то самое жуткое место, которое Гарри видел во сне. Каменный коридор здесь расширялся, превращаясь в небольшой зал округлой формы. Потолок

терялся в вышине, и оттуда, со сверкающих в свете Люмоса сталактитов время от времени срывались холодные капли воды, беззвучно впитываясь в красную глину под ногами. Зал был завален костями, в беспорядке торчавшими из глины: многие — раздробленные, изломанные, раздавленные.

Гарри поднял взгляд туда, где поднимающиеся от глины странные красноватые испарения дрожали от слабого ветра, дующего из глубин пещеры, и увидел его. Огромный неподвижный силуэт в два человеческих роста перегораживал им проход. Страж, готовый ждать вечно, не теряющий бдительности ни на секунду: как им преодолеть это препятствие? Царство смерти у них под ногами представлялось наглядным свидетельством того, насколько сложна задача.

— Что нам теперь делать? — тихо, будто опасаясь пробудить голема, спросил Гарри. — У нас только подсказка. Клото.

— Возможно, это и есть пароль, который нужно сказать голему? — задумчиво спросила Эльза Фриз и тут же ответила сама себе: — Нет, слишком очевидно. Наверняка среди лежащих здесь немало тех, кто опробовал этот вариант.

— Придется рискнуть, — пожал плечами Квиррелл, шагнув вперед. — Вы пока отойдите подальше на всякий случай.

Голем пришел в движение и вышел из сумрака на освещенное пространство. Каждый его шаг заставлял стены пещеры содрогаться, обрушивая ледяную капель на невольных искателей приключений. Остановившись в нескольких шагах от Квиррелла, он слегка склонился над отважным профессором. «Сейчас он должен потребовать назвать пароль, — подумал Гарри, — и тогда мы узнаем, как он реагирует, если пароль ошибочен». Однако он уже знал это — достаточно бросить взгляд на кладбище под ногами.

Глиняный страж не стал требовать пароля. Он взревел и кинулся вперед, занося руку толщиной с бревно. За мгновение до удара профессор исчез, появившись за спиной голема, и крикнул ему:

— Клото!

Голем с фантастическим для его габаритов проворством развернулся и нанес новый удар. Квиррелл вновь исчез, и удар голема пришелся на то место, где он только что стоял, взметнув в воздух комья глины и обломки костей.

— Плохая была идея, — тяжело дыша, пробормотал профессор за спиной у Гарри. — Похоже, что ему вообще не интересно, знаю я пароль или нет.

— Потому что это должен быть я, — ответил Гарри. — «Имеющий власть», помните, профессор?

Голем, развернувшись, поднял на них пустой глиняный взор, затем, помедлив секунду, вернулся на исходную позицию и замер без движения.

— Вот только у вас, Гарри, всего одна попытка, — ответил Квиррелл. — Если, конечно, в мое отсутствие Цао Шу не сделала из вас мастера метрической магии.

— Если я ошибусь с паролем, вы можете перенести меня в безопасное место, —

тихо сказал Гарри. — Вы же сами понимаете, что других вариантов нет.

— Я вам не Цао Шу, — покачал головой профессор. — Переместиться самому — для меня не проблема, а вот швырять через нуль-пространство других людей… Один-два раза, пожалуй, получится, но после этого я совершенно выбьюсь из сил.

— Что более важно, какой пароль вы собираетесь произнести, Гарри?
— спросила Эльза Фриз. — Я не думаю, что «Клото» сработает. Это был намек, не более.

— Ошибка лежит на поверхности, и ее замечаешь сразу… — пробормотала Гермиона. — Гёте любил говорить это…

— Что? — недоуменно переспросил Гарри.

— Ну конечно! — глаза девушки вспыхнули азартом. — Гёте знал, что мы обратим внимание на явную ошибку с именами мойр в «Фаусте». Он намеренно допустил ее, поменяв местами Клото и Атропос!

— Поменяв местами… — наморщив лоб, пробормотала Эльза Фриз и взгляд ее просветлел. — Черт возьми, мисс Грейнджер, вы, похоже, правы. Получается, что пароль, который следует произнести Гарри, — это «Атропос».

Гарри кивнул, сделал глубокий вдох и с бешено колотящимся сердцем сделал шаг вперед. Потом еще один. И еще. Квиррелл за его спиной приготовился к спасательной операции: его лицо отражало предельную концентрацию. Голем, как и в прошлый раз, вышел навстречу гостю. Остановившись перед Гарри, он в полном соответствии с тем жутким сном пророкотал:

— Клавем!

— Атропос! — сказал Гарри дрожащим от волнения голосом.

Голем выждал несколько секунд, потом издал утробный рык, и, сделав еще один шаг вперед, повторил:

— Клавем!

— Это неверный пароль, — севшим от ужаса голосом прохрипел Гарри, попятившись. Голем сделал шаг вслед за ним. Квиррелл резко выдохнул и поднял руки, приготовившись.

— Там две ошибки! — взвизгнула Гермиона. — Гарри, в «Фаусте» парки имеют имена мойр. Тебе нужно римское имя! У римлян Атропос зовут…

— Клавем аут мортем! — взревел голем, полностью заглушив последние слова Гермионы, и поднял для удара глиняную длань.

Время для Гарри почти остановилось, и ужас перед близкой гибелью померк. Он понимал, что Квиррелл, скорей всего, сможет защитить его от удара голема. Но вряд ли после этого страж даст ему второй шанс. Пароль нужно было назвать сейчас, до того, как начнется атака. Он ведь знает имя, Гермиона уже говорила ему раньше, в Праге, — имя парки, приносящей смерть. Нужно только вспомнить

его, но в ушах до сих пор звучит рычание голема: «Клавем аут мортем». Оно странно созвучно…

— Морта! — завопил он во всю силу своих легких.

Голем замер, потом отступил в сторону, пророкотав:

— Ме сервэ фигулюс!

Гарри пошатнулся от внезапно нахлынувшей слабости и сделал шаг вперед. Путь в пещеру Матерей был свободен.

Примечание к части

* Vem är du? Händer upp! - "Кто вы такие? Руки вверх!" (шведск.)

Иллюстрация к части:
https://fanfics.me/images/fanart_o/2020/01/11/4494271578744744.jpg

Глава 10. Источник

Все было, как во сне: Гарри утратил ощущение реальности происходящего с того момента, как они миновали огромного голема, и за первым же изгибом туннеля перед ними распахнулась пещера. Нет, не пещера — пространство. Сложно назвать пещерой исполинский каменный пузырь с идеально ровной поверхностью, излучавшей слабый багровый свет, пульсирующий в причудливом меняющемся ритме, почти неотличимом от хаоса.

Казалось, шар из горячей плазмы вспыхнул здесь в незапамятные времена и выжег дотла породу, оставив зеркально-гладкие оплавленные стены, покрытые коркой спекшихся силикатов, светящихся от остаточной радиоактивности. И если правы все эти мифы о пришествии на Землю существ из иного мира, что-нибудь подобное вполне могло оказаться правдой.

Они, помедлив у входа, осторожно шагнули внутрь пещеры и двинулись к ее центру, где в багровом полумраке высились какие-то строения — если можно было назвать строениями причудливо изогнутые ажурные конструкции, полированная поверхность которых испускала все то же красноватое свечение. Это был город. Фантастически древнее и ныне покинутое подземное поселение тех, кого назвали падшими ангелами. Издали его можно было принять за нагромождение гигантских кораллов — по-своему прекрасных своей безумной, темной красотой, которая восхищала настолько же, насколько пугала.

— Они здесь жили? — невольно перейдя на шепот, спросил Гарри, сам не зная, к кому обращается.

— Вероятно, — рассеянно отозвалась Эльза Фриз. — Для нас сейчас более важно, что здесь они производили глину Эдема. Первым из двух способов, о которых до нас дошли сведения.

— Что это за способы? — заинтересовалась Гермиона.

— Первый и главный способ — прямое изготовление. Должно быть, на основе обычной силикатной глины, судя по тому, сколько ее на этом острове. Возможно, сгодилось бы и что-то еще, но этого я не знаю. Помните «Фауста»? — Она, сделав паузу, тихо заговорила: — «С тех пор, как духи с низменных лугов переселились в горные пещеры, они в них трудятся средь атмосферы насыщенных металлами паров, готовят смеси, превращают в газ сорта руды, с единственною целью найти состав, невиданный доселе…» — Она горько усмехнулась. — Сколько людей читали и еще будут читать эти строки, не имея понятия о том, что им пытается сообщить Гёте, ведь правда? «Состав, невиданный доселе…» Глина Эдема.

Они подошли к самому краю огромного идеально круглого углубления в почти плоской поверхности пола. В отличие от чистой блестящей поверхности, характерной для всего, что они наблюдали в пещере Матерей, стенки углубления были вымазаны какой-то вязкой комковатой массой. Квиррелл направил на нее свет Люмоса, и Гарри увидел тонкие наслоения темной красно-коричневой глины, неравномерно распределенные по всей поверхности.

— Это она? — спросил он. — Это и есть глина Эдема?

— Похоже на то, — нахмурившись, произнес Квиррелл и, склонившись над краем, взял в пальцы один из глинистых комков, до которого смог дотянуться.

— Почему ее так мало? — спросила Гермиона, не скрывая жестокого разочарования.

По ее лицу можно было подумать, что ее только что предали, и Гарри догадывался о причинах. Она проделала воистину титанический труд, взломав основную часть кода фон Гёте. Она за короткий срок смогла превзойти иллюминатов и Аненербе вместе взятых, раньше всех докопавшись до истины. Неужели все впустую?

И в то же время какая-то часть его радовалась такому исходу. Нет глины — не будет смертоносной и непобедимой армии големов, повинующихся чьей-то злой воле. Не будет и кровавой схватки между иллюминатами и Аненербе за контроль над Источником. Зло останется в мире, но уже не сможет получить такое оружие…

Он почти сразу мысленно прикусил язык. Да о чем речь? Они здесь могут найти машины, которые производили таинственное вещество или методику его изготовления. Они могут обнаружить в этом подземном городе что-нибудь куда более могущественное. Кто знает, на что были способны эти падшие ангелы, которые даже сейчас, спустя пятнадцать тысяч лет, вызывают благоговение и ужас?

— Закончилась, очевидно, — пожал плечами профессор. — Ее перестали производить много тысяч лет назад. Пресловутый культ Матерей… Должно быть, они вычерпывали ее отсюда, пока не израсходовали почти все, что оставалось. После чего покинули это место, завалив вход в туннель. А Тихо Браге его вновь обнаружил и смог использовать остатки для изготовления пражского голема в помощь своему другу, бен Бецалелю.

— Но куда же культисты девали глину? — спросил Гарри.

— И снова ответ на поверхности, — спокойно ответил Квиррелл. — Они делали големов. Судя по размерам этого котлована, целую армию големов, которая наверняка существует поныне.

— Существует? Но… где?

Его память внезапно высветила образы давнего сна: ряды глиняных воинов у стен Храма Творения и таинственный чародей, отправляющий их убивать. Он похолодел, вспомнив финал. До сих пор его сны оказывались вещими, сбываясь в той или иной форме. Значит ли это, что именно такое будущее его ждет? Неужели он и впрямь поднимет руку на тех, кто ему дорог?

— А вот это действительно хороший вопрос, — усмехнулся Квиррелл, не обратив внимания на изменившийся взгляд Гарри. — Надеюсь, мы сможем установить местоположение армии. Я бы начал исследование этого города вон с того строения. Оно определенно не принадлежало атлантам.

Вдалеке высились развалины сооружения, имевшего вполне привычную для человеческого взгляда архитектуру. Самый обыкновенный дом, скорей даже склад, некогда возведенный из камней, имел теперь весьма плачевный вид. В

отличие от фантастических зданий атлантов, над которыми, казалось, время совершенно не властно, этот склад обветшал до предела: крыша обвалилась, покосившиеся стены покрывали многочисленные трещины, целые их фрагменты — отсутствовали. Издали сложно было определить, какой эпохе принадлежало строение, и они по совету профессора направились к нему, чтобы изучить руины на месте.

— Вы так и не рассказали о втором способе, просвещенная Фриз, — напомнила Гермиона. — Как еще можно получить глину Эдема?

— Я не уверена, что второй способ действительно существует. Но кто-то в Аненербе верит в это. Они называют это «возвращением в первичное состояние». Человек, который… некогда был големом, — Эльза Фриз запнулась и быстро скользнула взглядом по Гарри и Гермионе, — может быть возвращен в исходную форму при помощи некоего магического ритуала, так говорится в ряде источников. Идет ли речь о трансформации в голема или просто в груду глины, мне неизвестно.

Квиррелл, прищурившись, бросил на нее пристальный взор, но от каких-либо комментариев воздержался, и они в молчании преодолели последние несколько футов до развалин строения. Строение оказалось чем-то средним между библиотекой и лабораторией. Столы, обращенные обрушившимся потолком в груды изъеденных временем досок, остатки стеллажей, осколки лабораторной посуды… И рукописи. Свитки, стопки пергамента, фрагменты страниц, в беспорядке разбросанные внутри и снаружи здания — сотни документов, как безнадежно испорченных, так и находившихся в более или менее удовлетворительном состоянии.

— У нас уйдет не меньше года, чтобы все это проработать! — с загоревшимися глазами воскликнула Эльза Фриз, осторожно поднимая один из пергаментных свитков.

Гермиона реагировала не менее бурно, разглядывая один документ за другим, несмотря даже на то, что едва ли могла понять хоть слово в большинстве этих рукописей.

— Похоже, что это наследие Тихо Браге, — сказал Квиррелл, изучив несколько документов. — Упоминаются события после падения Римской империи, встречаются и много более поздние даты… Нам понадобятся опытные лингвисты. Классическая латынь, древнегреческий, даже староарамейский… Хотя, вот это определенно немецкий, один из старых диалектов.

Пока просвещенные копались в рукописях в компании любопытной Гермионы, Гарри, сочтя, что пользы от него в этом занятии не будет ни малейшей, занялся осмотром материального наследия атлантов. Ведь если они производили глину Эдема, должны сохраниться какие-то приспособления для этого процесса. Возможно, освоив производственный процесс пришельцев, иллюминатам не придется тратить время на поиски неизвестно где спрятанной армии големов.

Он подошел к подножию циклопического сооружения, вершина которого терялась где-то в недосягаемой выси. Что это? Жилище? Но в нем нет ни входа, ни окон. С другой стороны, зачем они существам, которые были самим воплощением магии? Гарри провел рукой по холодной гладкой поверхности, ощутив под пальцами едва заметную вибрацию: словно бы где-то очень глубоко

внутри работал механизм неизвестного предназначения. Волна смутного узнавания пронеслась по закоулкам его памяти, от чего кожа покрылась мурашками, а дыхание сбилось.

Он поспешно отошел от здания и обернулся в сторону друзей. Гермиона тщетно пыталась использовать заклинание Репаро на бренных останках какой-то рукописи, что почти не приводило к видимым изменениям: слишком уж много времени прошло. Эльза Фриз, наморщив лоб, разбирала античные каракули на одном из свитков. Никто из них не обратил внимания на то, как изменился в лице Гарри, коснувшись поверхности сооружения пришельцев.

— Глядите-ка, что здесь есть! — вновь подал голос Квиррелл. — Похоже на рабочий журнал Тихо Браге, который здесь разбирался в записях, оставленных культистами. От последних к нашему времени мало что осталось, зато наш доблестный астроном сообщает аж о трех святилищах культа Матерей. В одном из них мы сейчас находимся, другой, судя по всему, — уже известный вам Храм Творения или что-то рядом с ним. Но есть и еще один…

— И где же он? — заинтересовалась Эльза Фриз.

Квиррелл смерил ее пристальным взглядом, затем усмехнулся и вновь опустил взгляд на рукопись.

— Точное местоположение не указывается, — с явной неохотой произнес он. — Говорится только о «том самом месте, к востоку от Железных гор». И нет, я не знаю, что это значит, а старина Тихо не уточняет. Возможно, в других документах мы найдем подсказку.

— Вы думаете, что в этом месте и спрятана армия големов? — спросила Гермиона.

— Понятия не имею, — пожал плечами профессор. — Но если следовать логике вещей… В этой пещере они производили глину Эдема. В Храме Творения они наделяли големов личностью. Следовательно, должно быть место, где големы создавались из глины.

— Зачем столько мороки? — удивился Гарри, вернувшись к группе. — Затраты на транспортировку…

Эльза Фриз рассмеялась и покачала головой.

— Не забывайте, о ком идет речь, Гарри, — сказала она. — Эти существа прибыли из иного мира. Расстояния для них — ничто. И вообще, у них были… особые отношения с пространством. Судя по дошедшим до нас мифам, они куда больше значения придавали симметрии и взаимному расположению вещей, нежели дистанции. Прямые линии, концентрические окружности… Посмотрите на этот подземный город хотя бы!

Гарри окинул взглядом доступную наблюдению часть пещеры. Просвещенная была права: то, что при взгляде со стороны не обнаруживало признаков какой-то особой упорядоченности, здесь, ближе к центру древнего поселения, демонстрировало ту самую симметрию, о которой шла речь. Здания атлантов выстраивались в гигантский сегментированный пятиугольник — самый большой пентакль, когда-либо виденный Гарри.

Части картины сложились в единое целое. Вся эта магия символов, руны, пентаграммы, загадочные геометрические фигуры в древних гримуарах, Черное Солнце, наконец, — все это ведет происхождение отсюда. От существ, научившихся черпать силу из формы, пространственных отношений, симметрии, — от тех, кто вплотную подошел к платоновскому миру идей. От ангелов.

— И кстати, говоря о транспортировке… — послышался в мертвой тишине пещеры голос Квиррелла, который успел отойти на приличное расстояние к центру поселения, — насколько я понимаю, перед нами система порталов. Какие-то из них могут работать до сих пор. Вы же не думаете, что жалкие древнеримские сектанты проделывали весь этот путь на своих двоих?

Он стоял перед круглым возвышением, материал которого напоминал обсидиан: такая же черная поверхность, сверкающая стеклянным блеском в свете Люмоса. Один взгляд на это сооружение давал понять, что послужило источником вдохновения для магов Аненербе, проектировавших собственную систему порталов.

— Куда он ведет? — спросил Гарри, подойдя ближе.

— Этот — уже никуда, — отозвался Квиррелл. — Во всяком случае, на карте Тихо Браге он помечен, как нерабочий. Собственно, тут сообщается о всего лишь двух все еще активных порталах, ведущих в два других Источника.

— Как их найти? — спросила Эльза Фриз, которая уже успела подкрасться к профессору сзади и теперь заглядывала ему через плечо в лист пергамента, который он держал в руках. Квиррелл раздраженно поморщился и отодвинулся в сторону.

— Вон тот, вдалеке, связывает пещеру Матерей с Храмом Творения, — ответил он. — А с противоположной стороны этого здания мы найдем путь, ведущий в третий Источник, который подписан просто — «Фиглинум», это «гончарная мастерская» на латыни.

— О, я знаю латынь, — промурлыкала просвещенная и быстрым шагом пошла в указанном направлении.

— Я знаю, что вы знаете, — еле слышно ответил профессор и двинулся следом.

Гарри бросил на Квиррелла встревоженный взгляд и обернулся на Гермиону. Она, заставшая всю эту сцену, выглядела не менее обеспокоенной.

— Что это с ними? — шепнул Гарри подруге, когда они пошли вслед за просвещенными.

— У них всегда были трения, — пожала та плечами. — Ты же помнишь, она без колебаний пустила пулю профессору в спину, когда он бежал из Айзентурма.

— Нет, сейчас что-то другое, — покачал головой Гарри. — Квиррелл с момента нашего появления тут косо на нее поглядывает.

В молчании они обогнули сооружение пришельцев и в полутьме едва не

врезались в спину Эльзы Фриз, которая стояла без движения, глядя на то, что некогда было порталом в Фиглинум. Базальтовая глыба не менее шести футов в обхвате, весившая, наверное, под сотню тонн, когда-то сорвалась с потолка и рухнула прямо в центр обсидиановой площадки. Какими бы надежными ни были технологии пришельцев, они не помогли порталу выдержать удар такой махины. Площадка была разбита вдребезги и вдавлена в пол, по которому во всех направлениях змеились трещины.

Должно быть, сотрясение именно от этого удара вызвало разрушение библиотеки неподалеку: право, удивительно, что устояло все прочее. Гарри, не удержавшись, подошел ближе и взглянул в лицо Эльзы Фриз. Ее обычную беззаботность как рукой сняло: просвещенная, казалось, пережила конец света, и теперь не имеет представления о том, что делать дальше.

— О, черт… — выдавила она из себя наконец.

— Сюрприз! — ехидно улыбнулся ей стоящий рядом Квиррелл и, поправив тюрбан, двинулся прочь. — Что ж, будем надеяться, что последний портал все еще работает. Не хотелось бы проделывать весь этот путь обратно, притом на сей раз в гору.

— Сможем ли мы его активировать? — спросил Гарри, догнав профессора.

— На этот раз ни загадок, ни ребусов, ни крови избранных, — ответил Квиррелл, помахав перед носом Гарри обрывком пергамента. — Просто ключевая фраза на латыни. Похоже, что сектанты были не столь просты, если смогли перенастроить порталы пришельцев под себя. Не думаю, что эти наши падшие ангелы общались на языке Древнего Рима.

— А вы не думаете, профессор, — вмешалась Гермиона, — что они вообще не были какими-то там культистами? Почему большинство известных нам вербальных заклинаний основаны именно на латыни? Что, если они…

Обсидиановая площадка, к которой они подобрались на этот раз, вспыхнула мягким багровым светом, заставив Гермиону умолкнуть. Свет лучился изо всей ее поверхности, отчего ощущение рельефности пропадало, и все возвышение казалось состоящим из чистого света.

— Ну что ж, вот и первая удача, — бесстрастно объявил Квиррелл и, не меняя интонации, продекламировал: — Модо апэрта!

Воздух над площадкой задрожал. Послышалось громкое шипение, словно сжатый воздух выходил из неплотно закрученного баллона, после чего кто-то огромный и невидимый выдохнул им в лицо ветром с запахом пожухшей листвы и хвои. Зеркальная сфера выросла над поверхностью площадки, охватила ее целиком, а потом ее поверхность растворилась, открыв взорам нагромождение потрескавшихся мраморных плит, холодно мерцавших в свете луны.

— И что, вы собираетесь вот так просто уйти? — услышали они за спиной голос Эльзы Фриз. — Мы не осмотрели даже десятой части этого места!

— Я никого не принуждаю, — саркастически скривил губы Квиррелл, — можете провести здесь хоть весь следующий год. Однако я по-прежнему отвечаю за безопасность моих учеников и намерен отвести их в Айзентурм. Перед нами —

кратчайший и наиболее безопасный путь. А сюда мы еще не раз вернемся.

— Профессор, — с виноватой интонацией обратилась к нему Гермиона. — Может быть, нам стоит хотя бы захватить с собой рукописи?

Весь следующий час они ползали — наиболее подходящее слово для этого занятия — по руинам библиотеки, перебирая и складывая в стопки документы. Самые древние рукописи подчас рассыпались у них в руках, от большинства других остались только истлевшие фрагменты с совершенно нечитаемым текстом. Но даже того, что им удалось собрать, оказалось слишком много, чтобы унести это с собой, поэтому по окончанию отбора им пришлось устроить второй раунд, выбирая самое важное из найденного.

Наконец, набив карманы античной мудростью и утирая пот с мокрых лбов, они пошли в направлении последнего портала, который все еще сохранял работоспособность. Все повторилось: мерцающий свет при их приближении, дрожащий воздух и растущая зеркальная сфера в ответ на ключевую фразу. Разве что лунный свет на мраморных плитах заметно померк.

Взойдя на площадку и вынырнув с другой стороны, они поняли, что стало тому причиной: луна, светившая сквозь разрушенный потолок Храма Творения, теперь была почти полностью укрыта слоем тяжелых облаков. Люмос Квиррелла оказался очень кстати, и теперь в его холодном голубовато-белом свете Гарри с чувством легкой жути смотрел на место, где некогда появился на свет вместе с Гермионой.

Здесь ничего не изменилось: только опавшие листья совсем истлели, превратившись в однородную влажную массу, мягко пружинящую под ногами. Безжизненный голем все так же лежал на каменном алтаре, обратив к небесам глиняную маску лица. Портал у них за спиной с тихим шипением сжался в светящуюся точку и пропал. Эльза Фриз подошла к алтарю и осторожно коснулась истукана кончиками пальцев, словно опасаясь внезапного удара глиняной ладони.

— Здесь вы тоже планируете задержаться, просвещенная? — поднял бровь Квиррелл.

— Я никогда не была в этом месте, профессор, — с холодной улыбкой ответила Эльза Фриз. — Неужели у меня нет даже пяти минут?

— И чего же вы, собственно, ждете?

Происходило что-то неладное. Гарри замер, потом обернулся на просвещенных. Квиринус Квиррелл буравил Эльзу Фриз взглядом, полным презрения и ненависти. Она, поначалу опешив, встретилась с ним глазами, и ее непроницаемое лицо не дрогнуло.

— С чего вы взяли, что я чего-то жду, просвещенный Квиррелл? — спросила она, склонив голову набок. Ее улыбка, и без того способная заставить поежиться от холода, теперь имела температуру абсолютного нуля.

— В самом деле, с чего? — почти прошипел профессор, поднимая на уровень

глаз небольшой предмет, блеснувший металлом. — Быть может, с того, что вы, едва появившись в Храме, оставили здесь якорь для открытия портала? Так кто сюда должен был прийти, «просвещенная»? — он чуть ли не выплюнул последнее слово. — Ваши дружки из Аненербе?

Его пальцы вспыхнули, и якорь пролился на землю жидким металлом.

— Не думала, что вы столь поспешны в суждениях, профессор, — задушевным голосом произнесла Эльза Фриз.

— Вы о многом не думали, — без тени улыбки ответил Квиррелл. — Не думали, на каких подонков работаете. Не думали о ни в чем не повинных людях, которых убиваете своим ритуалом…

— Профессор, нет! — перебила его Гермиона. — Просвещенная Фриз не владеет магией, она не могла…

— Это она вам сказала, не так ли, мисс Грейнджер? — ухмыльнулся Квиррелл, не спуская взгляда с просвещенной. — Как все просто оказалось! А я еще думал: с чего она при каждом удобном случае напоминает всем, что она магл? У меня почти сразу возникли подозрения на ее счет, но только когда мы добрались до Источника, картинка сложилась. Оставалось лишь поймать за руку.

Улыбка постепенно сползла с лица Эльзы Фриз, которое теперь выражало странное сочение отстраненности и заинтересованности, словно бы она энтомолог, изучающий новый любопытный подвид навозных жуков.

— Но ведь Гипертьюринг… — начал было Гарри, но сразу же осекся. Он уже знал ответ.

— Все правильно, мистер Поттер, — кивнул профессор. — Гипертьюринг проделал блестящую работу. Вот только в список для анализа, которым его снабдили, Эльза Фриз не входила, потому что она якобы магл. А чтобы окончательно отвести от себя подозрения, промыла Империусом мозги Курту Айхорну, чтобы тот перед всем классом разыграл этот фарс с покушением на ее жизнь. И ведь сработало!

— Согласитесь, недурно было спланировано, коллега, — тихо ответила ему Эльза Фриз, и надменная улыбка вновь вернулась на ее лицо. — Годами водить за нос главных конспираторов планеты, как малых детей. Включая вас, профессор, — ласково улыбнулась она.

— Почему Карл? — хмуро спросил Гарри. — Вы же сами спровоцировали расследование…

— Ну да, спровоцировала, — пожала плечами Эльза Фриз. — В результате чего мой самый опасный противник в Башне отправился восвояси, и я смогла беспрепятственно завершить свою миссию, а заодно использовать эксклюзивный доступ к Гипертьюрингу, любезно предоставленный мне Вейсгауптом, чтобы отключить слежение за имплантами и не дать иллюминатам вас обнаружить. Кроме того, Карл был импульсивен, непредсказуем и создавал для вас, мой милый Гарри, реальную угрозу, так что своей выходкой с Круциатусом он подписал себе вполне справедливый приговор. Плюс его еврейские корни…

— Все еще носитесь со своей бредовой идеей расового превосходства? — презрительно скривился профессор. — Вы же представитель науки, черт возьми!

— Родословная имеет значение, профессор, — спокойно ответила Эльза Фриз. — Вы сами могли это видеть, когда Гарри Поттер из рода Горшечников, отмеченный печатью Матерей как имеющий власть над глиной, одним словом остановил голема, с которым вы со всей своей магией не смогли совладать, ведь правда? С этим мальчиком у нас связаны большие планы, и я не могла позволить…

Гарри вскипел. Эта женщина, которую он считал другом, — архитектор стеклянного коридора, стены которого сжимались вокруг него с момента его появления в Айзентурме. Нацист. Убийца невинных. И еще она…

— Это вы пытались убить Гермиону, — процедил он сквозь зубы, с трудом удержавшись от крика ярости. — Вы пытались убить ее, и в итоге чуть не убили нас обоих. Что она вам сделала?

Эльза Фриз сокрушенно кивнула.

— Меа кульпа. Моя вина. Признаю, тут я дважды сплоховала, едва не перечеркнув все свои прошлые достижения. Услышав в «Эрлёйхтетенгартене», как мисс Грейнджер отговаривает вас от поездки в моей компании, что было ключевым моментом моего плана, я решила устранить препятствие. Мне было жаль девочку, но это война, Гарри. Мирное население всегда страдает во время войны. Так что я установила заклятие на ее дверь… Откуда же мне было знать, что я едва не отправила на тот свет гусыню, несущую золотые яйца? За три дня ваша подруга сделала для поиска Источника больше, чем весь штат Аненербе за годы деятельности. — Она развела руками и вздохнула. — Простите меня. Моя ловушка не предназначалась для вас. Я не учла вашей склонности к самопожертвованию, Гарри, и в итоге вы чуть не погибли, чертовски перепугав меня. Рейхсфюрер за такой прокол меня саму приговорил бы к смерти.

Несмотря на показное раскаяние на ее лице, она оставалась спокойной и вела себя до странности непринужденно. Ее взгляд не отражал ни тени страха: она словно бы не понимала, что находится в считанных секундах от смерти, или же просто не верила в это. Ее уверенности можно было бы позавидовать, если бы она не шла в комплекте с бесчеловечностью.

— Выговорились? Время вышло, Эльза Фриз, — ледяным тоном произнес Квиринус Квиррелл. — Отправитесь в Айзентурм пешком, или предпочитаете, чтобы я перенес туда ваши останки?

— Предпочитаю остаться здесь, профессор, — с улыбкой ответила она. — Вы были столь любезны, что выслушали меня до последнего слова, так что наш штурмовой отряд… можно сказать, он уже прибыл. Нет, не смотрите так удивленно. Неужели великий Квиринус Квиррелл не заметил второго якоря? — с расстановкой спросила она и радостно засмеялась, рассмотрев оттенок смятения в его взгляде.

Квиррелл рывком обернулся, во мгновение ока выставив щит Протего, но совокупный удар заклинаний отряда элитных магов Аненербе, появившихся у него за спиной, сбил его с ног и ударил о мраморную глыбу, некогда бывшую

частью храмовой стены. Квиррелл со стоном рухнул в лиственный перегной, оставив на выщербленном мраморе кровавую полосу, и застыл без движения. Тюрбан свалился с его головы, упав под ноги просвещенной Фриз. Просвещенная подошла ближе к профессору и подняла над ним ладонь.

— Авада… — начала она читать смертоносное заклятие.

— Нет! — в один голос крикнули Гарри с Гермионой, рванувшись к распростертому на земле профессору.

Гермиона выхватила палочку, но ее помощь оказалась излишней. Профессор открыл пронзительно блеснувшие глаза, и Эльза Фриз, вскрикнув от неожиданности, взвилась в воздух, упав прямо в группу магов, которые продолжали прибывать через портал. Добрый десяток ветвящихся молний понеслись к лежащему Квиррелу, но того на прежнем месте уже не было. Материализовавшись возле выхода из храма, он шепнул:

— Конфринго!

Слепящий луч синего цвета, вырвавшись из его пальцев, врезался в толпу магов Аненербе. Оглушительный взрыв сотряс камни Храма, с ветхих стен посыпались куски изъеденного временем мрамора. Самые резвые из магов, включая Эльзу Фриз, успели выставить щит, но остальные окровавленными тряпичными куклами разлетелись по темному залу, врезаясь в стены и остатки колонн. Эта атака почти лишила его сил, и Квиррелл, задыхаясь, оперся о стену.

Оставшиеся маги успели отойти от шока и, не сговариваясь, выстроились цепью, чтобы не представлять собой легкую мишень для атак профессора. Гарри оттащил Гермиону в сторону, уводя ее из-под линии огня. Еще один совместный залп магов, и выставленный Квиррелом щит почти рассеялся, а профессор захрипел от запредельного напряжения и сплюнул кровью.

— Что, коллега, нет больше сил прыгать через нуль-пространство? — со смешком спросила Эльза Фриз, делая шаг вперед.

— Осторожней, группенфюрер! — подал голос один из магов Аненербе. — Он слишком опасен.

— Уже не слишком, — усмехнулась Фриз, поднимая руки.

— На один прыжок меня еще хватит, — оскалился ей в ответ Квиррелл и, обернувшись к Гарри и Гермионе, добавил: — Держитесь. Я скоро.

Сгусток зеленого пламени Авады ударил в то место, где он только что стоял. Эльза Фриз стремительно развернулась, но профессор не материализовался у нее за спиной, как она того ожидала. Его вообще больше не было в Храме — он не собирался продолжать безнадежное сражение. «Помните: как правило, выжить — важнее, чем уничтожить противника», — вспомнил Гарри слова профессора. Квиррелл оставался верен себе не только на занятиях в Башне.

— Вы трое, догнать и добить, — начала отдавать распоряжения Фриз, которая, похоже, пользовалась тут непререкаемым авторитетом. — Вы сопроводите наших юных гостей в портал, и не вздумайте применять силу.

Двое магов направились к застывшим от ужаса друзьям, пока остальные суетились вокруг Эльзы Фриз, деловито отдававшей приказы и по всем признакам собирающейся обосноваться в Храме надолго.

— Теперь помогите мне перенести в портал этого голема, — сказала Фриз, указав на лежащее на алтаре тело.

Со стороны выхода, где только что скрылись трое магов, послышался истошный вопль, который резко оборвался.

— Остибус ин Темпло! — последовал за этим утробный рев, сменившийся тяжелыми шагами глиняных ног по мраморным ступеням Храма.

Из темного проема выкатился один из отправленных Эльзой Фриз магов. Его правая рука была вывернута под кошмарным углом, лицо заливала кровь.

— Там… голем… — прохрипел он за миг до того, как темная фигура появилась в проеме. Маг взвизгнул, когда голем с силой опустил ногу на его грудную клетку, ломая ребра, как спички. Последняя конвульсия, и страшно изуродованное тело осталось лежать среди обломков мрамора, черных от крови в голубоватом свете Люмоса.

— Любой ценой задержите стража! — побледнев, приказала Эльза Фриз и вытянула руки в направлении алтаря. Лежащий на нем безжизненный голем плавно поднялся в воздух и полетел к порталу. Даже издали Гарри разглядел капли пота, проступившие на лице бывшей просвещенной.

Страж Храма с разгона врезался в силовой щит, выставленный магами, заставив их отшатнуться. Щит выдержал, но по выражению лиц чародеев было ясно, что долго это не продлится. Голем взревел и нанес тяжелый удар кулаком в полупрозрачную пелену, отгородившую его от магов. Пелена дрогнула и померкла.

— Гарри! Гермиона! Немедленно ко мне! — не терпящим возражений тоном бросила Эльза Фриз, закончив транспортировку неактивного голема. — Идите добровольно, или я…

— Или что? — насмешливо спросил Квиррелл, появившись в проходе.

Он все еще казался обессиленным, кровь стекала по его рассеченному лбу, но по выражению лица профессора Гарри понял, что соотношение сил изменилось. И не только благодаря голему. Следом за ним вошел Альбус Дамблдор и встал рядом. За ним, один за другим, стали заходить преподаватели Айзентурма.

Мастер артефакторики Генрих Крюгер вошел и недобро усмехнулся, взглянув исподлобья на пятящихся под натиском голема противников. У него из-за спины выплыл металлический шар, ощетинившийся иглами. Зельда Штейн вошла своей обычной походкой модели. Багровые молнии, змеившиеся в ее ладонях, с этим образом гармонировали плохо. Цао Шу появилась рядом с Гарри, как обычно, заставив его и Гермиону подскочить от неожиданности, и, не сказав ни слова, прикрыла ребят топологическим барьером. Даже древняя, как сама смерть, Августа Кох, помедлив у порога, ступила на изломанный пол Храма.

Страж Храма, сделав широкий замах, вновь обрушил тяжелейший удар на

выставленный магами Аненербе щит, и на сей раз он не выдержал, с прощальной вспышкой растаяв в воздухе. В то же мгновение металлический шар над головой Крюгера выплюнул с десяток игл, накрывших вражеских чародеев стальным дождем. Пятеро из них со стонами повалились на пол, обливаясь кровью. Дамблдор взмахнул палочкой, отправив в бессознательное состояние еще нескольких. Молнии, выпущенные Зельдой Штейн и Квиринусом Квиреллом, скрестились на остатках отряда Аненербе, и немногие из выживших к этому моменту с криками боли покатились по полу.

Эльза Фриз, сжав зубы, выдернула иглу из предплечья и, обернувшись к застывшим от шока друзьям, проговорила:

— В другой раз, Гарри.

Она шагнула в портал, который захлопнулся за мгновение до того, как осатаневший голем достиг его.

— Остибус эт мортуус, — пророкотал Страж Храма и, развернувшись, зашагал к выходу.

Квиррелл, прихрамывая, подошел туда, где в груде искалеченных тел лежал его истерзанный тюрбан. На заляпанном кровью фрагменте фиолетовой ткани еще можно было разобрать буквы: «...и доброму другу Квири...». Профессор поднял остатки своего головного убора и, чертыхнувшись, пробормотал: «Репаро!» Критически оглядев результаты экспресс-починки, и, судя по выражению лица, не слишком удовлетворившись плачевным видом изделия, он кое-как водрузил его себе на голову. Затем, обернувшись к Гарри, которого до сих пор трясло мелкой дрожью, криво ухмыльнулся и проговорил:

— Вот такие в Айзентурме зимние каникулы, мои дорогие ученики. Привыкайте.

Альбус Дамблдор, оглянувшись на Квиррелла, подошел к ним и, наткнувшись на их откровенно враждебные взгляды, тяжело вздохнул и опустил голову. Потом, помолчав, взглянул Гарри в глаза и сказал:

— Да, я заслужил ваше отношение, и теперь вряд ли смогу искупить свою вину. Но прежде чем вы вернетесь в Айзентурм, я должен кое в чем признаться...

Он замолчал, не решаясь продолжить.

— Продолжайте уж, директор, — произнес Квиррелл. — Они за эти дни через такое прошли, что вряд ли вы их впечатлите.

— Тот шрам, который был у тебя на лбу, Гарри... — вновь заговорил Дамблдор, — его оставил не Волдеморт. Это сделал я.

Часть III. Черное Солнце

«Недочеловек — это биологически на первый взгляд
полностью идентичное человеку создание природы
с руками, ногами, своего рода мозгами, глазами и ртом.
Но это совсем иное, ужасное создание. Это лишь подобие
человека, с человекоподобными чертами лица, находящееся
в духовном отношении гораздо ниже, чем зверь».
(Генрих Гиммлер)

«Индивидуальность — это пламя, а не камень; форма,
а не материальное наполнение. Эта форма может быть
передана по каналам связи, изменена или скопирована».
(Норберт Винер)

Глава 1. Дежа вю

— Алхимия может рассматриваться как обобщение химии, — резким скрипучим голосом говорила Августа Кох, вонзив немигающий взгляд белесых глаз в центр класса, где сидела поникшая Эрика, — а никак не ее отрицание. Поэтому к ней относятся все химические закономерности, хорошо знакомые маглам и, увы, отвратительно знакомые традиционным алхимикам, вообразившим, что живут в другом мире.

— Но, просвещенная Кох, — сделала робкую попытку возразить Эрика, — я же просто…

— Вы просто игнорируете целую научную дисциплину при планировании синтеза, — повысила голос просвещенная. — Мы две недели прошлого семестра посвятили вопросу защиты функциональных групп. И вдруг я вижу, как вы льете кровь дракона, напичканную свободными радикалами, в экстракт черного померанца. Что, по-вашему, произойдет в итоге? Или вы решили, что при использовании природного сырья можно всем этим пренебречь?

— Я просто хотела приготовить состав для связывания гиперферментов дракона с человеческой цитохромной системой, аналог постоянно действующего заклинания Анапнео… — поспешно начала объяснять Эрика, цитируя текст задания.

— А в результате получили вязкую коричневую бурду, безнадежно испортив оба компонента, — безжалостно отозвалась Кох, — из-за окисления незащищенного альфа-нафтола, который превратился в нафтохинон и вызвал цепную полимеризацию. Вам всего-то нужно было позаботиться о предварительной этерификации…

Гарри тяжело вздохнул, слушая, как Августа Кох, не сбавляя оборотов, разносит несчастную Эрику в пух и прах, и мысленно поблагодарил свою медлительность: еще пять минут, и он бы повторил ту же ошибку. Гермиона, сидевшая рядом, невозмутимо выполняла защиту фенольных групп от окисления, и ничто в ее облике не напоминало о том, что только пару дней назад она побывала в нескольких смертельных сражениях. Ее барьер, построенный из книг, исследований и постоянного интеллектуального саморазвития, оставался все столь же мощной защитой от любых посягательств внешнего мира на хрупкое и ранимое «я», заключенное в телесной оболочке.

К сожалению, посягательства самого Гарри оставались столь же тщетными: Гермиона словно бы вообще не замечала его робких намеков и попыток перевести их отношения на более высокий уровень. Он уже дважды попытался выполнить данное самому себе обещание и рассказать ей о своих чувствах, но всякий раз, натыкаясь на удивленный и отчаянно невинный взгляд Гермионы, замолкал на полуслове. С чувством легкой досады Гарри поймал себя на мысли о том, что его самого начинают устраивать их странные отношения: эта пронизанная нежностью с обеих сторон дружба и вечная недосказанность.

Как долго это продлится? В прошлом ему неоднократно казалось, что они переступили размытую черту, отделяющую «просто друзей» от чего-то большего, но каждый раз что-то происходило, обрушивая на их головы одно испытание за другим. А теперь еще Дамблдор… Гарри мысленно перенесся в

Храм Творения, на место самой кровавой магической битвы, которую ему довелось видеть. Альбус Дамблдор, директор Хогвартса, человек, которого Гарри едва ли не с первого дня их знакомства воспринимал своим личным ангелом-хранителем, добавил к своей и без того противоречивой биографии новый штрих. Не то, чтобы Гарри был страшно удивлен, особенно после разговора с Квиррелом в поезде. И все же одно дело подозревать, а другое — все услышать собственными ушами, еще не отойдя от шока.

«Я долгие годы сотрудничал с Аненербе, Гарри, — сказал ему тогда директор. — После смерти Гиммлера и окончания Второй мировой войны я на какое-то время поверил, что остатки организации отошли от своих нацистских корней и сосредоточились на том, что декларировали своей высшей целью. Поиск утерянных знаний. Постижение истоков магического мастерства. Изучение глубокой древности. Очень немногие знали о том, что я помогал им, за что они делились со мной добытыми знаниями. Но потом… Потом все изменилось».

И вот как реагировать на подобные откровения? Вроде бы знаешь человека несколько лет, причем исключительно с хорошей стороны. Доверяешь ему, отмахиваешься от слов тех, кто пытается его очернять… И вдруг тебе демонстрируют целое семейство скелетов в шкафу, причем именно в тот момент, когда ты нуждаешься в том, чтобы хоть кому-то верить, не подозревая во всех окружающих вражеских агентов. Родной Хогвартс, о котором он привык вспоминать с теплом, теперь приобрел иную окраску.

— Вы меня слушаете, мистер Поттер?

Гарри вскинул голову, встретившись взглядом со стоявшей прямо перед ним Августой Кох, которая по своему обыкновению излучала в окружающий мир высшую степень раздражения.

— П-простите? — запнувшись, переспросил он.

— Следите за температурным режимом, — прокаркала просвещенная, ткнув обтянутым желтой кожей иссохшим пальцем в закрепленный на штативе термометр, кончик которого был погружен в реакционную смесь. — Если не хотите, чтобы получилось, как у фрейлейн Майснер в прошлом году… Кстати, где она? Не очень разумно пропускать лабораторные занятия с ее оценками на экзамене.

Гарри машинально обернулся в сторону парты, за которой обычно сидела Урсула, но сейчас увидел только ее пустующий стул. По спине со скоростью мухоловки пробежала волна мурашек от мимолетного узнавания: он уже был в подобной ситуации раньше. Рука сама собой потянулась ко лбу, где мгновенной фантомной болью отозвался уже не существующий шрам… Да, он по-прежнему думал о нем, как о шраме, даже после того, как узнал правду.

«В 1957 году Том Реддл пришел ко мне проситься на должность преподавателя, — вновь зазвучал в его голове тихий голос Дамблдора. — Он уже тогда почти утратил человеческий облик, и я совершил одну из худших ошибок в своей жизни. Я свел его с Аненербе, надеясь, что их древние техники позволят помочь юноше, вытащить из трясины, в которую он сам себя загнал. Но в результате он узнал от них местонахождение этого Храма, а они… Они получили то, чего им не мог и не хотел дать я. Смертельное оружие».

Квиррелл тогда едва не прервал их разговор, и его можно было понять: каждая минута нахождения за пределами Айзентурма — порция воды на мельницу Аненербе. Старые враги могли найти способ атаковать вновь, заполучив не только «имеющего власть», но и все добытые в Пещере Матерей рукописи. Гарри настоял на том, чтобы дослушать объяснения Дамблдора, и не пожалел. Как минимум часть того, что происходило в его жизни, приобрела смысл.

Однако сейчас что-то происходило вокруг погруженного в свои мысли Гарри, и он с трудом отвлекся от той сцены в Храме Творения, которую раз за разом проигрывал в своем сознании с момента возвращения в Айзентурм.

— Я понятия не имею, — говорил Курт, разводя руками. — Встретил ее сегодня утром до занятий, она вышла из библиотеки и направилась куда-то в сторону выхода из Башни. Выглядела абсолютно нормально, поздоровалась…

Он запнулся и умолк, закусив губу. Температура в классе словно бы понизилась на десяток градусов: Гермиона поплотней закуталась в учебную мантию, во все глаза глядя на Курта.

— Опять? — вырвалось у Гарри.

— Не спешите с выводами, мистер Поттер, — осадила его Августа Кох. — До конца занятия двадцать минут, потом я сообщу в ареопаг. Возможно, ничего не случилось, и Урсула просто прогуливает.

— Просвещенная, нужно сообщить прямо сейчас, — тихо, но твердо ответил Гарри. — Возможно, ей угрожает опасность, и она ждет помощи. Каждая секунда может оказаться решающей.

Просвещенная Кох поджала и без того тонкие бесцветные губы, потом, вздохнув, произнесла:

— Занятие окончено. Заканчивайте синтез, образцы подпишите и оставьте на столе. Ханс Вайшротт, проследите за порядком и закройте лабораторию.

Едва она вышла за порог, все вскочили: о незаконченном синтезе не могла думать даже Гермиона, в глазах которой читалась тревога не меньше испытанной ими на острове Вен. Гарри остался сидеть, опустив голову. Он честно старался не питать иллюзий. Он знал, что Аненербе никогда не отступится от своей цели, и рано или поздно нанесет новый удар. Но так скоро?

— Если мы не сможем найти Урсулу, — проговорил он наконец, — нам нужно найти Аненербе. Найти и уничтожить.

— Что?.. — переспросил Курт, до этого активно участвовавший во всеобщем галдеже.

— Я надеюсь, что с Урсулой все в порядке, — сказал Гарри, поднимаясь на ноги, — но так или иначе, мы не можем и в дальнейшем терпеть существование Аненербе. Они знают о нас все, благодаря Эльзе Фриз. Мы не знаем о них почти ничего. Не знаем, кто ими руководит, где их штаб-квартира и что они планируют делать.

Его слушали в мертвом молчании, внимая каждому слову. Их с Гермионой

приключения на каникулах в первый же день нового семестра стали известны всем и каждому, в результате чего сомнительный ранее авторитет бывших учеников Хогвартса взлетел до небес даже среди преподавателей. Здесь определенно ценили умение добиваться практических результатов, преодолевать препятствия и побеждать — и кто мог отказать им в факте победы, пусть и частичной?

Всеобщее внимание некогда тяготило Гарри, выросшего у Дурслей под лестницей и вечно находившегося на третьих ролях. Однако сейчас он воспринимал его как должное, и не чувствовал по этому поводу ничего, кроме слабого удивления от произошедшей в нем перемены. Важно было то, что новое положение дел определенно сыграет ему на руку: теперь не придется тщетно доказывать свою правоту — достаточно просто озвучить мнение. Единственный из учеников, кто теперь может всерьез ему возразить, — это…

— Исчезновение Урсулы, возможно, никак не связано с Аненербе, — негромко сказала Гермиона.

— Возможно, — согласился Гарри. — Но это ничего не меняет. Я… я поговорю с Вейсгауптом.

Вейсгаупт выглядел в точности таким же, каким Гарри его запомнил: возникало даже впечатление, что он — самая неизменная часть Башни, квинтэссенция стабильности и порядка, пусть даже порой пугающая. Утонувший в массивном экзоскелете, интегрированном в систему жизнеобеспечения, глава ордена хранил молчание, пока Гарри излагал ему суть дела. Ни единой эмоции не отражалось на этом бесстрастном лице, напоминающем больше пластиковую маску и отчасти, возможно, действительно бывшем ею. Наконец губы Вейсгаупта пришли в движение, и он проговорил:

— Я понимаю суть вашего предложения, Гарри. Просвещенный Квиррелл вынес ровно то же самое на обсуждение ареопага сразу же после вашего триумфального возвращения в академию. Ареопаг принял решение собрать дополнительную информацию, прежде чем предпринимать активные шаги.

— Неужели мы просто будем ждать и ничего не делать? — возмущенно спросил Гарри. — Они в любой момент могут атаковать снова. Всем ученикам, покидающим Сумрак, угрожает опасность. И не только ученикам. Любого из наших могут убить или наложить на него Империус. Это уже происходит! Вначале фрау Вундерлих, теперь Урсула…

Глава ордена невозмутимо выслушал этот яростный выпад, после чего, не меняя интонации, все столь же спокойно ответил:

— Мы всего лишь не намерены атаковать сейчас, когда у нас нет достоверной информации о расположении их командного центра и прочих стратегически важных целей. Однако вы ошибаетесь, если полагаете, что мы вообще ничего не делаем в ответ на угрозу.

— А это не так?

— Это не так. Сожалею, Гарри, но есть категория информации, которая не

обсуждается за пределами ареопага. Однако я могу сказать, что с момента вашего возвращения мы организовали несколько разведывательных операций и ограничили выход за пределы Сумрака всем, кто не имеет установленного идентификационного импланта. То есть никто из учеников, кроме вас, мисс Грейнджер и еще нескольких старшекурсников, не может выйти в опасную зону.

— Но как же Урсула? У нее нет импланта!

— Судя по всему, она тоже не выходила. Мы расследуем ее исчезновение и, полагаю, ситуация вскоре благополучно разрешится. Что же касается Софи Вундерлих, то просвещенная Герда Краузе сообщает, что жизни ее пациентки уже ничего не угрожает. Вчера она вышла из комы, и, возможно, вам позволят навестить ее.

Это была первая радостная новость за сегодня, и Гарри немного расслабился. Вплоть до возвращения в академию он был уверен, что эта милая хозяйка кафе погибла, сообщая ему путь к отступлению, отчего не мог избавиться от чувства вины за ее смерть. Теперь же, после известия о том, что она выжила и сейчас идет на поправку, на душе у него стало заметно легче. Однако был еще один человек, чьей судьбой Гарри все так же был обеспокоен.

— Удалось ли узнать что-нибудь об Эрше Ширмане? — спросил он.

— К сожалению, ничего определенного. В синагоге его больше не видели, в его квартире никого. Соседи о нем мало что знают, о его родственниках тоже ничего не известно. Удалось также найти описанное вами место сражения. Бетонный блок весь изрыт пулями, рядом — следы крови как минимум трех человек.

Крови! Неужели Эрше погиб в тот день? Гарри, почувствовав тугой комок в горле, с усилием сглотнул и упавшим голосом спросил:

— Нельзя ли по крайней мере послать кого-нибудь на базу Аненербе рядом с Копенгагеном? Там установлен портал, подключенный к их всеобщей сети. Оттуда наверняка можно попасть и в командный центр.

— Вчера пришло сообщение от разведывательной группы. База, о которой вы сообщили, демонтирована, портал уничтожен. Теперь это просто старый бункер. Поэтому вынужден повторить: мы нуждаемся в дополнительной информации, и мы ее получим. Уверяю вас, Гарри, это не первый кризис, с которым сталкиваются иллюминаты. Мы справимся и сможем защитить вас.

Возразить на это было нечего. Гарри, попрощавшись с главой ордена, нехотя развернулся и вышел за дверь, сразу же попав под прицел доброго десятка пар глаз, обращенных к нему в выжидательном внимании. Он лишь покачал головой и развел руками.

— Продолжаем ждать, — проговорил он и, нахмурившись, обвел взглядом собравшихся сокурсников. — Кто-нибудь видел Гермиону?

— Она сказала, что сходит в библиотеку, — ответил Ханс. — Хотела что-то проверить насчет Урсулы.

Гарри кивнул и, ничего не ответив, быстрым шагом двинулся в сторону

библиотеки. Им овладела странная тревога, у которой не было видимой причины: в конце концов, библиотеку Айзентурма сложно счесть опасным местом. И все же ему не давала покоя брошенная Куртом фраза. «Она вышла из библиотеки и направилась куда-то в сторону выхода», — сказал тот. Если Гермиона решила организовать собственное расследование, и теперь идет по стопам Урсулы, не попадет ли она в итоге в ту же ситуацию?

В библиотеку он вошел, изрядно запыхавшись. Эльф-библиотекарь мирно дремал за столиком. Несколько старшекурсников в глубине читального зала сосредоточенно перелистывали страницы лежавших перед ними книг и научных журналов, время от времени переписывая что-то в свои конспекты. Гермионы в пределах видимости не было, отчего его беспокойство разом усилилось.

— Прошу прощения! — громко обратился он к эльфу, отчего тот испуганно подскочил на стуле, а двое из работавших в зале учеников недовольно обернулись на его голос. — Сюда недавно приходила ученица седьмого курса, Гермиона Грейнджер. Она все еще здесь?

Библиотекарь энергично закивал, но потом не менее резво отрицательно замотал головой, порядком озадачив Гарри.

— Фрейлейн приходить сюда. Читать книгу вон там и не вернуть ее на место, — недовольно проговорил эльф, указав в направлении ближайшего столика в читальном зале, на котором Гарри и впрямь разглядел одиноко лежавшую книгу, раскрытую на середине. — Потом фрейлейн вскочить и убежать.

Гарри рванулся было к двери, но затем, помедлив, подошел к столику с книгой. Осторожно протянув руку, как будто это был экземпляр «Чудовищной книги» Эдвардаса Лима, он перевернул ее и взглянул на обложку. На ее потертой поверхности все еще можно было разобрать рельефные буквы: «Дитрих Майснер. Каббалистика и пролегомены антропософии». Пролистав несколько хрупких пожелтевших страниц, испещренных нудными рассуждениями о природе человеческого духа, он пожал плечами, положил книгу на стол и вернулся к двери. Когда он закрывал ее за собой, до него донеслось раздраженное ворчание эльфа, сетовавшего на учеников, не умеющих обращаться с книгами должным образом и бросающих ценные экземпляры где попало.

Почти бегом проскочив через весь главный холл и отмахнувшись от столпившихся сокурсников, обративших к нему заинтересованные взгляды, Гарри открыл входную дверь и, едва сделав шаг за порог, нос к носу столкнулся с Гермионой в компании профессора Квиррелла. Должно быть, его встревоженный вид не остался незамеченным, поскольку Гермиона, нахмурившись, сделала шаг навстречу и спросила:

— Что-то случилось, Гарри?

— Да, что-то случилось, — ответил он с внезапно нахлынувшим раздражением. — Ты пропала вслед за Урсулой, и я уже успел подумать невесть что.

— Господи, Гарри, да я просто искала профессора! — ответила она, указав взглядом на Квиррелла. — Ты не представляешь, что я только что обнаружила в библиотеке.

— Представляю. Какую-то унылую книгу про каббалистику.

— Так ты уже был там? Ты обратил внимание на имя автора?

— Мельком, — пожал плечами Гарри. — А что в нем такого особенного?

Гермиона закатила глаза, как видно, поражаясь его дремучести, и, взяв Гарри за локоть, потащила его за собой. Профессор Квиррелл, на протяжении всей этой сцены бесстрастно ожидавший ее окончания, без каких-либо комментариев пошел за ними следом.

Эльф-библиотекарь разразился новой порцией ворчания, услышав, что они опять желают взглянуть на ту же самую книгу и, не переставая потчевать их правилами обращения с раритетными изданиями, провел их к стеллажу, куда уже успел вернуть предмет их интереса. Держа книгу в обеих руках, он бережно протянул ее к ним, сопровождая этот жест строгим взглядом исподлобья. Гермиона взяла ее в руки и указала пальцем на имя автора.

— Читай, Гарри.

— Ну Дитрих Майснер. И что в этом… — он умолк и снова вгляделся в полустертые буквы. — Майснер? Это же ее фамилия! Автор — ее отец?

— Год публикации — 1928, — ответила Гермиона, открыв титульную страницу. — Тогда, возможно, даже ее дед еще не родился.

— Это ее прадед, — вмешался Квиррелл. — Вы правы, мистер Поттер, его сочинения — редкостная околофилософская муть с нулевой практической ценностью. Хотя они и достаточно известны в определенных кругах. Что вас заинтересовало в этой книге, мисс Грейнджер?

Гермиона решительно направилась к одному из столов в читальном зале и уселась за него, положив книгу перед собой.

— Курт сказал, что сегодня утром видел Урсулу выходящей из библиотеки, — заговорила она, когда они разместились напротив. — Мне стало интересно, что она там делала, и не могло ли это быть связанным с происшествием. И похоже, что я оказалась права. Библиотекарь нашел в базе посещений ее имя и сообщил, что конкретно она читала, так что я решила просмотреть эту книгу сама.

— Надо будет сделать внушение этому эльфу относительно принципов приватности, — изобразил недовольную гримасу Квиррелл. — Личная информация разглашается только по требованию ареопага.

— Ну, в нашем случае его беспечность ускорила дело, — пожала плечами Гермиона. — Мне не пришлось долго искать, Урсула оставила закладку. В самом начале, во введении. Смотрите на этот абзац.

Гарри пробежался взглядом по странице, на которой автор клял западную культуру за игнорирование духовного наследия предков, и остановился на фрагменте текста, который привлек внимание Гермионы. Ничем примечательным он на первый взгляд не выделялся, но Гарри, в памяти которого еще жива была эпопея с кодом Гёте, внимательно прочел его, обращая внимание на каждое слово:

«Научная мысль Запада движется по пути предельного обезличивания исследователя, ставя это положение дел в принцип и полагая его высочайшим достижением. Многочисленные адепты этого объективистского подхода не осознают, что глубочайшие тайны бытия доступны только при деятельном участии личностной составляющей познающего субъекта и нередко заключены в нем самом. Что осталось бы от моих собственных прозрений, не будь я персонально знаком с выдающейся личностью, владевшей знанием об истинной природе жизни и Космоса, чья фотография и поныне хранится внутри нашего фамильного медальона, напоминая мне о пережитом моменте прикосновения к высшей реальности?»

— Гермиона, я знаю, что кажусь тебе тупицей, — сказал Гарри, — но я не вижу в этом ничего, что могло бы заставить Урсулу пропасть без следа.

Он оглянулся на Квиррелла, который казался озадаченным не меньше его. Однако уже через секунду взгляд профессора вспыхнул, и на его лицо вернулась привычная ухмылка.

— Фамильный медальон, значит, — протянул он. — Который наверняка был передан Урсуле по наследству после смерти ее отца. Это было около четырех лет назад, насколько мне известно. Полагаете, что она пошла взглянуть на фотографию, мисс Грейнджер?

— Уверена в этом, — безапелляционно заявила Гермиона. — Думаю, она вообще не знала, что внутри медальона что-то есть, просто хранила его в память об отце.

— Не уверен, что это имеет отношение к ее исчезновению, но гипотеза прелюбопытная, — задумчиво проговорил Квиррелл. — Я подам запрос в ареопаг, и нам позволят сделать обыск в ее квартире. Посмотрим, что такого в этой таинственной фотографии.

Как и прочие идеи Гермионы, обнаруженная ею связь казалась в высшей степени логичной, однако что-то во всем этом не сходилось. Поначалу Гарри не мог понять, что его не устраивает в таком объяснении, но потом, вернувшись мыслями к тому, что говорилось на занятии Августы Кох, он вспомнил.

— Подождите, — медленно произнес он. — Курт сказал, что Урсула шла из библиотеки к выходу. Но разве она не живет в Башне? Зачем ей покидать Айзентурм, чтобы взглянуть на медальон?

Гермиона нахмурилась: как видно, возражение показалось ей резонным. Гарри не сумел сдержать улыбки: не часто ему удается обнаружить ошибку в ее рассуждениях. Однако профессор тут же испортил момент его и без того не слишком заметного триумфа.

— Она действительно постоянно живет в Башне, как и все остальные ученики. Однако ее отец, после того, как передал нам массу ценнейшей информации из ведения Аненербе, переселился из внешнего мира в пара-Ингольштадт — там он был в безопасности… как мы считали. Его квартира со всем имуществом до сих пор там, и Урсула время от времени может ее посещать.

— Ее отец был связан с Аненербе? — удивленно спросил Гарри, когда они

покинули библиотеку.

— Не то, чтобы связан… — начал было Квиррелл, но тут же был прерван подбежавшим Хансом, их старостой.

— Профессор! — воскликнул он, по своему обыкновению почтительно склонив голову. — Гарри! Вы уже знаете? Они нашли Урсулу.

— Где? — вскинула на него взгляд Гермиона.

От внимания Гарри не укрылась легкая досада, промелькнувшая на ее лице: ей не позволили раскрыть тайну самостоятельно.

— Она лежала на полу в жилом корпусе, в самом конце коридора. Туда обычно никто не забредает, а искали до этого в основном за пределами Башни.

— Лежала? — упавшим голосом спросил Гарри. — Значит она… умерла?

Ханс покачал головой.

— Потеряла сознание, но жива. Ее отнесли в медицинский корпус.

— При ней не было медальона? — невозмутимо осведомился Квиррелл, но Ханс в ответ только развел руками.

Волнение Гарри немного улеглось. Может быть, он все же был неправ, и кошмар на сей раз даже не думал возвращаться. Он успел подумать, что они лишились Урсулы, а потом и Гермионы, но обе девушки оказались в целости и сохранности, а происшествие — не стоящим и выеденного яйца. Вероятно, Урсула до сих пор переживает из-за гибели отца, и вид его медальона довел ее до обморочного состояния… «На целый день?» — ехидно осведомился его внутренний голос с нотками профессора Квиррелла. Гарри отмахнулся от него. В конце концов, она может чем-то болеть. Или потерять сознание недавно, а до этого скрываться от всех в дальнем уголке Башни и депрессировать — у подростков такое нередко.

Из-за поворота вышла Герда Краузе в больничном халате и, завидев Квиррелла, направилась к нему.

— Ханс уже сообщил вам, просвещенный? — спросила она. — Нам удалось привести девочку в чувство. Вот только…

— Что? — вновь забеспокоился Гарри.

— У нее селективная форма амнезии. Она не помнит ничего с сегодняшнего утра. И еще, в руке она сжимала это.

Герда Краузе протянула висевший на цепочке серебряный медальон круглой формы, на откинутой крышечке которого Гарри увидел уже знакомый ему символ Черного Солнца. Внутри медальона не было ничего.

Глава 2. Para bellum

— Вингардиум Левиоса! — воскликнула Гермиона, взмахнув палочкой, — так же, как тогда, у Староновой синагоги.

Гарри взмыл в воздух, и, не теряя времени, ударил парализущим заклятием по Курту, притаившемуся за блоком, где тот никак не ожидал атаки сверху. Едва успев выставить Протего против ответного залпа сразу с двух сторон, Гарри опустился вниз и быстро проговорил:

— Эрика подходит спереди, Ханс и Герда обходят с левого фланга. Остальные, похоже, караулят проходы. Начнем с Эрики?

— Лучше используем обманку, — улыбнулась Гермиона, и Гарри понимающе кивнул.

Они отбежали назад и, притаившись за укрытиями, стали ждать подхода противников. Долго ждать им не пришлось, а экспресс-разведка местности, произведенная Гарри, дала свои плоды. Эрика, Ханс и Герда одновременно выскочили из-за расставленных коробов, причем последние двое, похоже, решили и на этот раз быть напарниками.

— Протего Дуо! — выкрикнула Герда, накрывая щитом себя и Ханса.

— Ступефай! — одновременно с ней воскликнул Ханс, и из кончика палочки, которую он держал в руках, вырвался поток красного света. Свет прошил насквозь призрачную фигуру Гермионы, которую она предусмотрительно оставила, покидая территорию, — обманка сработала, выманив атакующих из укрытия.

Эрика атаковать уже не успела — парализующее заклятие, нанесенное настоящей Гермионой из укрытия, вывело ее из игры раньше, чем она сообразила, что пытается напасть на иллюзию. Ханс замешкался на какую-то секунду, но эта секунда оказалась фатальной. Когда староста развернулся в сторону атаки, Гарри нанес телекинетический удар, вытолкнув его из-под щита, выставленного Гердой, и повалив на пол. Подняться на ноги Ханс уже не успел: его настигло второе парализующее заклятие Гермионы.

Герда, ошалев от той скорости, с которой покидали поле боя ее союзники, попыталась спрятаться за подвернувшийся короб, изо всех сил удерживая исчезающий щит Протего. Тщетно: в следующее мгновение короб покатился прочь от очередного телекинетического удара, а Гермиона довершила расправу над последним участником захлебнувшейся атаки.

— Когда ты успела освоить создание проекции? — спросил Гарри шепотом.

— Перед поездкой на остров Вен, — так же тихо отозвалась Гермиона.
— Профессор Квиррелл научил меня.

— Здорово. Это же материал старших курсов!

— Так же, как телесный Патронус и прямой телекинез, — вновь улыбнувшись, ответила Гермиона. — однако тебя это не смущало год назад, когда ты разгонял

стаю дементоров.

С правой стороны послышался едва различимый шорох, и Гарри, бросив на Гермиону многозначительный взгляд, скользнул за ближайший короб, пытаясь определить источник звука. Им зачастую уже не требовалось координировать свои действия вслух: в ходе предшествующих тренировок они выработали уйму стандартных схем парного взаимодействия, которые теперь активно применяли. Гарри был спокоен за подругу: не глядя в ее сторону, он знал, что сейчас она пытается обойти противника с левого фланга, пока он движется в лобовую атаку.

Осторожно перемещаясь от одного укрытия к другому, он старался уловить любые тени и отблески на гладких поверхностях расставленных препятствий, однако пока ничего не привлекало его внимания. Вот только этот тихий скребущий звук… Звук вновь повторился, но что-то в нем показалось Гарри странным. Если его чувства не лгали, противник находился позади массивного высокого короба, возвышавшегося прямо по курсу, периодически издавая шорохи, но больше ничем себя не проявляя. Гарри сконцентрировался и попытался мысленно дотянуться до него сквозь пространство, как неоднократно делал это на занятиях Цао Шу. В отсутствие визуального контакта задача оказалась на редкость сложной, заставив его вспотеть от мысленного усилия. Результаты обескуражили: за коробом не было никого.

Пытаясь удержать концентрацию, Гарри сдвинул точку восприятия ниже, предположив, что затаившийся за препятствием человек лег на землю, чтобы атаковать с нижнего уровня. Что-то холодное и гладкое скользнуло по его ментальным пальцам, и это не было человеком. Оно вообще не было живым. Проклятый артефакт! Хироко подсунула ему обманку, как они сами только что провернули это с троицей нападавших. А это значит, что сама она где-то…

— Ступефай! — послышался возглас с правой стороны.

Тренированные рефлексы бросили его на пол, и луч заклинания пронесся над его головой, заставив волосы встать дыбом, а кожу черепа — онеметь, как от инъекции новокаина. Гарри попытался произнести защитную формулу, чтобы предотвратить следующий удар, но обнаружил, что онемевшие губы его не слушаются. Почти одновременно рядом с Хироко появился Саран — последний из противников.

Индиец заметно изменился за последние недели. Пытаясь загладить перед преподавательским составом свою прошлогоднюю выходку, он с первых же дней второго семестра учился, как одержимый, тренировался на износ и посещал все дополнительные курсы, на какие у него хватало времени. Это не замедлило сказаться на его успехах в магии, однако сделало его и без того неустойчивый характер совершенно невыносимым.

— Ступефай! — злобным эхом рявкнул Саран, отправив в лицо Гарри луч яркого красного света… который отразился от мерцающей поверхности щита и ударил в короб рядом с Сараном, заставив того юркнуть за укрытие.

— Ты в порядке? — спросила Гермиона, припавшая к земле рядом с Гарри.

Он молча кивнул и поднялся на ноги, не отрывая взгляда от нагромождения препятствий, за которыми скрылись Хироко и Саран. Если эти двое хоть что-то

понимают в тактике, их там уже нет — они пробираются за коробами, намереваясь атаковать с неожиданной стороны. Гарри был далек от того, чтобы недооценивать противника. Но и в панике кидаться в укрытие, уступая контроль над территорией, — так себе идея. Он поднял палочку на уровень глаз, стараясь улавливать периферийным зрением любое движение. Гермиона молча встала позади него, развернувшись спиной, чтобы мониторить пространство с другой стороны. Гарри осторожно шагнул по кругу влево, сместив направление взгляда. Гермиона ответила тем же, сохранив идеальную осевую симметрию. И еще раз. И еще.

За одним из препятствий мелькнула мантия Сарана, и Гарри в ту же секунду ударил заклятием. Саран вновь скользнул за короб, а Гарри, отклонившись назад, на мгновение уперся в спину Гермионы. От этого легкого прикосновения по его телу теплой волной прокатилось умиротворение. Невольно он расслабился. Учебная битва вдруг показалась ему детской забавой, не стоящей серьезного отношения. Зачем ждать, в самом деле, если он может закончить сражение за считанные секунды? У противника больше нет численного перевеса, а уж один на один с любым из них справиться нетрудно.

Гарри, сконцентрировавшись, мысленно дотянулся до пространства за коробом. Сарана там уже не было. Не теряя концентрации, он проверил следующее укрытие и почти сразу ощутил присутствие человека. Последний пришел в движение, собираясь сменить укрытие, но, конечно, не преуспел. Легкий телекинетический нажим — и в ту же секунду из-за короба выкатилась потерявшая равновесие Хироко, угодив прямо под удар заготовленного парализующего заклинания. Из ее руки выкатился металлический цилиндр — вероятно, еще один заготовленный артефакт, которым она так и не успела воспользоваться.

— Где же Саран? — вполголоса пробормотал Гарри, делая очередной шаг влево.

Ему подумалось, что со стороны они с Гермионой здорово напоминают кружащуюся в танце пару с той лишь разницей, что смотрят они не друг на друга, а в противоположных направлениях. Эта мысль заставила его улыбнуться, но он тут же приказал себе не отвлекаться: Саран — злобный паршивец, и с удовольствием воспользуется любой мимолетной слабостью противника, чтобы атаковать. Нет, даже не так. Злобный и опасный паршивец, вот что важно.

— Пока никого не вижу, — столь же тихо отозвалась Гермиона. — Будь осторожен. Он наверняка что-то замышля…

— Акцио сонатор! — раздался сзади крик Сарана.

Металлический цилиндр, валявшийся рядом с Хироко, сорвался с места и понесся прямо в грудь Гарри.

— Ложись! — крикнул он Гермионе, одновременно с силой откинувшись назад, чтобы повалить ее на пол.

Она вскрикнула, ее острые лопатки впились ему в спину, а затем цилиндр на полной скорости врезался Гарри в правое плечо. Что-то хрустнуло, и руку пронзила адская боль. Пальцы сами собой разжались, выпустив палочку, и Гарри со сдавленным стоном повалился на пол. С усилием развернувшись, он увидел,

как вышедший из укрытия Саран с ухмылкой направил палочку в сторону пытающейся подняться на ноги Гермионы.

Гарри рассвирепел. Хуже того: он ощутил мгновенный приступ всепоглощающего гнева. Этот гаденыш имел все шансы, если не убить, то серьезно изувечить его или Гермиону. И, черт возьми, с рук ему это не сойдет.

— Ступефа… — успел проговорить Саран до того, как металлический короб, снесенный телекинетическим ударом Гарри, сбил его с ног, заставив кубарем покатиться по полу.

— Достаточно! — послышался голос Квиррелла. — Заканчиваем сражение, пока вы друг друга не поубивали. Саран Санкуратри и Гарри Поттер, вы получаете по дисциплинарному взысканию за опасные для жизни методы ведения учебного боя.

— Я просто хотел отвлечь, — буркнул Саран, поднимаясь на ноги и утирая кровь с рассеченного подбородка.

— Вы использовали нестандартный тактический прием, и это вам в плюс, — бесстрастно сообщил Квиррелл, выходя на ринг. — Но не подумали о том, что можете серьезно травмировать своих сокурсников. Всю следующую неделю вместо посещения моего спецкурса будете заняты служебными работами на территории пара-Ингольштадта. — Он сделал паузу. — В паре с мистером Поттером, которому тоже следовало бы контролировать свои эмоциональные порывы. Будьте любезны, вы двое, научитесь взаимодействовать без конфликтов. У нас хватает внешних врагов, и мы не можем позволить себе еще и внутренних.

Гарри вздохнул, но ничего не сказал. Квиррелл вне всякого сомнения был прав, и эта их мелкая вражда с Сараном на фоне настоящей войны с наследниками Третьего рейха — детский сад, да и только. И, конечно, не следовало опускаться до агрессивной реакции на действия Сарана — тот в любом случае получил бы свое. Однако внутри Гарри до сих пор все вскипало при мысли о том, что этот чертов кусок металла по воле владеющего магией оболтуса мог покалечить Гермиону.

— Теперь подводим итоги занятия, — заговорил Квиррелл, когда все «павшие в бою» были освобождены от действия чар. — Бывшие ученики Хогвартса, Гарри Поттер и Гермиона Грейнджер, продемонстрировали сегодня прекрасную командную работу. Выработанный ими навык парного взаимодействия наверняка еще не раз им пригодится, и с сегодняшнего дня они всегда будут сражаться вместе. Также неплохая команда сложилась у Герды и Ханса, хотя им еще есть над чем работать. Остальные больше мешали друг другу, напрочь забыв все, что я десятки раз объяснял, поэтому закономерно проиграли даже при троекратном численном перевесе. Надеюсь, все присутствующие сделают выводы из результатов сегодняшней битвы, потому что со следующего занятия мы переходим на новый этап.

Все, как обычно, выслушали профессора с настороженным вниманием, не рискуя перебивать его или, тем более, отвлекаться на посторонние дела. Однако его последняя фраза вызвала прокатившуюся по собравшимся ученикам волну перешептываний и удивленных восклицаний, быстро, впрочем, стихшую.

— Есть вопросы? — осведомился Квиррелл, подняв бровь.

— Что вы имеете в виду, профессор? — спросил Курт после короткого молчания. — Что будет на этом новом этапе?

— Во-первых, тренировки переносятся из закрытого помещения на открытый воздух, — ответил Квиррелл. — Со всеми сопутствующими радостями жизни: холод, осадки, весенняя грязь, отвратительная видимость и все остальное, что мне еще взбредет в голову. Во-вторых, примерно в половине практических занятий будут использоваться «крылья», что обеспечивает вас дополнительным тактическим измерением. В-третьих, отныне упор делается на защиту от магловского вооружения, а также его использование и модификацию. Пистолеты, штурмовые винтовки, в перспективе — способы защиты от снайперского огня, противопехотных мин и прочих способов отправиться на тот свет, даже не увидев своего врага.

— Но… зачем нам все это? — нахмурившись, пробормотал Курт.

— Тот же вопрос задавал в прошлом семестре мистер Поттер, — устало ответил Квиррелл, — и его регулярно задают мне все новые и новые ученики. Что ж, могу объяснить. Скажите, Курт, сколько человек вы можете убить при помощи Авады в течение минуты?

— Н-наверное, человек восемь-десять, — округлив глаза от столь кровожадной постановки вопроса и запинаясь, ответил Курт. — Я не знаю, как быстро смогу восстановить силы…

— Тогда знакомьтесь, — будничным тоном произнес Квиррелл, доставая из кармана блеснувший вороненой сталью пистолет, — это старый «Вальтер П38», позволяющий те же восемь человек прикончить в течение десяти секунд. Начальная скорость пули для него — триста пятьдесят пять метров в секунду, и вы не сможете от нее увернуться, хотя увернуться от Авады — несложно при хорошо тренированных рефлексах. А ведь это уже давно устаревший образец, и против вас будут использовать — можете быть уверены — куда более серьезное вооружение. Мои мотивы стали немного понятней? Может быть, следует напомнить вам, какая организация нам противостоит, и какие технологии она использует?

Курт заметно помрачнел, как и большинство присутствующих. Гермиона внимала, не меняя выражения лица. Гарри только усмехнулся, догадываясь о дальнейшем развитии дискуссии. Сейчас Курт, конечно, спросит, зачем тогда вообще нужна магия.

— Тогда зачем… — начал было Курт и осекся. — Почему тогда до сих пор мы не учились этому? Если магловские технологии настолько лучше всего, что мы можем противопоставить, может, не следовало тратить время зря?

Не говоря ни слова, Квиррелл поднял руку и выстрелил в ближайший металлический короб на арене. Короб исчез в ослепительной вспышке света, оставив на полу лишь горстку окалины.

— Потому что мы иллюминаты, — сказал он, — а не замшелые традиционалисты или недалекие солдафоны. Мы берем лучшее из обоих миров и в их синтезе создаем то, что куда сильнее того и другого. Увы, большинство из вас еще не

готовы к переходу на этот новый уровень. Но война уже на пороге, и выбора у нас просто нет.

Когда ученики расходились, профессор подозвал Гарри и Гермиону к себе. Гарри было счел, что Квиррелл намеревается сделать ему еще одно внушение относительно конфликта с Сараном. Однако тот лишь протянул пальцы и коснулся его плеча, все еще нывшего после удара артефактом, который Саран назвал «сонатором».

— Возможно, трещина в кости, — нахмурился Квиррелл через несколько секунд. — Зайдите сегодня к просвещенной Краузе.

— Хорошо, но не стоило беспокоиться… — пожал плечами Гарри.

— Я позвал вас не для этого, — отозвался профессор. — С вами обоими желают поговорить просвещенные Ланге и Вернер.

— О чем? — изумилась Гермиона.

— Это в связи с нашими поисками Фиглинума. Ваша помощь не помешает — вы непосредственные участники расследования. Подробней узнаете на месте, так что следуйте за мной.

Гарри впервые находился в машинном зале Гипертьюринга: правом доступа в это помещение обладали только члены ареопага, и даже они протоколировали каждый свой визит в эту святая святых Айзентурма. С другой стороны, необходимость в таких посещениях возникала крайне редко: большинство исследовательских задач решались посредством обычного терминального доступа через внутреннюю сеть академии. Но только сейчас Гарри осознал, почему таким образом решаются не все задачи. Стал ясным и смысл загадочного запроса Эльзы Фриз, адресованного Вейсгаупту, об использовании «всех ресурсов».

Добрая половина помещения была занята зловещего вида контейнерами, сквозь полупрозрачный корпус которых просматривались ряды печатных плат, утопленных в издающей непрерывный гул системе охлаждения. Это и был вычислительный кластер Гипертьюринга — хотя и впечатлявший своим обликом, но все же ничего экстраординарного в себе не заключавший.

Вниманием же его завладело сооружение в центральной части кластера, представляющее собой металлическую клетку, в которой происходило нечто до странности знакомое. Предмет, напоминающий по форме песочные часы, периодически начинал вращаться с нарастающей скоростью, пока его очертания не становились размазанным в пространстве мерцающим пятном. С пространством при этом творилось что-то неладное: по нему пробегала мгновенная рябь, а пропорции ближайших предметов то и дело искажались. Иногда вращение «песочных часов» мгновенно прекращалось, как будто и в помине не было никакого закона сохранения момента импульса.

— Это… маховик времени? — спросил до крайности удивленный Гарри. — Зачем он здесь?

Сухонький и совершенно седой профессор Ланге, сидевший напротив большого проекционного экрана рядом с профессором Вернером, поднялся, поправил топорщившийся пиджак и протянул руку Гарри.

— Рад, что вы пришли, мистер Поттер. У нас тут возникло некоторое затруднение… А маховик времени, как вы абсолютно правильно угадали, — ключевой элемент системы гипертьюринговых вычислений в этом кластере. Знакомы с этим понятием? Собственно, именно поэтому Гипертьюринг так и называется.

— Возможно, я слышал этот термин… — наморщил лоб Гарри, пытаясь вспомнить.

— Вычисления, которые не могут быть проделаны посредством машины Тьюринга, — понимающе кивнула Гермиона. — Вы используете пересылку промежуточных результатов в прошлое, чтобы проделать за конечное время бесконечно большой объем вычислений? Я читала статью доктора Моравека о такой возможности.

Она подошла к маховику и стала заинтересованно его разглядывать, вытянув шею.

— Осторожней, мисс Грейнджер! — предостерег ее Ланге. — Во время вычислений рядом лучше не находиться. Да, вы правы. К сожалению, это лишь частичная реализация истинных гипертьюринговых вычислений, поскольку проблема бесконечного объема памяти никуда не девается. Тем не менее, для ряда алгоритмов оказывается возможным обеспечить оптимизацию хвостовой рекурсии, что позволяет за константное время обрабатывать произвольный объем данных. Так что, несмотря на массу ограничений, подход оказался крайне плодотворным, и мы совместно с профессором Вернером работаем над его совершенствованием.

— Чем же мы можем вам помочь? — спросил Гарри, совершенно потерявший нить разговора.

— Это не имеет отношения к маховикам времени, — улыбнулся профессор Вернер и вывел на проекционный экран физическую карту земной поверхности. — Дело в другом. Вам удалось вынести из пещеры Матерей значительное количество письменных источников, переводом и анализом которых мы все это время активно занимались. Удалось выяснить немало интересного, однако нам по-прежнему неизвестно местоположение Фиглинума — последнего из Источников, где, по всей вероятности, происходило изготовление големов.

— Понимаю. Вы хотите нанести еще один визит в пещеру, и поэтому вам требуется мое присутствие, — кивнул Гарри. — Конечно, я помогу.

— Нет, мистер Поттер, не все так просто, — подал голос Квиррелл, — и тому есть две причины. Во-первых, мы не можем без острой необходимости подвергать вас риску. А вы, должно быть, сами понимаете, что незамеченными добраться до острова Вен мы вряд ли сможем. Во-вторых, имеется определенная возможность того, что пещера кишит нацистами, и больше никаких материалов там не осталось.

— Но как? — удивился Гарри. — Вряд ли они смогли пройти мимо голема…

— В Храме Творения наша добрая знакомая Эльза Фриз оставила два якоря, позволив нагрянуть туда отряду Аненербе. Как вы думаете, сколько якорей она могла оставить в пещере — где их заведомо никто не заметил бы в кромешной темноте?

Гарри почувствовал неприятный озноб. Как, черт возьми, он не подумал о такой возможности раньше? Все эти дни он пребывал в уверенности, что иллюминаты владеют козырем — Источником, хранящим технологии атлантов и бесценные рукописи прошедших веков. Но если он во власти нацистов, то ситуация хуже во много раз, чем можно было предположить. По сути, им теперь вообще нечего противопоставить Аненербе.

— Не пугайтесь так, мистер Поттер, — усмехнулся Квиррелл, взглянув на его вытянувшееся лицо. — Эта вероятность довольно низка. Почти наверняка пришельцы позаботились о том, чтобы никто не мог проникнуть в их город, минуя их собственную сеть порталов. Иначе не ограничились бы големом на входе.

— Но если…

— Я думаю, Эльза Фриз выяснила, что ее якоря там не работают, еще до того, как мы переместились в Храм Творения. В противном случае ей не было смысла рисковать лишний раз у меня под носом. И как бы то ни было, за все это время никто не воспользовался сетью атлантов и не появился в Храме. Мы бы отследили такое проникновение.

Тревога Гарри несколько улеглась, хотя на душе у него по-прежнему скребли кошки. Неужели иллюминаты так запросто позволят нацистам копаться в технологиях пришельцев, ничего не предпринимая для элементарной проверки? Он уже привык к тому, что стратегические решения ареопага зачастую лежат за пределами его понимания, но сейчас…

— Зачем же мы тогда понадобились? — тихо спросил он.

— А вот зачем, — вновь расплывшись в улыбке, ответил профессор Вернер и склонился над клавиатурой. — В рукописи, найденной просвещенным Квирреллом, говорится о месте «к востоку от Железных гор». Мы сделали запрос к нашей историко-географической базе данных, чтобы выяснить, к чему могло относиться это название в эпоху Тихо Браге, но получили слишком много результатов. Более трех десятков, если конкретно. Смотрите сами! Вот все, что когда-либо называли «Железными горами».

Карта мира на проекционном экране отобразила россыпь красных маркеров, разбросанных по всем частям света.

— Думаю, что географические пункты Нового света можно смело отбросить, — продолжил профессор, и маркеры на территории обеих Америк погасли, — несмотря на то, что колонизация Америки в эту эпоху уже началась, Тихо Браге вряд ли имел возможность побывать там. Но даже если мы ограничимся Европой и Ближним Востоком, все равно остается слишком много…

— Извините, что перебиваю, профессор, — подала голос Гермиона, — но зачем перебирать все Железные горы, если в нашем документе упоминается о том, что

источники лежат на одной линии?

— О чем вы, мисс? — удивленно спросил Вернер. — В рукописи ничего такого нет.

— Я о письме на иврите, — ответила Гермиона. — Гарри, ты же передал это письмо?

Гарри стоял, желая провалиться сквозь землю от стыда. Забыть о таком важном документе! Задержать работу исследователей и, возможно, дать преимущество Аненербе — это было непростительным упущением. Закусив губу от досады, он покачал головой.

— Письмо так и осталось у меня в комнате, — наконец проговорил он.
— Простите. Я должен был сразу показать его.

— О, не волнуйтесь, мистер Поттер, — отмахнулся Вернер, — нас это не задержало. План поисков был разработан только к сегодняшнему дню. Так вы говорите, мисс Грейнджер, что все Источники на одной линии? Линия — конечно, очень широкое понятие, но если речь идет конкретно о геодезической линии, проверить это будет несложно.

Он вновь положил пальцы на клавиатуру и внес ограничительное условие. Картинка на экране изменилась: от Албании к Скандинавскому полуострову протянулась тонкая черная линия, пройдя через Черногорию, Хорватию, Венгрию, Чехию… Чехию? Гарри не мог разглядеть деталей при выбранном масштабе, но это было и не столь важно. В центре страны красовался маркер, полностью подтверждая догадку. Линия проходила чуть правее.

— Что ж, можно было догадаться и без этой подсказки, — хмыкнул профессор Квиррелл. — Нельзя ли увеличить изображение, просвещенный Вернер?

Контур Чехии вырос до границ экрана и ушел за них, детализация резко возросла. В центре экрана флажком был отмечен горный массив, надпись на котором гласила: «Железные горы». Линия проходила к востоку от него, однако ничего особенно примечательного в ее окрестностях не наблюдалось. Квиррелл озадаченно нахмурился, но потом, наклонившись ближе, спросил:

— Что это за городишко рядом с линией?

Вернер снова изменил масштаб, и город вырос в размерах.

— Это город Глинско, — сказал он и вывел справочную панель. — Очень старый, заложен еще в XIV веке. Однако совсем маленький, население меньше десяти тысяч человек.

— Глинско?! — воскликнул Квиррелл. — Похоже, мы нашли то, что искали.

— Но тут нет ничего особенного примечательного, — возразил профессор Вернер. — Старая крепость, пара музеев, вот и весь город.

— Да при чем тут это? Название, просвещенный Вернер, — нетерпеливо отозвался Квиррелл. — В славянских языках этимология этого слова определенно образована от «глины». Проверьте топонимический индекс.

Вернер, пожав плечами, выполнил его просьбу, но, увидев на экране новую порцию текста, застыл. После секундного молчания он начал читать:

— Этимология названия образована от чешского слова «hlina», что связано с масштабным гончарным производством в городе, начиная с XV века. Обширные месторождения глины…

— Это оно, — кивнул Квиррелл. — В окрестностях города должен быть вход в Фиглинум, и мы его найдем. Передайте Вейсгаупту, что можно комплектовать исследовательскую группу. Я войду в состав.

Настроение Гарри заметно улучшилось после очевидного прорыва в поисках, несмотря даже на его досадное упущение с письмом. Когда Герда Краузе осматривала его плечо, он, все еще сохраняя приподнятое настроение, спросил у нее:

— Урсула в порядке? Удалось выяснить, что с ней произошло?

На лице просвещенной отразилась очевидная внутренняя борьба, как будто она пыталась сообщить ему пренеприятнейшую новость, и не знала, с чего начать.

— Что-то случилось, просвещенная Краузе? — забеспокоился Гарри.

— Я не уверена, что могу рассказывать об этом за пределами ареопага, Гарри, — сказала наконец она, — но после всего, что вы уже увидели, это капля в море. Дело в том, что по всем признакам на Урсулу совершено нападение. Кто-то отправил ее в бессознательное состояние, пока она рассматривала свой медальон, после чего стер ей память. Вы случайно не знаете, что могло быть в этом медальоне? Кому-то очень не хотелось, чтобы она помнила увиденное.

— Фотография… — пробормотал Гарри, оглянувшись на Гермиону, которая ответила столь же встревоженным взглядом.

— И это не было обычным заклинанием уровня Обливиэйт, — продолжала просвещенная, покачав головой. — Я вообще никогда не видела ничего подобного. Урсула не просто забыла происходившее. Информация начисто стерта из ее синапсов, без возможности восстановления. Честно говоря, я даже не знаю, насколько сильный маг способен на такое.

— Но никакого вреда ей нанесено не было? — спросила Гермиона.

— Никаких последствий. Я подержала ее день в палате на всякий случай, но она в полном порядке. Не считая, конечно, потери памяти о небольшом отрезке времени.

— Я думаю, ей стер память тот, чью фотографию она увидела, — сказала Гермиона. — И это значит, он должен быть очень стар. Он не просто жил в начале XX века. В 1928 году Дитрих Майснер писал о нем, как об исключительно мудром и знающем человеке.

Герда Краузе удивленно посмотрела на нее.

— Но мисс Грейнджер, в Айзентурме только два человека подходящего возраста.

— Августа Кох, — сказал Гарри.

— Адам Вейсгаупт, — сказала Гермиона.

Глава 3. Сердце тьмы

Его пражский сон повторился один в один. Все было в точности таким же: голоса, решавшие его судьбу, размытые образы, общая слабость в теле и чувство обреченности. Однако теперь, после рассказа Дамблдора в Храме Творения, он точно знал, что вокруг него происходит.

— … Он окончательно вышел из-под контроля, — говорил Дамблдор, и Гарри понимал, что речь идет о Волдеморте, ведущем собственную игру, не считаясь с приказами руководства Аненербе. Они пытались использовать чародея в своих целях, но в итоге именно Волдеморт оказался тем, кто использовал их.

— Уходи! — донесся до Гарри голос его отца, не желавшего, чтобы Дамблдор применял древнюю магию атлантов на годовалом ребенке, пусть и в целях защиты.

— Мы согласны. Установи защиту, — возразила его мама.

А потом — фиолетовый огонь и ужасная боль, когда Дамблдор выжигал руну Зиг на лбу Гарри, способную защитить его, но увы, лишь от одного человека на земле — Волдеморта. Даже у волшебства есть свои законы и ограничения: Гарри принимал это и считал справедливым. И последовавшие слова Дамблдора, сказанные дрожащим измученным голосом, оказались лишним тому подтверждением:

— Это очень сильная магия, но я не смогу более повторить её. Вторая попытка просто убьет меня.

Гарри напрягся, пытаясь удержать ускользающий сон, чтобы услышать последующий разговор, но все растворилось в уже знакомом ему багровом тумане, сквозь который бросил на него прощальный взор жуткий пылающий глаз Черного Солнца.

— Ребята, я совершенно не помню, что случилось после этого, — говорила Урсула, прислонившись к холодному основанию статуи Гекаты. — На самом деле мне известно куда меньше, чем вам. Я помню, что пошла в квартиру отца, чтобы посмотреть, о чьей фотографии шла речь в книге, а потом я просто очнулась в медицинском корпусе.

— А что тебе вообще известно о твоих предках? — настаивала Гермиона.
— Конечно, если это не очень личное.

Урсула замялась. По выражению ее лица сложно было сказать, стесняется ли она своей родословной, или просто не уверена, что правда и что вымысел в известной ей истории своего рода.

— Ну… Вы уже знаете, что, начиная с моего прадеда, они состояли в обществе Туле. Я не горжусь этим, конечно. У них хватало сомнительных идей, не говоря уже о том, что они заложили фундамент Аненербе. Но в самом начале это была просто безобидная антропософская организация.

— Да, — кивнула Гермиона. — Мне известно об истории этого движения. Идеи Гёте…

— Что ты сказала? — удивился Гарри. — Опять Гёте?

— Чему удивляться? — пожала плечами Гермиона. — Гёте был символом эпохи в свое время. Антропософы в его честь даже центр своего движения назвали. Гётеанум в Швейцарии — слышал, может быть?

Кивнув, Урсула подхватила:

— Точно. Старый друг моего отца, Альберт… не помню, как его фамилия, — он до сих пор там работает.

Что-то на мгновение вспыхнуло в глубине глаз Гермионы, когда она услышала это имя. Гарри встретил ее взгляд, но лишь удивленно посмотрел в ответ. Гермиону его реакция, похоже, раздосадовала, и она поморщившись, вновь спросила:

— Скажи, Урсула… А у этого человека, Альберта, случайно не было брата? Пожилого, с большой седой бородой?

— Я… понятия не имею, — растерянно отозвалась Урсула. — Мне и о самом Альберте мало что известно, кроме того, что он инвалид с повреждением позвоночника.

Расставшись с Урсулой, они какое-то время молча шли в сторону пара-Ингольштадта, где Гарри ожидало назначенное Квирреллом наказание — отработка совместно с Сараном. Потом Гарри не выдержал:

— Что за брат с седой бородой? Ты его знаешь?

— Возможно, — сдержанно ответила Гермиона. — Не исключено, что именно его труп ты обыскивал на Броккене.

Гарри вздрогнул: не только при мысли об этом жутком эпизоде, но и от ледяного спокойствия в словах подруги. Иногда у него складывалось впечатление, что во время работы над очередной интеллектуальной задачей Гермиона превращалась в подобие компьютера, для которого любая информация лишена эмоциональной значимости. Отвращало ли это его от нее? Гарри на минуту задумался, но потом осознал, что он не может себе представить Гермиону какой-то другой. Это часть ее, это ее особенность, и он был готов принять это без оговорок.

— Ты судишь по единственному имени в письме? — спросил он.

— Не только. Конечно, это не более, чем догадка, но она неплохо объясняет известные нам факты. Гётеанум наряду с прочим хранит часть архива Иоганна Гёте, и связаны с ним люди, которые кое-что из таких материалов могут иметь и в личном пользовании. Помнишь, что нам сказала Эльза Фриз по дороге на Броккен?

Гарри кивнул.

— Что они добыли карты восхождения на Броккен в одной частной коллекции.

— Вот. И смотри, что у нас получается. Этот Альберт долгое время хранил материалы, принадлежавшие автору «Фауста». Каким-то образом это стало известно Аненербе. Они похитили карты, но при этом кто-то, возможно, упоминавшийся в письме охранник, опознал Эльзу Фриз. Альберт позвал на помощь своего брата, чтобы тот проследил за Фриз и не позволил ей завладеть посланием Гёте. Заметь: сам Альберт не поехал — по причине своей инвалидности, очевидно. А дальше ты все видел сам. Бородач и его ребята напали на нас, решив, что раз мы с Эльзой Фриз, значит тоже работаем на Аненербе.

— Звучит складно, — признал Гарри. — Но сама подумай: Альберт — очень распространенное имя. Это мог быть и любой другой…

— Уж точно не любой, — категорично возразила Гермиона. — Многие ли обладатели этого имени имеют в личной коллекции оригиналы документов Гёте? И если уж имеют, то наверняка они связаны с какими-то организациями такого рода. Всемирный центр антропософии — первейший кандидат.

— Значит надо при случае связаться с ним, — поразмыслив, произнес Гарри. — Но явно не в ближайшее время. Покинуть Сумрак мы с тобой можем, но иллюминатов это уж точно не обрадует. Особенно Августу Кох, которая, по-моему, нас уже видеть не может. Все-таки следить за ней повсюду было плохой идеей.

— Это не срочно, — пожала плечами Гермиона. — Я пока поштудирую книгу Майснера, а тебя, я вижу, уже ждет твой лучший друг, — добавила она с лукавой улыбкой, указывая на угрюмого Сарана, стоявшего у входа в центральный склад. — Так что до скорого.

Попрощавшись с подругой, Гарри сделал глубокий вдох и решительно шагнул к индийцу, протягивая ему руку. Саран его жест проигнорировал и вошел в помещение, буркнув себе под нос:

— Привет.

Гарри усмехнулся и вошел следом. Демонстративно неприязненное отношение сокурсника его не задевало: не больше, чем выходки Драко в Хогвартсе. Будь ты хоть святым, всегда найдутся люди, которые тебя на дух не переносят — это часть жизни, с которой ничего не поделаешь. По большому счету, этого и не требуется. Куда важнее — доброе расположение тех, кто тебе по-настоящему дорог.

Господин Шмидт, как попросил себя называть заведующий складом — суетливый толстячок настолько низкого роста, что Гарри не сразу его заметил среди высившихся штабелей из деревянных ящиков, — обратился к ним беспробудно тоскливым голосом:

— Гарри и Саран? Очень мило, очень. Профессор Квиррелл предупредил меня. Вот ваше рабочее место, — указал он на сложенные в три слоя контейнеры разных форм и размеров.

— А что делать-то? — не менее тоскливо отозвался Саран.

— В среднем раз в сутки сюда прибывает партия груза из внешнего мира. Ваша задача — рассортировать контейнеры по категориям, сейчас я объясню вам, как это делать. Как у вас с левитационными чарами?

— Неплохо, — пожал плечами Гарри. — И что, этим всегда занимаются ученики академии?

— Нет, конечно, — попытался улыбнуться господин Шмидт, отчего излучаемое им уныние усилилось в разы. — До сих пор с этим прекрасно справлялся наш эльф, но недавно он, знаете ли, умер.

Гарри, которого неожиданно для него самого покоробило нарочитое равнодушие Шмидта к судьбе скончавшегося эльфа, кивнул и принялся слушать многословные объяснения заведующего. На ум сразу пришло так и не реализованное предложение Гермионы о создании ПИРДЭ, что заставило его на миг улыбнуться. Но только на миг, потому что следом пришло осознание: за дурацким названием и неуместным задором стоит реальная проблема. Гермиона разглядела ее сразу, а он не понимал по-настоящему до сих пор.

Как могут эти люди, в стране, еще недавно ввергнутой в катастрофу идеологией, делившей человечество на расу господ и «унтерменшей», с такой легкостью впитывать пренебрежение к личности — пусть не человеческой, но мыслящей, чувствующей, имеющей собственные цели и мечты? Их враг — Аненербе, но, по большому счету, много ли в пара-Ингольштадте и Айзентурме тех, кто не носит в своей душе черных ростков этой идеологии? Не превратится ли со временем братство в еще одну версию Третьего Рейха, более зловещую и опасную, нежели Аненербе? Что способно удержать иллюминатов от злокачественного перерождения в собственных антагонистов?

Он тут же дал себе ответ. «Я способен, — решил он, — Гермиона, Квиррелл, Урсула, все те, кто сейчас принимает решения, способные повлиять на политику организации, даже не имея в ней руководящего поста. Мы иллюминаты. Мы просвещенные — не по праву рождения, а по сознательно избранному пути. Мы несем знания и удерживаем мир от падения в пропасть… в меру своих сил. И мы не должны позволять расти в нашей собственной среде зародышам нового нацизма».

— Как звали эльфа, который работал здесь до нас? — спросил он, бесцеремонно перебив господина Шмидта.

— Э… Что? — спросил заведующий.

— У него ведь было имя? — холодно осведомился Гарри.

— Да, конечно. Бомс его звали. Дурацкое имя, верно? — хихикнул Шмидт.

— И чем же оно хуже вашего? — побледнев от внезапно вспыхнувшего внутри гнева, с расстановкой спросил Гарри.

Опешив, господин Шмидт умолк, раскрыв рот на полуслове и растерянно моргая.

— Э… Ну… — промямлил он, не представляя себе, как реагировать на этот выпад, но, бросив взгляд на часы, нашел выход из положения. — Кстати, сейчас

как раз будет очередная поставка груза.

Гарри одарил его еще одним испепеляющим взглядом, но почти сразу же остыл. Этот человек — продукт своей культурной среды, он сам жертва обстоятельств, а не идеолог. Будь у него время разобраться, как было оно у самого Гарри, — кто знает, к каким выводам он бы пришел?

На металлических стойках рядом с рядами контейнеров, которые Шмидт обозначил как их с Сараном рабочее место, вспыхнули и замигали красные огни, предупреждая находящихся рядом об опасности. Через несколько секунд воздух в этой области задрожал и расступился с шумным выдохом, взъерошив им волосы. Перед ними стоял заурядный с виду грузовик MAN — новый, но ничем особенным не выделяющийся. Водитель, высунувшись из окна, молча кивнул Шмидту, и они принялись за работу.

— Вингардиум Левиоса! — скомандовал Саран, взмахнув палочкой, и один из контейнеров взмыл в воздух, направившись к общему ряду.

Гарри последовал его примеру, и в течение пятнадцати минут кузов опустел. По сигналу Шмидта они отошли от грузовика, который через несколько секунд снова покинул Сумрак. Началась вторая часть работы: сортировка выгруженных контейнеров по рядам высоких металлических стеллажей, окружавших их со всех сторон. Через полчаса этой нудной работы Гарри всей душой возненавидел слова «Вингардиум Левиоса», и, утерев пот со лба, уже намеревался поднять вопрос о небольшой передышке, однако этого не потребовалось.

— Как продвигается командная работа? — прозвучал насмешливый голос Квиррелла со стороны входа.

— Профессор! — воскликнул Гарри. — Я думал, вы уже отбыли с экспедицией в…

Большего он сказать не успел. Один из контейнейров в нижней части ближайшего к ним стеллажа разлетелся в щепки, и на его месте Гарри увидел парящую в воздухе черную сферу, ощетинившуюся длинными металлическими выступами.

— Голосовая идентификация успешна, — сообщил бесстрастный голос, донесшийся со стороны сферы, — член ареопага в пределах досягаемости.

— Гарри, ко мне! — рявкнул Квиррелл, вытянув руки в направлении парящего объекта. Воздух рядом с ним потемнел и утратил прозрачность.

Гарри шагнул было к выходу, но сферический артефакт, издав низкочастотное гудение, двинулся ему наперерез, выворотив одну из опорных штанг, на которых крепился стеллаж. Металлические полки накренились, контейнеры заскользили по наклонным плоскостям, с грохотом посыпавшись на пол.

— Осторожней! — растерянно проблеял господин Шмидт, в панике отступая назад.

Гарри рванулся в противоположном направлении, огибая место происшествия по большой дуге. Сфера вновь сменила направление, и штанга окончательно выскочила из второго паза. Стеллаж с невыносимым скрежетом качнулся и стал плашмя падать на то место, где они только что занимались погрузкой. Только

сейчас Гарри увидел Сарана. Посеревший от ужаса и боли индиец пытался освободить ногу, придавленную рухнувшим контейнером и, запрокинув голову, смотрел на падающую сверху железную махину.

Гарри и Квиррелл среагировали почти одновременно. Профессор качнул ладонью, и ящик, обездвиживший Сарана, взвился в воздух. Телекинетический удар Гарри отшвырнул в сторону самого Сарана за мгновение до того, как стеллаж с оглушительным грохотом обрушился на пол.

— О, прошу меня простить, — сказала сфера голосом Эльзы Фриз, направившись к Гарри, — кажется, я устроила вам небольшой беспорядок. Пока что не освоилась с управлением этой штукой.

Гарри сделал шаг назад, однако предосторожность не потребовалась: перед ним непроницаемой стеной вырос щит, уперевшись в который, сфера остановилась. Рядом с ним появился Квиррелл, через секунду — Цао Шу.

— Вы можете изолировать ее, просвещенная? — спросил профессор. — Она имеет связь с внешним миром.

Цао Шу ничего не ответила, но ее губы сложились в едва заметную улыбку, и в то же мгновение пространство вокруг сферы затрепетало, оборачивая незваного гостя в подобие кокона.

— Подождите! — вновь услышали они голос Эльзы Фриз, на сей раз заметно обеспокоенный. — Я всего лишь хочу передать сообщение.

— В следующий раз отправьте письмо, — скривился профессор, однако подал знак Цао Шу, чтобы она приостановила процесс изоляции.

— Будь у нас враждебные намерения, мы отправили бы к вам небольшой ядерный заряд. Некоторые из наших именно это и предлагали. Однако в данный момент наша организация желает сделать вам предложение, — продолжала Эльза Фриз. — Будет лучше, если меня услышат и остальные члены ареопага. И мистер Поттер тоже — для него это важно.

— А ковровую дорожку вам не расстелить? — презрительно отозвался Квиррелл. — Выкладывайте, что хотели. У вас пять минут.

— Для начала позвольте выразить сожаление по поводу потерь, понесенных с обеих сторон… — ничуть не смутившись, заговорила бывшая просвещенная.

— Лично я помню потери только с вашей, — перебил ее Квиррелл, — и с удовольствием устрою их вам дополнительно.

— У наших организаций разные цели, и нам, по большому счету, незачем конфликтовать, — продолжала Фриз. — Мы знаем, что вы заняты поисками Фиглинума. Мы работаем над тем же самым, и у нас уже есть прогресс по этой части.

— Неужели? — ухмыльнулся профессор.

— Не надо сарказма, просвещенный, — ответила Эльза Фриз с первыми нотками раздражения в голосе, — у нас достаточно ресурсов, чтобы решить задачу. В

связи с чем мы желаем предложить сотрудничество.

— Вы серьезно? — вырвалось у Гарри.

— Абсолютно серьезно, дорогой Гарри, — проворковала Фриз в ответ. — Условия просты. Обмениваемся всеми доступными знаниями по технологиям атлантов, глине Эдема и всем остальным имеющим отношение к вопросу. Армию големов, когда она будет найдена, используем совместно или же делим пополам, как вам будет угодно. Прекращаем боевые действия друг против друга, взаимный шпионаж и саботаж. Мое руководство не настаивает на объединении наших организаций, хотя сочло бы за честь…

— Передайте своему руководству, что ответ отрицательный и пересмотру не подлежит, — сказал Квиррелл ровным голосом. — Мир настанет не раньше, чем Аненербе прекратит существование. Конец связи.

— Профессор, вы не можете говорить за весь ареопаг! — вышла из себя Эльза Фриз.

— Пожалуйтесь Вейсгаупту, — нагло ухмыльнулся профессор.

— Тогда мы вынуждены предъявить другой аргумент, — с плохо сдерживаемой яростью в голосе отозвалась Фриз.

Сфера крутанулась на месте, и в ней ярко вспыхнуло прозрачное окошко, испустив луч света по направлению к ближайшей стене. На поверхности стены появилось изображение ярко освещенной комнаты с голубовато-белыми стенами и сидящей по центру Эльзой Фриз, перед которой возвышался стол с пультом управления.

— Введите его, — сказала Фриз кому-то невидимому в стороне.

В кадр вошли двое охранников, волочивших за собой человека в наручниках. Даже не видя лица пленника, Гарри сразу же узнал его растрепанные седые волосы, на которых раньше красовалась старенькая кипа.

— Эрше! — воскликнул он.

Раввин поднял голову и безмятежно улыбнулся.

— Гарри! — проговорил он с таким спокойствием, как будто сидел в кресле у себя дома. — Рад, что вы добрались. С пани Грейнджер, надеюсь, тоже все в порядке?

Гарри попытался ответить, но в горле неожиданно встал комок, и он лишь коротко кивнул. Боковым зрением он заметил, что в склад заходят новые и новые люди: как члены ареопага, так и простые сотрудники пара-Ингольштадта. Раненного Сарана вывели, и почти сразу его сменила неразлучная парочка Курта с Эрикой, которые во все глаза смотрели на представление.

— Так вот, наши условия… — заговорила Эльза Фриз.

— Позвольте мне, группенфюрер Фриз, — перебил ее чей-то резкий голос.

Эльза Фриз беспрекословно поднялась со своего места и вышла за пределы кадра. Ее сменил полноватый, начинающий лысеть мужчина с небольшими жидкими усиками, который, разместившись на кресле, какое-то время молча смотрел в камеру.

— Ситуация серьезная, господа, — наконец заговорил он, — поэтому, полагаю, настала пора раскрыть карты.

— Можно без эффектных вступлений? — поморщился Квиррелл. — Кто вы такой?

— Вы должны меня знать, — не меняя выражения лица, ответил человек. — Я руководитель Аненербе, рейхсфюрер Генрих Гиммлер. — Он умолк, явно наслаждаясь моментом.

Гарри мысленно отметил, что он, хотя и удивлен, но не слишком: он уже дважды был свидетелем того, как якобы мертвец вдруг оказывается живым и невредимым. Напряженная тишина в помещении и хмурые лица собравшихся свидетельствовали о том, что и все остальные, должно быть, восприняли известие без особого потрясения.

— Вы тоже… — наконец проговорил Гарри.

— Нет, мой юный друг, — ответил ему рейхсфюрер с нескрываемым презрением в голосе — в отличие от вас, я не голем. Я бы не стал превращаться в недочеловека даже ради спасения своей жизни. Есть и другие способы победить смерть. Вы ведь уже знаете о крестражах? Три года назад меня удалось вернуть, и я…

— Ближе к делу, господин ископаемый нацист, — сквозь зубы процедил Квиррелл.

— Вы правы, просвещенный Квиррелл, ближе к делу, — кивнул Гиммлер. — Мы понимаем, что решение не из легких, и не будем вас торопить. У вас есть время до лета и даже немного больше. Пусть детишки спокойно доучатся и сдадут экзамены: в течение этого времени мы обязуемся не предпринимать никаких враждебных действий… если, конечно, вы тоже от них воздержитесь. Но до середины июня вы должны решить, принимаете вы наше предложение или нет. Во втором случае, боюсь, ваш пражский приятель будет казнен, а от Айзентурма останутся радиоактивные руины. Мы постараемся свести к минимуму число жертв, однако вы сами знаете, что войны без жертв не бывает. Надеюсь, вы сделаете правильный…

— Изолируйте его, — быстро сказал профессор Квиррелл, повернув голову к Цао Шу.

Сферу вновь окутал кокон искривленного пространства — на сей раз много плотнее, чем раньше. Голос рейхсфюрера превратился к шипение и стих, видеосвязь прервалась. Устройство метнулось в сторону, но так и не преодолело топологического барьера, выставленного Цао Шу.

— Просвещенный Крюгер, займитесь им, будьте любезны, — бросил Квиррелл профессору артефакторики, который вошел в помещение еще в середине переговоров, и все это время молча слушал, скрестив руки на груди, — только будьте осторожны. Там могут быть средства защиты от реверс-инжиниринга, в

том числе и летальные.

Гарри нагнал Квиррелла, который, оставив дрон Аненербе на попечение просвещенных, быстрым шагом направился к выходу.

— Профессор!

— Не сейчас, Гарри, — мотнул головой Квиррелл. — Ситуация меняется быстро, и времени у нас в обрез. Нужно в срочном порядке проверить всех наших сотрудников из внешнего мира. Так просто дрон сюда не заслать: кто-то из наших, вероятно, подкуплен или под действием Империуса.

— Но Гиммлер сказал…

— Уловка. Пока мы будем готовиться к лету, они нанесут удар раньше.

— Но ведь они и впрямь могли переслать сюда атомную бомбу, а не вести переговоры!

— Не могли. Радиоактивные материалы и взрывчатые вещества автоматически отслеживаются на входе. И старайтесь мыслить стратегически, мистер Поттер. Независимо от того, желают ли они на самом деле заключить с нами мир или нет, мы должны нанести удар первыми. Нельзя позволять врагу диктовать свои условия, потому что эти условия выгодны только ему.

Происшествие вызвало запоздалый переполох: Гарри видел, как со стороны Башни по направлению к пара-Ингольштадту быстрым шагом движутся ученики, преподаватели и даже редкие эльфы. Квиррелл, махнув ему рукой, исчез, тут же появившись у входа в академию, но сам Гарри был вынужден протискиваться сквозь толпу, толкаясь, наступая зазевавшимся ученикам на ноги и чертыхаясь. В ходе одного из маневров, он на полном ходу врезался в профессора Вернера, который, нисколько не смутившись происшествием, воскликнул:

— Гарри! А я вас ищу. Давайте отойдем в сторонку, я хотел вам кое-что показать.

Они переместились подальше от оравы любопытствующих, став в относительно спокойном месте возле ограды. Вернер раскрыл пластиковую папку, которую держал в руках.

— Чем могу быть полезен, профессор? — полюбопытствовал Гарри.

— Это касается ваших снов и видений, мистер Поттер. Помните, по возвращении вы рассказывали ареопагу об этом странном месте, где вы наблюдали то, что предположительно называется Черным Солнцем? Там, где был красный туман и крылатые существа с горящими глазами?

— Мир ангелов? Конечно, помню.

— Мы с профессором Ланге провели масштабное моделирование на Гипертьюринге, попытавшись воссоздать визуальный образ для некоторых гипотетических ситуаций, которые пришли мне в голову после вашего рассказа. Сегодня мы получили первые результаты. Посмотрите, пожалуйста, вот это изображение похоже на то, что вы видели?

Гарри бросил взгляд на протянутый ему лист бумаги и вздрогнул. Сходство было поразительным: то же самое багровое марево, озаренное пылающим кольцом вокруг черного провала в центре изображения, те же огненные столбы, рвущиеся в пространство из черноты.

— Так вы знаете, что я видел, профессор? — с благоговением спросил он.

— Похоже на то. Это массивная черная дыра, которую вы наблюдали из атмосферы горячего газового гиганта или даже бурого карлика на низкой орбите, близко к горизонту событий. Видите эти релятивистские струи, выходящие из полюсов черной дыры? Вот каков родной мир наших «ангелов».

Глава 4. Авантюра

— Просвещенный Вейсгаупт, я помню наш последний разговор на эту тему, — упрямо проговорил Гарри, — однако с тех пор ситуация изменилась.

По-прежнему непроницаемое лицо главы академии было обращено к нему, однако создавалось впечатление, что мыслями Адам Вейсгаупт где-то далеко за пределами обыденного мира. Есть ли ему вообще дело до каких-то сиюминутных проблем вроде выживания ордена и сохранения существующего миропорядка?

— Поймите, я не предлагаю ничего абстрактного, — не дождавшись ответа, вновь обратился к нему Гарри, в голосе которого появились умоляющие интонации. — Нам всего лишь нужно найти одного человека по имени Альберт и поговорить с ним. Здесь работы на один день, даже я сам могу справиться, если…

— Вам не следует покидать Айзентурм, мистер Поттер, — спокойно ответил Вейсгаупт. — Это было бы в высшей степени безответственной авантюрой.

— Но я ничего подобного и не предлагаю. Пусть это сделает один из просвещенных или любой из штатных сотрудников в Швейцарии. Я знаю, что они там есть.

Гарри показалось, что на всегда бесстрастном лице Вейсгаупта промелькнуло подобие какого-то эмоционального состояния, но выяснение его природы оказалось неразрешимой задачей. Просвещенный подался вперед в своем жестком экзоскелете, и металлические крепления, соединявшие остатки его тела с системой жизнеобеспечения, угрожающе скрипнули.

— Мистер Поттер, — наконец сказал он, — мы, конечно, проверим все разумные гипотезы при возможности, но взгляните на ситуацию с моей стороны. Вы предлагаете найти в Швейцарии…

— В Дорнахе, просвещенный, — непочтительно перебил его Гарри. — Гётеанум расположен в Дорнахе, и Альберт наверняка обитает поблизости.

— …Хорошо, пусть в Дорнахе. Нам требуется найти человека по имени Альберт и спросить у него, что он знает об Аненербе. Я правильно вас понимаю?

— Да, — Гарри, сжав губы, кивнул. В такой формулировке идея ему самому показалась на редкость глупой, поэтому он поспешил дополнить: — Однако население Дорнаха — чуть больше пяти тысяч человек, это, по сути, большая деревня.

— И единственное основание для вашей гипотезы, насколько я понимаю, состоит в том, что письмо, которое вы нашли на Броккене, было подписано Альбертом?

Гарри глубоко вдохнул и медленно выдохнул. Нет уж, он не позволит Вейсгаупту делать из него идиота такими формулировками.

— Не только, просвещенный Вейсгаупт, — стараясь сохранять спокойствие, ответил он. — Основание для гипотезы — это необычное сочетание ряда фактов. Альберт, которого мы ищем, то есть старый друг отца Урсулы, — напрямую

связан с движением, которое легло в основу общества Туле, а значит и Аненербе. Идеология движения основывается на идеях Гёте, которого вы сами знали лично — вам не нужно объяснять, что это значит. Этот человек — очень вероятный кандидат на авторство письма.

— Даже если так, мистер Поттер, откуда он может знать об Аненербе больше того, что пишут в желтой прессе? В лучшем случае мы услышим от него архаичные проповеди на тему духовного поиска.

Наконец-то лед тронулся, и Вейсгаупт проявил хоть какой-то интерес к делу, задав вопрос по существу! Гарри, мысленно поздравив себя с грядущей победой, выложил последний аргумент Гермионы:

— В той же пачке документов было письмо из Освенцима об экспериментах над заключенными, помните? Его, по идее, вообще не должно там быть: оно ничем не связано с другими бумагами. Мало того, Эрше Ширман, пражский раввин, откуда-то знает его содержание, поскольку видел оригинал. Просвещенный Вейсгаупт, я думаю, что этот загадочный Альберт владеет интересующей нас информацией. Он наверняка в курсе не только об Аненербе, но и обо всей этой истории с големами: слишком уж много нитей ведет к нему. И он определенно на нашей стороне.

Выпалив все это, Гарри утер пот со лба. Никогда не считавший себя мастером по части убеждения, сейчас он был доволен: уж теперь-то Вейсгаупт не сможет просто взять и отмахнуться от всех этих аргументов. Двухсотпятидесятилетний директор академии имеет право быть осторожным и консервативным, но не враг же он сам себе, в конце концов!

— Все это, конечно, интересно, мистер Поттер, — после короткой паузы проговорил Вейсгаупт голосом, не внушавшим никаких надежд на благоприятный исход переговоров, — однако в этой гипотезе предположений куда больше, чем фактов. Простите меня, но в данный момент я не могу распылять силы Айзентурма. Может быть, чуть позже, когда мы найдем вход в Фиглинум.

Это было сокрушительное фиаско. Гарри не мог понять, что он сделал не так. Конечно, иллюминаты сейчас очень заняты, но речь идет о коротком визите! Почти автоматически поблагодарив Вейсгаупта за аудиенцию и попрощавшись, Гарри вышел в коридор и без сил прислонился к косяку двери. Что теперь делать? Пассивно ждать развязки? Надеяться, что иллюминаты все сделают сами?

— Я говорил, что рано или поздно что-нибудь подобное случится, — услышал Гарри тихий голос Вейсгаупта за дверью. — Вы же знали, что нельзя скрывать свою личность вечно. И теперь я вынужден действовать вразрез с интересами организации, чтобы выполнить свое обещание. Я не отказываюсь от него, но лучше бы вам вернуться к активным действиям. Заявите миру о себе. Хуже уже не станет.

Гарри, затаив дыхание, вслушался в тишину за дверью, надеясь услышать ответ, но его не последовало. Кто бы ни был таинственным собеседником директора, он хранил молчание, и, вероятно, вообще находился в другом месте. Помрачнев, Гарри осторожно отошел от двери и направился к лекционной аудитории: через десять минут должно было начаться занятие по метрической магии. Проклятье!

Адам Вейсгаупт при всех своих особенностях внушал доверие. Теперь же выясняется, что он заговаривал Гарри зубы. Тайну чьей личности он столь бережно хранил, что был готов поступиться интересами ордена?

Все еще в задумчивости, Гарри вошел в аудиторию и поискал глазами Гермиону. Она уже разместилась на своем месте, со скептическим выражением лица пролистывая учебник по метрической магии — один из немногих по-настоящему плохих учебников Айзентурма. Причина ее отношения к тексту была очевидной: его содержание имело довольно мало отношения к тому, чему их учила Цао Шу, и было пропитано голым теоретизированием, нисколько не помогавшим освоить даже простейшие из навыков. Их загадочная преподавательница к учебнику относилась ничуть не лучше Гермионы, и на памяти Гарри никогда на него не ссылалась, предпочитая формулировать задачи самостоятельно.

— Гермиона! — окликнул он подругу, подходя к ее парте. — Я только что от Вейсгаупта.

— И как? — с надеждой в голосе спросила она, оторвавшись от нудного чтива.

Он сокрушенно покачал головой и со вздохом сел рядом.

— Снова отказ. И это еще полбеды.

Вкратце он пересказал ей подслушанные слова главы иллюминатов, но в конце, видя, как расширились от удивления глаза Гермионы, запнулся.

— Гермиона, я не шучу, — тихо сказал он. — Я не говорю, что Вейсгаупт предатель, ничего такого. Но у него есть тайна, которой он не хочет делиться. Тайна, имеющая отношение к этому нашему Альберту. Мне уже начинает казаться, что здесь у всех поголовно скелеты в шкафу.

— Надо рассказать Квирреллу, когда он вернется, — помолчав, ответила Гермиона. — А пока… Придется ждать, как и раньше.

Как и раньше. Сколько будет продолжаться этот период выжидания? За месяц, прошедший со времени вторжения дрона Аненербе в Сумрак, ничего примечательного в академии не произошло. Учебный процесс шел по запланированному графику, не считая того, что занятия профессора Квиррелла, постоянно отлучавшегося в Глинско для помощи экспедиции, пришлось уплотнить: группа Гарри тренировалась совместно с учениками восьмого курса. Это не замедлило сказаться на трудоемкости. Практически все его сокурсники после очередной такой тренировки гуськом брели в медицинский корпус для обработки многочисленных гематом от попадания пластиковых шариков, имитирующих пули, и царапин в результате интенсивных маневров в кронах деревьев.

Вкупе с массой нового материала, который, не давая передыху, обрушили на головы несчастных учеников, это почти лишило их возможности думать о чем-то еще, кроме остервенелого совершенствования самих себя во всех возможных областях разом. Поначалу Гарри с трудом понимал, каким чудом он до сих пор не сломался и не выгорел от запредельных учебных нагрузок, но в какой-то момент осознал: его держит на ногах азарт. Каким бы тяжелым ни был процесс обучения, он приносил массу удовольствия: видеть, как совсем недавно недоступные тебе возможности обращаются в навыки, такие же естественные,

как дыхание, давало необходимые силы для следующего шага. И так далее — пока сам этот стиль жизни не впитывался в плоть и кровь, превращаясь в образ мышления, а любые ему альтернативы все чаще вызывали искреннее недоумение.

И все же никакая учеба не могла вытеснить из его сознания навязчиво тикающий таймер. Где-то там, за пределами Сумрака, его друг Эрше Ширман ждет казни в застенках Аненербе. Где-то там нацисты собирают силы для сокрушительной атаки на Башню с намерением стереть ее из реальности. Где-то там продолжается жизнь — совсем иная жизнь, нежели их призрачное рафинированное бытие, и в любой момент может случиться катастрофа, которую они призваны предотвратить. Гарри не считал себя всезнающим и не страдал излишней самонадеянностью, но сейчас ему казалось, что единственная зацепка, которая у них есть, связана с человеком по имени Альберт и старой книгой прадеда Урсулы.

— Напомни, как там было в книге Майснера? — вновь обратился он к Гермионе.

— В конце главы с благодарностями? «…Ангелу, показавшему мне страшный и прекрасный свет Черного Солнца», — процитировала она. — А почему ты спрашиваешь?

— Не могу перестать думать о создателях глины Эдема, — наморщив лоб, ответил Гарри. — Ты же помнишь историю с моими видениями. Мне тоже являлось это существо, показавшее свой мир. Не мог ли Дитрих Майснер быть с ним знакомым? Если кто-то из этих ангелов-атлантов уцелел до наших дней, он наверняка знает местоположение Фиглинума и все остальное тоже.

— Если и уцелел, то он явно не спешит делиться своими знаниями, — пожала плечами Гермиона. — И вряд ли мы в силах изменить это. Придется докапываться до истины самим.

Голос Цао Шу за спиной заставил их подпрыгнуть. Сидевшие на задних рядах ученики прыснули со смеху, а Гарри покраснел от стыда. Проклятье, ну когда он привыкнет к этим внезапным появлениям просвещенной из воздуха в любое время суток?

— Вы уверены, что вообще нужно искать Источник, мисс Грейнджер? — тихо спросила она. — Такие места скрыты от людей не просто так.

На секунду Гермиона опешила: Цао Шу редко заговаривала о чем-то за пределами своего предмета. Уж точно она никогда не делала суждений о том, какой политики должен придерживаться Айзентурм, не говоря уже о том, чтобы обсуждать это с учениками.

— Просвещенная Цао Шу, — почтительно склонив голову, отозвалась наконец Гермиона, — даже если забыть о знаниях, которые мы можем обнаружить в Фиглинуме, это для нас вопрос выживания. Если не найдем мы, найдет Аненербе. И тогда…

— Кто бы ни нашел, — столь же тихо проговорила просвещенная, — он должен помнить судьбу Атлантиды.

Она сделала несколько неуверенных шагов к доске, словно бы отвыкла ходить

за годы использования телепортации, развернулась к ним и погрузилась в молчание, как всегда в начале занятия. От Гарри не укрылась легкое дрожание ее пальцев, поразившее его до глубины души: до этого дня Цао Шу казалась ему несгибаемым и отрешенным от мира восточным божеством в обличии молодой женщины. Но сейчас… Что с ней? Она болеет? Последствия какого-то магического эксперимента?

— Освободите свой разум, — сказала она. — Остановите внутренний диалог. Слушайте. Сегодняшнее занятие будет посвящено основам темпоральных манипуляций.

Никто не проронил ни звука, но ошарашенные лица учеников подтверждали первое впечатление Гарри: происходило что-то из ряда вон выходящее. Прямая работа со временем требует огромного магического мастерства. В Айзентурме этой темы касаются лишь на последнем курсе, и то, в рамках дополнительных занятий. Что-то получается лишь у единиц. Что они смогут усвоить на седьмом курсе?

— Скорей всего, сегодня ни один из вас не сможет повлиять на метрику времени. Но вы запомните, а запомнив, когда-нибудь сможете повторить.

Тревога, которую и без того испытывал Гарри, теперь достигла апогея. Почему у него такое чувство, будто Цао Шу с ними прощается? Что-то неладное творится в академии в последнее время. Он украдкой огляделся, убедившись, что все остальные разделяли его смутное впечатление, в растерянности глядя на просвещенную. Ее лицо, совсем недавно будто высеченное из мрамора, теперь отражало что угодно, только не безмятежное созерцание. Нет, оно по-прежнему не носило печати человеческих страстей — скорей внутренний излом, скверну, пустившую корни в этот безупречный холодный ум.

— Большинство людей полагают время чем-то принципиально отличным от направления в пространстве. Их мозг так устроен, что мешает видеть истинную природу времени, и это делает темпоральные манипуляции настолько сложными для непосвященного, — вновь заговорила Цао Шу.

Ее голос казался тише и слабее обычного, но сохранял прежнюю твердость, и это отчасти вернуло Гарри спокойствие. Он перестал вглядываться в изменения, поразившие просвещенную, и сосредоточился на смысле ее слов, пытаясь чувствовать и воспринимать время в соответствии с услышанным.

— У каждого из вас на столе экземпляр интерференционных часов, — продолжала Цао Шу. — Ваша задача — вызвать их рассинхронизацию с часами над доской. Для этого осознайте единство пространства и времени, станьте его частью...

Успехи Гарри в метрической магии ни для кого не были секретом, и он пытался изо всех сил — как и все прочие. Он предельно очистил свой разум, погрузился в такие глубины транса и отрешенности, что едва не достиг просветления. В этот момент он, наверное, мог бы сдвинуть дом с места силой своего телекинеза. Проклятое пятно света на индикаторе прибора, отмечавшее степень замедления или ускорения времени относительно эталона, не сдвинулось ни на йоту. Не у одного Гарри — ни у кого вообще. Время оставалось неприступным бастионом, и он не мог даже просто подступиться к этой задаче. Стало понятным, почему Цао Шу использовала столь экзотическое устройство вместо обычных механических

часов: невольно он мог бы повлиять телекинезом на их механизм, получив ошибочные результаты.

Увы, результатов не было вообще: Цао Шу оказалась абсолютно права. Эта магия определенно превышала их способности, и едва ли много большие успехи в этой сфере мог продемонстрировать даже сам Квиринус Квиррелл. Однако, как и говорила просвещенная, он запомнил все, с чем имел дело, хотя с трудом представлял себе, чем эти заведомо обреченные попытки могут пригодиться ему в ближайшей перспективе.

Когда занятие закончилось, и Цао Шу, не сказав ни слова на прощание, просто растворилась в воздухе, сокурсники обступили Гарри. Он уже привык к своему стихийно возникшему лидерскому статусу и нисколько не возражал.

— Что с ней такое? — обеспокоенно спросила Эрика, нервно теребившая край учебной мантии. — У нее что, смертельная болезнь?

— Больше смахивает на проклятие, — мрачно буркнул Курт. — Надо бы разузнать у других просвещенных. Если у нее что-то со здоровьем, она наверняка доложила ареопагу.

— Мы обязательно это выясним, — кивнул Гарри, — однако сейчас у нас другая проблема. Мне понадобится ваша помощь, поддержка и способность хранить тайну.

С молчаливого согласия Гермионы он изложил заинтригованным слушателям ситуацию, не умолчав и о роли Адама Вейсгаупта. Последнее было встречено несколькими недоверчивыми взглядами, однако никто не посмел обвинить его во лжи, включая и присутствовавшего с ними Сарана.

— Так чем же мы можем помочь, Гарри? — спросил Ханс. — Если сам директор что-то замышляет…

Гарри энергично замотал головой. Он сам не знал, почему мысль о злонамеренности Вейсгаупта доставляла ему такой дискомфорт. Ведь, если подумать, он не раз ошибался насчет людей. Вначале копия Квиррелла с физиономией Волдеморта на затылке, потом Эльза Фриз… Он бы не удивился, если бы «настоящий» Гарри, оставшийся в Хогвартсе, тоже успел встрять в историю, доверившись тому, кто доверия не заслуживает.

— Нет-нет, Ханс, я не подозреваю Вейсгаупта ни в чем плохом, — поспешно ответил он. — Скорей это что-то личное. Однако в данный момент это нам мешает, поэтому… Словом, я намерен на этих выходных совершить поездку в Дорнах, найти Альберта, как можно больше узнать у него, а к понедельнику вернуться в Айзентурм.

— Что? — выпучил глаза на него Курт. — Гарри, да ты с ума сошел! Тебе вообще нельзя покидать Сумрак. Аненербе тебя в два счета сцапают, и тогда…

— И тогда пойдет прахом вся эта их болтовня на тему перемирия до середины июня, — резко ответил Гарри и с досадой в голосе добавил: — Может, хотя бы это заставит руководство Айзентурма действовать, а не выжидать.

Пока все сверлили его взглядами, переваривая сказанное, он сделал глубокий

вдох и уже спокойным тоном продолжил:

— Так вот, о помощи. Ребята, мне важно, чтобы вы были посвящены в этот план. Одному из нас можно стереть память, как Урсуле. Может быть, двоим или троим. Но вряд ли это проделают со всеми. Если я не вернусь в понедельник, расскажите обо всем ареопагу. Включая и слова Вейсгаупта. Тогда по моим следам наверняка отправят кого-нибудь из просвещенных. Хироко, если у тебя есть какие-нибудь артефакты, способные мне помочь в плане обороны, я буду очень признателен. На этом все. Если есть какие-нибудь вопросы…

— У меня есть возражение, Гарри, — спокойно отозвалась Гермиона.

Вот только ее несогласия не хватало. Если она выступит против его затеи, на поддержку остальных можно будет не рассчитывать: Гермиона умеет убеждать в своей правоте — с ее-то логическими способностями.

— Гермиона, ты же сама понимаешь, что это наша единственная возможность! — с жаром напустился на нее Гарри, но она только кивнула.

— Конечно. Это очень рискованное мероприятие, но я с тобой полностью согласна, нам нужно это проделать. Только в Швейцарию поедешь не ты, а я. Ради меня они вряд ли нарушат перемирие — меня с артефактами атлантов ничего не связывает, и моя кровь никаких порталов не открывает.

В ее словах был резон, и этот тактический ход наверняка заслужил бы одобрительный кивок профессора Квиррелла. Но он не Квиррелл. Хорошо это или плохо, но он не может так просто поместить жизнь близкого человека в дерево принятия решений и как ни в чем не бывало решить задачу поиска оптимального хода.

— Неужели ты думаешь, что я отпущу тебя одну? — искренне возмутился Гарри.

— Не одну, — ответила Гермиона. — Урсула, я не хочу подвергать риску еще и тебя, но ты бы могла здорово помочь. Ты знаешь Альберта, а он знает тебя. Вместе с тобой у меня гораздо больше шансов получить от него информацию.

— Я с удовольствием, — кивнула Урсула. — Риск меня не беспокоит, однако у меня нет импланта. Меня не выпустят из Сумрака.

— Думаю, мы сможем пройти с одним моим, если возьмемся за руки. Квиррелл нас с Гарри провел через охраняемый портал, когда у нас еще не было имплантов.

— У меня есть несколько гибких кинетических пластин, отражающих попадания из современных штурмовых винтовок, — подала голос Хироко, — их легко можно закрепить под одеждой. Две нелетальные гранаты, активирующие при срабатывании взрывателя Ступефай Максима. Пневматический пистолет с парализующими пулями. Ну и еще кое-что по мелочам.

Гарри, опешив, слушал все эти разговоры, не веря своим ушам. Они всерьез полагают, что он позволит двум девушкам рисковать жизнью, а сам будет отсиживаться в безопасном месте, ожидая их возвращения? Конечно, как минимум Гермиона может за себя постоять, но все же…

— Ну уж нет, — категорично заявил он. — Если так, то отправляемся втроем.

Гермиона хотела было возразить, но бросив взгляд на упрямое выражение его лица, передумала и просто спросила:

— Когда выходим?

— Сегодня, когда стемнеет, — ответил он и, пробежавшись взглядом по обеспокоенным лицам сокурсников, подвел итог: — Ждет нас успех или нет, но к понедельнику ситуация сдвинется с мертвой точки. До встречи, ребята, и спасибо вам.

— Гарри, — послышался голос до сих пор молчавшего Сарана.

— Э… Да, Саран? — удивленно обернулся к нему Гарри.

— Там, на складе, ты спас мне жизнь. Спасибо, — сказал Саран и протянул ему руку.

Последний весенний снег почти растаял, и теперь под ногами хлюпала вязкая грязь вперемешку с налетевшими еще осенью прелыми листьями. Прогулочным шагом они прошли по аллее, глядя на то, как вытягиваются далеко вперед их тени от факелов Гекаты и Прометея, терпеливо и безмолвно охраняющих вход в академию Айзентурм. Они миновали центральную улицу пара-Ингольштадта, стараясь выглядеть по возможности непринужденно, и свернули в плохо освещенный проулок между домами.

Миновав группу складов и добравшись до границы окультуренной территории, они наконец остановились. Вокруг не было ни души. Никто не бежал вдогонку с требованием остановиться — никто даже не окликнул их за все время импровизированной прогулки. Переглянувшись, все трое взялись за руки. Гарри набрал воздуха в легкие, собираясь произнести ключевую фразу, открывающую выход во внешний мир.

— Сумасшедшие мы с тобой, Гарри, верно? — внезапно заговорила Гермиона.

Когда он обернулся к подруге, он увидел на ее лице странную мечтательную улыбку, как ему казалось, менее всего уместную в такой ситуации.

— Ты считаешь, что… — неуверенно начал он.

— Совсем недавно еле смогли избежать гибели и вернуться, а теперь добровольно покидаем безопасную гавань, — она, по-прежнему улыбаясь, покачала головой, как будто сама не веря в то, что они это делают. — Урсула, тебе еще не поздно передумать.

— Ты же сама сказала, что со мной все будет проще. Я не хочу, чтобы вы рисковали впустую, — просто ответила Урсула, и Гермиона, бросив на нее короткий взгляд, согласно кивнула.

Гарри в ответ лишь сильнее сжал ладонь Гермионы. Сказать бы ей сейчас то, что давно уже следовало — до того, как они, возможно, угодят в расставленную

для них ловушку нацистов или погибнут. Но рядом была Урсула, а Гермионе, наверное, не захочется услышать от него то, что может выбить ее из колеи перед началом очередного приключения. Поэтому он лишь усмехнулся и сказал, стараясь вложить как можно больше убежденности в свои слова:

— Мы с тобой прекрасная команда, Гермиона, сам Квиррелл признавал это. И на этот раз мы куда лучше вооружены благодаря Хироко. Если агенты Аненербе попытаются помешать нам… Я им не завидую.

На губах Гермионы вновь появилась улыбка, на сей раз отчетливо окрашенная грустью, и девушка придвинулась к нему ближе, обхватив руку Гарри обеими ладонями. Вздохнув, она произнесла:

— Иллюминати интрабит хик!

Безопасная гавань осталась позади. Так и не замеченная ими Цао Шу, которая безмолвно стояла в тени старого дуба на окраине пара-Ингольштадта, какое-то время смотрела на место, где они только что были, а потом исчезла, оставив после себя лишь слабый порыв холодного ветра.

Глава 5. Ангел Пустоты

Мучительно яркая, ослепляющая молния вспорола окружающее его черное пространство, высветив бесконечные ряды неподвижно стоящих далеко внизу глиняных воинов. Он знал, что стоит среди них, но каким-то образом смотрел на эту гигантскую армию сверху, из-под низко плывущих облаков, извергающих из себя нескончаемые потоки воды. Ему захотелось спуститься вниз, и его желание моментально исполнилось: поверхность земли ринулась навстречу с устрашающей скоростью, пока в поле зрения не вплыли растрескавшиеся камни Храма Творения.

Храма ли? Разбросанные вокруг могильные плиты, древний склеп поодаль, массивное надгробие прямо по центру поля зрения. Еврейское кладбище в Праге? Однако буквы, высеченные на каменной поверхности надгробия, меньше всего напоминали иврит. «Том Реддл» гласила надпись.

— Что это? — попытался спросить он, но не услышал звука собственного голоса.

— Образы возможного будущего, — пришел ответ в шуме ветра и каплях дождя, барабанивших по затвердевшей глине. — Вы еще не сняли последнюю печать, но время близко, имеющий власть.

— Волдеморт? Волдеморт связан со всем этим? — попытался он сформулировать неясную мысль, шевельнувшуюся на самом дне сознания.

— Ты видишь сам.

Среди надгробий показался темный силуэт. Невысокий человек медленно приближался, неслышно ступая по кладбищенской земле и прижимая к себе нечто похожее на запеленутого младенца.

— Что мне делать, Цакебе?! — беззвучно вскричал Гарри. — Что ты хочешь от меня? Эти видения ни капли не помогают мне, только путают еще больше.

— Я не посылаю этих видений. Ты посылаешь их. Учись видеть, имеющий власть.

— Просто скажи, что меня ждет?

— То, чему ты позволишь случиться.

— Я умру?

— Вероятно.

— А Гермиона?

— Почти наверняка.

Гарри почувствовал, как ледяная рука, словно принадлежащая одному из мертвецов, лежащих на этом кладбище, схватила его за горло и начала медленно сжимать пальцы, выдавливая из него остатки жизни. Кошмарное будущее приближается, а он даже не знает, что сделать для его предотвращения.

— Ты в силах помочь, Цакебе? — спросил Гарри, едва сдерживая слезы.

— Теперь уже нет. Прощай, имеющий власть.

Отчаяние затопило его, и он попытался закричать, но не смог выдавить из себя ни звука. Приближавшийся человеческий силуэт замер, и Гарри услышал резкий холодный голос:

— Убей лишнего!

Следом раздался протяжный вопль невыносимой боли, и Гарри с запозданием понял, что кричит он сам.

— Гарри, проснись! Да проснись же!

Он оторвал голову от смятой подушки. Перепуганная насмерть Гермиона трясла его за плечо, глядя на него широко раскрытыми глазами. У нее за спиной он увидел встревоженную Урсулу, которая растерянно переводила взгляд с него на Гермиону и обратно. По их лицам проносились отблески огней за окном поезда.

— Я… снова кричал? — спросил он пересохшими во сне губами.

— Еще как, — мрачно кивнула Гермиона.

— Похоже, у тебя это не в первый раз, Гарри? — спросила Урсула. — Мне тоже долго снились кошмары после того, как мой отец… Когда его убили.

Он сочувственно кивнул и взглянул на часы. Шесть утра. До прибытия в Базель оставалось двадцать минут. Еще пятнадцать минут на автобусе — и они будут в Дорнахе, а дальше Урсула покажет дорогу. Поначалу Гарри пожалел, что они были вынуждены воспользоваться традиционным магловским транспортом вместо портала. Выбирать, увы, не приходилось: портал в Швейцарию располагался в подсобке «Эрлёйхтетенгартена» вместе с несколькими другими, и незамеченными уйти через них было невозможно.

Однако, немного рассудив, Гарри понял, что, воспользовавшись порталом, они бы ничего, по большому счету, не выиграли: прибыв в Дорнах на ночь глядя, им все равно пришлось бы ждать до утра, пока Гётеанум откроется, чтобы отыскать Альберта. Кроме того, портал вел в Цюрих, откуда им опять-таки пришлось бы ехать поездом.

Как ни странно, враг держал слово: покинув Сумрак, они до сих пор не подверглись нападению. Слежки тоже заметно не было, хотя это, конечно, еще ничего не значило: Гарри слишком хорошо помнил засаду, которую им устроили в Мюнхене. Быть может, Квиррелл ошибался, полагая, что руководство Аненербе блефует? Возможно ли, что они в самом деле готовы заключить мир? С другой стороны, мирный договор с нацистами — идея с любой стороны плохая, поэтому, несмотря на то, что его первоначальная тревога несколько улеглась, Гарри старался сохранять бдительность. В конце концов, от этого зависит не только его собственная жизнь.

— Подъезжаем, — сказала Урсула, глядя в окно. — Осталось немного.

Она оказалась права. Через пятнадцать минут после прибытия на железнодорожную станцию Базеля они уже сидели в полупустом автобусе, державшем курс на коммуну Дорнах. Гарри не мог избавиться от тяжелого послевкусия, вызванного очередным видением. Темно-серая пелена облаков, укрывшая небо от горизонта до горизонта, только усугубляла гадкое гложущее чувство тревоги, угнездившееся где-то в центре груди и стеснявшее дыхание. Неужели Цакебе говорит правду, и каждым своим действием они лишь приближают собственную гибель? Его состояние не укрылось от Гермионы, которая то и дело озабоченно поглядывала в его сторону.

— Что с тобой, Гарри? — наконец не выдержала она. — Сон?

Он сдержанно кивнул. Почему-то ему не хотелось делиться с подругой своими видениями. И не только потому, что они могли ее встревожить. Когда он мысленно пытался облечь увиденное им в слова, получалось что-то на редкость глупое и не стоящее внимания. Бессвязная цепочка образов, смысл которых подчас был туманным до крайности, сопротивлялась осмыслению. В то же время образы эти определенно несли информацию о будущем, в чем он уже не раз убеждался.

Гермиона, так и не дождавшись от него деталей, обиженно пожала плечами и перевела взгляд на пейзаж за окном. Многоэтажная городская застройка Базеля уступила место редким частным домикам, перемежавшимся начинавшими цвести садами. Первая весенняя зелень, хотя и не достигла густоты и пышности, свойственной лету, но все же выгодно оттеняла унылое небесное марево, и Гарри ощутил, как неприятное чувство в груди теряет силу. Может быть, у них все же есть шансы на лучшее будущее?

— Теперь еще минут пятнадцать пешком, — сообщила им Урсула, когда они выбрались из автобуса. — Не очень близко, но здесь прекрасное место для прогулок.

Дорнах и впрямь оказался на редкость живописным поселением. Путешествие по узким чистым улочкам среди деревьев и аккуратных двухэтажных домов нисколько не тяготило, и когда после очередного поворота они оказались на длинной асфальтированной аллее, ведущей к причудливому сооружению неправильной куполообразной формы, гнетущие мысли почти покинули Гарри.

— Гётеанум, — просто сказала Урсула, указав на здание. — Сюда мы приезжали с папой, когда мне было десять лет. Именно здесь он встречался со своим другом.

Дверь во Всемирный центр антропософии оказалась запертой. Трижды позвонив, они не менее пяти минут ждали, переминаясь с ноги на ногу, когда, наконец, замок щелкнул, дверь отворилась, и перед ними предстал высокий сгорбленный мужчина лет за сорок в гигантских очках со столь же гигантскими диоптриями. Судя по его весьма недовольному выражению лица, они помешали ему выспаться перед началом рабочего дня, но особенно виноватым себя Гарри не чувствовал.

— Ребята, экскурсии сегодня с одиннадцати… — начал он с явственно звучавшими сварливыми нотками в голосе.

— Доброе утро, — перебила его Урсула. — Мы не на экскурсию. Мы ищем человека, который здесь работает… Или работал раньше.

Мужчина открыл дверь шире, и Гарри разглядел бейджик, закрепленный на его пиджаке. «Проф. Зигмунд Закс, искусствовед, доктор философии», сообщала надпись.

— Но почему так рано? — немного смягчившись, спросил он. — Почти никого из сотрудников сейчас нет на месте. Кто именно вам нужен?

— Я не помню его фамилии, — ответила Урсула. — Однако его зовут Альберт, и у него поврежден позвоночник. Он пользуется инвалидным креслом.

Их собеседник нахмурился, обратив взгляд за толстенными стеклами очков куда-то в направлении облаков, а потом покачал головой:

— У нас есть один Альберт, молодой парень, который пришел к нам год назад. Но никого на инвалидном кресле здесь нет, это я вам точно могу сказать. Однако я здесь работаю только три года. Если ваш Альберт покинул Гётеанум раньше, вам лучше поговорить с моей коллегой, она сейчас наверху. Идите за мной.

Едва войдя в холл, Гарри вздрогнул. Даже снаружи здание казалось каким-то неправильным, будто бы грубо вытесанным пещерным гигантом из цельного куска камня. Но стоило им перешагнуть порог, как волосы зашевелились у Гарри на голове — настолько сильные ассоциации вызывал этот интерьер. Красноватое освещение из нескольких точечных источников, искаженная, перекошенная архитектура, создающая впечатление зыбкости и неустойчивости, сюрреалистичные картины и скульптуры, украшающие стены… Мир ангелов. Мир Черного солнца во всем своем жутком величии.

Они пересекли холл, миновав на редкость уродливого истукана с разинутым в крике ртом, и доктор Закс распахнул перед ними двери центрального зала, заставленного рядами кресел. Гарри задохнулся. Багровое клубящееся марево. Ангельские фигуры, вооруженные сияющими клинками и зигзагообразными молниями. И гипнотический взгляд сквозь бушующее пламя прямо перед ним. Он застыл, как вкопанный. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы сообразить, что это всего лишь настенно-потолочная роспись, ненавязчиво переходящая в массивные опорные колонны по сторонам.

— Нравится? — по своему интерпретировал состояние Гарри их провожатый. — Большинство картин здесь основаны на работах Рудольфа Стайнера, нашего основателя. Но с момента его смерти немало талантливых художников сделали свой вклад во внутреннее убранство Гётеанума, не говоря уже о наших архивах.

Профессор провел их через весь зал к небольшой двери слева от сцены, где они поднялись на второй этаж по столь же причудливой скошенной лестнице. Стены здесь казались нарисованными акварелью, хотя было заметно, что этой иллюзией они обязаны преимущественно искусному сочетанию разноцветных источников света и стеклянных витражей, порождающих вместе наблюдаемое смешение цветов.

Постучав в дверь, доктор Закс пригласил их в светлый просторный кабинет, где они увидели сидевшую за столом полноватую круглолицую блондинку средних

лет.

— Знакомьтесь, ребята, — сказал профессор. — Это доктор Криста Браун, она работает в архиве последние пятнадцать лет…

— Шестнадцать, доктор, — улыбнувшись, перебила его женщина и, встав из-за стола, протянула им руку. — Чем могу быть полезна, молодые люди?

Усевшись на предложенные им стулья, они вкратце изложили цель своего визита. От Гарри не укрылось, что жизнерадостное лицо сотрудницы архива на мгновение помрачнело, едва она услышала упоминание Альберта. Впрочем, она сразу же вернула себе благодушный вид и, кивнув, ответила:

— Я знаю, о ком вы говорите. Это Альберт Кун, довольно известный в наших кругах коллекционер. У него нет ученой степени, однако его значение для всего нашего направления… Словом, выдающийся был человек.

— Был? — нахмурился Гарри. — Он уже умер?

— Нет, он жив. Но с ним что-то случилось около четырех лет назад. Переругался со всеми сотрудниками в очень… резких выражениях, обозвал нас близорукими идиотами и покинул Гётеанум навсегда. Теперь живет в своем особняке на окраине, носа наружу не кажет. Нанял охрану, огородил свой участок колючей проволокой — ну, вы понимаете. Да еще и прихватил с собой бумаги из архива Гёте, которые здесь раньше хранились. Строго говоря, они и раньше находились в его коллекции, но все равно, забирать обратно подаренное — это… не очень хорошо, — она осуждающе покачала головой.

— А вы не подскажете, как найти его дом? — спросила Гермиона.

— Недалеко отсюда. Перекресток Гобенвег и Шлоссвег, белый двухэтажный дом с высоченным забором. Не ошибетесь.

Дом Альберта Куна они увидели издали: сиротливо стоявший вдалеке от всех других, он белел за деревьями, высившимися по сторонам шоссе Гобенвег. Солнце уже взошло, окрасив пейзаж в нежно-розовые тона, а дувший с утра ветерок почти совершенно стих. Подавленное настроение Гарри окончательно рассеялось, и он безмятежно шагал рядом с девушками по направлению к цели их путешествия. Достичь ее оказалось на удивление просто. В другое время это могло бы его насторожить, но сейчас он был слишком сосредоточен на возможном будущем, чтобы обращать внимание на то, что происходило в настоящем.

— Если у него и впрямь полный двор охраны… — нарушил молчание Гарри, но продолжить не успел.

— Тихо! — зашипела на него Гермиона, дав знак остановиться.

— Что случилось? — удивился он.

— Что-то в кустах, — прошептала она. — Мне показалось… Там кто-то крадется.

Гарри извлек из внутреннего кармана куртки пистолет, над которым поработала Хироко, и снял его с предохранителя. Подойдя к краю дороги, он вгляделся в глубину зарослей, пытаясь уловить движение, однако все было тихо, и, постояв с полминуты, он вернул пистолет на место.

— Возможно, ветер или какое-то животное, — пожал он плечами. — Пойдем к дому. Если он и впрямь так охраняется, как описала Криста Браун, у нас могут быть проблемы. И лично мне не хотелось бы решать их насильственным путем.

Усмехнувшись тому, насколько агрессивно прозвучало его заявление, он бросил последний взгляд в заросли и вернулся на дорогу. В конце концов, Аненербе имели десятки возможностей сцапать их раньше, не дожидаясь, пока они доберутся до цели.

Вблизи жилище Альберта поражало своей мрачной неприветливостью, несмотря на выбранную цветовую гамму. Белая краска на высоком металлическом заборе облупилась, и никто уже давно не предпринимал попыток восстановить покрытие. Рядом с одинокой маленькой дверью красовалась вывеска с темной-красной лаконичной надписью: «Вход воспрещен».

Кнопки звонка не было, поэтому Гарри просто постучал в дверь. Ответа не последовало, и он постучал еще раз.

— Читать не умеете? — раздался гнусавый голос с той стороны. — Проваливайте.

— Нам нужно увидеть Альберта Куна! — крикнул Гарри.

— А мне нужно миллиард долларов на счет и Клаудию Шиффер в жены. Проваливайте, я сказал!

Урсула подошла ближе, заставив Гарри посторониться.

— Передайте господину Куну, что пришла дочь его старого друга, Юргена Майснера.

— Да хоть английская королева! Я уже сказал…

— Погоди, Штефан, я их встречу, — послышался слабый надтреснутый голос.

Замок громко лязгнул, и дверь отворилась. Во дворе стоял выглядящий крайне недовольным охранник в мятой униформе, который, увидев их, скривил мясистые губы, отчего они стали похожими на два слипшихся хот-дога. У него за спиной в инвалидном кресле сидел совершенно седой старик, укутанный в мышиного цвета потертый плед, изучающе глядя на них из-под кустистых бровей.

— Урсула? — с улыбкой проговорил он, разглядев рыжеволосую девушку среди гостей. — Прошу в дом. Кто твои друзья?

Дом, который в свое время имел полное основание носить эпитет «шикарный», теперь являл собой плачевное зрелище. Гостиная, куда они вошли вслед за Альбертом, была завалена всевозможным хламом: исписанными листами бумаги, выцветшими газетами за невесть какой год, картонными коробками и почтовыми конвертами. В углу, рядом с горой скомканных пластиковых пакетов, на

табуретке громоздилась стопка немытой посуды, увенчанная куском хлеба, уже тронутым пленкой плесени. У Гарри, едва он оказался внутри, отчаянно засвербило в носу и, не выдержав, он громко чихнул, взметнув в воздух облака многолетней пыли с ближайшего к нему книжного стеллажа.

— Простите Штефана, — доверительно понизил голос Альберт. — Он раньше работал управляющим в какой-то компьютерной компании. Компания давно прогорела, но он до сих пор обожает командовать. Мда… Так чем же я удостоился вашего визита, юные иллюминаты? Про меня уже все забыли. Оно и неудивительно: у меня уже ничего не осталось. — Помолчав немного, он тихо добавил: — И никого.

— Ваш брат? — так же тихо спросила Урсула.

Альберт молча кивнул и развернул свое кресло в сторону окна. Гарри переглянулся с Гермионой. Прямое попадание!

— Это моя вина, — сказал старик. — Я написал ему в Германию, когда ко мне вломились люди Аненербе и похитили бумаги Гёте. Он пустился по следу и… — Альберт снова умолк, и до друзей донесся его тяжелый вздох. — Не следовало мне забирать эти материалы из Гётеанума, конечно. Но я здорово психанул тогда, после гибели Юргена. Думал, что у меня они скорей сохранятся. Нанял кучу охранников… А толку-то — против магии? Они даже огонь открыть не успели.

«Профессор Квиррелл мог бы возразить», — подумал Гарри, но комментировать последнее высказывание Альберта не стал. Вместо этого он выдержал деликатную паузу и перешел непосредственно к цели их визита:

— Господин Кун…

— Просто Альберт, — перебил его старик. — Ненавижу официальщину.

— Альберт, — послушно повторил Гарри. — У нас к вам несколько вопросов, от которых зависят жизни многих людей. Вы не откажетесь…

— Я расскажу все, что вас интересует, мне уже нечего терять, — пожал плечами Альберт. — Но почему вы? Если у этого вашего Айзентурма проблемы, почему их не решают просвещенные?

— Это… сложно объяснить, — уклончиво ответил Гарри, на что Альберт ответил понимающей ухмылкой. — Возможно, мой первый вопрос покажется вам странным, но… Не знаете ли вы что-нибудь, что можно использовать против Аненербе? Местоположения их баз? Порталов? Может быть, какие-то из долгосрочных планов?

Альберт неожиданно серьезно взглянул на Гарри и задумался. Потом подъехал к облупленному комоду, выдвинул ящик и, покопавшись, извлек из наваленного там хлама, крохотную записную книжку.

— Раз уж вы спросили… Юрген Майснер, отец этой юной фрейлейн, мир праху его, что-то такое знал. Прости меня, Урсула, что говорю все это… Твоего отца перехватили на вокзале, когда он направлялся в Ингольштадт. До этого он говорил мне, что владеет информацией, которая поможет покончить с Аненербе.

— Он не намекал, что именно это за информация? — спросил Гарри.

— Нет, — покачал головой Альберт. — Однако через неделю после того, как он погиб, я получил по почте небольшую бандероль от незнакомого отправителя, в которой было вот это, — он помахал блокнотом. — Я думал, что это ошибка, хотел даже вернуть на почту. Однако, раскрыв блокнот, сразу узнал почерк своего друга. Правда, абсолютно не понял смысла написанного.

— Шифр? — спросила Гермиона с загоревшимися глазами.

Альберт пожал плечами и подъехал к ним на своем кресле, вручив блокнот Гермионе.

— Судите сами. То ли шифр, то ли бессмыслица, чтобы сбить Аненербе с толку. Пока что это сбило с толку самого меня. И боюсь, ребята, что ничего больше у меня для вас нет, — он снова вздохнул и свесил голову на грудь.

Бросив взгляд на Гермиону, которая уже углубилась в изучение содержимого блокнота, Гарри перешел ко второму вопросу, который ему хотелось прояснить. Но для этого им тоже потребуется кое-что рассказать.

— Господин… то есть Альберт, — начал он. — Мы были на Броккене, когда там погиб ваш брат.

Старик поднял к нему хмурый взгляд, и Гарри, собравшись с духом, вкратце изложил историю их путешествия к тайнику Гёте. Когда он закончил, Альберт трясся в своем кресле от беззвучных рыданий.

— Дядя Альберт, — обратилась к нему Урсула, — может, мы подождем…

— Нет! — сквозь слезы отрезал старик. В его слабом голосе появились стальные нотки — свидетельство бушевавшей внутри ярости. — Чем еще я могу быть полезен? Я сделаю все, чтобы помочь иллюминатам прикончить этих тварей.

Со двора послышался шум: судя по звуку, что-то тяжелое упало на землю.

— Штефан, что там такое? — крикнул Альберт и, не дождавшись ответа, вновь обратил взор к друзьям.

— Среди бумаг, которые мы нашли у… вашего брата, — осторожно начал Гарри, — было очень странное письмо на иврите, не имевшее отношения к Гёте.

— Да, я знаю, — кивнул Альберт, — это письмо заключенного в Освенциме, адресованное одному раввину по имени Эрше Ширман. Его когда-то передал мне Юрген, а я отправил копию своему брату, потому что он изучал историю Холокоста и…

— Что?! — в один голос воскликнули Гарри и Гермиона.

— Что вас удивило? — нахмурился Альберт.

— Вы… наверное, что-то перепутали, — сказал Гарри. — Мы знаем Эрше Ширмана. Но он выглядит… моложе.

Альберт еще больше нахмурился и в задумчивости почесал лоб. Затем он поднял взгляд и медленно проговорил:

— Твой отец, Урсула… Он рассказывал мне очень странные вещи про этого человека. Я не поверил тогда, но теперь…

— Что именно он рассказывал, Альберт? — спросила Гермиона. — Что он бессмертен и что на самом деле зовут его иначе?

— Откуда вы знаете, фрейлен? — удивился Альберт. Гарри с таким же удивлением посмотрел на Гермиону, на лице которой появилась торжествующая улыбка. — Да, вы правы. Юрген говорил, что среди самых старых пражских евреев об этом человеке говорят с почтением. Относятся к нему, словно к божеству какому-то или ангелу. Говорят, что он жутко древний, но не стареет. Что он очень добрый, и всегда приходит на помощь в самые тяжелые годы. И еще имя… На самом деле его зовут…

Окно взорвалось тысячами стеклянных осколков, которые усеяли гостиную сверкающим ковром. Выломав оконную раму, внутрь ввалилось окровавленное тело Штефана и рухнуло поверх журнального столика, свесив безжизненные конечности. На подоконник легко запрыгнул человек, которого Гарри поначалу не узнал — мешало солнце, светившее из-за спины визитера. Последний сделал шаг в сторону, обратив к ним лицо.

— Эльза Фриз?! — воскликнула Урсула, сделав шаг назад.

— К вашим услугам, фрейлейн Майснер, — изобразив лучезарную улыбку, отозвалась Фриз. — Сожалею о вашем охраннике, господин Кун, но он собирался в меня стрелять. Мисс Грейнджер, передайте мне это, будьте добры.

Гермиона, поспешно завела за спину левую руку, сжимая в ней записную книжку Юргена Майснера, одновременно выхватив палочку. Гарри извлек из кармана пистолет, чем безмерно удивил Эльзу Фриз, судя по выражению ее лица.

— Ребята, — проговорила она, покачав головой. — Вы не осознаете ситуации. Между Аненербе и иллюминатами действует перемирие, и действовать оно будет ровно до тех пор, пока кто-нибудь из ваших его не нарушит. Нападение на агента Аненербе — это нарушение. Если оно произойдет, за ним последует немедленная атака как на академию, так и на ваших людей в других городах. Включая маленькую экспедицию в Глинско с уважаемым профессором Квиррелом во главе. И знаете, я буду только рада этому, — закончила она тираду, хищно ухмыльнувшись.

— Однако и вы не можете напасть на нас, верно? — медленно спросил Гарри, закрывая собой Гермиону. — Так что мы уходим, и вы нас…

— Отобрать можно, и не нападая… формально, — равнодушно хмыкнула Эльза Фриз и направилась к ним, небрежным движением ладони отшвырнув с дороги коляску со стариком.

— Гермиона, беги! — выкрикнул Гарри, поднимая пистолет на уровень глаз.

— Ой, Гарри… — с улыбкой проворковала Эльза Фриз, направляясь прямо на

него.

Закончить она не успела. Грохнул выстрел, и пуля пробила ей щеку, во мгновение ока превратив красивое лицо в жуткую кровавую маску. Брызнули осколки зубов и костей челюсти, и бывшая преподавательница теоретической истории с мучительным хрипом завалилась набок.

— Я не иллюминат, — тихо сказал Альберт, сжимающий в руке древний «Люгер» со все еще дымящимся стволом. — Мне можно.

Эльза Фриз перекатилась набок и, вскинув руку, прошамкала страшно изуродованным ртом:

— Авава кхававва!

Вторая пуля ударила в стену за ее спиной, выворотив кусок пластикового покрытия. Фриз, истекая кровью, выхватила другой рукой «Вальтер». На сей раз выстрелы прозвучали одновременно. Посланница Аненербе рухнула на пол с пулевым отверстием в центре лба. Альберт застонал, прижав руку к правой стороне груди. Под его пальцами на белой рубашке расплывалось кровавое пятно.

— Урсула… — прохрипел он.

— Дядя Альберт! Мы вам поможем! Держитесь, я вызову скорую… — Урсула рванулась к стоящему на столике телефону.

— Нет! — с усилием выдавил из себя Альберт, закашлявшись. На его губах остались сгустки крови. — Они наверняка прослушивают звонки… Узнают, что она мертва, и нагрянут. Бегите сейчас же. Мне уже не помочь.

Его тело затряслось от приступа кашля. Урсула, застыв на месте, с ужасом смотрела на умирающего.

— Простите нас… — пробормотала она. — Мы привели за собой…

— К черту… — попытался улыбнуться старик. — Идите.

— Он прав, — тихо сказала Гермиона, тронув Гарри за руку. — Нам пора уходить.

Гарри молча кивнул Альберту, взял за локоть мокрую от слез Урсулу, и все трое направились к выходу. Но последующие слова старика заставили его застыть на месте.

— Цакебе… — прошептал тот. — Последний ангел на Земле… Ангел Пустоты. Найдите… может быть… поможет.

— Что вы сказали? — ошарашенно спросил Гарри, обернувшись.

— Найдите, — вновь пробормотал старик. — Юрген… знал.

— Но как?.. — начал было Гарри и тут же осекся.

Альберт Кун был мертв.

Глава 6. Экспедиция

— Вы поступили глупо и спровоцировали обострение кризиса, — бросил Квиррелл, холодно глядя Гарри в лицо. — По вашей милости мы лишились потенциального свидетеля, а враг получил основание для того, чтобы нарушить перемирие.

Профессор сидел за столом в своей лаборатории, устало опершись на подлокотник кресла. Как ему удавалось совмещать преподавание, поиски Фиглинума, да еще и его исследовательскую работу по синтезу глины Эдема, оставалось для Гарри загадкой. Он даже предположил, что просвещенный прибегает к возможностям маховика времени, как это делала Гермиона год назад.

— Мы бы не стали так поступать, — выдержав его взгляд, ответил Гарри, — если бы просвещенный Вейсгаупт…

— Вы не могли подождать пару дней до моего возвращения? Я бы проделал все то же самое без лишнего шума.

— Черт возьми, профессор, я только и делаю, что постоянно кого-то жду с тех пор, как вернулся в Айзентурм! — вспылил Гарри, поднявшись с места. — И если никто ничего не хочет делать, приходится действовать нам.

— Сядьте на место, мистер Поттер, и успокойтесь. Я не намерен вас наказывать на этот раз. Просто сделайте вывод из произошедшего и в следующий раз думайте, прежде чем что-то предпринять. К вам, мисс Грейнджер, это тоже относится: уж вы-то со своим аналитическим складом ума могли догадаться, чем чревато ваше мероприятие. Но нет же, вам захотелось новых загадок и тайных посланий.

Гермиона беспокойно заерзала на стуле, виновато глядя в пол. Это не укрылось от внимания профессора, который не замедлил сменить гнев на милость и, усмехнувшись, сказал уже совсем другим тоном:

— Да, я ознакомился с содержимым блокнота. Надеюсь, оно скомпенсирует последствия вашего приключения на выходных.

— И что вы можете сказать об этом тексте? — осторожно спросила Гермиона.

— Он определенно содержит шифрованное послание. На третьей странице. Все остальное — для отвода глаз.

— Но как мы можем быть в этом уверены? — спросил Гарри.

— Этот вывод сделать нетрудно, — снисходительно отозвался Квиррелл. — Что это за строки, например?

Он протянул Гарри блокнот, раскрытый на первой странице, и Гарри прочел:

> «Возле Риони, недалеко от белой шерсти,
> Овен, Телец, Рак, Лев, Дева,
> Марс, Юпитер, Солнце сожжет большую долину,

Леса и города; письма спрятаны в церковной свече.»

— Я уже читал это профессор. Вы считаете, что это не шифр?

— Переверните страницу, — спокойно ответил Квиррелл.

Гарри выполнил его просьбу. Текст, который он увидел на этот раз, оказался ничем не лучше и содержал какую-то чепуху про небесный огонь, молнию и падающую стену.

— И так на каждой странице, кроме третьей, — кивнул Квиррелл. — Мисс Грейнджер, вы уже сообщили своему другу, что это такое? Я вижу, что вы узнали текст.

Гермиона смущенно улыбнулась, покосившись на Гарри, и ответила:

— Еще нет. Я надеялась вначале расколоть шифр. Гарри, эти стихи — знаменитые «Центурии» Мишеля Нострадамуса. Он умер в XVI веке и никак не мог знать об Аненербе.

— Я думал, что уж он-то как раз мог, — пробормотал Гарри.

— Его так называемые пророчества — чистейшая галиматья, — отмахнулся Квиррелл. — И тот факт, что стихотворение на третьей странице не принадлежит Нострадамусу, лишний раз подтверждает, что весь остальной текст нужен только для того, чтобы сбить с толку не слишком подкованного человека, вроде вас.

Гарри снова перелистнул страницу и вгляделся в записанное там четверостишие. На первый взгляд — такая же бессмыслица, но с самого начала речь идет о том, что ему известно. И если это написано Юргеном Майснером, то у них в руках, вероятно, и впрямь ключ к чему-то важному. Он в очередной раз скользнул взглядом по строкам, пытаясь понять, какой смысл может скрываться за этим нагромождением слов. Текст стихотворения гласил:

«Под Черным Солнцем мрачная Валгалла,
Копье Судьбы указывает путь:
Сойди ж во тьму сквозь эхо ритуала,
Кольцо из рун с собою не забудь.»

Он покачал головой, признавая свое поражение. Для Гермионы, наверное, в этом нет ничего особенно загадочного, судя по тому, как она разделалась с поэмой Гёте. Но его собственная память вполне заурядная, да и наблюдательность не лучше среднего. Чего они вообще могут от него ожидать?

— Не имею представления, что это означает. Валгалла — это же вроде загробного мира в скандинавской мифологии? Может быть, это еще и название планеты, которая вращается вокруг Черного Солнца? Но я не знаю, что это нам дает. Копье Судьбы… Кольцо из рун… Что это такое?

— Ну, что такое Копье Судьбы, — общеизвестно, — пожал плечами Квиррелл, — это одно из названий того самого копья, которым римский сотник Лонгин пронзил ребра распятого Христа согласно Евангелию от Иоанна. Миф, конечно, однако нацисты были одержимы его поисками, полагая, что эта реликвия

мистическим образом поможет им одержать победу в войне. А поскольку ничего подобного ими найдено так и не было, я с трудом представляю, как это копье может на что-то указать. Отдам блокнот профессору Ланге, пусть прогонит это по базе Гипертьюринга.

— Что же теперь? — опустил голову Гарри. — Снова ждать?

— Хотите действовать, мистер Поттер? — иронично изогнув бровь, спросил Квиррелл.

Гарри пожал плечами, подумав, что его мнение и без того написано у него на лице: в отличие от покойной Фриз он никогда не умел скрывать свои мысли и чувства. Нарываться же на очередную лекцию о стратегическом значении ничегонеделания ему сейчас хотелось меньше всего.

— Ну что ж, могу вас обрадовать, — сказал профессор. — За эти месяцы, в течение которых мы якобы «просто ждали», наши сотрудники смогли определить местоположение более, чем тридцати баз и порталов Аненербе на одной только территории Европы. А заодно установили ненавязчивую слежку за двумя сотнями их агентов. Осталось только найти центр паутины, чтобы ликвидировать организацию раз и навсегда.

— Профессор! — Гарри с просветлевшим лицом вскочил на ноги. — Что же вы сразу не сказали?

— Я и сейчас, строго говоря, не должен был говорить. Секретные операции — в ведении ареопага. Но эдак вы с любопытной мисс Грейнджер рискуете откинуть еще какое-нибудь коленце. Естественно, эта информация не для распространения… И нет, я вызвал вас не для того, чтобы похваляться успехами нашей разведки.

— Для чего же, просвещенный Квиррелл?

Профессор пристально посмотрел ему в глаза, потом поднялся из кресла и сказал:

— Вы не против небольшой внеклассной тренировки, мистер Поттер?

— Конечно, профессор, — ответил Гарри, поднимаясь вслед за ним, — но в чем, собственно, дело?

— Я слышал, вы еще на прошлом курсе научились вызывать телесного Патронуса, не так ли? Это впечатляет. Однако я хочу научить вас одному трюку, который можно проделать с его помощью. Мисс Грейнджер, вам тоже было бы полезно присутствовать.

— Так вы позвали нас для этой тренировки? — удивленно спросил Гарри.

— Не совсем так. Просто я буду очень признателен, если завтра вы составите мне компанию в Глинско. Дело в том, что мы нашли Фиглинум.

Едва лишь распрощавшись с сокурсниками и покинув Сумрак, Гарри осознал,

насколько серьезно Квиррелл относится к их безопасности. Всю дорогу ребят сопровождали шестеро магов Айзентурма, которые, как и сам Квиррелл, не брезговали и магловским оружием. На вопрос Гарри о том, хватит ли этого в случае нападения полного штурмового отряда Аненербе, профессор лишь усмехнулся, из чего Гарри сделал вывод, что эти шестеро — лишь часть предпринятых оборонительных мер. Несколько расслабившись, он обратился к профессору:

— Вы не расскажете, зачем нам снова вживили по импланту? У нас ведь уже есть стандартные метки.

— Это кое-что другое, мистер Поттер. Скажем так, дополнительная мера безопасности.

— Но что они делают?

— Лучше вам этого не знать, — серьезно ответил Квиррелл. — Надеюсь, нужды в них не возникнет.

Настроение Гарри снова испортилось. Что за дрянь им имплантировала Краузе? Дистанционный взрыватель? Средство внешнего контроля поведения? Он вспомнил внешний вид устройства: черная пузатая капсула с сегментированной поверхностью. Легко представить, что внутри нее — смертоносный яд, заготовленный для него на случай… На всякий случай.

Много времени путешествие не заняло: обнаружив предполагаемый вход в последний из Источников, иллюминаты создали портал недалеко от этого места. Когда перемещение закончилось, Гарри обнаружил, что они стоят в окружении высоких сосен — к юго-востоку от города, как мимоходом пояснил Квиррелл. Прохладный чистейший воздух, насыщенный запахами хвои, смолы, молодой травы и весны, оказывал воистину опьяняющее действие, и добрую минуту Гарри просто наслаждался этой чудодейственной смесью, пока вдруг не осознал, что это чувство вызвано не только воздухом. Рядом был Источник, и все его чувства буквально кричали об этом незримом присутствии.

Возможно, входи он в состав экспедиции, Фиглинум был бы найден много раньше… Но ему бы не позволили бродить по окрестностям, рискуя жизнью и свободой. Его помощью воспользовались лишь тогда, когда других возможностей не осталось.

Пройдя около сотни ярдов, их группа натолкнулась на охраняемый периметр, живо напомнивший Гарри о походной заставе Аненербе на острове Вен, с той лишь разницей, что иллюминаты куда тщательней подходили к охране своих территорий. Гарри насчитал более двадцати человек в пределах видимости, причем рядом с некоторыми из них были установлены станковые пулеметы неизвестной ему конструкции. Черт возьми, да они словно готовятся к полномасштабной войне!

— Вы не опасаетесь, что кто-нибудь из маглов наткнется на вас и доложит властям о том, что здесь целая армия? — поинтересовался Гарри у Квиррелла.

— К югу отсюда пролегает шоссе, но вообще-то места здесь безлюдные, — пожал тот плечами. — Однако мы предусмотрели и эту возможность, так что вся эта территория, включая портал, — под защитой Протего Хоррибилис.

— Вы ожидаете нападения? — спросила Гермиона, недоверчиво оглядывая периметр.

— Да, — кивнул Квиррелл. — Потому что это последняя возможность Аненербе получить над нами перевес. Если они ее упустят, то они даже не идиоты — они самоубийцы. С армией големов мы просто сотрем их с лица Земли, притом без потерь с нашей стороны.

— Чего же они ждут?

— Появления Гарри из рода Горшечников, очевидно, — усмехнулся профессор. — Того, кто сможет открыть им путь.

Продравшись через нагромождение валежника, они оказались у края свежевырытой ямы. Нет, не ямы — целого котлована. В его центре из земли выступала выщербленная каменная плита круглой формы с нанесенной по периметру вязью рун, напоминая гигантских размеров печать. «Вы еще не сняли последнюю печать, но время близко…» — вспомнил Гарри слова, сказанные Цакебе в его последнем видении. Что таилось за этим предупреждением? Почему образы будущего неизменно полны ужаса и боли? Разве не получают они в руки силу, способную обеспечить им победу над врагом?

— Это оно? — спросил Гарри, остановившись на краю котлована. — Как вам удалось найти его под землей?

— Рутина, рутина и еще раз рутина, — отозвался человек в мятом коричневом пиджаке, сидевший рядом на поваленном стволе, прихлебывая что-то газированное из пластиковой бутылки. — Перерыли все местные архивы, говорили с сотрудниками в краеведческом музее, со старожилами, провели анализ торговых путей от Средних веков и раньше. Наткнулись на ряд упоминаний о мелком ремесленном поселении недалеко от Глинско, которое тщательно охраняли — якобы не желая делиться секретами гончарного мастерства. А с какого-то момента все упоминания такого рода исчезают. Все указывает на то, что поселение искусственно ликвидировано, а вход попросту засыпан. Оставалось проверить несколько предполагаемых мест, и со второго раза догадка подтвердилась.

— Жаль, нас не было с вами, — мечтательно произнесла Гермиона, слушавшая эти объяснения, затаив дыхание.

— На наш век загадок хватит, мисс, — расплылся в улыбке обладатель мятого пиджака. — Вы же Гермиона Грейнджер, я прав? Эдди Рассел к вашим услугам. Закончится вся эта история — берите своего молодого человека и присоединяйтесь к очередной экспедиции. У нас всегда происходит что-то интересное.

Гермиона улыбнулась и кивнула в ответ. Она не стала говорить Расселу, что, де, «Гарри — не мой молодой человек, мы просто лучшие друзья». Возможно, это ничего не значило, но сердце Гарри забилось чуть быстрей обычного.

Когда они ступили на скользкий склон котлована и стали осторожно продвигаться к вырытой каменной плите внизу, Квиррелл пояснил:

— Эд — сквиб, но действительно выдающийся археолог, настоящий Индиана Джонс. Половина древних магических артефактов Айзентурма найдены лично им или под его руководством. Разумеется, мы привлекли его для поисков входа в Фиглинум.

— Это совсем не похоже на вход, — с сомнением произнес Гарри, когда они добрались до самого низа. — Скорей уж на какой-то алтарь или…

— Или на портал, — кивнул Квиррелл. — Так же, как и на острове Вен. Будь это всего лишь входом, мы бы обошлись своими силами — просто пробили бы плиту насквозь. Увы, воспользоваться порталом не получается. Судя по тому, что мы уже успели узнать, здесь тоже требуется носитель все того же генетического маркера. То есть вы, мистер Поттер.

— Но, возможно, требуется произнести ключевую фразу или заклинание, как в Пещере Матерей?

— Само собой. Эта фраза высечена рунами на плите, — усмехнулся Квиррелл, становясь в центре портала — и она подозрительно сильно напоминает нашу собственную, которую мы используем для входа в Сумрак. Смотрите сами. Фигулюс интрабит хик!

Руны под его ногами на мгновение полыхнули огнем, по окружающему пространству пронеслась рябь… И все прекратилось. Портал снова стал шершавой плитой из грязно-белого камня, и ничто не говорило о том, что здесь начинается путь в сокрытый невесть где последний из Источников. Профессор подал знак, и к нему спустились четверо вооруженных людей, став рядом на плиту. Последним, окликнув их, чтобы подождали, спустился Эдди.

— Теперь очередь нашего Избранного, — проговорил Квиррелл с настолько едким сарказмом, что Гарри недовольно поморщился. — Надеюсь, фокус сработает, и вас эта штука послушается.

Гарри взял Гермиону за руку, и вместе они забрались на каменное основание портала. Попытавшись повторить за Квирреллом команду открытия портала, Гарри вдруг обнаружил, что во рту у него пересохло, а сердце безумно колотится, как будто он готовится к прыжку в пропасть. Что с ним такое, черт возьми? Они в двух шагах от цели, разве нет? Что еще их может ждать здесь? «То, чему ты позволишь случиться». Он тряхнул головой, выкидывая из сознания слова Цакебе. К черту эти мутные пророчества с неясным смыслом. Облизав дрожащие губы, он глубоко вдохнул и произнес:

— Фигулюс…

В горле запершило, и он сорвался на кашель — сухой и мучительный, словно в глотку ему напихали стекловаты. Откашлявшись, он отнял руки от лица и увидел на своих ладонях несколько капель крови. Поспешно вытерев их об одежду, он сосредоточился на фразе, которую следовало произнести, стараясь не замечать удивленных взглядов окружающих и встревоженный — Гермионы. Все в порядке. Они просто сойдут в древнюю мастерскую и получат мощное оружие для битвы с врагом. Никто из них не пострадает. Никто не погибнет. «Почти наверняка», — вновь прозвучал в голове голос Цакебе. «Замолчи! — мысленно отозвался он, — прошу тебя, замолчи».

— Что-то не так, мистер Поттер? — спросил Квиррелл, на лице которого не отражалось никаких эмоций, кроме тщательно сдерживаемого нетерпения.

— Все в порядке, профессор, — выдавил из себя Гарри, через силу улыбнувшись и, словно прыгая вниз со скалы, закончил начатое: — Фигулюс интрабит хик!

Последняя печать была снята. Мгновенная дурнота, последовавшая за вспышкой света, и сменившее ее чувство опустошенности — вот и все, что ощутил Гарри при переходе. Окружавшие их сосны исчезли, и они оказались в кромешной тьме, как и тогда, на подступах к пещере Матерей. Однако через секунду в глаза ударили тысячи огней, заставив их рефлекторно зажмуриться, — магические факелы Фиглинума среагировали на появление гостей через сотни лет забвения.

Осторожно открыв глаза, Гарри в восхищении замер. Они находились в центре гигантского зала, по размерам немногим уступающего Пещере Матерей, но, в отличие от последней, до последнего камня несущего след человеческой руки. Здесь не было ажурных обсидиановых конструкций, настолько же прекрасных, насколько и чуждых человеческому взору. Фиглинум был построен людьми и для людей. Резные колонны, парапеты, карнизы, огромные вазы тончайшей работы и статуи — десятки статуй, печальными рядами стоящих вдоль изогнутых каменных аллей, ведущих от центра во всех направлениях.

Все эти аллеи вели ко входам в здания, выстроившимся огромным кольцом по периметру: Гарри насчитал двенадцать строений из белого камня, каждое из которых по тщательности и богатству отделки могло бы поспорить с Тадж-Махалом. Фиглинум был не просто мастерской — он был дворцом, символом тех вершин искусства, которых может достичь человеческий гений, вооруженный силой ангелов. Теперь настал их черед завладеть этой силой.

— Приступим к осмотру, — будничным тоном заявил Квиррелл, рассеяв наваждение. — Старайтесь не терять друг друга из виду. Мы не знаем, какие угрозы здесь могут таиться. Гарри и Гермиона, держитесь рядом со мной.

— Тончайшая работа, — заметил Эдди, проведя пальцами по орнаменту, украшавшему ограждение портала. — И вряд ли ручная. Они использовали магию или, что вероятней, эту вашу программируемую материю.

— Можно определить, когда это построено? — спросил его Квиррелл.

— Когда нагрянем сюда с оборудованием для радиоизотопного анализа — думаю, проблем не возникнет, — пожал плечами археолог. — А на глаз… Одно могу сказать, это определенно не средневековое искусство. Это ранняя античность как минимум. И судя по тому, что я знаю о культе Матерей, эти люди не просто поклонялись ангелам, они с ними сотрудничали. Были их рабами, слугами, а может и добровольными помощниками. До синтеза глины Эдема их не допускали, зато позволяли создавать из нее големов и наделять их личностью.

— Да, пока все сходится, — кивнул Квиррелл, первым сойдя с платфомы и двинувшись по одной из дорожек в направлении величественного каменного здания, словно выраставшего из стены. — Пещера Матерей не предназначалась для обитания людей. Когда ангелы покинули Землю, культисты нашли путь в город пришельцев, чтобы использовать остатки глины, которые он хранил. А

потом исчезли и они сами. Почему, интересно? С такой силой в руках…

Они проследовали за Квиррелом, тщательно осматривая вымерший город, но стараясь далеко не разбредаться. Фиглинум не походил на обычное брошенное поселение: он оставался в идеальном порядке, словно охраняемый музейный экспонат. Никаких разрушений, истлевших костей и мусора. Его не покидали в спешке, он не вымер от какой-то страшной катастрофы. Нет, хозяева просто ушли из него, заперев за собой дверь — будто рассчитывая вскоре вернуться.

Когда до здания оставалось около десяти ярдов, Гарри внезапно остановился. То, что поначалу показалось ему искаженным эхом от их собственных шагов, усилилось в десятки раз и заполнило голову резонирующим шумом. Перед глазами все поплыло, и он ухватился за мраморный парапет, чтобы не упасть. Квиррелл подхватил его за руку. Гермиона, побледнев, вгляделась в его лицо и спросила:

— Что с тобой, Гарри? Ты что-то чувствуешь?

Он чувствовал и видел, но не мог облечь свои чувства в слова, поэтому, медленно опустившись за каменный пол, он просто посмотрел в глаза Гермионе и сказал:

— Они все еще здесь. Они говорят со мной.

Он не слышал ответа Гермионы: ее испуганный голос едва доносился до его сознания сквозь багровый туман, окружавший его со всех сторон. Гарри зажмурил глаза, но образы не исчезли — напротив, их яркость выросла настолько, что причиняла боль.

— Что ты хочешь от меня, Цакебе? — бросил он в пустоту. — Снова картины страшного будущего? Я устал от всего этого.

— Нет, имеющий власть, — услышал он в ответ. — На этот раз только прошлое. Вы смогли найти навеки сокрытое, и поздно теперь пытаться что-то изменить. Но ты должен знать начало истории, до финала которой добрался. Слушай же. Много лет назад, когда человечество состояло из разрозненных кочевых племен, мы впервые пришли на Землю. Нас было более двухсот, и мы несли с собой свет возвышающего знания. Мы дали вам неограниченную власть над материей, слишком плохо понимая вашу природу, чем едва не погубили мир.

Туман рассеялся, и перед ним с высоты птичьего полета открылся вид на раскинувшийся до горизонта город белого камня, стоящий на берегу моря. Даже с такой высоты Гарри мог видеть, что среди неторопливо идущих по улицам людей немало массивных приземистых фигур цвета необожженной глины.

— Атлантида, — вновь послышался голос Цакебе. — Первая цивилизация, которая должна была стать началом пути человечества к звездам. Мы создали материю, программируемую силой мысли — наше высшее достижение, наш дар людям…

— Глину Эдема… — прошептал Гарри. — Чтобы делать из нее големов?

— Не только. Программируемая материя может все, если уметь с ней обращаться. Исцелять смертельные раны. Возвращать к жизни недавно

умерших. Обращаться в любое вещество, в любую структуру. Мы создали из нее живые тела и управляли ими, чтобы жить среди людей, помогая им и направляя их. Но у людей были свои планы.

— Что же случилось? Кто-то из нас развязал войну?

— Гораздо хуже. Кто-то из магов, желая получить больше этой материи, чем имел, запрограммировал ее на воспроизводство, и она стала обращать в глину Эдема все, с чем входила в контакт. Миф о царе Мидасе, который обращал в золото все, чего касался, — отголосок этой страшной катастрофы.

Прекрасный город изменился. По его улицам стремительно неслось нечто бесформенное, вспучивая каменные стены домов и трансформируя их в глину, осыпающуюся вязкими комьями вниз. Охваченные ужасом люди не миновали своей судьбы: на мгновение обратившись в глиняные изваяния, они разваливались на части, в которых уже не было ничего человеческого. Не прошло и минуты, как на месте поселения осталась лишь бурлящая глиняная масса, окутанная красными испарениями.

— Мы ничего не успели сделать, — услышал Гарри голос последнего ангела, — и Атлантида была поглощена растущей массой программируемой материи. Погибли все, кто ее населял, включая и тела моих сородичей. Мне пришлось уничтожить обращенный в руины континент, вывернув его в иное пространство, чтобы сохранить остальную часть Земли и спасти оставшихся.

Уничтоженная земля Атлантиды внезапно оказалась заключенной в исполинский шар — непроницаемо-черный, словно на мгновение над искалеченной планетой взошло Черное Солнце пришельцев — который сжался в точку и пропал из вида, оставив лишь чудовищный провал в пространстве. Воды океана ринулись в него со всех сторон и сцепились в яростной битве, породив циклопическую волну, которая, казалось, достигала небес. Она с грохотом обрушилась вниз, породив расходящиеся во всех направлениях круги на воде, каждый из которых мог поспорить высотой с любым виденным Гарри небоскребом.

— Уничтожение Атлантиды ослабило меня. Мне едва удалось сохранить жизнь, и у меня уже не было возможности остановить цунами. Оно обрушилось на побережье. Погибли люди — многие тысячи. Выжившие сложили легенду о великом Потопе, записав ее в своих священных книгах.

— Глина Эдема… Настолько опасна? — с трудом выдавил из себя Гарри.
— Почему вы не уничтожили ее навсегда?

— Сама по себе — это просто глина. Но вы на пороге знания о том, как придавать ей желаемые свойства. Немногим из людей, несущим в себе печать Горшечника, дана власть над ней. Один из них — ты.

— Я… Я не собираюсь делать с ней ничего ужасного! — воскликнул Гарри.
— Черт возьми, да я к ней близко не подойду теперь.

— Ты состоишь из нее, имеющий власть, — напомнил ему бесстрастный голос Цакебе. — И не только ты. Сосуд Пандоры открыт отныне. Мне очень жаль, но мы не смогли сохранить человечество.

— Уничтожь ее! Ты же знаешь все места, где она еще осталась! Ты можешь,

Цакебе, твои магические силы — страшней, чем все, что я видел до сих пор!

— Моя сила — сила Черного Солнца, и она уходит из меня по мере угасания моего мира. Мне пришло время уходить, а нам с тобой — прощаться, имеющий власть. Я не знаю, сможешь ли ты остановить страшную судьбу, которая вам уготована, но… Даже в сосуде Пандоры, на самом его дне, таилась надежда. Используй это знание. Может быть, у вас есть шанс. Прощай.

Спустилась тьма, но она была недолгой. Во тьме он услышал зовущие его голоса, и один из них, до странности знакомый, называл его имя.

— Я… видел, — прошептал он и открыл глаза.

— Гарри! — воскликнула склонившаяся над ним Гермиона, коснувшись ладонью его щеки, — Ты так долго был без сознания… Что с тобой происходит? Опять видение?

Он кивнул, всматриваясь в каждую черту ее лица — бесконечно любимого, носящую сейчас печать тревоги за его собственную жизнь. Эти губы, произносящие его имя, — как бы он хотел коснуться их в поцелуе — до того, как мир будет поглощен безжалостной глиняной чумой! Каштановые волосы таинственно мерцали в свете магических факелов Фиглинума, превращая девушку в неземное существо, стоящее выше их косной материи и унылой повседневной рутины.

— Ангел… — прошептал он, улыбнувшись.

— Что? — глаза Гермионы округлились.

— Ангел Цакебе говорил со мной, — со вздохом ответил он, все еще будучи не в силах отвести от нее взгляд. — Нам угрожает страшная опасность…

— Надеюсь, что уже нет, — улыбнулась в ответ Гермиона. — Армии големов тут, к сожалению, не обнаружилось, но в ней уже нет необходимости. Эдди только что нашел огромный манускрипт, описывающий в деталях методику программирования глины Эдема. Профессор Квиррелл говорит, что теперь мы сможем создать любое ее количество, если запрограммируем глину на самовоспроизведение.

Глава 7. Имплант

— Профессор, нет! — с убежденностью в голосе сказал Гарри, когда они выбрались на поверхность. — Вы представить себе не можете этого кошмара! Неужели вы хотите подвергнуть смертельному риску существование самой жизни на Земле?

Солнце уже клонилось к горизонту, и тени сосен, и без того длинные, вытягивались к востоку, словно пальцы чьей-то огромной призрачной руки. Увязая в комьях влажной глины, они поднялись на край котлована, и Гарри болезненно прищурился от ударившего по глазам полыхания заката. Вокруг царила тишина. Предположение Квиррелла о готовящемся нападении Аненербе, похоже, оказалось ошибочным: им позволили беспрепятственно войти в Фиглинум и вернуться обратно. Тем не менее, окружавшие их иллюминаты не спешили расслабляться, все так же бдительно охраняя периметр.

— Я уже сказал, мистер Поттер, — отозвался Квиррелл, в голосе которого появились первые нотки раздражения, — что мне известно об угрозе «серой слизи». Этот сценарий был подробно описан еще Эриком Дрекслером десять лет назад. И мне известны способы противодействия. Требуется внедрить несколько условий завершения процесса, ограничить ассортимент потребляемого сырья, проводить репликацию в контролируемой зоне…

— А если что-нибудь пойдет не так? — возразил Гарри. — Нельзя все предусмотреть!

— Можно, если есть голова на плечах, — отрезал профессор. — Поэтому прекратите панику. Я не безмозглый античный колдун, внезапно дорвавшийся до источника неограниченной власти. Несколько месяцев — и я завершил бы исследование самостоятельно.

— Вы сами сказали, что Аненербе у нас под прицелом, — упрямо гнул свою линию Гарри. — Нам не понадобится никакое супероружие, чтобы покончить с ними. Зачем так рисковать без острой необходимости?

— Гарри… — урезонивающе сказала Гермиона, взяв его за руку. Гарри сжал ее пальцы и бросил на нее многозначительный взгляд, словно говоря: «Не надо. Мы должны это выяснить».

Квиррелл, который вел их по направлению к порталу, резко остановился и развернулся к друзьям. На мгновение его лицо исказилось от гнева, но профессор тут же подавил этот импульс, вновь приняв облик холодного циника, и поднял на Гарри полный насмешки взгляд.

— Значит так, мистер Поттер. Если у вас есть возражения против моего образа действий, вы вправе поделиться ими на ближайшем собрании ареопага. Возможно, ареопаг примет их всерьез, и тогда мне придется покинуть Айзентурм, чтобы продолжать исследования самостоятельно. Только имейте в виду: за пределами Сумрака и прекрасно оборудованной лаборатории Башни риск неблагоприятного исхода возрастает раз эдак в сто. Вот и воспользуйтесь теорией игр, чтобы оценить шансы на благоприятный исход.

Гарри опешил. От сверхрационального профессора Квиррелла он менее всего

ожидал неконтролируемой одержимости. Профессор был готов идти на риск, но во всех случаях этот риск был оправдан, что не раз подтверждалось за прошедшие месяцы. Но сейчас… Сейчас на Гарри смотрел человек, который даже не пытался вычислять шансы на исход. Человек, который уже все решил и был готов добиться своей цели, чего бы это ему ни стоило. Человек, только что пошедший ва-банк и предъявивший ему недвусмысленный ультиматум: «попытаетесь помешать мне — будет только хуже». И тут он понял.

— Вы ведь делаете это не ради победы над Аненербе, верно, профессор? — тихо спросил Гарри. — Вам нужно другое?

Квиррелл молча смотрел на него, и сарказм на его лице медленно уступал место чему-то иному — чувству, больше всего похожему на застарелую душевную рану, тщательно скрываемую непроницаемой маской злой иронии.

— Глина Эдема позволяет исцелять смертельные раны и возвращать к жизни умерших… — медленно проговорил Гарри. — Вы потеряли кого-то, профессор Квиррелл? Кого-то близкого?

— Могу потерять, — глухо отозвался тот, отвернувшись. — Нам пора идти. Здесь опасно оставаться. Аненербе в любой момент…

Во всех направлениях вокруг них вспыхнули слепящие огни прожекторов, скрестив лучи на лагере иллюминатов. Воздух в отдалении задрожал и пошел рябью, явив им сотни вооруженных людей в черном. В то же мгновение Гарри услышал стрекот винтов приближавшихся вертолетов — двух-трех как минимум. Иллюминаты замерли, но в следующее же мгновение бесшумно и молниеносно рассредоточились по позициям. Лагерь преобразился. Если раньше он был воплощением бдительного покоя, то сейчас он дышал смертельной угрозой. И все же нетрудно было заметить, что соотношение сил на этот раз — отнюдь не в пользу Айзентурма.

Квиррелл схватил за руки Гарри и Гермиону, и в следующее мгновение ребята осознали, что находятся внутри периметра за установленным бетонным укрытием. Над ними пронесся вертолет, скользнув по лагерю лучом прожектора. Иллюминаты безмолвно проводили его взглядами и стволами штурмовых винтовок, будучи готовыми в любой момент открыть огонь. Боевые действия однако не начинались: отряды Аненербе по-прежнему выжидали, и ни одна из сторон не спешила нарушать шаткое перемирие.

Осторожно выглядывая из-за укрытия, Гарри обратил внимание на какое-то странное движение со стороны одного из отрядов: яркие лучи прожекторов мешали рассмотреть в деталях, что там происходит. Однако через несколько секунд он понял: к ним выслали гонца. Сферический дрон — в точности такой же, какой они видели на складе в пара-Ингольштадте, — обогнул группу деревьев и остановился в нескольких ярдах от охраняемого периметра.

— Добрый вечер, господа, — послышался голос Генриха Гиммлера после деликатного откашливания, — рад видеть, что ваши поиски увенчались успехом. Настало время по-братски разделить их плоды, как мы и предлагали вам ранее.

Квиррелл вышел из-за бетонного ограждения, однако от внимания Гарри не укрылась слабо мерцающая сфера, вспыхнувшая вокруг профессора по легкому движению его руки. Способность мыслить трезво маг определенно не утратил,

несмотря на их недавнюю размолвку.

— Вынужден напомнить, господин рейхсфюрер, — отозвался Квиррелл, вложив в свои слова максимум презрения, — что ваше смехотворное предложение так и не было нами принято. Поэтому настоятельно рекомендую вам отвести войска во избежание многочисленных жертв в личном составе.

— В таком случае вам придется принять это предложение прямо сейчас, — отозвался глава Аненербе. — Я не стану вас винить за гибель своего лучшего агента. Эльза Фриз была слишком самонадеянной, за что и поплатилась в конечном итоге, — не менее самонадеянной, чем вы, просвещенный. Однако это мое последнее слово. Вы немедленно покидаете район Фиглинума: мои войска пропустят вас к порталу. И, конечно, оставляете нам вашего получеловека с печатью Горшечника. На сей раз времени на размышления у вас меньше. Одна минута, если быть точным.

Дрон остался парить на своем месте в ожидании ответа. Квиррелл быстро оглядел лагерь, подал знак группе людей рядом с массивным артефактом неизвестного назначения, и вернулся к Гарри и Гермионе, все еще ожидавшим за укрытием.

— Сейчас тут будет жарковато, — спокойно сказал он. — Поэтому спускайтесь в Фиглинум. По моим оценкам бой не продлится дольше часа. Когда это время истечет, можете осторожно выбраться наружу. Если все будет в порядке, я вас встречу.

— А если…

— А если нет, то это лучше, чем погибнуть здесь от шальной пули или чего похуже. Оставшись в живых, вы сможете что-то сделать. Иначе — сами понимаете. Нет, не спорьте хотя бы сейчас, — категорично прервал он начавшего было возражать Гарри. — До встречи после боя. Идите.

Гермиона, кивнув, потянула Гарри за руку, и они побежали в сторону котлована. Обернувшись, Гарри увидел, как профессор вновь вышел из-за укрытия и бесстрастно сказал:

— Вот наш ответ, рейхсфюрер.

Фиолетовый луч, вырвавшийся из его пальцев, вонзился в центр металлической сферы, и ее дымящиеся обломки рухнули на пожелтевшую хвою. Это стало сигналом к началу битвы. Тот самый артефакт, назначения которого Гарри не смог понять, выплюнул из верхней части с десяток крохотных ракет, разлетевшихся во всех направлениях. Две из них ударили в борт проносившегося над ними вертолета. Раздался оглушительный взрыв — до боли в барабанных перепонках — и с небес пролился огненный дождь, остановленный невидимым кинетическим щитом, раскинутым над лагерем иллюминатов.

Уже подходя к порталу, они услышали серию мощных взрывов со всех сторон, перемежавшихся короткими автоматными очередями, шипением огненных заклинаний и произносимыми вербальными формулами, едва слышными в этой адской какофонии. Магия в союзе с технологией приняла бой, и Гарри знал, что здесь, близ маленького чешского города, сейчас решается не только их судьба, но и, быть может, судьба миллионов. Их же собственная роль, увы, вновь

состояла в выжидании. Они быстро забрались на каменную плиту. Руны на ее поверхности в опустившейся тьме излучали слабый багровый свет.

— Фигулюс интрабит хик! — произнес Гарри дрожащим от выброса адреналина голосом, сжав ладонь Гермионы.

Сойдя с портала в центре Фиглинума, друзья, не говоря друг другу ни слова, прошли по стерильной каменной аллее туда, где возвышалась прекрасная скульптурная композиция, изображавшая двух человек — обнаженных мужчину и женщину, — держащих в руках причудливой формы сосуд. Значение этого символизма поначалу показалось Гарри неясным, но почти сразу он понял. Сосуд, приобретающий свою форму в человеческих руках из бесформенного куска глины, — символ власти человека над неорганизованной материей. Горшечник — имеющий власть.

Вот только в настоящий момент у него нет власти даже над собственной жизнью. Он со вздохом опустился на мраморную скамью — одну из расставленных вокруг композиции. Гермиона села рядом и, неожиданно всхлипнув, уронила лицо в ладони.

— Ну что ты, Гермиона? — укоризненно спросил Гарри, обняв ее за плечи.
— Скоро все закончится.

— Да, я знаю, — ответила она, положив руки на колени. — Только они не выживут, Гарри. Профессор Квиррелл. Эдди Рассел. И все остальные тоже. Ты видел, какая там армия?

Она зажмурила глаза и смахнула слезы, нависшие на ресницах и напоминающие драгоценные камни своим блеском в лучах магических факелов подземного города. Он ничего не ответил — только сильнее прижал девушку к себе, и она со вздохом опустила голову ему на плечо. Покинутый город хранил мертвое молчание, и никакие падшие ангелы больше не пытались его нарушить.

Гермиона тихо ахнула, когда спустя час они сошли с поверхности портала на дне котлована. Первое, что им бросилось в глаза — тела. Мертвые тела, среди которых были как иллюминаты, так и солдаты Аненербе, вповалку лежали на склонах котлована. Окровавленные, изломанные, перепачканные грязью, а иногда — много, много хуже. В глазах резало от клубов тяжелого дыма. Лучи прожекторов больше не били в лагерь иллюминатов, однако горящий лес вокруг заливал место сражения светом, способным поспорить с яркими факелами Фиглинума. На одном из склонов все еще дымился обгоревший остов вертолета с обломанными лопастями.

Где-то в отдалении все еще доносились автоматные очереди, а значит прогноз Квиррелла не оправдался, и бой все еще не окончен. Удержать позиции иллюминатам, очевидно, не удалось, но они все еще сражаются, так что есть надежда, что Квиррелл…

— Ну наконец-то, — послышался голос профессора у них за спиной. — Думал, что не дождусь.

— Профессор, вы живы! — обрадованно воскликнул Гарри, обернувшись. — Вы

же сами говорили, чтобы мы через час возвращались. Что тут было? Многим удалось выжить?

— Буду честен: потери очень тяжелые, — отозвался тот. — Старый портал уничтожен, но резервный должен работать, так что идите за мной. Наши отступили и заняли позицию к югу отсюда, чтобы дать нам возможность беспрепятственно уйти. Я отведу вас в Айзентурм и вернусь с подкреплением.

Он зажег Люмос и повел их через относительно неплохо сохранившийся участок леса. Здесь не было лежащих на земле покойников и тлеющих деревьев, хотя время от времени Гарри замечал застрявшие в стволах редкие пули. Идти пришлось заметно дальше, чем от главного портала, не меньше полумили, и Гарри уже начал ощущать беспокойство, что Квиррелл попросту заблудился в ночном лесу, однако в этот момент профессор остановился и, указав рукой на вывороченную с корнем огромную сосну, сказал:

— Это здесь. Коснитесь ствола одновременно со мной.

Гарри, облегченно выдохнув, протянул руку к порталу, и только тогда осознал, в каком напряжении пребывал до этого момента. Да, погибло много людей, и битва еще не закончена. Но Квиррелл жив, и ситуация у них под контролем. Сейчас они вернутся в Ингольштадт, войдут в Сумрак, и через какое-то время… В этот момент перемещение завершилось.

— Что это? — встревоженно спросила Гермиона, взяв Гарри за руку.
— Профессор, что это за место?

Но они уже знали, где оказались. Полутемное помещение. Металлическая платформа под ногами. Вооруженные люди вокруг. Почти сразу после их появления вспыхнул яркий бледный свет, отразившись от стволов штурмовых винтовок стоящих вокруг солдатов Аненербе.

— Профессор! — воскликнул Гарри, резко повернувшись к магу, и сразу же все понял.

Тот повернул голову, склонив ее в сардонической ухмылке. Он только что вышел из жуткого сражения, но на нем не было ни царапины. Чистое лицо без следов копоти. Тщательно выглаженная, с иголочки, мантия. Лента фиолетовой ткани, свисавшая с его тюрбана, перекрутилась и теперь падала на плечо. Когда-то на ней можно было разглядеть надпись: «Великому магу и доброму другу Квиринусу Квирреллу от принца Ансу Вангаи». Вот только теперь никакой надписи не было — просто чистая фиолетовая ткань без единого символа.

— Профессор Квиррелл, — машинально повторил Гарри. В ушах его зашумело, и он отшатнулся, сделав шаг назад, чтобы не упасть от нахлынувшей слабости.

— Ну, по правде сказать, не совсем, — весело отозвался маг. — Финита ля комедия! Ой, простите. Фините Инкантатем!

Его лицо дрогнуло, черты резко исказились. Тюрбан свалился с головы, открыв их взглядам шевелюру, стремительно меняющую свой оттенок, пока наконец она не обратилась копной жидких бесцветных волос. Свисавшая с мага мантия раздалась в стороны, обтянув заметно располневшее тело. Снова взглянув в завершившее трансформацию лицо, Гарри ошарашенно пробормотал:

— Хвост…

— Питер Петтигрю! — одновременно с ним воскликнула Гермиона. — Что вы сделали с профессором?

— Я?! — деланно удивился Хвост. — Да меня там и близко не было. Боец из меня, к сожалению, не вышел. Я просто предложил мистеру Гиммлеру свои услуги в обмен на… В общем, неважно. Вас проводят.

Кровь бросилась Гарри в лицо. Как же он устал быть жертвой, безвольным куском мяса, чья единственная полезная функция — открывать ангельские порталы содержимым своей ДНК! Хватит. У них нет ни единого шанса, но будь он проклят, если пойдет у них на поводу так просто. Он сжал зубы и отточенным на тренировках Квиррелла движением выхватил палочку, нацелив ее на Питера Петтигрю.

— Вердимилиус! — выкрикнул он, со злорадным удовольствием наблюдая, как поток зеленого огня ударил в грудь самозванца, сбив его с ног. — Протего! — произнес он, не мешкая, и кинувшиеся к ним солдаты попадали на спину, потеряв равновесие от удара о выставленный щит.

Выхватив другой рукой пистолет и мельком бросив взгляд в сторону Хвоста, который с трудом поднимался, отплевываясь кровью, Гарри развернулся в сторону прибывавших из ближайшего коридора врагов. Шутки кончились. Для него по-прежнему психологически тяжело совершить убийство — пусть даже убийство смертельного врага, — однако выбора ему не оставили. Хватит этих нелетальных заклинаний обездвиживания. Только что погибло множество хороших людей, и ему ничего не известно о судьбе Квиррелла и Эдди Рассела.

— Конфринго! — закричал он, вложив в заклинание всю свою ярость.

Луч света, вырвавшийся из кончика палочки, врезался в строй солдат. Увы, его атаке было далеко до силы, продемонстрированной некогда Квиррелом. Взрыв получился куда скромнее, однако трое врагов так и остались лежать на каменном полу, истекая кровью.

Одновременно с ним Гермиона метнула в толпу одну из парализующих гранат, моментально выведя из строя не менее шести противников и дополнила эффект собственным заклинанием Ступефай. Рявкнули несколько штурмовых винтовок: Гарри обратил внимание на то, что враги стреляли чуть в сторону, явно пытаясь вывести из строя щит, не причинив вреда пленникам.

— Петрификус Тоталус! — раздался сдавленный хриплый голос Хвоста за спиной.

Щит выдержал удар заклинания, но заметно померк. Гарри развернулся вполоборота и выстрелил ему в лицо. Парализующая пуля рассекла тому щеку и надолго прекратила поползновения предателя.

— Импедиме!.. — услышал он голос Гермионы, но завершить заклинание его подруга так и не успела.

Мышцы стали ватными, ноги подкосились, и он, выронив оружие, рухнул на

поверхность платформы рядом с Гермионой. Над ним склонился незнакомый маг в черном, хмыкнул и обернулся к солдатам.

— Несите их к рейхсфюреру, — глухим низким голосом проговорил он.

Чьи-то руки грубо подняли Гарри и поволокли по коридору базы, очень похожей, а может быть и той же самой, где он когда-то уже был в плену. Эльза Фриз тогда старательно отыгрывала роль пленницы, а ранение, которым ее наградили люди Альберта, сделало ее роль на редкость убедительной. На этот раз все карты были раскрыты, и никто уже не пытался ставить перед ним спектакль.

Коридор свернул направо, почти сразу же завершившись тупиком с единственной дверью. Раскрыв ее, их втащили внутрь и бросили на заготовленные стулья, сковав наручниками руки за спиной. Явно избыточная мера безопасности, если учесть, что паралич все еще действовал.

Дверь за спиной снова хлопнула, и, обойдя стулья с обмякшими на них пленниками, в помещение вошел рейхсфюрер собственной персоной. Бросив на них взгляд, полный холодного любопытства, он разместился за столом перед ними и включил установленную на нем лампу, направив ее им в лица. Увидев, как они болезненно прищурились, он впервые улыбнулся, показав желтоватые зубы.

— Классика жанра, — тихо проговорил он, обращаясь не столько к ним, сколько к лампе.

Гарри сосредоточился, пытаясь понять, слушаются ли его хотя бы мышцы лица. Они отзывались на мысленные сигналы, но когда он попытался сказать хоть слово, у него получилось лишь нечленораздельное мычание.

— Знаю, вы пока не можете говорить, мои дорогие гости, — вновь подал голос Гиммлер. — Маг сказал, что еще минут десять не сможете. Поэтому можете пока что послушать меня. Начну с того, что лишение вас жизни не входит в наши планы. Соответственно, вы должны быть заинтересованы в том, чтобы эти планы не менялись. Получеловек Гарри Поттер, вы сами знаете, в чем состоит ваша роль. Получеловек Гермиона Грейнджер, вы послужите гарантией того, что этот юноша не станет делать глупостей. По заверениям Эльзы Фриз, мир ее праху, он питает к вам более, чем дружеские чувства.

Гарри болезнено дернулся, с трудом повернув голову к Гермионе, чтобы увидеть, как расширились ее глаза при последних словах рейхсфюрера. Нет, не так она должна была узнать об этом. Не в таких условиях. И уж точно не от этого человека. Ненависть, и без того клокотавшая в его душе, заполнила его без остатка, и он с трудом разжал сведенные судорогой челюсти, чтобы прохрипеть сдавленное проклятие в адрес Гиммлера.

— Хорошо, — удовлетворенно кивнул рейхсфюрер. — Возможно, вы сможете говорить раньше. Однако советую проявлять ко мне уважение. Видите ли, вы, конечно, представляете для нас определенную ценность, мистер Поттер, но вы отнюдь не являетесь незаменимым. В конце концов, у нас вскоре будет оригинал.

— Черта… с два, — с трудом выдавил из себя Гарри.

— О нет, непременно будет, — вновь улыбнулся Гиммлер, склонившись к самому лицу пленника, окатив того несвежим дыханием. — Наш человек в Хогвартсе позаботится об этом. Мы не зря организовали его побег из Азкабана. Само ваше появление в Айзентурме — часть моего плана.

— Дамбл… дор? — со стоном проговорила Гермиона.

Рейхсфюрер выдал короткую порцию искусственного смеха и вернулся к себе за стол. Расположившись на кресле поудобней, он поднял на них взгляд.

— Старик для нас уже давно бесполезен, он свою функцию выполнил. Следовало бы его убить и, вероятно, так мы и поступим, но чуть позже. Нет, он лишь двигался туда, куда мы его осторожно направляли. Небольшая манипуляция с Кубком Огня — и вот Гарри Поттер подвергается смертельной угрозе, причем неустранимой. Как результат, старый дурак послушно бежит на поклон к иллюминатам, и они позволяют ему создать копию, немедленно попадающую под опеку Эльзы Фриз. А чтобы оригинал и впрямь не отправился в мир иной раньше времени, наш агент весь этот год тщательно за ним присматривал. Осталось последнее испытание, и будьте уверены, он справится.

— Зачем… вам… двое? — задыхаясь от напряжения, спросил Гарри.

— Всегда полезно иметь план Б, не так ли? — пожал плечами рейхсфюрер. — Тем более, лично мне приятней иметь дело с чистокровным волшебником, ведущим происхождение из самой Туле, нежели с получеловеком. Мы бы транспортировали его сюда много раньше, но, к сожалению, магический контракт с Кубком по-прежнему действует, поэтому мы вынуждены ждать завершения турнира. Ну, а теперь, раз уж вы вернули себе способность говорить, поменяемся ролями. Я буду спрашивать, а вы отвечать.

Гиммлер сделал знак кому-то с противоположной стороны комнаты. Послышались шаги, и сильные руки агента запрокинули назад голову Гарри. Еще один агент грубо разжал ему челюсти, и Гарри почувствовал капли холодной жидкости, стекающие по языку.

— Сыворотка правды, — пояснил рейхсфюрер. — Устраняет необходимость в пытках и прочих варварских методах прошлого. Говорят, ее применяли и на мне самом незадолго до моей смерти… Но я этого уже не помню — мой крестраж был создан парой дней раньше.

Все тот же агент, не говоря ни слова, подошел к Гермионе и, схватив ее за волосы, так же откинул ее голову назад, заставив девушку вскрикнуть от боли. Гарри заскрипел зубами и рванулся, но один из присутствующих солдат без труда вернул его на стул. Мышцы все еще были словно ватными, и конечности едва слушались. Получив свою дозу сыворотки правды, Гермиона закашлялась, и агент, осклабившись, грубо ударил ее по спине. В голове Гарри мелькнула мысль, что перед убийством некоторых людей он не просто не остановится — даже паузы не сделает.

— Теперь подождем немного, — удовлетворенно проговорил Гиммлер, откинувшись на спинку кресла. — Честно говоря, я не думаю, что вы располагаете какой-то секретной информацией, но для нас важна любая мелочь.

И тут Гарри вспомнил. Иллюминаты обнаружили десятки баз Аненербе по всей Европе и организовали слежку за двумя сотнями агентов. Проклятье, зачем Квиррелл сказал им это? Под действием сыворотки они все расскажут рейхсфюреру, и месяцы работы иллюминатов пойдут насмарку. Разом вспотев, он оглянулся на Гермиону, и она ответила ему тем же встревоженным взглядом.

В районе левого локтя что-то кольнуло — как раз там, где им был установлен новый имплант. Гарри, поморщившись, напряг руку, но стало только хуже: колющая боль повторилась, только сильнее и дольше. Что-то горячее поползло от его локтя во всех направлениях. Судя по тому, как ойкнула Гермиона, покосившись на свою левую руку, с ней происходило ровно то же самое.

— Какие-то проблемы, молодые люди… полулюди? — с деланной озабоченностью поинтересовался рейхсфюрер. — Только не говорите, что у вас аллергия на сыворотку.

Аллергия на сыворотку. Аллергия? Понимание обрушилось на Гарри ведром ледяной воды. Квиррелл ничем особенно не рисковал, рассказывая им секретную информацию. Добровольно они не стали бы ее выдавать, а имплант, который им установили перед выходом, реагировал на появление в крови сыворотки правды. Реагировал наиболее очевидным образом — выбрасывал в кровь яд, убивающий носителя до того, как тот успеет выдать что-то важное.

Свет лампы будто бы стал ярче и приобрел синеватый оттенок. Со всех сторон повеяло жаром, и он моментально взмок. Действие яда? Гарри никогда не слышал о таких симптомах отравления. Он продолжал мыслить и не чувствовал в себе никаких нарушений, не считая этого жжения, распространяющегося по его телу, и все повышающейся яркости окружающего мира.

Гиммлер задергался и невероятно быстро проговорил что-то, перейдя на дискант. В палящем фиолетово-синем свете вокруг заметались солдаты, вереща птичьими голосами. Гарри изо всех сил зажмурился, стараясь не слышать пронзительного визга, который заполнял пылающий воздух вокруг него. Через какое-то время он осторожно открыл глаза, но увидел только тьму. Кожа утратила чувствительность, в ушах по-прежнему стоял оглушительный белый шум.

Ощущение тела исчезло, через некоторое время исчез и шум, уйдя куда-то в область ультразвука. Это смерть? Гарри попытался двинуться, но не почувствовал никакого эффекта. Вокруг было великое Ничто. Пустота, уже поглотившая без остатка его тело и медленно поглощавшая саму его сущность. Неожиданно для себя он скользнул сознанием в прошлое, в миг, когда впервые услышал пророческие строки «Фауста»:

> «Слоняясь без пути пустынным краем,
> Ты затеряешься в дали пустой.
> Достаточно ль знаком ты с пустотой?»

— Я знаком, — проговорил Гарри, и не услышал звука своего голоса. — Я знаком с Пустотой, Цакебе.

Глава 8. Кладбище

Вначале вернулось ощущение собственного тела, и приятным оно не было. Миллионы тончайших раскаленных игл пронзали его кожу, и через них в кровь вливался жар, заполняя его без остатка. Пронзительное шипение врезалось в уши, и следом за ним бритвенным лезвием ударил по глазам яркий синий свет, заставив его зажмуриться. Он возвращался из небытия, переживая все симптомы в обратном порядке.

Когда шум сменился тишиной, а пылающий свет — полумраком, он позволил себе вдохнуть. Сердце все еще делало болезненные перебои в ритме, но он чувствовал, что приходит в норму. Гарри лежал в позе эмбриона на жесткой кушетке, уткнувшись лбом в белую стену, освещенную слабой люминесцентной лампой в углу помещения. Все его тело ломило, как после целого дня тяжелой физической работы, поэтому он с трудом перевернулся на бок, чтобы встать. Увиденное заставило его замереть в ужасе.

На соседней кушетке неподвижно лежала Гермиона в такой же неестественной скрюченной позе. Ее глаза были широко раскрыты, рот замер в немом крике. Гарри, забыв про боль, кубарем скатился на пол и подскочил к ней, положив пальцы ей на шею. Кожа Гермионы была твердой и холодной, как мрамор, и, конечно, никакого пульса он нащупать не смог.

— Боже мой, милая… — прошептал он, но его голос прервался.

Гарри бессильно опустился на пол, прислонившись спиной к кушетке. Мир поплыл перед глазами. Лишь спустя минуту он осознал, что беззвучно плачет. Откуда-то сбоку послышалось деликатное покашливание, и он, проглотив очередную порцию слез, с трудом повернул голову на звук.

— До Стены Плача отсюда далековато, Гарри, — с грустной улыбкой сказал стоящий в темном углу камеры Эрше.

Пожилой раввин не изменился. Если с ним и дурно обращались в плену, то он с честью вышел из этого испытания, которое не смогло стереть с его лица выражения вечной доброй иронии. В других обстоятельствах Гарри был бы вне себя от радости, но сейчас…

— Здравствуйте, Эрше. А Гермиона — она… — прошептал он, и один лишь звук ее имени резанул его по сердцу не хуже ржавого ножа.

— С пани Грейнджер все в порядке, — безмятежно ответил раввин. — Она еще не вышла из стазиса. Но раз уж очнулись вы, значит и ваша спящая красавица, полагаю, скоро составит нам компанию.

— Стазис?!

Слабости во всем теле как не бывало. Гарри вскочил на ноги и снова кинулся к подруге. Склонившись близко к ее лицу, он всмотрелся ей в глаза. Веки пришли в медленное движение: Гермиона моргала в своем потоке тысячекратно замедленного времени, постепенно приходящем в равновесие с окружающим миром. Коснувшись ее щеки, он наконец-то ощутил тепло и мягкость ее кожи, и чуть было не разрыдался снова — на этот раз от облегчения. Затем он

прислушался к своим ощущениям, медленно повернулся к Эрше и проговорил:

— Я ужасно рад, что с вами все в порядке. Мы беспокоились за вас. Но… Если я был в стазисе, то сколько времени прошло? Какое сегодня число?

Железная дверь камеры с грохотом распахнулась. Стоявший за ней охранник окинул взглядом присутствующих, задержавшись на Гарри и Гермионе, после чего, не сказав ни слова, вновь захлопнул дверь.

— Если мои биологические часы не врут, то сейчас утро 22 сивана… Простите, 20 июня 1995 года, — мягко ответил Эрше, покосившись в сторону выхода. — Последние два месяца я наблюдал вас и пани Грейнджер лежащими в этой камере. Здесь это единственное отрадное зрелище, надо сказать.

— Эрше? Два месяца? — ничего не понимающая Гермиона с трудом поднялась со своего места, и Гарри, уже не особенно заботясь о том, что она может подумать, прижал ее к груди. Она безропотно ответила на его объятия.

— Два месяца, — повторил Эрше. — У нацистов это было горяченькое время. Кое-что я подслушал. Если верить разговору двоих вояк, которые прибыли на базу через некую Валгаллу, похоже, что ваш Айзентурм вздул их по полной. Этот зомби-Гиммлер до сих пор с бледным лицом ходит, особенно после того, как перехватили его агента с ядерным устройством. Правда, сейчас у них, похоже, наклюнулся еще какой-то план, но в чем он заключается, я не знаю.

Новости обнадеживали, и Гарри почувствовал, как к нему снова возвращается спокойствие и способность рассуждать трезво. Да, они все еще в плену. Однако он жив, Гермиона жива, Эрше так и не казнили, и Аненербе, если раввин прав, не в самом лучшем положении. Очень может быть, все эти десятки обнаруженных баз уже ликвидированы вместе с агентами. Все еще неизвестна судьба Квиррелла, но профессора не так-то просто отправить на тот свет: он квалифицированный специалист по выживанию в самом страшном бою даже при огромном численном перевесе противника. Остается прояснить еще один момент.

— Эрше… — осторожно начал Гарри. — Или нам лучше называть вас Цакебе?

— Что? — удивленно обернулась к нему Гермиона.

— Что? — переспросил Эрше, широко раскрыв глаза. — Цакебе? Падший ангел из Первой книги Еноха? Нет, Гарри, я не настолько плохой раввин.

Гарри смутился. Разве не следовало это из слов Альберта? Разве Гермиона не пришла к тому же выводу?

— Подожди, Гермиона, но ты же сама сказала, что настоящее имя Эрше… — начал было Гарри, но в этот момент запоздалое понимание пришло к нему. Он в смятении обернулся к пожилому еврею, все еще взирающему на него с благодушным интересом, и воскликнул: — Так это вы!

— Эрше, — сказала Гермиона, поднявшись со своей кушетки, что заставило ее поморщиться от боли, — скажите нам правду. Вы… голем Йозеф, созданный Махаралем и Браге?

— Я сказал вам правду, когда мы только встретились на чердаке синагоги, помните? — лукаво улыбнулся раввин. — Вы правы, пани Грейнджер. Мое настоящее имя — Йозеф Лёв… Конечно, если у таких, как мы с вами, могут быть настоящие имена. И еще в одном я вам так и не признался. Носовой протез Тихо Браге… Это я сам тогда стащил его из гроба. Боялся, что попадет не в те руки.

Гарри утратил дар речи. Стоящий перед ним человек — именно человек, каким бы ни было, его происхождение, — был по-настоящему стар. Старше Альбуса Дамблдора. Старше Августы Кох. Старше, чем сам Адам Вейсгаупт. Появившись на свет в один из самых непростых периодов жизни человечества, он прошел через такое, что Гарри и вообразить себе не мог. Погромы. Войны. Холокост. Всегда находясь среди простых людей и вместе с ними выдерживая лишения и напасти, которые на них обрушивались год за годом, каким чудом он сохранил в себе человечность — много больше человечности, чем обычно приходится видеть в людях?

— Но… Ваша личность, — пробормотал наконец Гарри, — чья она?

— Теперь — моя и только моя. А когда-то… Махараль был моим дедом и очень любил меня. Хороший человек, практически святой, — задумчиво проговорил Эрше, тяжело вздохнув. — Мне едва исполнилось десять, когда в город пришла чума. Юного Йозефа так и не удалось спасти, зато он обрел вторую жизнь в теле голема.

— Но столько лет прошло с тех пор! Вы бессмертны? — спросила Гермиона, и ее глаза заблестели от восторга. — Подождите… Так значит и мы с Гарри тоже?

— Ну, на вашем месте я бы особенно не расслаблялся, пани Грейнджер, — охладил ее пыл Эрше. — Убить нас несложно, и во время Второй мировой я не раз был на краю гибели, особенно когда меня перехватили с тем письмом из Освенцима. И, увы, я по-прежнему старею, хотя и очень медленно. И все же это это неплохая компенсация за то, что меня угораздило родиться в XVI веке.

Дверь в очередной раз открылась настежь, впустив внутрь Генриха Гиммлера в сопровождении четырех охранников и двоих магов. «Он настолько боится нас?» — с легким удивлением подумал Гарри, окинув взглядом эскорт рейхсфюрера. Между тем, последний застыл без движения, разглядывая пленников, а затем неуверенным движением стащил с носа запотевшие очки, вытер их рукавом и водрузил на прежнее место. На безымянном пальце его левой руки полированным серебром блеснуло кольцо с выгравированными на нем рунами и человеческим черепом.

— Значит препарат закончил действовать, — наконец сказал он. — Как раз вовремя. Думаю, вы будете рады присутствовать на финальном состязании Турнира трех волшебников, которое состоится через четыре дня.

— Вы всерьез намерены притащить нас в Хогвартс? — хмуро спросил Гарри.

— Ну… Не совсем, — ухмыльнулся рейхсфюрер и, бросив напоследок пристальный взгляд на пленника, покинул камеру.

Это был не Хогвартс. Старое, поросшее сорными травами кладбище среди

холмов даже своим видом ничего хорошего не предвещало. Однако в сто раз хуже было то, что Гарри узнал это место из своего видения — то самое, где среди могил покоится каменное надгробие с высеченной на нем надписью «Том Реддл». Почему же тогда рейхсфюрер упоминал финальное состязание? Неужели организаторы и впрямь решили провести его в таком месте? Тревога, которая и без того владела им с самого утра, усилилась в разы, а в голове шипящим эхом отдавался приговор, оглашенный падшим ангелом: «Почти наверняка».

В забинтованном запястье внезапно что-то болезненно кольнуло, заставив его поморщиться. До того, как они покинули базу, ему и Гермионе провели операцию по удалению имплантов. «Здесь сигнал не пройдет, — объяснил ему делавший операцию хирург с постным выражением лица, — но за пределами базы вас легко отследят. Так что рейхсфюрер приказал все это убрать». Это означало, что на помощь рассчитывать им теперь не стоит: вряд ли кто-то из иллюминатов догадывается, куда их сейчас занесло.

По едва различимой тропинке между могил их повели в кладбищенскую часовню, чей почерневший остроконечный шпиль с покосившимся крестом торчал из зарослей подобно гигантскому когтю неведомого подземного монстра. Войдя в помещение, Гарри невольно вздрогнул. В центре сооружения стоял большой каменный котел, рядом с которым суетился Хвост, бросивший на них беглый неприязненный взгляд. У дальней стены, освещенный висевшим рядом походным фонарем, лежал неактивный голем — тот самый, который был похищен Эльзой Фриз во время сражения в Храме Творения. Даже при таком освещении Гарри без труда различил темные пятна на его поверхности.

Перехватив его взгляд, Хвост хмыкнул и заметил:

— Удачно, что на поверхности осталась кровь профессора Квиррелла, правда? Без этого мне сложно было бы изготовить оборотное зелье.

— Хватит болтать, — осадил его Гиммлер. — Ритуал должен быть проведен безупречно, потому что второго шанса не будет. Отвлекаться на ерунду — недопустимо.

— Он будет проведен безупречно, — послышался высокий резкий голос с шипящими нотками, в котором улавливалось что-то смутно знакомое. Что-то из прошлого. — Верно, Хвост? Ты ведь не рискнешь ошибиться?

Гарри повернул голову в сторону облупившихся деревянных скамей и отшатнулся от ужаса и гадливости. На досках, некогда отполированных тысячами садившихся прихожан, а потом изъеденных термитами и непогодой, покоилось существо. Бледное червеобразное тело, покрытое тонкими розовыми чешуйками, больше похожими на отслоившуюся кожу, по-паучьи тонкие конечности и сплюснутый череп: Гарри замутило от одного взгляда в его сторону. Гермиона тихо вскрикнула и схватила Гарри за руку.

— Не нравится, как я выгляжу, Мальчик-Который-Выжил? — прошипело создание, обратив к ним взгляд заплывших красных глаз. — Твоя заслуга. Но это ненадолго.

— Волдеморт… — прошептал Гарри, будучи не в силах говорить в голос.

— Ну, я вижу, представлять вас друг другу не требуется, господа, — нарочито бодро проговорил Гиммлер, хотя гнетущая атмосфера происходящего по всем признакам оказывала влияние и на него. — Надеюсь, мистер Волдеморт, вы помните условия нашего соглашения.

— Меня зовут лорд Волдеморт! Лорд! — рявкнуло существо, гневно сверкнув глазами. — Я выполню свою часть договора, рейхсфюрер. Как только я верну себе силу и получу кровь с печатью Горшечника, я уничтожу Айзентурм, после чего займусь… политической карьерой в магической Британии. И надеюсь, на этот раз вам не придет в голову встать на моем пути.

— Меня в то время еще не вернули. И вы прекрасно знаете, что Дамблдор действовал по собственной инициативе, — раздраженно ответил Гиммлер, — после чего он вообще покинул организацию. Не надо подозревать нас в двуличности… лорд Волдеморт.

— Тогда впредь держите в узде своих агентов, — холодно отозвался чародей и обмяк на скамье, продолжая наблюдать за манипуляциями Питера Петтигрю.

Один из охранников, опасливо косясь на котел с неведомым содержимым, обошел массивную гипсовую статую Христа с потрескавшимся основанием, подошел к алтарной стойке, опробовал ее на прочность и, удовлетворившись результатом проверки, кивнул рейхсфюреру. Гарри и Гермиону без лишних разговоров приковали к стойке посредством кандалов — самых настоящих кандалов, которые намного более уместно смотрелись бы в средневековой тюрьме.

— Только не отправьте их на тот свет раньше времени, — с усмешкой бросил рейхсфюрер, направляясь к выходу. — Мы проконтролируем прибытие, а один из моих магов будет охранять пленников. Пауль!

От сопровождения Гиммлера отделился человек в черном и безропотно прошествовал к алтарной стойке, где с едва слышным вздохом прислонился к металлической корзине для сбора пожертвований, сложив руки на груди. Выражение его лица красноречиво свидетельствовало о том, что роль простого охранника вдохновляет его не больше, чем перспектива до конца жизни чистить вокзальные туалеты.

Когда Гиммлер и его люди покинули часовню, Хвост, завершив приготовления, извлек палочку и, повернувшись к голему, скомандовал:

— Вингардиум Левиоса!

Голем тяжело поднялся в воздух, а Питер, должно быть, переоценив свои силы, взвизгнул от натуги и едва не утратил контроль над заклинанием. Снисходительно наблюдавший за ним Пауль хмыкнул и просоединился к Хвосту: дело пошло гораздо легче. Вдвоем они разместили голема над котлом и, с трудом развернув его в воздухе, осторожно опустили внутрь. Поверхность глиняного воина подернулась дымкой, и он полностью скрылся под мутным слоем жидкости.

— Дело сделано, — проговорил Волдеморт, с чавкающим звуком перевалившись на другую сторону скамьи. — Теперь будем ждать его прибытия. Иди к остальным и возьми меня с собой.

Хвост, стараясь не демонстрировать брезгливости, склонился над уродливым носителем личности Волдеморта и замотал его в мешковину, после чего взял полученный сверток на руки, как обычно держат младенца. Бросив последний взгляд на котел, он покинул часовню, оставив их наедине с Паулем. Последний вполголоса пробормотал что-то нелестное в адрес начальства, лениво покосился на Гарри и, скривившись, присел на край скамьи — как можно дальше от того места, где только что возлежало тело Темного Лорда.

— Что они собираются делать? — прошептал Гарри, осознавая бесполезность своего вопроса: Гермиона знала ничуть не больше его самого.

Гермиона и впрямь пожала плечами, признавая неосведомленность. Однако Гарри видел, что ее голова опущена, а сосредоточенный взгляд направлен куда-то сквозь толщу земли, как всегда в те моменты, когда она была занята решением очередной сложной задачи. Она не желала сдаваться даже сейчас, когда их песенка, кажется, спета.

— Гарри, — послышался наконец ее тихий голос, — ты помнишь, что нам сказал Эрше о подслушанном разговоре агентов?

— О том, что их вздули иллюминаты?

— Да нет же! О том, что они прибыли через Валгаллу! Помнишь…

— Ну да, что-то такое было, — неуверенно ответил Гарри, не понимая, к чему клонит Гермиона. Через мгновение его осенило: — Подожди, так ведь в дневнике Юргена упоминалась Валгалла! Это значит…

— Эй, вы там! — повернулся к ним Пауль. — Заткнитесь немедленно!

Гарри почувствовал мгновенную вспышку гнева. Успев подумать, что не следует поддаваться на провокации и осложнять свое и без того тяжелое положение, он, тем не менее, не смог удержаться от едкого ответа, с вызовом глядя в глаза магу:

— Иначе что?

— Иначе с твоей подружкой случится что-нибудь плохое, — ухмыльнулся тот.
— У меня нет указания оберегать ее любой ценой.

Гарри проглотил готовые сорваться с языка слова и опустил глаза, оставляя без ответа удар по самолюбию. Гордость гордостью, но маг сказал правду: Гермиона не нужна Аненербе — разве что в качестве механизма давления на него самого, что и было только что ему продемонстрировано. Он должен быть сдержанней. Да, от природы он импульсивен, и ему все еще тяжело контролировать свои порывы, несмотря на все идеалы Айзентурма и медитативные тренинги Цао Шу, но слишком уж высока цена невоздержанности.

Между тем, за стенами часовни что-то происходило. Пауль, приоткрыв дверь, выглянул наружу и застыл, с интересом следя за развитием событий. Гарри, не имея возможности увидеть, прикрыл глаза и стал вслушиваться в каждый звук, доносившийся снаружи. В шелест листьев под слабыми порывами ветра. В чьи-то тяжелые шаги и сопровождающий их треск сухих сучьев под подошвами. И

еще…

— Убей лишнего, — раздался голос Волдеморта, прекрасно различимый, несмотря на дальность.

— Авада Кедавра! — отозвался визгливый, с явственно прозвучавшими нотками страха, голос Петтигрю.

— Ты! — после короткой паузы потрясенно выдохнул кто-то третий, чей голос показался Гарри странно знакомым.

Маг отошел от двери и вернулся на скамью. Насмешливо взглянув на Гарри, он проговорил:

— Мои поздравления, Гарри Поттер! Ты только что выиграл Турнир.

Пока Гарри, нахмурившись, пытался понять, что все это значит, в часовню ввалился Хвост и, ухватившись за край котла, с трудом потащил его к выходу. Трудно было предположить в этом обрюзгшем теле с дряблыми мышцами такую силу, но взглянув ему в лицо, Гарри понял, в чем тут дело. Питер Петтигрю боялся. Это был безумный животный страх, переходящий в отчаяние: глаза Петтигрю остекленели, из приоткрытого рта вырывалось шумное дыхание, сопровождаемое брызгами слюны. Пальцы, сжимающие край котла, побелели от запредельного усилия, и Хвост с упорством автомата делал шаг за шагом к раскрытой двери со своим непомерным грузом.

— Вот дубина! — в сердцах воскликнул Пауль и, направив палочку на котел, проговорил: — Перфузориус!

Котел, разом лишившийся значительной части своего веса, пополз по полу куда более резво, едва не сбив с ног Петтюгрю, по-прежнему державшего его мертвой хваткой.

— Спасибо, — задыхаясь, пробормотал тот, и скрылся за дверью.

Они остались наедине с магом, который до сих пор сидел с безразличным видом, время от времени бросая косые взгляды в их сторону.

— Он остался один, — шепнула Гермиона. — Думаю, это наш лучший шанс.

— Вы меня плохо поняли? — вскинулся Пауль, разом развернувшись в их сторону. — Молчать, я сказал!

— В лучшем случае я мог бы сбить его с ног, — как можно тише ответил Гарри, покачав головой.

— Ну, вы дождались, — ледяным голосом произнес маг, поднимаясь со скамьи и доставая палочку.

Пока тот, не торопясь, шагал к ним, Гарри, закусив губу, лихорадочно искал возможность что-нибудь сделать. Оттолкнуть его телекинезом так, чтобы он ударился головой и потерял сознание? Слишком ненадежно, нет гарантий, что он упадет нужным образом. Но вот если… Гарри глубоко вдохнул и прикрыл глаза. Телекинетический удар он освоил в совершенстве, и подготовительная

часть ему теперь почти не требовалась. Однако второго шанса может не быть, поэтому лучше бы ни в чем не допускать небрежности.

Пауль поднял палочку, однако Гарри так и не узнал, что тот для них приготовил. Корзина для сбора пожертвований сорвалась с места и с мокрым хрустом впечаталась в голову мага, который отлетел назад на пару ярдов и безмолвно рухнул с лицом, залитым кровью, у подножия статуи Спасителя. Палочка вылетела из его руки и закатилась под скамью.

Гарри прислушался к тому, что происходило снаружи. Услышал ли кто-нибудь грохот из часовни? Однако никто не спешил выяснить источник этого звука. На кладбище было тихо, не считая заунывного голоса Питера Петтигрю, который читал странную вербальную формулу в рамках незнакомого Гарри ритуала:

— Кость отца, отданная без согласия, возроди своего сына!

Лежавший на полу маг застонал и двинул рукой, пытаясь нащупать палочку. Нельзя позволить ему очнуться, иначе он позовет остальных. Снова издавать громкие звуки тоже нежелательно, но, похоже, выбора нет. Гарри вспомнил, что основание статуи, у подножия которой сейчас пытался прийти в себя Пауль, с внешней стороны растрескалось. Если толкнуть ее достаточно сильно…

— Прости меня, Господи, но я атеист, — пробормотал Гарри и сконцентрировал усилия на верхней части изваяния.

Послышался отчетливый хруст, статуя надломилось внизу и рухнула на Пауля, который уже успел перевернуться на живот и теперь пытался встать. Реализовать свой замысел он так и не смог: гипсовая глыба придавила его к полу и откатилась в сторону. Покалеченный маг остался лежать без сознания на испачканном кровью каменном полу.

— П-плоть… слуги… отданная добровольно… оживи… своего… хозяина!
— донесся снаружи почти рыдающий голос Хвоста, после чего Гарри услышал его протяжный вопль, пронизанный страшной болью.

— Палочку будет достать трудно, — сказал Гарри, изо всех сил стараясь не думать о происходящем за дверью часовни. — Телекинез — слишком грубое средство. К тому же тянуть к себе — гораздо сложнее…

— Постарайся, Гарри, — просто сказала Гермиона, глядя на него странным взглядом, который он раньше никогда не замечал за своей подругой.

Что с ней? Или, быть может, он ведет себя как-то неправильно? Возможно, шокировал девушку вынужденной жестокостью расправы над Паулем? Но нет: в ее взгляде не было ни ужаса, ни осуждения. Взгляд был скорей изучающим, словно бы она впервые увидела в нем какую-то черту, о существовании которой ранее не догадывалась. Может быть, кто-то ей сказал… Гиммлер. Ну конечно. До того, как защитный имплант иллюминатов отправил их в стазис, чтобы они не выдали нацистам секретную информацию, рейхсфюрер сказал ей, что Гарри… «Он питает к вам более, чем дружеские чувства» — так это было сказано.

«Не теряйте концентрации, мистер Поттер». Он мотнул головой. Цао Шу чертовски права. Сейчас не время думать обо всем этом, иначе у него просто ничего не выйдет. Гарри скользнул в объятия транса, изгоняя из сознания

многоголосицу тягостных мыслей. Задача проста на самом деле. Ему не составляет труда оттолкнуть от себя любой объект: почему должны быть проблемы с тем, чтобы его притянуть? Это то же самое действие, но в другом направлении, а окружающее пространство однородно, и направления в нем роли не играют. Все его сложности — не более, чем инерция мышления, для которого Я — центр мира, и все направления либо уводят прочь, либо приводят к нему.

А раз так, нужно вынести Я за скобки. Его личность — не более, чем устойчивые паттерны синаптической проводимости, не более, чем рябь на поверхности океана, флуктуация в крошечном участке мироздания. Он — не центр. Он вообще ничто и никто. Его не существует. Существует только Пустота и формы, которые она принимает. Все, что ему требуется сделать — это скорректировать пространственное положение одной из этих форм, и нет в этом ничего сложного, ибо ничего на самом деле не изменится: Пустота останется Пустотой.

Палочка Пауля выкатилась из-под скамьи и скользнула к ногам Гарри. С трудом выйдя из транса, он повис на цепи, больно врезавшейся ему в запястье, чтобы дотянуться другой рукой до палочки. Не хватило каких-то нескольких дюймов. Он захватил палочку краями ботинок и подтянул ноги к груди, раскачиваясь на цепи, которая имела все шансы вывернуть ему кисть руки. Наконец он снова протянул пальцы к палочке и сжал ее, с облегчением встав на ноги. Маленькая победа. Оставалось самое главное.

— Релашио! — произнес он, направив палочку на свою все еще прикованную цепью руку.

Стальное кольцо распалось на части, освободив его левую кисть, которая к этому моменту почти утратила чувствительность. Еще одно заклинание — и Гермиона также освободилась от кандалов.

— К-кровь недруга… взятая насильно… воскреси… своего врага! — услышали они запинающийся от боли голос Хвоста.

— Надо уходить… — решительно сказал Гарри, двинувшись к проходу.

— Нет, Гарри, — не менее решительно ответила Гермиона и протянула руку к палочке, которую он все еще сжимал в ладони. — Дай мне ее, пожалуйста.

— Почему? — недоуменно спросил он, но просьбу выполнил.

Гермиона взмахнула палочкой в направлении двери, воскликнув:

— Коллопортус!

— Гермиона, но ты же… — все еще не понимая, попытался возразить Гарри.

— Это их на какое-то время задержит, — сказала Гермиона, возвращая ему палочку.

— Главное, что это задержит нас! — возмущенно ответил он. — Как мы теперь выйдем? Нам придется дверь снести, и тогда они нас точно услышат.

— Нам все равно не убежать далеко, они нас заметят. Тут вокруг могилы во всех

направлениях, даже укрыться негде. Мы поступим лучше. Ты не забыл последний урок Квиррелла? — слабо улыбнувшись, спросила она.

Он на секунду замер, но потом понял. Подняв на нее восхищенный взгляд, он покачал головой и тихо проговорил:

— Ты просто чудо.

Даже в полумраке часовни было заметно, как она покраснела, и на этот раз это не было просто удовольствием от похвалы. Во всяком случае, так ему хотелось бы думать. Она поспешно отвернулась и сказала:

— Отправь Патронуса к профессору Квирреллу. Заодно узнаем, жив ли он.

— Хорошо, — кивнул Гарри, пытаясь преодолеть вновь возникшую сумятицу в мыслях. — Я скажу, что мы на кладбище, где похоронен…

— Это потом, — отрицательно покачала головой Гермиона. — Вызывай патронуса и передай иллюминатам то, что я скажу, слово в слово.

Гарри пожал плечами, но спорить не стал. Было совершенно очевидно, что Гермиона что-то обнаружила, а значит она права: тратить время на второстепенное не следует. Сейчас их главная надежда на спасение — это атака Айзентурма, способная покончить с Аненербе раз и навсегда. Он глубоко вдохнул. Патронус — не метрическая магия и требует совсем иного подхода. Нет смысла останавливать внутренний диалог и впадать в глубокую отрешенность: в этом случае можно поставить крест на результате. Нет, здесь требуется нечто совершенно иное.

Он стоял во мрачной покинутой часовне рядом с окровавленным телом мага, который, возможно, уже скончался от ран и потери крови. Где-то рядом Питер Петтигрю и лорд Волдеморт проводят страшный магический обряд, цель которого ему неизвестна. За всем этим наблюдает воскрешенный рейхсфюрер СС со своими телохранителями. Он во тьме, и нет никакого проблеска надежды на лучшее… И все же он должен найти ее и ощутить, иначе они обречены.

Он скользнул мыслями в прошлое — совсем недавнее, когда мир был еще прост и понятен. Вот гостиная Гриффиндора, где они с Роном ведут наивные разговоры о ерунде, устроившись напротив камина, пока Гермиона безмятежно листает страницы потрепанного учебника по трансфигурации. Вот юркий снитч, сам собой падающий в его ладонь, пока упругий ветер развевает его волосы в полете. Вот его родители, с любовью и пониманием смотрящие на него с той стороны зеркала Еиналеж.

Десятки воспоминаний обрушились на него подобно теплому душу после суток пребывания в центре снежного бурана. Оставшиеся позади друзья, любимые преподаватели, старинный замок, ставший ему настоящим домом — все это невозможно было вытравить ни перерождением в големе, ни безумной погоней за тайнами пришельцев, ни кровью врагов и союзников, которой предостаточно было пролито за последний год. И все же этого было мало: слишком глубоко укоренилась в его сознании тьма, принимающая все более четкие очертания Черного Солнца, встающего над руинами несущего смерть грядущего.

Все, что у него оставалось — это настоящее, тот самый миг, который составляет

сущность жизни. И у него было за что зацепиться — за единственный источник света в накатывающих со всех сторон сумерках. Гарри протянул руку и коснулся ладони Гермионы, переплетя с нею пальцы, как тогда, стоя у окна Башни и глядя на полыхающее огнями небо пара-Ингольштадта. Он закрыл глаза и без остатка впитал это ощущение. Ничего больше ему и не требовалось. Гарри неспешно, почти торжественно, взмахнул палочкой и воскликнул:

— Экспекто Патронум!

Он по-прежнему не открывал глаз, но яркий свет Патронуса, бьющий сквозь веки, говорил сам за себя. Гарри мысленно перенесся на место сияющей фигуры, растворился в ней, стал одним целым с призрачным защитником. К его удивлению, это оказалось проще, чем во время тренировки в Айзентурме. Следующий этап — найти Квиррелла. Гарри знал, что Патронус, которому указали цель, обнаружит ее где угодно, и никакой Сумрак не сможет этому помешать, потому что главная часть Патронуса пребывает вне пространства и не движется в нем — только лишь проецирует себя там, куда он был вызван.

Он не почувствовал перемещения: просто знал, что теперь находится в точке назначения, и знал, что его появление не осталось незамеченным. С ним говорили. Гарри сосредоточился, чтобы услышать то, что ему передают при помощи его телесного Патронуса:

— Гарри, — донесся до него голос Квиррелла. — Где вы? Мы нашли и ликвидировали все базы, кроме центральной.

— Профессор, Гермиона хочет сообщить… — произнес Гарри, и Патронус послушно повторил его слова.

— Скажи ему, — услышал он голос Гермионы, — что Валгалла в стихотворении Юргена — это не планета и не метафора. Это база или помещение с порталом, ведущим в центр. Помещение, вероятно, находится где-то под землей, и над ним должен быть изображен символ Черного Солнца. И еще это место проведения магических ритуалов. В первую очередь надо проверить Вевельсбург.

Гарри послушно повторил сказанное Гермионой, даже не успев толком удивиться тому, как много она вывела из скудных обрывков имеющейся у них информации. Услышав, как профессор передает эти слова кому-то находящемуся поблизости, он удовлетворенно кивнул Гермионе.

— Прекрасно, — ответила она. — Теперь они точно найдут это место.

— Мистер Поттер, слушайте внимательно, — снова донесся голос Квиррелла спустя пару минут молчания. — Профессор Ланге только что сделал запрос к географической базе Гипертьюринга, и теперь все сходится. Это точно Вевельсбург. На обнаруженных в архивах Третьего Рейха картах обнаружен план расширения замка в форме копья. И острие этого копья указывает точно на северную башню Вевельсбурга.

— Копье указывает путь! — не удержался Гарри от восклицания. — Это было в стихотворении!

— Да. Слушайте дальше. В северной башне располагается помещение, называемое залом баронов. На его полу до сих пор сохранилась мозаика с

символом Черного Солнца. Прямо под ней, в подвальном ярусе, располагается крипта, известная как Валгалла.

— Это вход! — воскликнул Гарри. — Значит вы можете атаковать прямо сейчас…

— Еще нет, Гарри, — с досадой в голосе проговорил Квиррелл. — Это не вход, это наверняка портал. И активировать его можно, полагаю, тем самым «кольцом из рун», упоминающимся в стихотворении. Это кольцо…

Послышался адский грохот, и Гарри бросило на землю. Он услышал крик Гермионы, и от его концентрации не осталось и следа. Контакт прервался, и он осознал себя лежащим на полу часовни. Перед ним стоял взбешенный рейхсфюрер, явно желающий прожечь Гарри взглядом насквозь. Второй маг из его сопровождения подошел к ним от развороченной Бомбардой двери и поднял палочку.

— Экспеллиар… — попытался среагировать Гарри, но подскочивший охранник ударом ноги вышиб у него из рук палочку.

— Инкарцеро! — прошипел маг, и Гарри ощутил себя связанным по рукам и ногам, что явно было излишним: он и без того мало что мог сделать в такой ситуации.

Гиммлер отвернулся и сделал знак охране. Двое солдат подскочили к Гарри и подняли его на ноги, еще один сжал запястье Гермионы. Пленников повели к выходу, но в этот момент в изуродованном дверном проеме показалась фигура в черной мантии с капюшоном.

— Тело голема мне нравится куда больше, — услышал Гарри голос Темного Лорда и отшатнулся, разглядев в полумраке черты его лица. — Но над ритуалом надо поработать, трансформация оказалась неполной.

— Вы получили, что хотели, лорд Волдеморт? — спросил Гиммлер. — Хорошо, что нужда в копии не возникла. Теперь мы уходим. Ждем вас к полнолунию.

— Нет! — рявкнул Волдеморт. — Вы сами видели, что оригинал скрылся. Так что сейчас я прикончу копию.

— Будьте благоразумны… — попытался возразить рейхсфюрер.

— Вам больше не нужен Горшечник, — вкрадчиво сказал Темный Лорд, делая шаг вперед и поднимая ладонь с зажатой в ней палочкой. — Во мне его кровь. Меня одного будет достаточно.

— А если не сработало, мистер… лорд Волдеморт? — настаивал Гиммлер. — Что тогда? В этом случае нам не видать армии големов. Вы ведь хотите ее получить и доставить по назначению? Тогда ждем вас в полнолуние, 12 июля. Немного ожидания, и вы получите все.

Темный Лорд, заколебавшись, опустил палочку, и охрана Гиммлера вытолкала Гарри через дверь.

— Пожалуй, так даже лучше, Мальчик-Который-Снова-Выжил, — услышал он голос за спиной.

Глава 9. Армия

Дождь, дождь и дождь — много часов подряд. Казалось, теперь гнев водной стихии будет продолжаться вечно: темно-серые, почти черные тучи застилали небо до горизонта во всех направлениях. Ему было все равно. Он двигался к цели, и ничего больше не имело для него значения: только высокая башня на берегу реки и ее обитатели.

Он не считал, сколько прошло времени от начала этого безумного бега по мрачному бездорожью. Он не замечал грязных луж под ногами, потоков ледяной воды, стекающих по телу и хлещущих по нему ветвей, сквозь которые он продирался на каждом шагу. Он не чувствовал боли и усталости. Спектр его ощущений сузился до осознания цели и восприятия преодолеваемого пространства. Он по-прежнему помнил, как все это началось, но не испытывал по этому поводу никаких эмоций.

— Все-таки мне непонятно, — говорил Гарри, сидя на своей кушетке, — откуда ты узнала, что это Вевельсбург? С Валгаллой я более или менее уяснил…

— У меня хорошая память, Гарри, — улыбнулась Гермиона. — Ты помнишь текст на той странице, которую прятал Саран?

— Там рассказывалось про ритуал, который проводила Эльза Фриз, — пожал плечами Гарри, — но разве… Гм… Да, действительно, теперь припоминаю. Там было что-то об этом замке.

Гермиона кивнула и привстала на кушетке, опершись на локоть.

— Не просто «что-то», — многозначительно ответила она. — Я процитирую дословно этот фрагмент. «После захвата Вевельсбурга были найдены следы одного из таких ритуалов и ряд документов, которые они не успели уничтожить». Ты понимаешь?

— Честно говоря, не очень.

— Боже мой, Гарри… Речь идет о том, что Вевельсбург ранее был местом проведения магических ритуалов, имевшим особое значение для нацистов. А в стихотворении Юргена говорится открытым текстом: «сойди ж во тьму сквозь эхо ритуала». То есть там, где они когда-то проводились и где до сих пор можно найти их следы. Конечно, таких мест может быть много, но о других мне ничего неизвестно, поэтому я попросила профессора Квиррелла в первую очередь проверить Вевельсбург и оказалась права. Во всяком случае, обнаруженная ими топографическая символика эту догадку подтверждает. Так что сейчас мы где-то глубоко под замком Вевельсбург — я в этом уверена.

— Однако Квиррелл сказал, что они не могут атаковать, потому что не имеют последнего компонента загадки — того самого «кольца из рун», — в задумчивости проговорил Гарри. — И я тут подумал… Вы видели кольцо на пальце Гиммлера? Мне кажется, что это оно.

— Скорей всего, так и есть, Гарри, — подал голос раввин, до сих пор мирно

дремавший на своей кушетке с таким безмятежным выражением лица, как будто он находился не в плену, а на тропическом курорте. — Я знаю, что это за кольцо. Его называют «Мертвая голова» из-за изображенного на нем черепа. В свое время ими награждались наиболее приближенные к Гиммлеру офицеры СС. Наверняка можно найти некоторые из этих колец в частных коллекциях. Подделок, правда, — море. Одну из них я даже в руках держал.

— Значит нам остается лишь ждать, что иллюминаты найдут такое кольцо и придут нам на помощь? Хорошо, если они вообще догадаются, о чем речь, — невесело отозвался Гарри.

— Если кому-нибудь из нас удастся сбежать, прихватив кольцо…
— пробормотала Гермиона, но сразу покачала головой. — Да, знаю. Безумная идея.

Эрше пристально взглянул на нее, но от комментариев воздержался. Все погрузились в свои мысли, в очередной раз пользуясь той единственной роскошью, которая доступна военнопленным любого вида. Иногда кто-то из них нарушал молчание, чтобы обсудить пришедшую в голову идею. Иногда они пускались в воспоминания или даже строили планы на будущее, которое становилось все более призрачным по мере того, как проходили дни, а оставшееся им время до визита Волдеморта таяло. И ничего не менялось: никто не приходил к ним на помощь, никто не ставил им условий освобождения, и даже страшные видения перестали посещать Гарри во сне и наяву.

Небо озарилось фиолетовой вспышкой. Через несколько секунд над землей пронесся раскат грома, стряхнув на землю тысячи холодных капель со все еще влажных листьев. Он не обратил на это никакого внимания: окружающие звуки и влага ничего не меняли в том единственном смысле, который сейчас составлял основу его существования: достичь Айзентурма любой ценой. Он продолжал бежать, не останавливаясь ни на миг.

Когда на его пути встречались отвесные скалы, он огибал их: не потому, что не мог бы сокрушить препятствие на своем пути, а просто чтобы сэкономить время. Иногда попадались реки, и тогда их приходилось переходить вброд. Он редко менял направление, но если это происходило, то лишь потому, что прямой путь оказывался более медленным. Он был спокоен, если можно назвать спокойствием ледяную пустоту, заменявшую ему чувства.

Он ничего не почувствовал, увидев хорошо знакомые места, где в утреннем полумраке блестел изгиб Дуная за высокими стволами деревьев. В его душе ничего не шевельнулось, когда вдали, черной полоской на фоне белесой дымки над рекой показался мост Донауштег. И только когда за плотным слоем тумана сверкнули огни пара-Ингольштадта, он несколько замедлил бег, чтобы дать остальным возможность нагнать его и атаковать первыми. Он не боялся возможной смерти, однако Горшечник поручил ему руководить атакой, и значит его ценность превосходила ценность рядового голема.

Десятки тысяч глиняных воинов, не сбавляя скорости, пронеслись мимо. Айзентурм должен быть разрушен.

— Все трое, на выход! — скомандовал вошедший в камеру охранник, доставая связку наручников.

— Неужели мой адвокат добился снятия обвинений? — невинным тоном спросил Эрше.

Охранник вначале воззрился на него непонимающим взором, а потом злобно прорычал что-то невразумительное, ткнув раввина под ребра прикладом автомата. Гарри одарил его в ответ угрожающим взглядом, на что тот ничем не отреагировал.

Миновав паутину неотличимых друг от друга коридоров, четверо охранников подвели их к массивной стальной двери с биометрическим замком. Один из конвоиров приложил к сканнеру большой палец, и замок, издав мелодичную трель, зажег зеленый светодиод. Дверь бесшумно скользнула в сторону, освободив проход.

— Вся территория вокруг оцеплена их людьми! — услышали они раздраженный голос рейхсфюрера, войдя внутрь. — Начинать надо как можно быстрее, и я удивлен, что вас пришлось ждать. Мне казалось, вы заинтересованы в нашей сделке в не меньшей степени, чем мы.

— Неужели? — возразил ему холодный и надменный голос, который Гарри предпочел бы никогда более не слышать. — Разница в том, рейхсфюрер, что я прекрасно обойдусь и без вас. Вас же без меня просто сотрут в порошок. Поэтому воздержитесь от чтения нотаций и займитесь лучше выполнением своей стороны договора.

Даже стоя у двери, Гарри услышал последовавший скрип зубов Гиммлера. Рейхсфюрер, однако же, быстро преодолел первый порыв, и, холодно улыбнувшись Волдеморту в ответ, примирительно резюмировал:

— В любом случае мы на одной стороне и решаем одну задачу. Подопытные, я вижу, уже прибыли. Предлагаю начать ритуал немедленно.

Только сейчас Гарри обратил внимание на то, что помещение, в котором они находились, заметно отличалось от прочих, которые ему доводилось видеть на этой базе. Это был широкий полутемный зал с высоким сводчатым потолком и земляным полом. С противоположной стороны можно было видеть точно такую же дверь, как та, в которую они вошли. Никакой мебели здесь не было, зато было кое-что поинтересней. В самом центре зала алел начертанный то ли кровью, то ли просто красной краской пентакль. Даже при плохом освещении Гарри не составило труда узнать его.

— Я вижу, мистер Поттер, вы уже знакомы с этой… конструкцией, — обратился к нему Гиммлер.

— Да, знаком, — с вызовом ответил Гарри. — Эльза Фриз убивала людей с ее помощью.

Рейхсфюрер сухо рассмеялся.

— Наша милая Эльза, — все еще ухмыляясь, ответил он, — с равной

эффективностью убивала людей при помощи старого доброго «Вальтера» или еще более старой Авады. Уж точно ей не требовалось упражняться в геометрии, чтобы кого-то там прикончить. Нет, она всего лишь пыталась воспроизвести ритуал возвращения голема в первичное состояние.

— Голема? — возмущенно отзвалась Гермиона. — Она использовала ритуал на обычных людях!

— На полулюдях, — презрительно отозвался Гиммлер. — Евреи, цыгане, славяне… Мы уверены, что все они происходят от големов, наделенных личностью, — от рабов жителей Туле.

— Да вы бредите, рейхсфюрер! — бросил Гарри.

— Эльза Фриз полагала, что их происхождение делает возможным проведение ритуала, — продолжал Гиммлер, проигнорировав замечание Гарри. — Но, как видно, она ошибалась, так что эти выродки просто подыхали в процессе, несмотря на все ее ухищрения. Зато я не вижу причин, почему бы ритуалу не сработать сейчас. С кого начнем, лорд Волдеморт?

— Вы и без меня знаете, — резко отозвался тот, не отводя взгляда от Гарри.

По знаку рейхсфюрера двое охранников подвели Гарри к центру пентакля. Он изо всех сил рванулся, но конвоиры без труда пресекли его отчаянную попытку освободиться.

— Вы всерьез думаете, что сможете уничтожить Айзентурм при помощи трех големов? — попытался изобразить он усмешку, но она получилась на редкость жалкой. Панический страх перед предстоящим ритуалом вступал в свои права, заставляя его пальцы дрожать от избытка адреналина.

Рейхсфюрер только оскалился в ответ и повернулся к Волдеморту.

— Ну-с, можно начинать, я думаю, — сказал он, отойдя подальше от пентакля.

— Петрификус Тоталус! — прошипел Темный Лорд.

Полностью обездвиженный, Гарри повалился на пол. Гермиона вскрикнула и рванулась к нему, однако охрана вернула ее на место. Боковым зрением Гарри увидел, что Эрше склонился к ней, что-то прошептав на ухо. Если он пытался ее успокоить, то у него мало что получилось: девушка в ответ просто разрыдалась.

Волдеморт, не торопясь, подошел к пентаклю, доставая из складок черной мантии тускло блеснувший кинжал, который с силой вонзил в плотную землю рядом с Гарри.

— Подходящий сосуд для твоей личности, Мальчик-Который-Выжил, — сказал он. — Жаль, что нет ритуала, способного просто выжечь твою душу из голема. Но отделить ее я способен.

Он вышел за пределы пентакля, повернулся лицом к распростертому на земле пленнику и, вскинув руки, неожиданно громко проговорил:

— Прэземино джерулус!

Его голос разнесся по округлому помещению, резанув слух. По вонзенному в землю кинжалу скользнула россыпь искр, заставив его мерцать призрачным красноватым светом.

— Экстрао спиритус витэ! — выплюнул Волдеморт, сверкнув глазами из-под низко опущенного капюшона.

Гарри выдохнул и не смог вдохнуть: что-то сдавило ему грудь, как будто злобный великан обхватил его тело гигантской ладонью, и теперь выжимает из него жизнь, усиливая хватку. В глазах потемнело, но при этом в душе поселилось странное спокойствие. Что бы сейчас ни случилось, его не станет. Останется лишь пустая глиняная оболочка, живая или мертвая, и какая-то часть его соглашалась с правомерностью этого исхода. Эта жизнь не принадлежит ему: он лишь взял ее взаймы у человека по имени Гарри Поттер и слишком надолго поверил в то, что является им. Он не человек. Он не личность. Он голем — структурированная антропоморфная масса программируемой материи, которая сейчас возвращается в исходное состояние.

— Спиритус витэ ин джерулус! — сказал Темный Лорд, опуская руки.

Мир стал серым. Умом Гарри понимал, что все его краски по-прежнему у него перед глазами, но больше они не вызывали в нем никакого отклика. В его памяти по-прежнему было живо нападение дементоров в прошлом году, и он помнил, как в одном их присутствии вся радость уходила из него самого и окружающего мира, оставляя его один на один с болью.

Сейчас все было гораздо хуже. Нет, не хуже — иначе. Его покинула не только радость — ушли все чувства и желания разом, оставив его в пустоте. Что-то непонятное происходило с его телом, но боли не было. Не было страха. Не было ничего, кроме бесконечного ожидания. Он видел фрагмент пентакля перед своими глазами и знал, что парализующее заклятие утратило силу, однако не пытался подняться на ноги. Зачем?

— Встань! — приказал лорд Волдеморт, подойдя ближе.

Он пришел в движение, ибо приказ исходил от Горшечника. Не властен ли Горшечник над глиной? Опершись на массивные бугристые руки, на которых все еще висели обрывки мантии, тот, кто недавно носил имя Гарри, принял вертикальное положение и неподвижно застыл, возвышаясь над всеми, кто окружал его. Волдеморт, усмехнувшись, окинул его взором и подошел вплотную, подняв палочку к его голове.

— Ты поведешь мою армию, — прошептал чародей, — и мне понадобится отличать тебя от остальных.

Слепящий белый луч вырвался из кончика палочки и вонзился в лоб голема. Больно не было, но он ощущал, как меняется структура верхнего слоя глины. Волдеморт качнул палочкой, и луч зигзагом прошелся по поверхности, выжигая знак, которым Гарри был отмечен всю его сознательную жизнь. Руна Зиг. Излом пространства у горизонта событий Черного Солнца. Он видел охваченную горем и ужасом Гермиону, не отрывавшую от него взгляда, но оставался безразличен. Он — структурированная глина. Он не ведает чувств.

— Теперь отойди в сторону, голем, — небрежно бросил Волдеморт, и, когда голем выполнил его распоряжение, повернулся к оставшимся пленникам.
— Давайте сюда этого раввина. Ему не впервой быть послушным глиняным истуканом.

Эрше, безмятежно улыбнувшись, вышел вперед и с готовностью пошел к центру пентакля, чуть ли не потащив за собой охранников. Один из них отошел в сторону, второй, продолжая держать Эрше, дошел с ним до самого центра. Волдеморт поднял палочку и проговорил:

— Петрификус Тоталус!

То, что произошло следом, вряд ли предвидел кто-то из присутствующих. Эрше рванул к себе державшего его охранника, и удар заклинания угодил тому в грудь. Отшвырнув парализованного солдата в сторону, Эрше с невообразимым для его возраста изяществом крутанулся на месте, уйдя от удара заклятия Ступефай, и, перекатившись по земле, молнией рванулся к Волдеморту.

— Голем!.. — успел выкрикнуть тот, но договорить уже не смог: кулак Эрше вонзился ему в солнечное сплетение, и Темный Лорд, задыхаясь, рухнул на землю, выпустив из рук палочку, которую Эрше, не прекращая движения, отшвырнул ногой к Гермионе.

Голем равнодушно взирал на муки своего хозяина: тот не отдавал приказа о защите. Оставшиеся трое охранников проявили более выраженную лояльность. После мгновенного замешательства они вскинули автоматы и открыли огонь, стараясь попасть по ногам: приказ рейхсфюрера сохранить жизнь всем пленникам нарушить никто не осмелился. Первая очередь взметнула комья земли чуть в стороне от Эрше, заставив его отскочить за широкую спину голема, в глиняной поверхности которого тут же увязли несколько пуль.

— Экспульсо! — раздался за спинами охранников охрипший от слез голос Гермионы, которую они безрассудно выпустили из вида.

Раздался грохот, сопровождаемый вспышкой синего света, и все трое сгрудившихся вместе охранников полетели кубарем. Эрше выскользнул из-за голема, по-прежнему стоявшего без движения, и, не теряя ни секунды рванулся к остолбеневшему Генриху Гиммлеру. Оцепенение последнего продолжалось недолго: с неожиданной для его комплекции прытью рейхсфюрер выхватил из кобуры «Вальтер» и выстрелил раввину в лицо — всего лишь мгновением позже того, как Гермиона наложила на Эрше чары кинетического щита.

Выставленный щит оказался совсем слабым и почти рассеялся от попадания первой же пули, но второй выстрел прозвучать уже не успел. Эрше подпрыгнул, выставив вперед колено, и повалил Гиммлера на спину, прижав его к земле. Тот, захрипев, попытался ударить раввина рукоятью пистолета, но безуспешно: Эрше перехватил его запястье обеими руками и с силой вывернул. Рейхсфюрер завизжал от боли и выронил оружие. Бросив безжизненно повисшую ладонь руководителя Аненербе, Эрше деловито перекатил того на живот, взяв его шею в замок.

— Код от портала в Валгаллу, — спокойно сказал он, полностью проигнорировав стоны Гиммлера. — Немедленно.

— Ты… сдохнешь! — в бессильной ярости прохрипел рейхсфюрер.

— Не похоже на код, — ответил Эрше и сжал руки, выворачивая голову поверженного врага под углом, плохо совместимым с жизнью, от чего тот хрипло завопил и забился всем телом.

— А тринус ад Валалла! — простонал Гиммлер. — Но ты не сможешь…

— Я смогу, нацист, — тихо ответил Эрше, усиливая хватку. — Не в моей власти было прекратить твою первую жизнь. К счастью, Всевышний позволил мне лишить тебя второй. Вспомни миллионы убитых тобой евреев — народа, для защиты которого я был создан. И умри.

Резкий хруст позвонков оборвал верещание рейхсфюрера. Эрше взял левую руку покойника и попытался стащить с безымянного пальца серебряное кольцо. Не тут-то было! Кольцо словно вросло в плоть и, несмотря на все усилия раввина, даже не сдвинулось.

— Голем… — послышался сдавленный хрип Волдеморта, который наконец обрел способность говорить, — убей…

Голем обернулся к хозяину, ожидая названия цели.

— Ступефай! — выкрикнула Гермиона, вернув Темного Лорда в прежнее беспомощное состояние.

— Его нельзя оставлять в живых, пани Грейнджер, — нахмурился Эрше.
— Надо…

Дверь с противоположной стороны зала с легким шелестом ушла в стену.

— Стоять! — гаркнул ворвавшийся солдат, наводя на Эрше вороненый ствол «Хеклера».

У него за спиной толпились не менее пятерых человек, и времени на раздумья не было. Порядком обессилевшая Гермиона вскинула руку с палочкой и крикнула:

— Конфринго!

Солдат успел выстрелить, но пули прошли мимо цели, с визгом отскочив от металлического покрытия ближайшей стены. В следующие мгновение мощный взрыв швырнул его окровавленное тело обратно в коридор, разметав остальных, как кегли. Эрше сделал еще одну безуспешную попытку сорвать кольцо с пальца рейхсфюрера, выругался на иврите и с гримасой отвращения вцепился зубами в нижнюю фалангу.

— Эрше, скорей! — крикнула ему Гермиона и, уловив движение за дверным проемом, нанесла туда удар парализующим заклинанием.

— Все, бежим! — отозвался Эрше и показал ей откушенный палец рейхсфюрера: — Мою прелесть я прихватил, так что портал нас должен пропустить. Надеюсь, пробьемся к нему.

Он схватил ее за руку и потащил к выходу, по пути бормоча себе под нос, что всегда мечтал сыграть роль Голлума, если «Властелина Колец» кто-нибудь возьмется экранизировать. У самой двери Гермиона остановилась и, обернувшись к хранившему молчание голему, сказала:

— Я верну тебя, Гарри. Я обещаю.

Она сглотнула слезы и тихо повторила:

— Обещаю.

Они скрылись за дверью, и сквозь ее металлическую поверхность до голема, некогда бывшему вместилищем личности Гарри Поттера, донесся ее тихий голос:

— Коллопортус!

Всего на мгновение ему показалось, что он почувствовал что-то — волну теплого чувства, которая докатилась до него откуда-то из бесконечной дали и вновь схлынула, оставив его одного в пустоте.

Он помнил все, что последовало за этим. Перед его сумрачным взором проносились события, и он игнорировал их, поскольку у него не было иного приказа. Он видел, как вошедшие люди унесли тело Генриха Гиммлера. Он видел, как с трудом поднялся Волдеморт и принялся искать что-то на земле, а не найдя — злобно ощерился и тряхнул головой. Он видел, как солдаты пытались открыть дверь, запечатанную заклинанием Коллопортус и как Волдеморт, успевший где-то раздобыть новую палочку, снес препятствие Бомбардой. Он слышал автоматные очереди, доносившиеся из коридора, куда ворвались боевые маги иллюминатов. Это не имело для него никакого значения. Это попросту не относилось к нему.

— Голем! Иди за мной к резервному порталу, — услышал он голос хозяина. Это имело значение.

Он следовал за Горшечником, повинуясь приказу и механически запоминал происходящее в недрах своей необъятной памяти. Он мог бы запомнить в мельчайших деталях все происходящее в течение многих тысяч лет, но едва ли его заинтересовал бы любой из этих эпизодов. Он — глина, послушная слову Горшечника.

Прежнего Гарри удивило бы, что портал перенес их прямиком на остров Вен, в туннель под Ураниборгом, где Эльза Фриз когда-то оставила первый из якорей. Голема это оставило равнодушным, как и долгие часы спуска вниз, где их ждал Источник. Он ничего не почувствовал, увидев своего глиняного собрата — стража пещеры. Никаких эмоций не возникло в пустоте его темного сознания, когда он скользнул взглядом по нескольким изуродованным телам в черной униформе Аненербе — следам тщетных попыток проникнуть дальше, туда, где не действовали якоря. Его память не всколыхнулась от наплыва воспоминаний, когда Волдеморт, став перед Стражем, выкрикнул ему в лицо:

— Морта!

Они прошли к центру города атлантов, чьи ажурные формы застыли в вечности подобно бабочке в янтаре. Они прошествовали к порталу, ведущему в Храм Творения и перенеслись в древнее строение, в зал, где на рассеченном трещиной алтаре еще можно было разглядеть темные пятна крови. Там Волдеморт остановился и поднял лицо вверх. Послышался далекий раскат грома, и сквозь разрушенную крышу Храма брызнули первые капли дождя.

— Иллюминаты скоро прибегут сюда, не так ли? — тихо пробормотал Темный Лорд. — Они так берегли от меня это место с тех пор, как я вмешался в эксперимент Квиринуса Квиррелла. И вот я снова здесь.

Голем молчал. Ему не было приказано говорить.

— Они вообразили, что армия големов ждет их в Фиглинуме. И за полвека они так и не спросили себя, что на самом деле пыталась найти здесь, в Албании, экспедиция Эдмунда Кисса.

Он глухо рассмеялся и подошел к алтарю, проведя пальцами по выщербленной поверхности, усыпанной прелыми листьями.

— И все же Фиглинум принес мне пользу. Теперь я знаю нужные слова. Иди сюда, голем!

Голем повиновался. Из темного провала в стене, где начиналась лестница, ведущая к выходу, послышались тихие голоса и звук шагов. Волдеморт спокойно ждал, положив ладонь на глиняное плечо голема. Наконец, в проеме показался человеческий силуэт. Еще секунда — и в алтарный зал вошел Квиринус Квиррелл, следом за которым показались лица Зельды Штейн и Генриха Крюгера.

— Иллюминаты… — оскалил зубы Волдеморт. — Наслышан о вашем сражении на этом самом месте.

— Надеешься победить? — иронично спросил Квиррелл, делая осторожный шаг в сторону.

— Думаю, у меня были бы неплохие шансы, — кивнул Темный Лорд, не двигаясь с места, — если бы я собирался сражаться. Твой двойник против меня не выстоял, помнишь? Но у меня есть идея получше.

— Надеюсь, эта идея — сдаться в плен, — проговорила Штейн томным голосом.

Волдеморт улыбнулся еще шире, обнажив кончики клыков, и быстро проговорил:

— Фигулюс интрабит хик!

— Стой! — рявкнул Квиррелл, вскидывая пистолет.

Выстрела они не услышали. Там, где только что стояли просвещенные, сиял безупречной белизной чистый мраморный пол. Абсолютно чистый: ни грязи, ни перегноя, ни пожухших листьев. Преобразился весь храм. Разбросанные куски мрамора от обвалившегося потолка исчезли, да и потолок без единого дефекта теперь мерцал инкрустацией из серебра в лучах магических факелов на стенах.

И каких стенах!

Вся их поверхность была покрыта барельефами, изображавших процесс изготовления големов и наделения их личностью. Вот ангел в своей истинной форме над бесформенной грудой глины. Вот та же груда начинает принимать очертания человеческого тела. Вот полностью сформированный голем, склонивший голову перед человеком, чьей головы касается длинная конечность ангела. А дальше — ряды големов, идущих за этим человеком.

— Сумрак, — проговорил Волдеморт, обведя взглядом помещение.
— Иллюминаты столько лет обитали в Сумраке и не удосужились заглянуть сюда. Иди за мной, голем. Тебе предстоит работа.

Он вышел в дверной проем и поднялся по лестнице. Голем неотступно следовал за ним. Никто не караулил вход в Храм, задавая вопросы на латыни. Никого не было и у совершенно целых ворот, поверхность которых, украшенная литой бронзой, тускло мерцала в свете полной луны. Но за воротами…

Там стояли големы. Тысячи. Десятки тысяч големов, ровными рядами заполняющих пространство. Они ждали здесь долгие сотни лет. Они были готовы ждать вечно. Волдеморт встал перед ними и обвел торжествующим взглядом свое несокрушимое воинство, после чего обернулся к своему спутнику:

— Ты поведешь их на Айзентурм. Сровняйте академию и все окрестные строения с землей. Убейте всех, кого встретите, после чего ждите меня. На этом все. Ступай к остальным.

Когда голем с выжженной на лбу руной безмолвно встал рядом с другими, Темный Лорд, возвысив голос, прогремел:

— Глорификамус фигулюс!

Големы словно пробудились ото сна, хотя за все прошедшие века ни на секунду не теряли острого внимания и осознанности. Подняв головы, они пророкотали в один голос, от которого задрожали стены древнего храма:

— Эго парере!

Волдеморт одарил их кривой ухмылкой и вышел из тени деревьев. Лунный свет упал на его худое лицо с выраженными змеиными чертами. Сделав несколько шагов по мощеной каменными плитами дороге, ведущей к воротам Храма, он хищно оскалился и отдал последний приказ:

— Итэ, эт интерфичерэ!

— Эго парере! — отозвалась глиняная армия.

Отмеченный руной голем развернулся и двинулся с нарастающей скоростью туда, где, незримая для жителей Земли, возвышалась башня академии Айзентурм. Армия големов без колебаний последовала за ним, и земля сотряслась от их тяжелой поступи. Долгий путь протяженностью в тысячу миль начался глубокой ночью.

Он шел к цели, ежесекундно оценивая обстановку. Вспышки света и крики прямо по курсу свидетельствовали о том, что битва началась, и он знал, что у врага нет ни единого шанса. Големы почти неуязвимы и страшны в бою. Големы исполнительны, но отнюдь не тупы, и владеют основами тактики. Големы не ведают страха и сомнений. Они будут сражаться до тех пор, пока враг не окажется повержен — если Горшечник не отменит свой приказ.

В то же время сражение оказалось более ожесточенным, чем он предполагал изначально: продвижение армии замедлилось, а яростные всполохи огня и грохот взрывов впереди не предвещали скорого завершения битвы. Стремительный точечный натиск вопреки ожиданиям не сработал, поэтому он послал две группы по тысяче големов каждая для нападения с противоложной стороны Башни. Требуется рассеять силы обороняющихся: тогда сопротивление неизбежно будет сломлено хотя бы в одной точке. Этого окажется достаточным.

Подойдя ближе, он увидел главное препятствие. Защитники Башни даже не пытались лезть в рукопашную: пользуясь «крыльями», они атаковали с воздуха, используя комбинированное оружие. Шквальный огонь, сочетающий в себе разрушительную мощь магии и технологии, не причинял особого вреда воинам, но отбрасывал их назад и тормозил продвижение войска. Големы, не имея возможности летать, вырывали из земли каменные валуны и метали их во врага. Время от времени камни пробивали кинетические щиты магов и попадали в цель — и тогда очередное изувеченное тело окровавленной тряпичной куклой падало на землю.

«Останови их». Чей голос он только что услышал? Голос казался знакомым, но ему не удавалось вспомнить того, кому он мог принадлежать. Если бы големы могли беспокоиться, он был бы обеспокоен. Но он лишь продолжил неторопливое движение вперед, туда, где, глиняная армия медленно, дюйм за дюймом, теснила защитников Айзентурма. Все большее число последних выходило из строя. Все меньше сил оставалось у них для нанесения ответных ударов, и не было сомнений в том, каким окажется исход.

«Останови это безумие. Ты не марионетка. Ты Горшечник. Ты — имеющий власть». Он остановился всего на секунду и осмотрелся. Не было никого способного сказать ему эти слова. Он двинулся было дальше, но в этот момент от парящих высоко в воздухе магов отделилась крохотная фигурка и понеслась по направлению к нему, ловко уворачиваясь от несущихся навстречу камней. Следовательно, враг оценил динамику движения войск и правильно вычислил, кто из големов является мозговым центром. Надеется вывести его из строя? Даже если это ему удастся, големы продолжат штурм.

Он поднял объемистый камень, спрогнозировал направление полета цели и молниеносно метнул свой снаряд во врага. В последний момент его рука по необъяснимой причине дрогнула, и камень прошел чуть выше нужного, угодив в закрепленные на спине мага «крылья». Во все стороны брызнули обломки, и человек по широкой дуге понесся в изувеченный сражением лес, росший на холмистом берегу Дуная. Отмеченный знаком голем окинул взором передовую и, сменив направление, двинулся к точке падения противника. Другие големы наверняка доберутся до цели раньше его, однако он должен быть уверен, что в тылу не осталось ни одного живого врага.

Основная часть армии уже миновала этот участок, и големы здесь попадались

редко. Время от времени он видел лежащие между стволов истерзанные человеческие тела. Вид их, который некогда мог ужаснуть его, сейчас не вызывал в холодной пустоте его сознания никаких эмоций, однако что-то, казалось, пыталось докричаться до него из неимоверной глубины того, что заменяло ему психику. Иногда ему казалось, что он слышит слова.

— Конфринго! — послышался отчаянный крик впереди, и луч синего света вонзился в идущего рядом голема, подбросив того в воздух.

Он не остановился и даже не проводил взглядом соратника, который сейчас катился вниз по склону, ломая кустарник и мелкие деревца. Цель уже близка. Всего несколько шагов, и можно будет увидеть безумца, который осмелился в одиночку сражаться с целой армией големов. Но почему ему кажется, что он уже видел все это? Когда-то давно, когда он еще был человеком, он переживал все происходящее, и потому знает, что впереди его ждет что-то плохое — непоправимо плохое. В этом не было логики: что плохого, кроме легкой победы, может скрываться за выщербленными стволами деревьев? Он пройдет эти несколько шагов, убьет врага и продолжит штурмовать Айзентурм, повинуясь словам Горшечника. «Горшечник — это ты». Он, неожиданно для самого себя, замер, но тут же преодолел оцепенение и сделал шаг вперед, выйдя на открытое пространство за деревьями.

Там стояла девушка. Ее мантия была изодрана и перепачкана землей. Левая рука безвольно повисла, из-под рукава стекала струйка крови, смешиваясь с грязью. В прошлой жизни он знал ее, и она значила для него все. В этой жизни она была противником, подлежащим устранению. Он, не мешкая, двинулся к ней, занося руку для одного смертельного удара.

— Конфрин… — начала она читать заклинание, но в этот момент ее взгляд остановился на руническом символе, выжженом на его лбу, и она зашлась сиплым кашлем, рухнув на колено.

Он шел к ней, пока его разум механически оценивал состояние противника. Открытый перелом левого локтевого сустава, вероятен перелом нескольких ребер, травматическая перфорация легких и средний апикальный гемопневмоторакс… «Не делай этого!» На сей раз он даже не замедлил движения. С его состоянием, если будет на то необходимость, разберется Горшечник, а сейчас у него есть задача, и она должна быть выполнена. «Нет!» — закричал в его голове голос, и на этот раз он узнал его. Кричал он сам. «Господи, нет!» — голос был настолько громким, что на мгновение дезориентировал его. Но никакие голоса в голове не могут остановить голема. Враг будет уничтожен.

— Глорификамус фигулюс! — торжественно произнес он, словно отрекаясь от всех других составляющих своего «Я», кроме беззаветной верности имеющему власть.

— Это ты, Гарри? — прошептала девушка, чье имя он помнил до сих пор, и слабо улыбнулась. — Я хотела…

Его рука рванулась вперед и нанесла чудовищный по силе удар. Этот удар с легкостью смял бы танковую броню, и ни один кинетический щит не смог бы его удержать. Щита не было. Удар достиг цели.

Глава 10. Имеющий власть

В первое мгновение он не понял, что произошло. Его тяжелый глиняный кулак не встретил сопротивления, пройдя сквозь противника настолько свободно, что на мгновение он потерял равновесие и был вынужден сделать шаг вперед, чтобы выровняться. Утратившая сознательный контроль память подсунула ему картинку: облепленный снегом Каспар, посылающий одну пулю за другой в стоящую в белесом тумане девушку, которая растворяется в воздухе… Иллюзия! Если враг использовал против него иллюзию, значит он намерен либо задержать его, чтобы скрыться, либо атаковать со спины.

Он стремительно развернулся, одновременно отводя руку для нового удара, и почти сразу же ощутил, как полоска стали вонзилась ему в живот с такой легкостью, как будто он состоял из сливочного масла. Структурированная глина Эдема, в которой увязали пули автоматических винтовок и рассеивались сильнейшие разрушительные заклинания, не оказала ни малейшего сопротивления простому, без изысков и украшений, стальному кинжалу, рукоять которого теперь торчала из его тела. Тому самому кинжалу, который был использован во время обряда.

Она стояла перед ним, глядя ему в лицо. Будь он человеком, он мог бы разглядеть в ее взгляде горе, непрекращающуюся боль и сожаление обо всем, что с ними случилось за последний год. Но даже будучи человекообразным куском глины, он увидел в ней то, что таилось в самом центре ее личности, под наслоениями беспечного любопыства, кажущейся наивности и ничем не запятнанной чистоты. Твердость.

Прошедшая через живой кошмар. Видевшая смерть врагов и друзей. Не раз находившаяся на волосок от гибели и без колебаний идущая в пекло просто потому, что обещала. Несломленная.

— Реверто спиритус витэ, — сказала она, и кинжал рассыпался в прах.

— Гермиона… — пророкотал он, и мир подернулся дымкой перед его взором.

Он упал на землю и забился в конвульсиях. Что-то вливалось в его тело огненным потоком, что-то несущее боль, ужас и оглушающее чувство вины. Сумятица чувств и мыслей ворвалась в сознание и сокрушила его. Он почувствовал удушье и сделал глубокий вдох — впервые за двое суток самого странного в истории военного похода. Приподнявшись на слабых человеческих руках над примятой травой, он осознал произошедшее. Его зовут Гарри Поттер. Он только что привел многотысячную армию големов для уничтожения Айзентурма — своего единственного дома, и невесть сколько его защитников уже погибли жуткой смертью по его вине. Он тяжело ранил и чуть не убил Гермиону — ту, которую любил больше жизни.

Рухнув лицом в траву, он издал протяжный вой, в котором смешались ужас и бессмысленное раскаяние. Как он исправит то, что натворил? Что вообще можно сделать в этой ситуации?

— Гарри… — тихо сказала Гермиона, с трудом опустившись рядом с ним на колени и успокаивающе погладила его по спине. — Все хорошо. Нам просто нужно немного продержаться. Вот, я захватила для тебя одежду и палочку. Мы

спрячемся и… Конфринго!

Удар ее заклинания сбил с ног еще одного голема, показавшегося из-за стволов деревьев поблизости. Гермиона вновь закашлялась, прикрыв губы тыльной стороной ладони, которая сразу же окрасилась красным. «Травматическая перфорация легких», вспомнил Гарри и до боли закусил губу. Не время раскисать. Его вина может быть сколь угодно огромной, но его подруга… его любимая истекает кровью. Она совершила невозможное, чтобы спасти его. Его долг сделать хотя бы то, на что хватит его собственных незначительных сил.

Он сдержанно кивнул и накинул на себя принесенную Гермионой мантию. Ощутив в пальцах древко палочки, он немного успокоился и вернул себе способность рассуждать трезво. Если Гермиона говорит о том, что нужно переждать атаку армии големов, значит Айзентурм на что-то надеется. Но на что? Словно услышав его невысказанный вопрос, Гермиона пояснила:

— У Квиррелла все получилось. Нужно лишь выиграть немного времени до завершения процесса.

— Получилось? — непонимающе спросил Гарри, вздрогнув от звука собственного голоса.

— Авторепликация глины Эдема, — пояснила Гермиона. — Когда стало ясно, куда и с какой целью направляется Темный Лорд, пришлось пойти на риск, однако все обошлось. Айзентурм создаст своих големов, гораздо сильнее этих, если сможет продержаться еще немного. Армию Волдеморта они просто в порошок сотрут, — она попыталась улыбнуться, но тут же болезненно поморщилась и схватилась за раненную руку.

Гарри опустился на траву рядом с ней и взглянул ей в глаза.

— И ты полетела в этот ад… чтобы меня не убили во время штурма?

Она кивнула и на этот раз смогла улыбнуться. Гарри придвинулся ближе и осторожно привлек ее к себе. «Вероятен перелом нескольких ребер», вспомнил он, и проглотил набежавшие слезы. Он смотрел ей в глаза и знал, что может поцеловать ее: все его глупые опасения по этому поводу остались в прошлой жизни, по ту сторону кровавого пентакля. Мешало только одно: после всего сделанного им он просто не заслуживает счастья. Гарри вздохнул и попытался встать, но Гермиона удержала его здоровой рукой.

— Скажи, Гарри, — произнесла она, — ты случайно не винишь себя за все это? — она окинула взглядом изломанные стволы деревьев вокруг.

Он кивнул, опустив глаза. Как может он не винить себя, если это его рук дело? Кем бы он ни был, как он мог забыть то, что делало его человеком? Как он мог исполнять приказы Волдеморта, не испытывая при этом ни малейших сомнений? Гермиона погладила его по волосам и тихо произнесла:

— Гарри, иногда ты бываешь до невозможности глупым! Неужели ты думаешь, что хоть кто-то может считать тебя виноватым после того, что с тобой сделали?

От ее улыбки что-то перевернулось у него внутри. Она не успокаивала его. Она верила в то, что говорила, и не винила его ни в чем. У него может быть любое

мнение на этот счет, но если она его прощает, то со временем и он сам сможет простить себя. Поспешно, словно опасаясь, что это волшебное мгновение растворится, он наклонился к ней и поцеловал в губы. Она не отстранилась — только обняла его за шею в ответ.

— Гермиона… — прошептал он, с трудом найдя в себе силы оторваться от нее. — Я люблю тебя. Прости, я должен был давно сказать тебе это. Не дожидаясь, когда…

В ответ она потянулась к нему и, прикрыв глаза, снова коснулась его губ своими. Гарри замер, растворяясь в этом чувстве. Оно исцеляло. Казалось, оно было способно исправить его искалеченную историю жизни, стереть все плохое, что с ним случилось, и придать смысл всем ошибкам, которые он когда-либо совершал. Добрую минуту они сидели, обнявшись, как будто вокруг был цветущий парк, а не истерзанное поле жуткой битвы. Наконец Гермиона открыла глаза, осторожно отстранилась и тихо сказала:

— Гарри, я тебя всегда любила. Наверное, с первого курса Хогвартса. Жаль, что ты не видел этого. Я уж начала думать, что и не увидишь. — Вздохнув, она добавила: — А потом решила, что это и к лучшему.

Он смотрел на нее и не мог поверить в то, что только что услышал. Она его любит. Она любила его все это время, и ничем не выдала своих чувств. Почему? Он чуть было не спросил это вслух, но сразу же прикусил язык: сам-то он вел себя ничем не лучше. Десятки раз мог бы уже сказать — но нет, панически боялся быть отвергнутым, хотя мог бы догадаться. Что Гермиона сказала тогда Хироко в их первый день в Айзентурме? А с какой нежностью она заботилась о нем всякий раз, когда он встревал в очередную историю! А сегодня... Сегодня она была готова отдать за него свою жизнь. Как он мог не разглядеть в ней того самого чувства, которое мечтал увидеть?

Он молчал, будучи неспособен вымолвить ни слова. Возможно, слова придут потом, когда они выберутся из этой передряги, но сейчас Гарри просто не знал, как озвучить то, что он думал и чувствовал. Гермиона, встретив его взгляд, грустно усмехнулась, но тут же посерьезнела и указала рукой куда-то за деревья. Он обернулся в указанном направлении и похолодел. К ним быстрым шагом, ломая на своем пути тонкие деревца, направлялась группа големов.

— Бежим! — сказал он, взяв ее под здоровую руку и потянув к вызвышающемуся за деревьями пригорку. — Там у нас будет тактическое преимущество.

— Гарри, я вряд ли смогу, — простонала она. — У меня перед глазами все плывет. Слишком много крови потеряла.

— Постарайся, любимая, — сказал он, оглядываясь на неуклонно приближавшийся отряд големов. — Ты сможешь. И мы обязательно продержимся.

«Любимая». Он столько раз называл Гермиону этим словом в своих мыслях. Так странно было говорить ей это вслух — странно до неловкости. Как жаль, что их свидание состоялось в настолько страшный момент. Как жаль, что он сам не в силах поверить в то, что эта история может закончиться хорошо.

Сжав зубы и стараясь не слышать треск стволов позади, он карабкался на

крутой склон, поддерживая Гермиону. Она шла из последних сил, едва переставляя ноги. Ее лицо стало смертельно бледным, и лишний раз он боялся взглянуть в ее сторону. Дыхание с хрипом вырывалось из ее полуоткрытого рта. Он с трудом понимал, откуда в хрупкой девушке могло взяться столько воли и силы, столько неиссякаемого желания жить и сражаться за свою жизнь, но становилось все более очевидным, что эти силы уже на исходе. Что они могут сделать?

Он уже знал ответ — весь облик Гермионы воплощал его. Они могут выжить в течение минуты. Потом еще одной. И еще. Что бы на них ни обрушилось — им придется сражаться за жизнь до тех пор, пока хватает сил, потому что альтернатива — гибель или нечто худшее. «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой!» Гёте знал, о чем говорит — в каждой строчке.

На вершине холма они остановились и перевели дух. Гарри бросил взгляд вниз, туда, где их преследователи, увязая в размокшей от недавнего ливня земле, шаг за шагом двигались вверх по склону.

— С другой стороны еще трое, — задыхаясь, произнесла Гермиона. — Нас окружили, Гарри. Есть идеи, что делать дальше?

— Помнишь тренировку у Квиррелла? — спросил Гарри и, осторожно выпустив ее руку, повернулся к ней спиной, зная, что она повторит его движение, сохранив осевую симметрию.

— Конечно, — услышал он слабый, но по-прежнему твердый голос. — Круговая оборона. Думаешь, продержимся?

— Ни малейших сомнений, — кивнул он, поднимая палочку. — Конфринго!

— Конфринго! — эхом отозвался позади него голос Гермионы. Как он мог сомневаться в правильности ее назначения на факультет Гриффиндор?

Их заметили. Следом за скатившимся вниз големами к ним двинулись еще четверо, и дело на этом не закончилось. Вдали, за темными древесными стволами, Гарри разглядел несколько промелькнувших силуэтов. Големы исполнительны, но не тупы. Они осознали, что здесь происходит, и теперь намерены уничтожить врага, который неожиданно оказался у них в тылу.

— Орбис! — выкрикнула Гермиона, сразу же после этого содрогнувшаяся от мучительного кашля.

— Эверте Статум! — не замедлил отозваться Гарри.

Спина к спине, они кружили на вершине холма, используя на големах весь арсенал магии и пытаясь найти наиболее эффективное средство против прибывавших глиняных воинов. Все было тщетно. Отброшенные прочь, упавшие, опаленные огнем големы как ни в чем не бывало поднимались на ноги и продолжали карабкаться на холм.

— Гарри, — задыхаясь, произнесла Гермиона после очередного приступа кашля. — Я больше не могу. Прости. Я сейчас сознание потеряю.

Он развернулся и на мгновение обнял ее, а затем помог сесть, прислонив Гермиону спиной к выступающему из земли округлому камню.

— Отдохни, милая. Я сам. У меня есть одна идея, — сказал Гарри.

Он понимал, почему идея не пришла ему в голову раньше. Сработало стереотипное восприятие: использовать в сражении заклинания атаки и защиты, то есть как раз то, чем профессор Квиррелл категорически не советовал ограничиваться. Ведь боевая магия — не какая-то там особая разновидность, а техника использования самой обыкновенной магии. Бросив быстрый взгляд на карабкавшихся по склону големов, он взмахнул палочкой и проговорил:

— Глиссео!

Склон стал гладким, как лед, снизив коэффициент трения до околонулевых значений. Начисто утратив сцепление с землей, големы кубарем покатились вниз, и на какое-то время он смог перевести дух. Как долго он сможет сдерживать атаку таким способом? Уже задавая себе этот вопрос, Гарри видел, что недолго. Ближайший к нему голем, невозмутимо подошел к покатому склону и нанес мощный удар по поверхности, создав существенных размеров углубление. Поставив в него ногу, он таким же образом создал углубление чуть выше. Он попросту вырубал ступени в холме, и остальные, подойдя к подножию, последовали его примеру.

Гарри взмахнул палочкой, намереваясь восстановить покрытие, но в этот момент уловил движение боковым зрением и отпрянул назад. Массивный булыжник ударил его по пальцам, держащим палочку, и всю его руку пронзила адская боль. Он со стоном повалился на землю и отполз дальше от края, даже не пытаясь отыскать обломки палочки. На руку было страшно смотреть. Огромная гематома во всю кисть и отказывающиеся слушаться пальцы не оставляли сомнений: кости были раздроблены в нескольких местах, и пользоваться рукой в ближайшее время он больше не сможет.

Гарри осторожно встал на колено, но стоило ему шевельнуть покалеченной рукой, как на него обрушилась новая волна мучительной боли, вырвав из его горла хриплый стон. В глазах щипало от некстати навернувшихся слез. Как жизнь может быть настолько несправедливой? Они выбиваются из сил, выкладываются по полной, сражаются на пределе человеческих возможностей — и все лишь для того, чтобы увидеть, как все эти усилия идут прахом, и глиняные воплощения смерти с каждой минутой становятся только ближе. Почему сейчас? Сейчас, когда они были в шаге от победы? Когда он мог бы быть счастлив с Гермионой — по-настоящему счастлив? Его захлестнул гнев.

— Цакебе! — закричал он, задрав голову к небесам и не отдавая себе отчета в том, что делает. — Ангелы, будьте вы прокляты! Помогите нам! Вы это начали! Вы притащили это в наш мир, так сделайте хоть что-нибудь! Спасите… Спасите Гермиону!

— Гарри, — тихо сказала Гермиона, подняв к нему голову. — Не надо. Никто не услышит. Иди сюда. Побудь со мной.

Он прекратил осыпать небеса проклятиями и, всхлипнув, сел рядом с Гермионой, обняв ее за плечи — как тогда, в Храме Творения, где они появились на свет. Она опустила голову ему на грудь. Ее спутанные волосы, испачканные

запекшейся кровью и землей, все равно были самыми прекрасными в мире, и он, закрыв глаза, скользнул в них пальцами, растворившись в исходящей от девушки волне тепла.

— Они убьют нас, Гермиона, — просто сказал он, и сами эти слова породили в его душе такую же холодную пустоту, которую он ощущал, будучи безвольным големом.

— Я знаю, Гарри, — прошептала она, — но мы ведь сделали все, что могли, верно? Просто обстоятельства оказались сильнее. Наверное, так и должно быть. Это ведь не наши жизни. Мы с тобой — просто резервные копии, а я — и вовсе продукт случайности.

— Не надо говорить так, — покачал он головой. — Ты не продукт. Ты лучшее, что было со мной в жизни.

Из-за покатого края холма показался силуэт первого голема, который добрался до вершины раньше всех остальных. Гарри, стараясь не думать о том, что сейчас к ним приближалось, прижал к себе девушку и зажмурился. Сколько секунд им осталось до гибели?

— «Тогда сказал бы я: мгновенье, прекрасно ты, продлись, постой…» — внезапно заговорила Гермиона. — Помнишь «Фауста», Гарри?

Он помнил. И, услышав это, он вспомнил и слова, сказанные Цао Шу перед самой их поездкой в Швейцарию. «Скорей всего, сегодня ни один из вас не сможет повлиять на метрику времени. Но вы запомните, а запомнив, когда-нибудь сможете повторить». Сможет ли он? «Осознайте единство пространства и времени, станьте его частью», — говорила тогда самая загадочная преподавательница Айзентурма. Неожиданно он успокоился. Ему не пришлось совершать никаких упражнений с остановкой внутреннего диалога и расслаблением — он одним усилием воли отправил свое сознание в пустоту, в которой оно пребывало какой-то час назад. И тогда он увидел.

Время — просто направление в четырехмерном пространстве, результат анизотропии в строении материи, которую люди называют причинно-следственной связью. Чтобы управлять временем, нужно перестать думать, как человек, и научиться думать, как ангел. Все, что ему нужно, это изменить направление. Это не так-то просто, но не сложнее телекинеза. Небольшое мысленное усилие — и мир вокруг замедлился, окрасившись в багровые тона. Теперь у него было время подумать. Время? Он сам — воплощение времени в этом состоянии. Есть ли возможность спастись — сейчас, за считанные мгновения до жуткой гибели?

Он лихорадочно перебирал один возможный вариант спасения за другим и не находил решения: эта задача была слишком сложна для него. Гермиона что-нибудь могла бы придумать, но она лежит у него на руках в потоке обычного времени, и вряд ли в силах помочь. «Вы используете пересылку промежуточных результатов в прошлое, чтобы проделать за конечное время бесконечно большой объем вычислений», — вспомнил он ее слова в машинном зале Гипертьюринга. Жаль, что он не Гипертьюринг, и не может подсказать самому себе в прошлом… Но почему нет? Время — направление. Если повлиять на анизотропию пространства таким образом, чтобы породить замкнутую времениподобную кривую, проходящую через точку прошлого… Гарри

сосредоточил усилия на метрике пространства-времени, осознавая, что, когда все это закончится, он так и не сможет описать словами то, что сейчас делает.

Ему показалось, что у него получилось, хотя от напряжения он пару раз чуть не потерял сознание. Собрав весь ужас, всю боль, которые накопились в его памяти за последнее время, он с силой отчаяния швырнул их назад во времени. Если у него получится передать сообщение о будущем самому себе, то, возможно, он сможет подготовиться и не допустить такого исхода. И только в этот момент он понял, что только что сотворил. Да, он передал сообщения самому себе. Те самые, которые разрозненными кусками приходили ему в течение полугода в форме снов и видений. Замкнутая времениподобная кривая не может измениться, ибо она сама — и есть изменение.

Он утратил концентрацию, и мир вокруг снова пришел в движение. Все оказалось тщетным. Все пути идут к одной точке, за которой больше не будет ни его, ни Гермионы, и никак нельзя этого изменить.

— Глорификамус фигулюс! — заревела человекообразная фигура, возвышавшаяся над ними, занося кулак для последнего смертельного удара.

Гарри изо всех сил зажмурился и прижал к себе Гермиону.

Шли секунды, а удара по-прежнему не было. Странное фиолетовое сияние пробивалось сквозь веки, и Гарри осторожно раскрыл их. Угрожавший им голем лежал на земле, разрезанный на части чем-то невероятно острым. Даже не успев додумать эту мысль, Гарри увидел оружие, сокрушившее неуязвимого глиняного воина. Яростно пылающий фиолетовым светом длинный меч в руке женщины, которую Гарри даже не надеялся здесь увидеть. Стройная высокая фигура в кимоно пришла в движение.

— Просвещенная… Цао Шу, — ошеломленно пробормотал Гарри. — Как вы… Что вы здесь делаете? Что это за оружие?

— Топологический клинок. Динамический разрыв в пространственной метрике. Лучше не смотреть на него. Излучение Хокинга такой интенсивности быстро разрушает сетчатку человеческого глаза.

— Но как…

— Ты звал меня, имеющий власть. Я пришла, потому что ты прав. Это наша вина, и я не могу покинуть вас, так ничего не сделав.

Гарри задохнулся и посмотрел на Гермиону, которая ответила ему непонимающим взглядом.

— Цакебе… — прошептал он. — Все это время… Вы были рядом? Но почему?..

Мгновенно телепортировавшись к противоположному склону, Цао Шу рассекла пространство топологическим клинком. Останки двух големов, успевших подняться к вершине, покатились вниз.

— Цакебе, — кивнула она. — Так меня звали когда-то, много тысяч лет назад. У

меня много имен. Великая Мать. Гуаньинь. Кали. Народы Земли некогда почитали меня как богиню. Но я давно прекратила вмешиваться в пути развития человечества, и стала просто Цао Шу, тщетно пытающейся сохранить тайну своего прошлого. Я знаю цену молчанию.

— Урсула, — догадалась Гермиона. — Вы стерли ей память? Значит это ваша фотография была в медальоне? И потому просвещенный Вейсгаупт…

— Он знал меня с тех времен, как я помогла иллюминатам поселиться в Сумраке, и обещал хранить мою тайну. Он хороший человек. Не вините его.

— Почему же вы ничего не делали? Вы же знали местоположение всех Источников, но не сказали нам! Всего этого могло бы не быть!

Она обвела взглядом опустевшие склоны холма, и пылающий клинок в ее пальцах погас, растворившись в воздухе. Покачнувшись, она подошла ближе и неожиданно опустилась напротив Гарри в позу лотоса.

— Всего этого могло бы не быть, если бы Источники не были найдены, — возразила она. — Когда-нибудь, много позже, в более мудрую и мирную эпоху, вы нашли бы их, чтобы использовать во благо. Но до сих пор любой наш дар человечеству превращался в смертоносное оружие — вот почему наши имена проклинают до сих пор. Азазель, Тамиель, Анани, Рамуель… Все мои сестры. Великие Матери, которых давно нет в этом мире. После гибели Атлантиды я сдалась и стала учить немногих избранных крохам моего былого мастерства.

— Былого?

— Мой мир умирает, имеющий власть. Неустойчивая орбита, из-за которой он все дальше от горизонта событий. Моя связь с этим телом слабеет, и скоро полностью прервется.

— Вы… умрете? — спросил Гарри, широко раскрыв глаза.

Не может этого быть. Древнейшее живое существо на Земле, воплощенная богиня — она не может просто так умереть. Особенно сейчас — когда она настолько им нужна! Цао Шу покачала головой.

— Все, кого я знаю, ушли в другую звездную систему. Я осталась одна, но теперь и мне придется покинуть родной мир. После этого я больше не смогу появиться здесь.

— Почему же вы остались? — спросил Гарри. — Почему не ушли вместе со всеми? Вы же сами видите, что мы безнадежны.

— Матери нелегко бросить своих детей, — прошептала Цао Шу и пошатнулась. Ее пальцы задрожали, и она судорожно вдохнула воздух.

— Что же нам теперь делать? — тихо спросил Гарри, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Жить самим и распорядиться мудро нашими дарами. Ты Горшечник, отмеченный нашей печатью. Ты имеешь власть над глиной. Используй ее. Будь сильнее того, кто развязал эту войну. И прощай, — закончила она едва слышно,

прикрыв глаза.

— Цао Шу!

— Я люблю вас всех, — сказала Цао Шу и открыла глаза, вспыхнувшие жгучим белым светом.

Они замерли, не в силах издать ни звука. Всего за секунду до того, как она исчезла, пространство вокруг просвещенной свернулось гигантским коконом, и там, по ту сторону бесконечности, они увидели это. Клубящееся багровое марево, сквозь которое зияющим провалом виднелся окаймленный огненным кольцом прекрасный и ужасающий диск Черного Солнца.

Прошло не менее пяти минут, в течение которых они оставались на месте, держа друг друга в объятиях и ничего не говоря. По щекам Гермионы катились слезы. Наконец Гарри отстранился, стараясь лишний раз не двигать раненной рукой, и сказал:

— Я сделаю так, как она сказала. Я попытаюсь. Мы спасем тебя.

Гермиона ничего не ответила — она уже лежала без сознания, и жизнь продолжала покидать ее. Со стороны склона показался силуэт еще одного голема, и Гарри вышел ему навстречу.

— Я Горшечник, — сказал он. — Повинуйся мне.

Голем вздрогнул, но продолжил движение. За его спиной показались еще несколько глиняных воинов, и Гарри, не сходя с места, в ярости прокричал им:

— Я Горшечник. Я имею власть над глиной. Я приказываю вам остановиться!

В движениях големов появился оттенок неуверенности, но они по-прежнему сокращали дистанцию и выполнять приказ явно не собирались.

— Стоять! — послышался голос слева, заставив Гарри вздрогнуть и обернуться.

Там, в окружении застывших глинянных изваяний, надменно ухмылялся Волдеморт.

— Они повинуются мне, — сказал он с откровенно издевательскими интонациями. — Они чувствуют, у кого из нас сильнее воля. И теперь, раз уж тебя угораздило вернуть себе человеческий облик, ты умрешь от их рук. Големы!

Время — странная штука. Совсем недавно Гарри понадобилось опустошать разум, чтобы осознать природу времени и обрести способность манипулировать его потоком. У большинства такой фокус вообще никогда не получится, сколько бы усилий они ни затратили. Но порой восприятие времени безо всяких сознательных усилий искажается настолько, что события, занимающие считанные мгновения, растягиваются в минуты.

Гарри понимал, что жить ему остается всего ничего, но им овладело странное спокойствие, и он не спешил. Невозможно по-настоящему долго испытывать испепеляющие эмоции — они попросту выгорают, сменяясь опустошенностью. Волдеморт кичится силой своей воли, но правда в том, что Гарри просто не

пользуется тем, что имеет. Все это время он полагался на кого-то со стороны. В какой бы ситуации он ни оказывался, где-то глубоко внутри теплилась мысль, что от любого страшного врага его спасет профессор Квиррелл, любую самую сложную загадку решит Гермиона, а если и придется кому-то умирать, то эту роль с удовольствием возьмут на себя враги.

Наверное, требовалось последнему ангелу покинуть Землю навсегда, чтобы он осознал: на этот раз все по-другому. Уже никто не придет на помощь в последний момент и никто не подскажет рецепт чудесного избавления. Если он сейчас погибнет, то умрет и Гермиона, истекающая кровью у него за спиной. Возможно, погибнут и многие другие, а значит все сделанное ими было бесполезным. И если для предотвращения такого исхода требуется напрячь свою волю сильней обычного, он это сделает.

— Стоять, големы, — произнес он, глядя в глаза Волдеморту, и удовлетворенно наблюдая, как удивление в глазах врага сменяется тревогой, а затем и паникой. — Защищайте нас.

— Не слушать его! — рявкнул Темный Лорд в ярости. — В атаку!

Големы даже не шевельнулись. Волдеморт выхватил палочку и направил ее в грудь Гарри.

— Авада Кедавра! — выкрикнул он, но луч зеленого света ударил в широкую грудь молниеносно ставшего на его пути голема, не причинив тому ни малейшего вреда.

— Схватить его, — сказал Гарри.

Големы беспрекословно развернулись и двинулись к Темному Лорду, но на этот раз тот не стал искушать судьбу. В момент, когда ближайший голем протянул к нему глиняную длань, Волдеморт трансгрессировал, оставив после себя лишь завихрение воздуха.

— Ты, — сказал Гарри, обращаясь к одному из големов и указывая на все еще лежащую без сознания Гермиону, — возьми ее на руки. Как можно осторожней, не причини ей вреда. Вы все, передайте остальным: немедленно остановить бой и прекратить любое движение. Вы, сопровождайте меня. Мы идем в Айзентурм.

Крохотный красный замочек щелкнул, когда Гарри повернул ключ, и повис на сетчатой ограде моста Донауштег. Помедлив, он кинул ключ в воду и несколько секунд наблюдал за расходящимися по воде кругами. Затем обернулся к Гермионе и обнял ее за талию.

— Ну вот, теперь и в Сумраке тоже, — с задумчивой улыбкой сказал он.

— Фрау Вундерлих наконец-то может быть довольна, — кивнула Гермиона. — Да, я помню тот вечер в Эрлёйхтетенгартене. Один из самых лучших вечеров. Мне казалось даже, что ты собираешься…

— Я собирался, — грустно вздохнул Гарри.

Железный настил моста со стороны башни загремел под чьими-то медленными шагами. Обернувшись, они увидели приближающегося профессора Квиррелла, который поддерживал под руку юную девушку. Ее лицо было бледным и осунувшимся, а шаги — неуверенными и осторожными, словно она совсем недавно научилась ходить.

Гарри успел повидать Квиринуса Квиррелла во многих ипостасях. Он был безумной марионеткой Темного Лорда четыре года назад. Он был язвительным и циничным вестником перемен, явившись за ними в Храм Творения после ритуала. Он был суровым преподавателем боевой магии и опаснейшим воином на поле боя, способным в одиночку разделаться с десятком врагов, не сбив дыхания. Он, наконец, был фанатичным исследователем, постигавшим тайну глины Эдема, невзирая на страшные риски, с этим связанные.

Однако только сейчас Гарри видел настоящего Квиррелла: не роль, которую тот исполнял, а человека, которым он был. Если бы всего час назад кто-нибудь спросил, способен ли самый опасный маг Айзентурма на заботу и нежность, Гарри бы только недоверчиво хмыкнул. Но сейчас…

— Знакомьтесь, — проговорил профессор, — Марселин Квиррелл, моя младшая сестра. Марси, это Гарри Поттер и Гермиона Грейнджер. Те самые.

Марселин улыбнулась и протянула им хрупкую руку, покрытую бледной, почти прозрачной кожей.

— Я пришла поблагодарить вас обоих, — запинаясь, сказала она. Было заметно, что речь дается ей с не меньшим трудом, чем ходьба. — Последние несколько лет я провела в больнице Святого Мунго... С очень плохим диагнозом. Если бы не вы, я бы умерла этим летом.

— Замечательно, что вам лучше, — сказал Гарри, порядком удивившись. — Но при чем тут мы?

— У нее было тяжелое нейродегенеративное заболевание спинного мозга, — ответил за нее профессор. — Целители приложили массу сил, чтобы замедлить процесс, но спасти Марси могло только одно. Аугментация нервной системы программируемой материей.

— Так значит ваши эксперименты…

— Я не пытался создать оружие или армию, — кивнул Квиррелл и с улыбкой посмотрел на сестру. — Я начал мои исследования еще в Хогвартсе совсем с другой целью. И должен признать, что не успел бы достичь цели, если бы не вы, ребята. Поэтому от меня вам тоже спасибо. Я навсегда у вас в долгу.

Когда профессор и Марселин, распрощавшись, сошли с моста, Гарри удивленно спросил:

— Ты когда-нибудь видела раньше, чтобы он улыбался по-настоящему?

Гермиона, покачав головой, только рассмеялась и прислонилась к ограждению, глядя на темные воды Дуная внизу. Помолчав немного, она развернулась и взяла его за руки.

— До начала учебного года еще месяц, — сказала она. — Где мы проведем август?

Гарри задумался только на мгновение. Он уже знал ответ.

— Я думаю, Эрше будет рад нам, — сказал он.

Примечание к части

Иллюстрация к части: http://www.sarin.website/static/figures/arc/TsaoShu.jpg

Эпилог. 2 мая 1998 года

— Все погибли, лорд Волдеморт! — выпалил стоящий на коленях человек в изодранной черной униформе, с ног до головы измазанный землей и запекшейся кровью.

Пожиратели Смерти не церемонились даже с так называемыми союзниками, безошибочно уловив настроение своего повелителя, как и его отношение к жалким остаткам некогда могущественной организации. Когда у дверей появился тот, кто назвался гонцом от Аненербе, его просто взяли за шиворот и, не говоря ни слова, привели к Темному Лорду, бросив бедолагу на пол.

— Кажется, сегодня у меня что-то со слухом, — с устрашающим спокойствием произнес Волдеморт, поднимаясь из кресла и доставая бузинную палочку. — Не мог бы ты повторить? Желательно с подробностями.

Губы гонца задрожали, и он опустил голову. Судорожно сглотнув, он вновь заговорил:

— Мы отправили вам на подмогу все, чем располагали. Восемь тысяч пехотинцев с современным аугментированным вооружением. Шесть боевых вертолетов, включая две «Кобры». Как вы и приказывали, мы объединились с вашими войсками в точке сбора. Я насчитал десять великанов… Я клянусь вам, лорд Волдеморт, мы сделали все, что могли!

Он всхлипнул и умоляюще посмотрел в глаза Волдеморту. Тот ласково улыбнулся в ответ и успокаивающе коснулся пальцами головы агента Аненербе.

— Я верю тебе, — проговорил он. — Продолжай. Что случилось дальше?

— Они появились из ниоткуда. Словно выросли из-под земли и сразу же кинулись на нас. Повелитель, я никогда в жизни не видел такой бойни! Наши люди умирали десятками в секунду и ничего не могли сделать! Понимаете? Вообще ничего!

— Что-то я теряю нить повествования, — проговорил Волдеморт, в голосе которого прорезались стальные нотки. — Кто, ты говоришь, атаковал вас?

— Я думаю… Это были големы, лорд Волдеморт.

— Думаешь? Ты забыл, как они выглядят?

— Эти выглядели иначе. Они вообще не были похожи ни на что виденное мною раньше. Они меняли форму и владели магией — страшной магией! Некоторые из них летали! — голос гонца сорвался на рыдания, в глазах отразился ужас от пережитого. — Меня с головой завалило трупами, и я…

Волдеморт резко сжал пальцы и рванул гонца за волосы, заставив того заверещать.

— Насколько я помню последние донесения ваших шпионов, Айзентурм больше не использует големов, — проговорил он с плохо сдерживаемой яростью и нацелил палочку на коленопреклоненного агента. — Так мне доложили ваши

люди, не правда ли?

— Да, повелитель, — простонал тот. — Я не знаю, как они могли так недоглядеть. Простите нас!

— Конечно, я прощаю тебя, агент, — с холодной улыбкой ответил Волдеморт. — Круцио!

Бросив короткий взгляд на изогнувшееся в агонии тело, он вышел из комнаты, сказав напоследок застывшим у входа Пожирателям:

— Когда он заткнется — убейте.

Казавшийся легко осуществимым план обратился катастрофой. Как быть дальше? Он может вновь уйти в подполье, отступить, сдав с таким трудом завоеванные позиции и готовить новое триумфальное возвращение, но состоится ли оно когда-нибудь? После всего, что случилось, привлечь новых сторонников ему будет очень непросто: уже сейчас в среде Пожирателей ходят не самые лестные для него слухи. Он должен ударить сегодня, если хочет в дальнейшем что-нибудь противопоставить Айзентурму. Но с почти уничтоженной армией это безумие, даже если им удастся скрыть факт выступления от иллюминатов.

— Хозяин, — почтительно понизив голос, обратился к нему подошедший Люциус Малфой. — Что прикажете делать? Атака на Хогвартс состоится?

— Сколько еще войск в нашем распоряжении? — сухо спросил Волдеморт.

— Пятеро великанов, акромантулы Запретного леса, оборотни Фенрира Сивого, большинство Пожирателей Смерти, ну и по мелочам. Егеря, немного наемников…

Волдеморт обернулся и смерил его долгим взглядом.

— Выступаем сегодня, — сказал он.

Послесловие

История о таинственной магической материи, о големах, ангелах, о дружбе и любви благополучно завершилась. Благополучно, даже несмотря на то, что не всем удалось успешно добраться до финиша. Что побудило меня построить именно такой сюжет — достаточно нетипичный для поттерианских фанфиков? В первую очередь — острое нежелание противоречить канону. Мне хотелось не столько переписать какую-то часть Поттерианы на собственный лад, сколько дополнить ее, не создав конфликтов с основной сюжетной линией. Однако практически невозможно втиснуть сколько-нибудь значимые события в годы обучения Золотого Трио в Хогвартсе. Не могут же мои герои раздвоиться, в самом деле? А что, если смогут? Раскинув мозгами, я решил сделать эту идею основополагающей для всего последующего сюжета.

Дальше было легче. Мне всегда нравилась атмосфера учебного заведения на протяжении всех книг Поттерианы, и я предпочел бы сохранить ее хотя бы отчасти. А это значит, что мне требовалось новая школа магии: не одна из тех, которые на слуху (будь это Дурмстранг, Шармбатон или даже Колдовсторец), а что-нибудь сравнительно изолированное от всего остального мира и при этом не дублирующая одну из канонных.

Германия — крупная европейская страна, однако ее отчего-то обошли вниманием, несмотря на мощные оккультные традиции и развитую мифологию. Так возникло решение расположить место будущего обучения Гарри именно в Германии. Выбор города тоже не был сложным: Ингольштадт — один из самых загадочных, богатых на легенды, немецких городов, где обучался знаменитый Виктор Франкенштейн, чья история подозрительно напоминает мифы о големах. И, конечно, Ингольштадтский университет — место, где было основано то самое братство Иллюминатов.

В свою очередь иллюминаты заставили меня вспомнить прекрасный роман Дэна Брауна «Ангелы и демоны» и обратиться к жанру криптоистории. Многое в «Глине» является аллюзией на это произведение, включая образ аугментированного Адама Вейсгаупта. Хватает и любимых мною библейских аллюзий. Сцена, где Гарри и Гермиона пробуждаются после копирования — практически вторая глава Бытия, в которой описывается сотворение человека. Появление Квиррелла, предлагающего плод с Древа Познания — поступление в Айзентурм, лишь дополняет эту сцену.

Как и во многих ранних моих работах, здесь я не отступал от реальной истории, если сюжет этого настоятельно не требовал, поэтому большинство упоминавшихся людей и организаций прошлого существовали в реальности. Как правило, соответствуют действительности (или как минимум известным мифам) и факты их биографии. Рассказанное о жизни Иоганна Кеплера и Тихо Браге — правда. Бен Бецалель, он же Махараль из Праги — не менее исторический персонаж, которому действительно приписывается создание голема — персонажа главного пражского мифа. Среди ортодоксальных иудеев немало тех, кто верит, что эта история — чистая правда.

Иллюминаты, общество Туле, Аненербе, — реально существовавшие организации, которые, впрочем, и так на слуху. Символика Черного Солнца действительно распространена в германском оккультизме и действительно использовалась нацистами. Мозаика в зале обергруппенфюреров в Вевельсбурге

действительно изображает этот символ, и помещение под ним действительно носит название Валгаллы, а планы расширения замка в самом деле содержат топографическое изображение копья. Чистой правдой является также история о кольцах «Мертвая голова», сыгравших роль в сюжете. Сцена допроса и самоубийства рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера — практически полностью исторична. За исключением всего, что относится к визиту министра магии, конечно.

Красной нитью через все произведение проходит «Фауст» Иоганна фон Гёте, и тому есть веские причины. Во-первых, сама эта поэма несет в себе мощный гностический символизм, во многом перекликающийся с сюжетной линией «Глины». Во-вторых, Гёте, как полагают многие историки, действительно входил в братство Баварских иллюминатов. В-третьих, он действительно оказал влияние на ряд оккультных и философских традиций, включая и возникновение антропософского движения. Гётеанум в Дорнахе — именно такой, как здесь описан.

Несколько слов об именах. В большинстве случаев выбранные мной имена для оригинальных персонажей не несут на себе никакой выраженной смысловой нагрузки, отражая разве что национальность своего носителя. Однако есть и несколько исключений. Марселин, сестра профессора Квиррелла, имеет имя, которое переводится как «посвященная Марсу» — древнеримскому богу войны. Тем самым оно перекликается с именем Квиринус, которое относится к другому воинственному богу того же пантеона. В каноне значение этого имени явным образом не раскрыто, но должность профессора боевой магии мне показалась наиболее для него подходящей, не говоря уже о явной параллели со знаменитым фанфиком Элиезера Юдковски «Гарри Поттер и методы рационального мышления».

Эльза Фриз — прозрачный намек на персонажа известного диснеевского мультфильма, королеву, которая также была вынуждена скрывать от всех свои магические способности. Эрше Ширман — имя вполне реального человека, если конкретно — пра-прадеда моей жены, от которой я и узнал о нем, и даже видел оставленный им в наследство серебряный предмет с загадочными символами на поверхности. Есть и парочка других пасхалок, но о них я предпочту умолчать.

Буду ли я писать продолжение этой истории? В ближайшее время — определенно нет: я не ценитель сериалов. Новая идея должна быть не менее сильной и глубокой, нежели послужившая основой цикла. В то же время не исключено, что какие-то из моих последующих работ могут иметь точки пересечения с миром Айзентурма. И, конечно, я не имею ничего против, если кто-то из моих читателей напишет продолжение или приквел самостоятельно.

Благодарю всех, кто ждал завершения «Глины», кто поддерживал меня ободряющими комментариями и способствовал улучшению качества конструктивной критикой.

Навечно ваш,
просвещенный BrightOne,

23.12.2018,
за сутки до экспедиции в Прагу